

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

*Средневековый Новгород
в новейшей французской историографии*

Древняя Русь и Англия

*Русско-британская торговля
в XVIII – первой трети XIX в.*

Уральские горнозаводчики

*Революция 1905–1907 гг.:
взгляд современных российских историков*

*Начальный этап
создания реактивной авиации в СССР*

Н.С. Хрущёв в Ярославле

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МОСКВА
НАУКА

4
июль
август
2016

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И.А. Христофоров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**В.В. Алексеев, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
А.П. Корелин, Г.А. Куманев, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
Ю.С. Пивоваров, Р.Г. Пихоя, В.Н. Плешков, Г.А. Санин,
Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, С.В. Тютюкин**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандакловская, П.Г. Гайдуков,
А.В. Голубев, В. Дённингхаус, Е.В. Добычина, С.В. Журавлев, В.Н. Захаров,
В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев, Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев, П.Ю. Уваров,
О.В. Хлевнюк, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции:

117036 Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

Англия и Русь: у истоков контактов

Елена Мельникова

England and Russia: the beginning of contacts

Elena Melnikova (Institute of World History, Russian Academy of Sciences)

Ранние контакты Англии и Древней Руси – государств, располагавшихся в разных концах Европы, – немногочисленны, слабо отражены в английских письменных источниках и совсем не упоминаются в древнерусских. Исключение составляют два эпизода – бегство на Русь сыновей Эдмунда Железнобокого и женитьба Владимира Всеволодовича Мономаха на английской принцессе Гиде. Обзор связей двух государств был сделан в фундаментальной монографии В.Т. Пашуто¹, а комментированный свод древнеанглийских текстов, упоминающих эти контакты, издан В.И. Матузовой². Со времени публикации этих трудов прошло много лет. Число письменных источников с тех пор не возросло, однако новые археологические и нумизматические находки и изменившиеся представления об общеевропейских политических и экономических процессах в VIII–XIII вв. заставляют вновь обратиться к имеющемуся материалу и попытаться проследить историю возникновения контактов Англии и Руси от первых смутных сведений о землях Восточной Европы, проникавших на Британские острова, до установления прямых сношений между двумя странами.

Первые сведения о Восточной Европе начали поступать в англо-саксонские земли задолго до образования Древнерусского государства и установления прямых отношений между двумя странами. Уже в самом раннем дошедшем до нас эпическом памятнике – поэме «Видсид» (*Widsið* – «Многостранствующий»), датируемой обычно VIII или IX в.³, трижды упоминаются финны. Поэма представляет собой три перечня (тулы), в первом из которых называются имена правителей разных народов (ll. 18–49), во втором – народы, у которых побывал придворный поэт Видсид (ll. 57–88), в третьем – эпические герои, «найденные» Видсидом во время его скитаний (ll. 110–130). Здесь представлены герои многих известных нам германских эпических песней: Германарих, Гибика, Хродгар и ещё большее количество персонажей сказаний, которые до нас не дошли; названы десятки народов, обитавших на огромной территории от Скандинавского полуострова до Египта, Месопотамии и Индии в

© Е.А. Мельникова

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 15-01-00311а.

¹ Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 134–135.

² Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. (Древнейшие источники по истории народов СССР). М., 1979.

³ Поэма сохранилась в единственной рукописи – «Экстерском кодексе» конца X в. (Exeter Cathedral library, MS 3501). Невзирая на высказывавшиеся в последние два десятилетия сомнения в раннем происхождении поэмы, её датировка VIII в. разделяется большинством исследователей: Neidorf L. The Dating of *Widsið* and the Study of Germanic Antiquity // *Neophilologus*. Vol. 97/1. 2013. P. 165–183.

Раннее Средневековье, а также в древности (например, ассирияне) (II. 82–83). В поэме, таким образом, объединена разнохарактерная информация, почерпнутая из устной эпической традиции и из учёной литературы.

Упоминания финнов, содержащиеся в первой и второй тулах, неоднородны и почерпнуты из разных источников:

1. ...Casere weold Creacum ond Celic *Finnum*...
...Кесарь правил греками, и Келик финнами...
(I. 20)
2. ... mid Creacum ic wæs ond mid *Finnum* ond mid Casere,
se þe winburga geweald ahte,
wiolena ond wilna, ond Wala rices
...у греков я был и у финнов, и у кесаря,
Который имел власть над градами винными,
Казною, золотом и землями вальскими (римскими. – *Е.М.*)
(II. 76–78)
3. Mid Scottum ic wæs ond mid Peohtum ond mid *Scridefinnum*
У скотов я был и у пиктов, и у скридефиннов
(I. 79)⁴

В первых двух случаях финны в сознании автора поэмы сопряжены с греками и византийским императором, часть римского титула которого (*Imperator Caesar Augustus*) был воспринят им как личное имя по аналогии с именами правителей в предшествующих и последующих строках («Аттила правил гуннами, Эрманрик – готами... Теодрик правил франками, Тиле – родингами» и т.д.). Финнов и греков объединяет отнесение мест их обитания далеко на восток. Именно так в древнескандинавской картине мира они помещаются в «Восточной четверти» земли и занимают дальние пределы северо-восточной и восточной частей ойкумены⁵. В третьем случае приведено «учёное» (встречается впервые в «Гетике» Иордана и у Прокопия Кесарийского, VI в.) наименование финнов (саамов?) – *скридефинноу* «скользящие [на лыжах] финны»⁶. Этноним, вероятно, заимствован в учёной литературе (источник не установлен), но местоположение народа переосмыслено автором поэмы (или обществом в целом): если Иордан и Прокопий помещают скридефиннов на северо-востоке Европы, но остается неясным, понимают ли они под этим этнонимом финнов или саамов, то в «Видсиде» они причислены к народам, обитавшим непосредственно к северу от Англо-Саксонской Англии – пиктам и скоттам, что делает вероятным их отождествление с саамами севера Фенноскандии, а не с финнами.

Особый интерес представляет имя правителя финнов в I.20 – *Celic*, которое К. Мэлоун сопоставил с именем героя финского эпоса Калева, великана-родоначальника богатырей⁷. Если это сопоставление справедливо, то оно обнаруживает значительно более глубокое знакомство автора «Видсида» или его ин-

---

⁴ Цит. по изданию: Widsith / Ed. K. Malone. Copenhagen, 1962. Русский перевод: Древнеанглийская поэзия / Изд. подг. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М., 1982. С. 15, 19 (с моими уточнениями). Здесь и далее я привожу только те тексты, которые не были включены в издание древнеанглийских источников В.И. Матузовой.

⁵ Об ориентации и членении пространства в древнескандинавской культуре см.: Джаксон Т.Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей: Человек в истории. М., 1994. С. 54–64.

⁶ Whitaker I. Scridefinnas in *Widsið* // *Neophilologus*. Vol. 66. 1982. P. 602–608.

⁷ Malone K. Glossary of proper names // Widsith. *Celic*.

форманта с финским миром: он знает не только о самом факте существования финнов, но и об их культуре – верованиях и эпическом фонде.

Крайним пределом ойкумены воспринимал землю финнов создатель героической эпопеи «Беовульф» (VIII в.)⁸. Она упомянута в рассказе Беовульфа о его юношеском подвиге в ходе «героической перебранки»⁹ на пиру у короля данов Хротгара:

No ic on niht gefrægn under heofones hwealf heardran feohthan, ne on egstreamum earmran mannon; hwæþere ic fara feng feore gedigde siþes werig. Ða mec sæ oþbær, flod æfter faroðe on Finna land, wadu weallendu.	Право, не знаю, под небом ночным случались ли встречи опасней этой, был ли кто в море ближе к смерти, а всё же я выжил в неравной схватке – меня, усталого, но невредимого, приливом вынесло, морским течением к финнов земле¹⁰.

В контексте перебранки, когда описание сражения Беовульфа с морскими чудовищами должно послужить доказательством его безусловного превосходства над его соперником Унфертом, земля финнов оказывается тем «концом мира», которого может достичь лишь истинный герой. Поскольку действие поэмы происходит в южной Скандинавии (геаты отождествляются с ётами, обитавшими южнее озер Веттерн и Венерн, а знаменитые палаты Хротгара – с недавно исследованным археологами комплексом вождя в Лайре VI/VII–X вв. на о. Зеландия), считается, что сюжетика поэмы имеет скандинавское происхождение. К «скандинавскому» пласту, вероятно, следует отнести и упоминание в поэме «земли финнов», с которыми жители восточной Скандинавии (в первую очередь, Свеаланда) познакомились не позднее V–VI вв., когда на юге современной Финляндии появляются первые скандинавские древности¹¹.

К концу IX в. сведения о северо-западе Восточной Европы в Англии существенно пополнялись, в первую очередь благодаря скандинавам, имевшим уже богатый опыт поездок на северо-восток. Эти сведения находят отражение в географическом разделе перевода «Истории против язычников» Павла Орозия (начало V в.), выполненного в конце IX в. при дворе уэссекского короля Альфреда Великого. Краткое описание ойкумены в книге I сочинения Орозия, основанное на позднеримской географической традиции¹², было существенно расширено и актуализировано Альфредом. Во-первых, он привёл совершенно новые сведения о народах Центральной Европы и Балтики, во-вторых, включил в свою хорографию рассказы двух очевидцев – норвежца Оттара (др.-англ.

⁸ Beowulf and the Fight at Finnsburg / Ed. Fr. Klaeber. 3rd ed. Boston, 1950. Датировка поэмы, сохранившейся в единственной рукописи, Cotton Vitellius A. XV начала XI в., является предметом споров, однако большинство исследователей склоняется к её раннему происхождению. См.: Orchard A. A Critical Companion to Beowulf. Cambridge, 2003. P. 6–7; The Dating of Beowulf / Ed. C. Chase. Toronto, 1981 (repr. 1997); The Dating of Beowulf: A Reassessment / Ed. L. Neidorf. Cambridge, 2014.

⁹ Матюшина И.Г. Перебранка в древнегерманской словесности. М., 2011.

¹⁰ Beowulf and the Fight at Finnsburg, II. 574–581. Русский перевод: Беовульф / Пер. В. Тихомирова // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 56 (с уточнениями).

¹¹ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973; När kom svenskarna till Finland? / Red. A.-M. Ivars, L. Huldén. Helsingfors, 2002.

¹² Мельникова Е.А. Образ мира: Эволюция географических представлений в Западной и Северной Европе V–XV вв. М., 1998. С. 63–65.

Ohthere) о плавании в Белое море и общении с саамами и финнами, а также некоего Вульфстана о поездке вдоль южного побережья Балтийского моря на восток до Трусо (в Восточной Пруссии).

В хорографии Европы Альфред перечислил народы «Германии», к которой отнёс Центральную и Северную Европу: от Средиземного моря (Wendelsæ) «и на север до того океана, который называют Морем квенов (Cwensæ), между ними обитает много народов, но они называют это всё Германией»¹³. Описание «Германии» не имеет аналогий в раннесредневековой литературе ни по принципам перечисления народов (по сторонам света от народа, помещённого им в центре, например: «Свеоны имеют к югу от них рукав Моря остров; и на восток от них – серменды¹⁴; к северу, за пустынными землями находится Квенланд, а на северо-запад – скридефинны, а на запад – нордманны»¹⁵), ни по составу народов, подавляющее большинство которых было неизвестно ни Оросию, ни современникам Альфреда на континенте¹⁶. Источники этих сведений неизвестны, и они очевидным образом отличаются от приводимых Альфредом далее рассказов Охтхере и Вульфстана (см. ниже).

Важнейшим ориентиром, организующим пространство севера Европы, Альфред считал рукав (earm) мирового океана (garsecg), названный им «Морем остров» (Ostsæ) и соответствующий Балтийскому морю¹⁷, с ним и соотносится место обитания перечисленных народов. Альфред упомянул следующие народы южного побережья Балтики: ободритов (Afdrede, Afrede) и вильцев (Wilte), «которых называют Хэфелдан (Hæfeldan = велеты)¹⁸», землю вендов (Wineda lond), «которых называют Sysyle»¹⁹. В восточной Балтике, по берегам «рукава Моря Остров» («þone sæs earm Osti»), видимо, включающего Ботнический залив, Альфред размещает три народа – квенов, остров и скридефиннов. Два последних этнонима хорошо известны позднеантичной и раннесредневековой литературе, первое – впервые появляется в европейской географии.

Осты (Osti) Альфреда были правомерно отождествлены с эстиями (Aestii) предшествующей географической литературы²⁰: впервые они упомянуты Тацитом в I в. как народ, проживающий на берегу Балтийского моря, земледельческий, собирающий и продающий янтарь²¹. Так же – в общих чертах – локализо-

¹³ «norþ of þone garsecg þe mon Cwensæ hætt: binnan þæm sindon monega þeoda, ac hit mon hætt eall Germania»: King Alfred's Orosius / Ed. H. Sweet. L., 1883. P. 14.

¹⁴ Сарматы, которые в соответствии со средневековыми географическими представлениями обитали к северу от Скифии.

¹⁵ «Sweon habbað be suþan him þone sæs earm Osti; 7 be eastan him Sermende; 7 be norþan him ofer þa westenne is Cwenland; 7 be westannorþan him sindon Scridefinnas; 7 be westan Norþmenn»: King Alfred's Orosius. P. 16.

¹⁶ См. подробно: Malone K. King Alfred's North: a Study of Medieval Geography // Speculum. 1930. Vol. 5. P. 139–167.

¹⁷ Labuda G. Zrodla, sagi i legendy do najdawniejszych dziejów Polski. Warszawa, 1960. S. 63–71.

¹⁸ В другой рукописи – Æfeldan. См.: Bosworth J. [Commentary] // A literal English translation of King Alfred's Anglo-Saxon version of the compendious history of the world by Orosius. L., 1855. P. 36, note 12.

¹⁹ King Alfred's Orosius. P. 14. Этноним не получил объяснения (Bosworth J. [Commentary]. P. 37, note 23). Названием Sysyle Альфред несколько позже (King Alfred's Orosius. P. 14) обозначает некий славянский народ, обитающий, по его мнению, к западу от Эльбы и также не идентифицированный.

²⁰ Bosworth J. [Commentary]. P. 38, note 33. См.: Saks E.V. Aestii: An Analysis of an Ancient European Civilization. Studies in the Ur-European History. Montreal; Heidelberg, 1960. Part 1.

²¹ Тацит Корнелий. Германия. 45 // Тацит Корнелий. Сочинения / Изд. подг. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеев. Т. 1. Л., 1969. С. 372.

вали эстиев и последующие авторы. Лишь Альфред более конкретно описал их местоположение: «Северные дены имеют на север от них тот самый морской рукав, который называется Море остов, и на востоке его живет народ остов, а на юге – [народ] афредов (ободритов. – *Е.М.*). Осты имеют к северу от них тот же морской рукав»²². Подробная же их характеристика содержится в приводимом Альфредом далее рассказе Вульфстана, которая позволила с наибольшей вероятностью отождествить их с одним из балтских племён юго-восточной Балтики, возможно, пруссами (временами встречающееся их отождествление с эстами, современными эстонцами, необоснованно)²³. Однако информация об эстиях в географическом описании не основывается на рассказе Вульфстана: в альфредовской хорографии не приводится никаких сведений, присутствующих у Вульфстана, а сам этноним представлен только в форме *Osti* в противоположность написанию *East-* или *Est-* у Вульфстана, явно сопоставленному со словом *east* «восток».

Скридефинны, как уже говорилось, известны поэме «Видсид», но сведения о них ко времени Альфреда, видимо, расширились и приобрели практический характер: знакомым – не только из учёной литературы – стало как их название, так и местоположение: к востоку от северной Норвегии и к северо-западу от Квенланда, т.е. этим «учёным» наименованием Альфред определённо обозначил саамов северной Фенноскандии.

Сведения о дальнем северо-востоке Европы пополнились к концу IX в. ещё одним этнонимом – квенны (*Cweni*)²⁴, который Альфред употребил дважды в составе топонимов *Cwensæ* «Море квенов» и *Cwenland* «земля квенов». «Морем квенов» Альфред называл северную часть океана: «[Германия располагается от Средиземного моря] и к северу до того океана (*garsecg*), который называется Морем квенов»²⁵, т.е. на его ментальной карте квенны помещены на дальнем севере, что подтверждается и прямой их локализацией к северу от свеонов (обитающих в Средней Швеции): «Свеоны имеют к югу рукав Моря остов, и на востоке от них серменды, и на севере от них, через пустыню находится Квенланд, и на севере от них обитают скридфинны, и на западе – нордманны»²⁶. Западно-финское племя квеннов, по общему мнению, занимало в раннем средневековье земли на обоих берегах северной части Ботнического залива, прежде всего в современных областях Норботен и Эстерботен и действительно соседствовало со свеями²⁷.

Источник сведений Альфреда неясен. Альфред мог бы почерпнуть их в рассказе Охтхере, который повествует о местонахождении квеннов и об их нападениях на норвежцев через Кьель: «А за этой землёй к югу, с другой стороны пустынных гор (хребтом Кьель. – *Е.М.*), находится Свеоланд, эта земля

²² King Alfred's Orosius. P. 16; Мамузова В.И. Указ. соч. С. 23.

²³ Cross S.H. Notes on King Alfred's North: *Osti, Este* // *Speculum*. 1931. Vol. 6. № 2. P. 296–299; Malone K. On King Alfred's Geographical Treatise // *Speculum*. 1933. Vol. 8. № 1. P. 67–78.

²⁴ Финн. *Kainulainen*. Топонимы с основой *kain-* встречаются и на восточном, и на западном берегу Ботнического залива, что указывает на исконную область обитания квеннов.

²⁵ «7 norþ of þone garsecg þe mon Cwensæ hæb»: King Alfred's Orosius. P. 14.

²⁶ *Ibid.* P. 16; Мамузова В.И. Указ. соч. С. 23.

²⁷ *Vilkuna K. Kainuu-Kvänland* // *Skrifter udg. af Kgl. Gustav Adolfs Akademien*. Uppsala, 1946. B. 46; *Julku K. Kvenland – Kainuunmaa*. Oulu, 1986. P. 11–24; *Valtonen I. A Land beyond Seas and Mountains: A Study of References to Finland in Anglo-Saxon Sources* // *Suomen varhaishistoria*. Rovaniemi, 1992; Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения (Древнейшие источники по истории народов СССР). М., 1986. С. 209.

[простирается] на север; а с другой стороны этой земли на севере Квенланд. И иногда квены нападают на нордманов (норвежцев. – *Е.М.*) через эту пустынную землю, а иногда нордманы на них; и за теми горами очень много озёр; и квены перетаскивают свои суда по земле до этих озёр, а затем нападают на нордманов; их суда очень маленькие и очень лёгкие»²⁸. Однако отсюда не явствует, что квены жили у северной части океана; по Охтхере, «пустынные земли» отделяют их от норвежцев, а не от свеев, как писал Альфред (впрочем, «пустынными землями» он мог назвать и любую другую территорию). Более того, Охтхере описывает взаимное расположение квеннов и норвежцев, тогда как Альфред соотносит их со свеями. Против использования Альфредом в его хорографии информации рассказа Охтхере говорит и то, что он не включил в неё два других северных народа, о которых Охтхере повествовал очень подробно – финнов и бьярмов. Таким образом, можно полагать, что информация об остах, квенах и скирдефиннах у Альфреда независима от записанных им рассказов путешественников и восходит к сведениям, распространённым в англо-саксонском обществе его времени.

Рассказы Охтхере (др.-сканд. *Öttarr*)²⁹ и Вульфстана³⁰ – в противоположность хорографии Альфреда – не систематическое географическое описание по заданной модели, а свободные повествования об их путешествиях и встречах с ними народах. Оба содержат характеристику плавания с указанием длительности движения в определённом направлении (например, Охтхере «поехал прямо на север вдоль берега, и в течение трёх дней на всём пути оставлял он эту необитаемую землю по правому борту, а открытое море – по левому борту»³¹), пространное описание жизни и обычаев бьярмов³² и «финнов»-саамов у Охтхере и эстиев³³ у Вульфстана.

При всей чрезвычайной ценности (для нас) информации о жизни и обычаях северных и балтийских народов, содержащейся в «Орозии» короля Альфреда, она не получила продолжения в англо-саксонский и средневековой английской культуре. Ни бьярмы, ни эстии, ни квены больше нигде не упоминались. Лишь

---

²⁸ «*Donne is toemnes þæm lande sydewardum, on oðre healfre þæs mores, Sweoland, oþ þæt land nordward; 7 toemnes þæm lande nordewardum Cwena land. Þa Cwenas hergiad hwilum on ða Nordmen ofer done mor, hwilum þa Nordmen on hy. 7 þær sint swiðe micle meras fersce geond þa moras; 7 berað þa Cwenas hyra scyru ofer land on ða meras, 7 þanon hergiad on ða Nordmen; hy habbað swyðe lytle scyru 7 swyðe leohte*»; King Alfred's Orosius. P. 19. См. подробнее: *Ross A.S.C.* *Ohthere's «Cwenas and Lakes» // The Geographical Journal. 1954. Vol. 120.*

²⁹ *Ohthere's Voyages: A late 9th-century account of voyages along the coasts of Norway and Denmark and its cultural context / Ed. J. Bately & A. Englert. Roskilde, 2007. Перевод на русский язык: Матузова В.И. Указ. соч. С. 24–25.*

³⁰ *Wulfstan's Voyage: The Baltic Sea region in the early Viking Age as seen from shipboard / Ed. A. Englert & A. Trakadas. Roskilde, 2009. Перевод на русский язык: Матузова В.И. Указ. соч. С. 25–27.*

³¹ King Alfred's Orosius. P. 13. Перевод на русский язык: Матузова В.И. Указ. соч. С. 24; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2009. Т. V. С. 16 (перевод В.И. Матузовой с уточнениями Е.А. Мельниковой).

³² Соответствует др.-исл. *bjarmar*. Попытки установить этимологию этнонима абсолютно убедительного результата не дали. Наиболее вероятно его происхождение из приб.-фин. *perämaa* «задняя земля, земля за рубежом». Этот же корень лежит в основе др.-рус. *Перьмь*. См.: *Джаксон Т.Н.* *Исландские королевские саги о Восточной Европе (Древнейшие источники по истории Восточной Европы)*. М., 2012. С. 639–642.

³³ *Lubke Ch. with a note by P. Urbanczyk. Ests, Slavs and Saxons: ethnic groups and political structures // Wulfstan's Voyage. P. 50–57.*

на Англо-саксонской карте мира второй четверти XI в. встречается слабый отголосок этой обширной информации: на самом севере, на острове, названном Исландией, обозначены скридефинны в форме древнеанглийского множественного числа *Scridefinnas* (при том, что все остальные надписи сделаны на латинском языке)³⁴.

Появление и накопление информации о севере Европы и восточной части Балтики и особый интерес к этим регионам в Англии VIII–IX вв. были вполне закономерными. Расширение географического кругозора именно в этом направлении явилось результатом формирования с конца VII в. единого геоэкономического пространства от северо-западной Франкии и Англии (от Северного моря) через Балтийское море и систему речных путей Восточной Европы до Каспийского моря и стран Арабского халифата. Это пространство объединялось трансконтинентальным «северным» путём, сложившимся после арабских завоеваний в Средиземноморье и в определённой степени заменившим разрушенную арабами средиземноморскую систему коммуникаций³⁵. Завершение его формирования на всём протяжении определяется началом поступления в Северную Европу (вплоть до Норвегии и Дании) восточного серебра – рубежом VIII–IX вв., к концу IX в. оно достигло и североморского бассейна, хотя и в очень небольшом количестве³⁶. В двух кладах, найденных на бывшем о. Виринген (*Wieringen*, ныне муниципалитет на севере Нидерландов) у деревни Вестерклиф (*Westerklief*) и имеющих датское происхождение, содержатся, наряду с рубленным серебром и франкскими монетами, восточные дирхемы³⁷. В первом кладе присутствуют два сасанидских и один аббасидский дирхем, превращённые в привески, во втором – 95 арабских монет или подражаний им (54 монеты фрагментированы). Первый клад датируется по младшей монете временем около 850 г., второй – началом 880-х гг.

Уже к середине VIII в. североморско-балтийская система коммуникаций достигла восточной Балтики и распространилась в глубь континента: в середине VIII в. (а возможно, и раньше)³⁸ возникает Ладога (*Aldeigja* древнескандинавских источников) – крупный торгово-ремесленный центр, остававшийся на протяжении нескольких десятилетий конечным пунктом на пути «Запад–Восток». Эта роль Ладоги – и как конечного центра перераспределения товаров западного и местного (прежде всего пушнины) происхождения, и как форпоста на пути далее на восток – маркируется многочисленными импортами из Скандинавии, включая Данию, и из Западной Европы, прежде всего Фризии. В значительной части фризские импорты в Восточной Балтике и в Ладоге, как и восточные

³⁴ Чекин Л.С. Картография христианского средневековья. VIII–XIII вв. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М., 1999. С. 119–121.

³⁵ Pirenne H. Mohammed and Charlemagne. L., 1939; Hodges R., Whitehouse D. Mohammed, Charlemagne and the Origins of Europe: Archaeology and the Pirenne thesis. L., 1983; Мельникова Е.А. Европейский контекст возникновения древнерусской государственности // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 240–269.

³⁶ Обзор см.: Moesgaard J.C. The Vikings on the Continent: the numismatic evidence // Viking trade and settlement in continental Western Europe / Ed. I.S. Klæsøe. Copenhagen, 2010. P. 123–144.

³⁷ Благодарю А.А. Горского, обратившего моё внимание на публикацию кладов: *Besteman J.* Two Viking hoards from the former island of Wieringen (the Netherlands): Viking relations with Frisia in archaeological perspective // Land, sea and home. Proceedings of a conference on Viking-Age settlement, at Cardiff, July 2001 / Ed. J. Hines, A. Lane, M. Redknap. Leeds, 2004. P. 93–108.

³⁸ Кирпичников А.Н., Сарбьянов В.Д. Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 132, 138.

в Западной Европе – результат транзитной торговли (через датский Хедебю, где найдены как фризские, так и арабские монеты)³⁹, в которую уже в VIII в. включились скандинавы, потеснив фризов на Балтике. Однако материалы Старой Ладogi, прежде всего производство ранних типов костяных гребней, дали основание говорить о работавших здесь фризских ремесленниках⁴⁰. Таким образом, информация о восточно-балтийском регионе, включая области вокруг и к северу от Ботнического залива, могла достигнуть Англии при посредстве скандинавских воинов и купцов, бывавших «на Западе и на Востоке», как некий Хальвдан, поминаемый в шведской рунической надписи XI в., знаменитые норвежские конунги Олав Трюггвасон, Олав Харальдссон и сотни других безвестных скандинавов.

Через скандинавские страны спустя столетие стали осуществляться и связи, которые условно можно назвать политическими. К тому времени как в Скандинавии, так и в восточнославянском мире сформировались государственные образования, проводившие более или менее последовательную внешнюю политику, в рамках которой известны два эпизода англо-русских контактов⁴¹.

В первой трети XI в. отношения Руси, Швеции, Дании и Норвегии в значительной степени определялись экспансионистской политикой в Скандинавии англо-датского короля Кнута Великого (1016–1035)⁴². Конец X и начало XI в. ознаменовались в Англии новой волной скандинавских завоеваний, которые теперь, в отличие от IX–X вв., носили государственный характер: датский король Свейн Вилобородый после серии нападений захватил центральную часть Англии и на Рождество 1013 г. был коронован в качестве английского короля. Этельред Нерешительный сначала отослал своих сыновей в Нормандию (откуда была родом его жена Эмма), а затем, после поражения, последовал за ними. Скорая смерть Свейна (3 февраля 1014 г.) вызвала продолжение борьбы за английский трон, победителем из которой после смерти Этельреда 23 апреля 1016 г. вышел сын Свейна Кнут, ставший через два года также королём Дании, в 1028 г. – правителем Норвегии и, вероятно, части Швеции.

Наиболее серьёзное сопротивление Кнуту при его завоевании Англии оказал старший сын и преемник Этельреда Нерешительного Эдмунд, прозванный Железнобоким. Невзирая на отчаянное сопротивление, он был вынужден заключить договор с Кнутом (после битвы 18 октября 1016 г.), по которому Эдмунд оставался королём Уэссекса, а Кнут владел центральной и северной Англией, некогда образовавшими Область датского права (др.-англ. *Dena lagu*, др.-сканд. *Danelag*). Однако Эдмунд умер уже 30 ноября того же года (предположительно отравленный по приказу Кнута), оставив двух малолетних сыновей – Эдуарда, получившего впоследствии прозвище Дитя или Изгнан-

³⁹ *Jensen J.S., Kromann A. Cufic Coins in Denmark // Byzantium and Islam in Scandinavia / Ed. E. Piltz. Jonsered, 1998. P. 71–76.* Почти все датские монеты чеканены в Средней Азии и нередко сочетаются с восточноевропейскими импортами, что, безусловно, указывает на их поступление через Восточную Европу.

⁴⁰ *Давидан О.И. Гребни Старой Ладogi // Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 4. 1962. С. 103–108.*

⁴¹ См. о них: *Гаврилишин М.Р. Киевская Русь и Английское королевство в XI веке в свете скандинавских источников // Rossica antiqua. 2013. № 2. С. 23–40* (статья содержит много неточностей и ошибок, но справедливо акцентирует роль Скандинавских стран в осуществлении англо-русских контактов).

⁴² См.: *Мельникова Е.А. Балтийская политика Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха / Под ред. И.Н. Данилевского, Е.А. Мельниковой. М., 2008. С. 78–133.*

ник (как считается, ему было несколько месяцев от роду), и Эдмунда. Жизнь детей оказалась в крайней опасности, поскольку они, как законные наследники англо-саксонской династии, представляли угрозу правлению Кнута. Об их судьбе первым сообщает Адам Бременский (ок. 1070 г.): «а его (Эдмунда Железнобокого. – *Е.М.*) сыновья были присуждены к изгнанию в Руссию»⁴³. Во второй и третьей редакциях так называемых «Законов Эдуарда Исповедника»⁴⁴ более подробно сообщается: «Этот упомянутый выше Эдмунд (Железнобокий. – *Е.М.*) имел некоего сына, которого звали Эдуардом, который по смерти отца, страшась короля Кнута, бежал из этой страны в землю ругов, которую мы называем Руссией. Какогого король той страны, по имени Малесклад (Ярослав Мудрый. – *Е.М.*), выслушав и расспросив, кто он и откуда, принял его с почётом»⁴⁵.

В самом тексте «Хроники» Роджера из Ховедена под 1017 г. сообщается о бегстве малолетних сыновей Эдмунда, но Русь не упоминается: «Эдрик также дал ему совет убить наследников, Эдуарда и Эдмунда, сыновей короля Эдмунда. Но поскольку он (Кнут. – *Е.М.*) счёл для себя большим позором, если они будут умерщвлены в Англии, то по прошествии короткого времени он отослал их к королю свеев, чтобы они были убиты. Хотя между ними (Кнутом и Олавом Шётконунгом шведским. – *Е.М.*) был договор, он (Олав. – *Е.М.*) никоим образом не хотел согласиться на его (Кнута. – *Е.М.*) просьбы, но отослал их, сохранив им жизнь, к Саломону (1053–1087. – *Е.М.*), королю венгров, на воспитание, и один из них, а именно Эдмунд, по прошествии времени окончил там [свою] жизнь. Эдуард же принял в жены Агату, дочь германского императора Генриха (III, 1046–1056. – *Е.М.*), от которой родил Маргарет, позднее королеву скоттов, Крестину, деву-монахиню, а также наследника Эдгара»⁴⁶.

⁴³ «filii eius in Ruziam exilio dampnati»: *Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*. II. 53 / Hrsg. V. Schmeidler. 3 Aufl. Hannover, Leipzig, 1917; русское издание: *Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви* / Пер. В.В. Рыбакова // *Немецкие анналы и хроники X–XI столетий*. М., 2012. С. 357. См. об этом сюжете: *Паушто В.Т.* Указ. соч. С. 134–135.

⁴⁴ Название условно, так как первая редакция Законов (состоящая из 34 глав), посвящённых юридически установленным формам церковного и королевского мира, составлена в 1130-х гг. (Эдуард Исповедник ум. в 1066). Интересующий нас пассаж включён во вторую (ок. 1140 г.) и третью (до конца третьей четверти XII в.) редакции Законов из 39 глав; добавленные пять глав содержат в основном разнообразные исторические сведения, в том числе заметку о судьбе наследников Эдмунда Железнобокого. См. исследование и публикацию: *God's peace and king's peace: the laws of Edward the Confessor* / Ed. and transl. by B.R. O'Brien. Philadelphia, 1999. 14 рукописей первой и второй редакций представляют собой по преимуществу сборники юридического содержания; третья редакция включена в юридические дополнения к «Хронике» Роджера из Ховедена (см.: *Мамузова В.И.* Указ. соч. С. 55–59).

⁴⁵ Текст приводится по изданию 2-й редакции («Законов»): «Iste supradictus Eadmundus habuit filium quendam, qui uocatus est Edwardus, qui, mortuo patre timore regis Canuti aufugit de ista terra usque ad terram Rugorum, quam nos uocamus Russeiam. Quem rex ipsius terre, Malesclodus (вар. Malescoldus. – *Е.М.*) nomine, ut audiuit et intellexit, quis esset et unde esset, honeste retinuit eum»: *Leges Edwardi Confessoris*. Version 2 (URL http://www.earlyenglishlaws.ac.uk/laws/texts/ecf2/view/#edition,1_0_c_34_3/commentary,1_0_c_2_5 (дата обращения: 5.06.2015)). См. также: *Lieberman F.* Die Gesetze der Angel-Sachsen. Halle a. Saale, 1898. Bd. I. S. 664.

⁴⁶ «Dedit etiam consilium Edricus, ut Clitunculos Eadwardum et Eadmundum, regis Eadmundi filios necaret. Sed quia magnum dedecus sibi videbatur, ut in Anglia perimerentur, parvo elapso tempore, ad regem Suaverum occidentos misit. Qui licet foedus esset inter eos, precibus illius nullatenus adquiescere voluit: sed illos ad regem Ungariorum Salomonem nomine misit nutriendos, vitæque reservandos; quorum unus, scilicet Eadmindus, processu temporis ibidem vitam finivit. Eadwardus vero Agatham filiam germani imperatoris Henrici in matrimonium accepit, ex qua Margaretam, postea Scottorum reginam, et Christinam sanctimoniam veiginem, et Clitonem Edgarum suscepit»: *Chronica magistri Rogeri de Houedene* / Ed. W. Stubbs. L., 1868. P. 86–87.

Невзирая на отсутствие прямого указания на пребывание малолетних сыновей Эдмунда на Руси, из текста явствует, что какое-то, пусть недолгое время, они должны были находиться здесь: миновать Русь на пути из Швеции в Венгрию они никак не могли. Этот же текст повторяется в «Хронике из хроник» Иоанна Вустерского, которая завершается 1140 г.⁴⁷

Дополнительные сведения сообщает Жеффри Гаймар, автор стихотворной «Истории англо» (первая половина XII в.):

«Добрый человек (датчанин Вальгар. – *Е.М.*) не стал медлить:... лишь с тремя кораблями пустился он в море и завершил своё путешествие [таким образом], что всего в пять дней проехал Руссию и прибыл в Венгерскую землю»⁴⁸.

Совокупность сведений источников позволяет в общих чертах восстановить историю спасения сыновей Эдмунда и их дальнейшую судьбу⁴⁹. После смерти Эдмунда Кнут отправил его детей под присмотром некоего датчанина Вальгара в Швецию, король которой, Олав Шётконунг (ум. после 1020 г.), был сводным братом Кнута. Судя по приведённым источникам, Кнут планировал убийство детей по политическим соображениям – как возможных претендентов на английский трон, но не хотел, чтобы их убийство совершилось на английской земле, где это могло вызвать негодование англо-саксонской знати. Однако Олав, который в то время был в дружеских отношениях с Кнутом (союзнических, как отмечали Роджер из Ховедена и другие хронисты, направленных против их общего врага Олава Харальдссона, только что утвердившегося на норвежском троне)⁵⁰, отправил их далее на Русь к Ярославу Мудрому, своему союзнику⁵¹, куда они могли прибыть не ранее лета или осени 1017 г. Неясно, насколько достоверно сообщение Жеффри Гаймара о краткости пребывания детей на Руси, что, впрочем, вполне вероятно. В 1017–1018 гг., в разгар братоубийственной войны за киевский стол после смерти Владимира Святославича Ярослав был не только в высшей степени занят военными действиями против Святополка, но и находился в дружественных отношениях с Кнутом⁵², что делало пребывание детей Эдмунда, представлявших опасность для Кнута, вряд ли желательным и удобным для Ярослава⁵³. По этим или иным причинам Эдуард и его брат были отосланы в Венгрию, где и остались на долгое время, пока в 1056 г. Эдуард Исповедник не послал за Эдуардом, сделав его своим наследником. После смер-

⁴⁷ The Chronicle of John of Worcester: The Annals from 1067 to 1140 with the Gloucester interpolations and the continuation to 1141, s.a. 1017 / Ed. and tr. P. McGurk. Oxford, 1998. Vol. 3.

⁴⁸ Матузова В.И. Указ. соч. С. 38.

⁴⁹ Ronay G. The lost king of England: the East European adventures of Edward the Exile. Woodbridge, 1989.

⁵⁰ Мельникова Е.А. Балтийская политика Ярослава Мудрого. С. 87–102.

⁵¹ По другому мнению, входящему в прямое противоречие с недвусмысленными утверждениями Адама Бременского и других авторов, дети могли быть переправлены в Польшу к Болеславу I Храброму (*Guido M.A., Ravilious J.P.* From Theophanu to St. Margaret of Scotland: A study of Agatha's ancestry // Foundations. Vol. 4. 2012. P. 81–121), что представляло бы для них не меньшую угрозу, поскольку Болеслав был дядей Кнута.

⁵² Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических отношений IX–XII веков. М., 2001. С. 496–498; Мельникова Е.А. Балтийская политика Ярослава Мудрого. С. 101–102.

⁵³ М.Р. Гаврилишин без какой-либо аргументации утверждает, что дети Эдмунда находились на Руси до 1046 г., что крайне маловероятно (*Гаврилишин М.Р.* Киевская Русь и Английское королевство... С. 25).

ти короля Эдуард – единственный законный представитель англо-саксонской династии – прибыл в Англию в конце августа 1057, где и умер через два дня.

Прямые связи Англии и Руси, возможно и установившиеся в то время благодаря контактам между Кнудом и Ярославом, в источниках отражения не нашли. Главным их показателем, видимо, является брак сестры Кнута Эстрид с «сыном короля из России»⁵⁴, которого М.Б. Свердлов и Дж. Линд отождествляют с одним из погибших в междоусобной войне сыновей Владимира⁵⁵, а А.В. Назаренко – с сыном Ярослава Ильёй, брак с которым мог быть заключён в 1019 г., но продлился недолго из-за смерти Ильи в 1020 г., после чего Эстрид вернулась в Данию⁵⁶. Однако и в этом матримониальном союзе, и, возможно, в согласованных действиях Кнута и Ярослава против польского короля Болеслава I Храброго⁵⁷ Кнут выступил прежде всего как датский, а не как английский правитель.

Скандинавское посредничество потребовалось и для заключения брака между Гидой, дочерью последнего английского короля Гарольда Годвинссона, и Владимиром Мономахом. После гибели Гарольда в битве при Гастингсе в 1066 г. Гида вместе с двумя братьями бежала во Фландрию, а затем переехала в Данию, королём которой был её дядя Свен Эстридсен. В 1074–1075 гг. она была выдана замуж за Владимира Мономаха, в то время смоленского князя⁵⁸. Вряд ли её брак мог способствовать установлению непосредственных контактов с Англией, где трон занял Вильгельм Завоеватель – победитель в битве при Гастингсе. Однако её приезд на Русь, видимо, с достаточно большой свитой, сопровождался проникновением на Русь некоторых английских культурных традиций. Одним из их проявлений было включение в литанию молитвы св. Троице, датированной Дж. Линдом серединой XII в., имён не только скандинавских, но и англо-саксонских святых мучеников: Магнус, Кнут, Бенедикт, Албан, Олав, Ботульв⁵⁹. Двумя упомянутыми английскими святыми были св. Албан (III в.), мощи которого были перевезены в Данию св. королём Кнудом незадолго до 1086 г., и Ботульв из Торни (ум. ок. 680 г.), культ которого был известен в Норвегии. К скандинавским святым мученикам принадлежали св. Олав (ум. в 1030, объявлен святым в 1031 г.), норвежский конунг, ставший святым патроном Норвегии уже в середине XI в. (его культ существовал и в Новгороде⁶⁰); св. Магнус Эрлендссон, оркнейский ярл, убитый в 1115 г. (канонизирован в 1135 г.), св. король Кнут (убит в 1086 г. в Оденсе в церкви св. Албана) и его брат Бенедикт, убитый вместе с ним. При том что знакомство автора молитвы с английскими святыми может быть отнесено на счёт окружения Гиды, в целом список «западных» святых, в скандинавской части целиком состоя-

⁵⁴ *Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Schol. 39 (40); Адам Бременский. Деяния...* С. 357.

⁵⁵ *Свердлов М.Б.* Скандинавы на Руси в XI в. // Скандинавский сборник. Вып. 19. Таллинн, 1974. С. 61; *Lind J.* De russiske ægteskaber: dynasti- og alliancepolitik i 1130'ernes Danske borgerkrig // *Historisk tidsskrift. København, 1992. B. 92/2. S. 227.*

⁵⁶ *Назаренко А.В.* Указ. соч. С. 484–492.

⁵⁷ Там же. С. 496–498.

⁵⁸ *Пауто В.Т.* Указ. соч. С. 135–136; *Назаренко А.В.* Указ. соч. С. 589.

⁵⁹ *Lind J.H.* The Martyria of Odense and a twelfth-century Russian prayer. The question of Bohemian influence on Russian religious literature // *The Slavonic and East European Review. Vol. 68/1. 1990. P. 1–21; Линд Дж.* Почитание скандинавских святых на Руси и датско-русские отношения XII в. // *История СССР. 1991. № 6. С. 188–198.*

⁶⁰ *Мельникова Е.А.* Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе // *Византийский временник. Т. 56. 1996. С. 92–106.*

ший из святых королей-мучеников, имеет, вероятно, скандинавское (датское) происхождение⁶¹.

Наряду с сообщениями письменных источников, возникновение связей между Русью и Англией, но опять же в основном, видимо, через скандинавское посредство, отмечается археологическими и нумизматическими материалами. Уже в X–XI вв. в Новгороде были распространены шерстяные ткани, произведённые в Англии⁶². Поступали и монеты английской чеканки⁶³. Так, в кладе, обнаруженном в 1993 г. в Новгороде в слое второй четверти XI в. и состоявшем из 59 монет, 21 происходят из Англии (кроме них в кладе 2 византийские, остальные – западноевропейские)⁶⁴. Однако количество английских монет на территории Руси невелико⁶⁵, и наиболее вероятно, что они попали на Русь вместе со скандинавами-наёмниками, получившими ранее *danegeld*, т.е. «датские деньги» – откупы, выплачивавшиеся викингам за прекращение грабежей, особенно распространённые в эпоху Этельреда Нерешительного, и налоги, собиравшиеся Свейном и Кнудом в Англии для оплаты своих войск.

Таким образом, в X–XI вв. произошло существенное расширение и диверсификация англо-русских контактов, хотя и осуществляемых через скандинавское посредство. Однако и в таком опосредованном виде они способствовали накоплению знаний друг о друге, открывали новые политические перспективы и новые рынки сбыта своих товаров.

Первейшим показателем установившихся связей с Восточной Европой, прежде всего с Древнерусским государством, стало расширение и уточнение знаний об их географии и топографии. XII в. – время крестовых походов – ознаменовался небывалым для предшествующих столетий интересом к географии мира и, соответственно, созданию как общих хорографий, так и частных описаний отдельных регионов⁶⁶. Эта тенденция в полной мере затронула и Англию. В общих описаниях мира и энциклопедических трудах английских учёных в географические представления о Восточной Европе и Древней Руси были внесены существенные коррективы.

Прежде всего в англо-саксонской литературе в первой половине XII в. впервые появилось название Древнерусского государства – *Rus(s)ia*. Эта форма, производная от др.-рус. *Русь*, получила в Англии широкое распространение в противоположность доминирующим в континентальной литературе «антикизирующим» обозначениям, образованным по созвучию: *Ruthenia* (от наименования кельтского племени *rut(h)eni*, жившего в южной Галлии) и *Rugia* (от *rugii*, восточногерманское племя, обитавшее до Великого переселения народов в низовьях Вислы, а затем частично переселившееся в южную Норвегию – Рогаланд, частично мигрировавшее на юг). Автор сообщения о бегстве сыновей Эдмунда Железногобокого во второй редакции «Законов Эдуарда Исповедника»

⁶¹ Lind J.H. The Martyria. P. 19–20; Линд Дж. Почитание... С. 197–198.

⁶² Нахлин А. Ткани Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1963. № 123; Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Новгород, 2001. С. 98.

⁶³ Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв.: Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.

⁶⁴ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X – первой половины XI в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 151–170.

⁶⁵ Потин В.М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 9: Нумизматика, 3. Л., 1967.

⁶⁶ Мельникова Е.А. Образ мира... С. 109–116.

(ок. 1140 г.) специально оговаривает соотношение этих наименований: «земля рогов, которую мы называем Руссией»⁶⁷, подчёркивая распространённость в Англии последнего. Именно такое название использовалось на протяжении XII в. в разных по характеру письменных источниках, включая Херефордскую карту мира, составленную около 1290 г.⁶⁸ Усвоение этой формы предполагает наличие прямых и более или менее регулярных контактов с Русью, в результате которых оно могло проникнуть и закрепиться в Англии (впрочем, наименования *Ruthenia* и *Rugia* не использовались и в Скандинавии, где существовало своё обозначение Руси – *Gardar, Gardariki*).

Гервазий Тильберийский (ок. 1159–1235?), работавший по преимуществу в Германии при императорском дворе, но также в Италии и Арле, создал выдающийся для своего времени оригинальный труд «Императорские досуги», вторая книга которого посвящена истории и географии мира. Значительная часть географического материала почерпнута им у признанных авторитетов – Плиния (I в.) и Исидора Севильского (VI–VII вв.), но в традиционную хорографию он включил актуальные сведения, отсутствующие у его предшественников и современников. Прежде всего, в описание севера Европы он включает Русь, также используя названия *Russia*: «За Данией – Норвегия, за Норвегией к северу [простирается] Руссия за морем, которое соединяется как с Британским морем, так и с Ледовитым морем, отделяясь от них островами. Поэтому из одной [страны] в другую добираться легко, но долго»⁶⁹.

Обращает на себя внимание, что Русь возникла на ментальной карте Гервазия в связи с севером Норвегии: как и Альфред, Гервазий лучше представлял себе Скандинавию, которая и являлась для него точкой отсчёта для земель на дальнем севере и северо-востоке. Наслышан он был, очевидно, и о северном морском пути, соединявшем Норвегию и Русь (ср. путешествие Охтхере), – плавания норвежцев в Бьярмию (район Белого моря, вероятно, Подвинье) описываются во многих исландских сагах, и единожды – путешествие через неё на юг, в Суздальскую землю⁷⁰. Означают ли эти переклички знакомство Гервазия с «Орозием» Альфреда? Судя по рукописной традиции, сочинение Альфреда не получило широкого распространения, однако наряду с древнейшей рукописью IX–X вв. существует её полная копия XI в., а также фрагменты в рукописях XI–XII вв. Поэтому Гервазий вполне мог быть знаком с этим выдающимся произведением и использовать его, сопрягая с другой информацией о Руси, вероятно, полученной уже в Германии.

В разделе «О Паннонии» Гервазий привёл характерное для европейской традиции наименование Руси «*Рутения*», отдавая предпочтение всё же варианту «*Руссия*», и соотнёс её с Польшей: «Польша в одной своей части соприкасается с Руссией (она же Рутения), как у Лукана: “Вот и давнишний постой уходит от русских рутенов” (имеется в виду кельтское племя первых веков н.э. – *Е.М.*). В ней народ рутенов предан до пресыщения праздности, страсти к охоте и неумеренному пьянству, [и] за границы своей страны они почти никогда не выходят. Но когда души кого-либо [из них] коснётся желание странствовать,

⁶⁷ «terra Rugorum, quae nos uocamus Russeia»: *Lieberman F.* Die Gesetze der Angel-Sachsen. S. 664.

⁶⁸ *Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья... С. 152–157.

⁶⁹ *Gervase of Tilbury.* Otia Imperialia. II.7 / Ed. and transl. by E. Banks, J.W. Binns. Oxford, 2002. Перевод на русский язык: *Матусова В.И.* Указ. соч. С. 66.

⁷⁰ *Джаксон Т.Н.* Суздаль в древнескандинавской письменности // Древнейшие государства Восточной Европы. 1984 год. М., 1985. С. 212–228.

[тот] своих рабов, которых у них множество, посылает для выполнения этого, даруя им свободу взамен положенного на совершение путешествия труда. Вот поэтому они, нищенствуя, бредут и нагие, и несчастные и, презираемые всеми христианами и язычниками, не находят себе ни врага, ни грабителя... Далее простирается Рутения на восток по направлению к Греции, как говорят на расстоянии ста дневных переходов; [из городов] её ближе всего к Норвежскому морю город Хио. В части же, которая прилегает к Хунии (Венгрии. – *Е.М.*), находится город Галиция (Галич. – *Е.А.*). Между Польшей и Руссией протекают две реки, названия которых согласно переводу их с простонародного языка звучат как Вепрь (*Арег* – Днепр. – *Е.М.*) и Браслет (*Агмила* – Нарва. – *Е.М.*). А несколько с запада обращён к Польше город Руссии Лодомирия (Владимир Волынский. – *Е.М.*). Между Грецией и Руссией обитают геты, планеты (половцы. – *Е.М.*) и кораллы (тюрки или влахи. – *Е.М.*), самые свирепые среди язычников, употребляющие в пищу сырое мясо. Но и между Польшей и Ливонией есть язычники, которые называются ярменсы (ятвяги. – *Е.М.*). Отсюда к северу простирается Ливония»⁷¹.

Описание Гервазия совмещает традиционные и актуальные сведения. К первым относится идущая ещё от античности характеристика «рутенев» как варваров, которым имманентно присущи различные пороки, в том числе леность и пьянство. Не случайно именно в контексте цитаты из Лукана он использовал политоним «*Рутения*» и перенёс образ лукановского варвара-рутена (кельта) на рутенов-русских. В противоположность «образу рутена», географические сведения Гервазия о Руссии новы и отражают современную ему реальность. Это прежде всего информация о местоположении Руси, а также о её городах. Основной точкой отсчёта здесь является Польша, через посредство которой, видимо, и поступила соответствующая информация. Но Гервазий и здесь соотнёс Руссию с Норвегией – Норвежским (Ледовитым?) морем. Руссия находится к востоку от Польши, а на юго-западе граничит с Венгрией и занимает огромное пространство (сто дневных переходов) в направлении к Греции (Византии). Русь, соответственно, видится Гервaziю обширной страной, протянувшейся с севера от «Норвежского моря» на юг вдоль Польши и Венгрии. Поскольку в его предшествующем описании Норвегия изображена самой северной страной перед Русью, то, вероятно, под «Норвежским морем» Гервазий понимает здесь некое водное пространство на севере («Ледовитое море»?), разделяющее Норвегию и Русь. Впрочем, вряд ли он мог сколько-нибудь точно представлять себе топографию Северной Европы. Значительно яснее для него западная граница Руси. По его мнению, Русь отделена от Польши двумя реками, названия которых уже с начала XX в. традиционно отождествляются с гидронимами Днепр (*Naper*) и Нарва (*Armilla*)⁷², хотя в действительности границы Польши проходили далеко от Днепра. Обычное наименование Днепра в средневековых источниках, начиная с Иордана (VI в.) – *Danaper*, *Danapris*, сменившее античное наименование *Борисфен*. Единственный случай употребления гидронима в аналогичной форме – *Naper* (ошибка вместо *Danaper*?) встречается на английской Херефордской карте мира (ок. 1290 г.). Гервазий знал крупнейшие горо-

⁷¹ *Матузова В.И.* Указ. соч. С. 66–67. Об идентификации этнонимов и топонимов см.: *Strzelczyk J.* *Gervasy z Tilbury. Studium z dziejów uczoności geograficznej w Sredniowieczu.* Warszawa, 1970, а также комментарии к изданию труда Гервазия.

⁷² *Kętrzyński S.* *Ze studiów nad Gerwazym z Tilbury (Mistrz Wincenty i Gerwazy – Provinciale Gervasianum)* // *Rozprawy Akademii Umiejętności.* Ser. 2. T. XXI (46). Kraków, 1903.

да, расположенные в юго-западной Руси: Киев, Владимир Волынский, Галич и даже их относительное местоположение – Киев (*Hio*) ближе всех к Норвежскому морю, т.е. расположен дальше других от границ с Польшей.

Таким образом, хотя значительная часть актуальной информации о Руси почерпнута Гервасием во время пребывания в Германии, видимо, из польских источников, можно предполагать его знакомство и с корпусом сведений о Восточной Европе, существовавшим в самой Англии. Этот корпус, несомненно, расширился ко времени Гервасия, в первую очередь, проникновением информации о Древнерусском государстве.

В начале XII в. информация об Англии фиксируется и на Руси. В этногеографическом введении к «Повести временных лет» *земля Агнянска* называется западным пределом расселения варягов-скандинавов, а далее *агняне* упоминаются в перечне европейских народов (потомков Иафета): «По сему же морю (Варяжскому = Балтийскому. – *Е.М.*) съдять варязи съмо къ вьстоку до предъла Симова, по тому же морю съдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошьски. Афетово и то колѣно: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне»⁷³.

Рассматривая начальное слово *варязи* как обобщающее наименование всех скандинавских народов, к ним относят иногда также и *агнян*, что объясняется знакомством летописца с ситуацией первой трети XI в., когда империя Кнута Великого включала в себя, наряду с Англией, Данию, Норвегию и часть Швеции⁷⁴. Однако в предыдущем предложении «земля агнянска» выступает как западная граница расселения варягов, что противоречит причислению *агнян* к скандинавам: ведь восточной границей является «предел Симов», где проживание варягов отнюдь не предполагается. Но как бы то ни было, здесь для нас важно то, что Англия попадала в поле зрения летописца начала XII в. и правильно им локализована. Учитывая путевой принцип описания, центральное место варягов и Варяжского моря как своеобразного структурного центра, а также перечень народов по Волжско-Балтийскому пути, не исключено, что источником этой части описания земли послужила скандинавская географическая традиция⁷⁵.

Прямые связи с Русью – прежде всего торговые – засвидетельствованы источниками лишь с конца XII в. В «Описании Лондона» («*Descriptio Nobilissimi Civitatis Londoniae*»), предвещающем «Житие Томаса Беккета» (ум. в 1170 г.), написанное в 1173–1174 гг. Уильямом Фитц-Стивенем, секретарём кентерберийского архиепископа, отмечаются интенсивные торговые связи лондонцев:

«В этом городе купцы от каждого народа, под небом живущего, радуются, что могут вести морскую торговлю:
Золото шлют арабы; специи и ладан – сабей (арабы. – *Е.М.*);
Оружие – скифы; пальмовое масло из богатых лесов –
Тучная земля Вавилона; Нил – драгоценные камни;
Серы – пурпурные ткани; галлы – свои вина;
Норвеги, руссы – меха голубой и зимней белки (или: горностаев и белки. – *Е.М.*),
соболей»⁷⁶.

⁷³ Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва и М.Б. Свердлова. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2, испр. и доп. СПб., 1996. С. 8.

⁷⁴ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв. К истории названия *варяг* // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68.

⁷⁵ Мельникова Е.А. Пути в структуре ментальной карты составителя «Повести временных лет» // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010. С. 318–344.

⁷⁶ *Vita sancti Thomae, Cantuaroensis archiepiscopi et martyris, auctore Willelmo filio Stephani* / Ed. J.C. Robertson. L., 1877. Vol. 3. P. 7. Перевод: Мамузова В.И. Указ. соч. С. 46 (с уточнением).

Особенно ценны для характеристики англо-русских торговых связей того времени два замечания в тексте. Во-первых, Фитц-Стивен конкретизировал виды пушнины, поставляемой из Норвегии и Руси: *varium, grysium, sabelina*. Первые два – наиболее ценные виды белки, голубовато-серая («сибирская») и зимняя, коричневая. Однако первое название употреблялось и для обозначения горносталя⁷⁷. При этом, если белка могла вывозиться как из Руси, так и из Норвегии, то горносталя и соболь водились только на севере Восточной Европы, и поставщиком этих мехов могла быть исключительно Русь. Не случайно распространившееся в Северной и Западной Европе наименование соболиного меха получило название *sabel, sambeline, sebeline, zobel* и др., заимствование др.-рус. *соболь*⁷⁸. Перечень мехов у Фитц-Стивена показывает, что пушная торговля была настолько распространена в Англии, что сложилась специальная номенклатура для различных видов пушнины.

О популярности русских мехов и их престижности среди знати говорят запреты на их ношение. Одна из статей Статутов Вестминстерского собора 1138 г. отказывает монахиням в праве носить ценные меха: «Запрещаем также властью первоапостольной монахиням носить одежды из беличьих, собольих, куньих, бобровых мехов и золотые кольца. Уличённая в нарушении этого указа да будет предана анафеме»⁷⁹. Здесь, как и в сочинении Фитц-Стивена, перечислены и другие категории пушнины: *grysium, sabelina, martes, beverin*.

Значительно шире распространяется запрет в Статутах короля Генриха II, принятых на Геддингтонском соборе 11 февраля 1188 г.: «Повелевается также, чтобы никто не клялся всеу и чтобы никто не играл в азартные игры или кости, и чтобы никто после ближайшей Пасхи не носил [одежды из] белок или соболей или тканей пурпурного цвета»⁸⁰. Очевидно, ношение пурпурных одеяний и использование меха соболей стало прерогативой короля.

Кроме того, Фитц-Стивен писал об иноземных «купцах от каждого народа», торгующих в Лондоне. Среди прочих он называет и русских купцов. Поскольку текст поэтический, то в некоторых случаях он явно использует тропы: так, серы–китайцы не поставляли шёлка на рынки Европы сами: шёлк из Китая проходил сложный транзитный путь в несколько этапов. Учитывая этот и другие тропы, полной уверенности, что русские купцы достигали Лондона, быть не может. Однако прямые торговые связи в то время засвидетельствованы, и купцы из Руси, вероятно, приезжали в Англию. В «Казначейских свитках» конца XII в., фиксирующих денежные поступления в казну, дважды упоминается еврейский купец «из Руссии»: В 1180–1181 гг. «Исаак Руфф и Исаак из Руссии и Исаак из Беверли, иудеи, вернули по счёту 10 марок, дабы удовлетворить иск, ибо сказано о них, что долг вернули. Внесено в казну 55 шиллингов и 7 пенсов. И должны 77 шиллингов и 9 пенсов». В 1181–1182 гг. «Исаак Руфф и Исаак из Руссии и Исаак из Беверли, иудеи, вернули по счёту 77 шиллингов и 9 пенсов, дабы удовлетворить иск, ибо сказано о них, что долг вернули. Внесли в казну. И не должны более»⁸¹.

⁷⁷ Матузова В.И. Указ. соч. С. 47–48. См. также: *Veale T.V. The English Fur Trade in the Later Middle Ages. Oxford, 1966. P. 228* и др.; *Martin J. Treasure in the Land of Darkness: The Fur Trade and its Significance for Medieval Russia. Cambridge, 1986.*

⁷⁸ Мельникова Е.А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. М., 1984. С. 62–75.

⁷⁹ Матузова В.И. Указ. соч. С. 104.

⁸⁰ Там же. С. 54.

⁸¹ Там же. С. 50.

Названные три купца, вероятно, вместе осуществляли торговые операции (образовывали торговое партнёрство?⁸²) – во всяком случае они несли совместные финансовые обязательства по полученному займу, который вернули в два приёма. Идентификация купцов, носивших одно и то же имя, осуществлена в первом случае по прозвищу – Ruf(f)us «Рыжий», в третьем – по месту жительства «de Beuerl». Определение второго Исаака «de Russia» «из России» осуществлено по месту его происхождения или постоянного проживания, или по месту, с которым он поддерживал более или менее регулярные контакты⁸³. Первое представляется наиболее вероятным – при наличии определения по месту жительства/происхождения «Исаак из Беверли» трудно предполагать какой-либо иной смысл в определении Исаака из России. Более того, «Исаак из России» часто отождествляется с «рабби Иче (Ица, Исаак) из Чернигова», упомянутым жившим в Лондоне грамматиком и лексикографом Моше бен Ицхак ха-Несиа (Мошес/Моисей Ханессия; Moses ben Isaac ha-Nessiah, 1170–1215)⁸⁴. В словаре «Книга Оникса» («Сефер ха-шохам») он приводит предложенное «Исааком из Чернигова» толкование слова ׀ «левира́тный (деверский) брак» по созвучию и сходству семантики с древнерусским словом: «Р. Иче сказал мне, что в стране Тирас, т.е. на Руси, совокупление называют *uebum*»⁸⁵. Поскольку Моше ха-Несиа постоянно жил в Лондоне, то встретиться с рабби Иче он мог только там, и трудно предполагать практически одновременное пребывание в Лондоне двух евреев-тёзок из Руси. Как бы то ни было, вне зависимости от отождествления обоих Исааков, обращает на себя внимание совместная деятельность, сопровождаемая общей финансовой ответственностью, еврейских купцов из Англии и Руси⁸⁶, что предполагает вовлечённость последней в широкомасштабную трансевропейскую торговлю в XII в.

Отношения Руси и Англии до XIII в., как видим, крайне скудно освещены источниками: разрозненные, отстоящие друг от друга иногда на столетие сведения, сохранившиеся в разножанровых текстах (от эпоса до казначейских документов), дают возможность лишь пунктиром наметить основные вехи становления связей между странами. В VIII–IX вв. Восточная Европа – в северо-западной её части – впервые появилась на горизонте пространственного кругозора англосаксов и стала более знакомой в конце IX столетия. Бурные политические катаклизмы первой половины – середины XI в., вынудившие часть англосаксонской знати эмигрировать на континент, дважды привели на Русь представителей англо-саксонской королевской династии: сыновей Эдмунда Железнобокого, спасавшихся от Кнута Великого, и Гиды, бежавшей от Вильгельма Завоевателя. Но и географические сведения, и политические контакты этого

⁸² Ср. скандинавские *fēlag* – одноразовые объединения купцов для заморской торговли (Мельникова Е.А. Ранние формы торговых объединений в Северной Европе // Скандинавский сборник. Вып. XXVII. Таллинн, 1982. С. 19–29).

⁸³ Такой способ образования прозвища был весьма характерен для Скандинавии XI–XIII вв.

⁸⁴ Матузова В.И. Указ. соч. С. 50; Драбкин А. Ице (Исаак) из Чернигова // Еврейская энциклопедия. Т. VIII. СПб., 1904. С. 523; Кулик А. Евреи Древней Руси: источники и историческая реконструкция // Ruthenica. Т. VII. 2008. С. 56–57.

⁸⁵ Sefer ha-shoham (*The Onyx Book*) by Moses ben Isaac Hanessiah / Ed. by B. Klar with an introduction by C. Roth. L., 1947. Pt. 1 (non vidi). Цит. по: Кулик А. Евреи Древней Руси... С. 57.

⁸⁶ О роли еврейских купцов в средневековой торговле см.: Adler E.N. Jewish Travelers in the Middle Ages. N.Y., 1987; Friedman J. B., Figg K.M. Trade, travel, and exploration in the Middle Ages. N.Y., 2000. P. 398–399.

времени – «эпохи викингов» – осуществлялись с помощью и через посредство скандинавов. Именно они, бывавшие и на востоке, и на западе Европы в качестве купцов и воинов, распространяли информацию, переносили предметы материальной культуры (в том числе монеты), устанавливали контакты между обеими сторонами. Лишь к XII в. (безусловно – к его концу, но, возможно, и раньше), можно отнести первые непосредственные связи между Английским и Древнерусским государствами. К тому времени существенно расширилась английская ойкумена, Русь вошла в число известных стран, наладились торговые отношения, в частности, пушнина с Русского Севера стала неперенным предметом роскоши, показателем высокого социального и имущественного статуса англичанина.

Монголо-татарское нашествие нарушило эти связи, но вызвало повышенный интерес к Восточной Европе: «европейский поход» монголов 1241–1242 гг. потряс Европу своей неожиданностью и жестокостью. С тех пор сведения о «татарах» во всё большем количестве стали проникать в учёные труды, посланцы европейских правителей к «татарам» составляют репортажи о своих поездках. Но это была уже другая Восточная Европа – враждебная и опасная.

Объём и значение экспорта российских товаров в Великобританию в 1760–1830 гг.

Чжи-Бэ Пак

The size and significance of Russian export to Great Britain, 1760–1830

Ji-bae Park (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Korea)

Ещё в середине XVI в. Англия установила тесные торговые отношения с Россией через Белое море. Но с конца XVI в. голландцы опередили англичан¹ и в течение XVII в. господствовали на российском рынке². В первой четверти XVIII в. британцы расширили свои коммерческие операции и в 1730–1740-е гг. вернули утраченные позиции. К тому времени Россия утвердилась на Балтийском море и овладела портами, через которые английские купцы могли легко проникать внутрь страны для закупки товаров. Во второй половине XVIII в. Англия, остро нуждаясь в сырье для создания флота, индустриальной революции и мировой экспансии, постоянно занимала первое место в русской внешней торговле³.

Большинство историков признаёт, что в XVIII – первой четверти XIX в. русское сырьё имело большое значение для Великобритании и особенно для её кораблестроения. Ещё в середине XIX в. А. Сафронов утверждал: «Блокада портов и насильственные меры, принятые против морской торговли... произведут переворот в торговых интересах Англии и Франции. Государства

© 2016 г. Чжи-Бэ Пак

¹ *Kellenbenz H.* The Economic Significance of the Archangel Route (from the Late 16th to the Late 18th Century) // *Journal of European Economic History*. 1973. Vol. 2. № 3. P. 543–551.

² См.: *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 год // *Известия АН СССР. Сер. 7: Отделение общественных наук*. 1933. № 10. С. 736–737, 744–747.

³ *Kahan A.* The Plow, the Hammer, and Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago; L., 1985. P. 166.

сии без русского хлеба, сала, кож, пеньки, льна, льняного семени и леса обходиться не могут»⁴. Многие российские историки (И.М. Кулишер, В.В. Лебедев, Ю.С. Медведев, С.А. Покровский, В.Г. Сарычев, В.Н. Яковцевский и др.) писали, что английские суда делались во многом из русских материалов, и указывали на большую заинтересованность англичан в импорте из России⁵.

Схожие мнения высказывали и западные учёные⁶. А. Каган, изучив документы британского Адмиралтейства, отметил, что торговля с Россией во многом способствовала индустриальной революции, обеспечив промышленность Англии качественным сырьём по низким ценам⁷. Дж. Ньюмэн, проанализировав статистические данные о русском экспорте в Западную Европу в 1680–1780 гг., пришла к заключению, что в XVIII в. внешняя торговля приносила англичанам больше прибыли, чем России. Вместе с тем вывоз товаров стимулировал развитие русского сельского хозяйства и обеспечивал значительные доходы дворянства⁸.

Однако в западной историографии звучали и другие оценки. По мнению М.С. Андерсона, в 1807–1812 гг. «континентальная система повредила России больше, чем Великобритании», для которой разрыв торговых связей «был скорее неприятностью, чем бедой», поскольку фактически только поставку пеньки трудно было заменить⁹. Д. Макмиллан, рассмотрев материалы шотландских таможен, показал, что враждебная политика Петербурга в конце XVIII и начале XIX в. заставляла шотландских купцов искать и находить замену ввозившимся из России товарам¹⁰. Х. Каплан, специально исследовавший влияние русского экспорта на британскую экономику во второй половине XVIII в., обнаружил,

---

⁴ Сафронов А. Коммерческое и промышленное положение России. СПб., 1854. С. 5–6.

⁵ Кулишер И.М. История русской торговли до девятнадцатого века включительно. Пг., 1923. С. 191–192; Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 118; Сарычев В.Г. Русско-английские экономические отношения в XVIII веке: К вопросу о роли русского экспорта в экономике Англии. Дис. ... канд. экон. наук. М., 1953; *он же*. Роль русского металла в экономике Англии в XVIII веке // Сборник научных работ Ленинградского института советской торговли им. Ф. Энгельса. Вып. 8. Л., 1955. С. 120–131; *он же*. Русские кораблестроительные материалы в экономике Англии XVIII века // Там же. Вып. 14. Л., 1958. С. 102–123; Лебедев В.В. Русско-английские торговые отношения и договор 1734 г. // Учёные записки МГУ. Вып. 167. М., 1954. С. 121–132; Яковцевский В.Н. Торговля // Очерки истории СССР. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 126; Медведев Ю.С. Русско-английские отношения в середине XVIII века (1748–1763). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 124–147.

⁶ См., в частности: Kahan A. The Plow, the Hammer, and the Knout.; *idem*. Russian Economic History: The Nineteenth Century. Chicago, 1989.

⁷ Kahan A. Eighteenth-Century Russian-British Trade: Russia's Contribution to the Industrial Revolution in Great Britain // Great Britain and Russia in the Eighteenth Century. Newtonville (Mass.), 1979. P. 181–189.

⁸ Newman J. Russian Foreign Trade, 1680–1780: The British Contribution. Unpublished Ph. D. thesis. University of Edinburgh, 1985; *idem*. A Very Delicate Experiment: British Mercantile Strategies for Financing Trade in Russia, 1680–1780 // Industry and Finance in Early Modern History: Essays Presented to George Hammersley on the Occasion of his 74th Birthday / Ed. by I. Blanchard, A. Goodman, J. Newman. Stuttgart, 1992. P. 116–141; *idem*. The Russian Grain Trade, 1700–1779 // The Baltic Grain Trade / Ed. by W. Minchinton. Exeter, 1985. P. 47–59.

⁹ Anderson M.S. The Continental System and Russo-British Relations during the Napoleonic Wars // Studies in International History / Ed. by K. Bourne, D.C. Watt. L., 1967. P. 73–74.

¹⁰ Macmillan D.S. The Scottish-Russian Trade: Its Development, Fluctuations, and Difficulties 1750–1796 // Canadian-American Slavic Studies. 1970. Vol. 4. № 3. P. 426–442; *idem*. Problems in the Scottish Trade with Russia in the Eighteenth Century: A Study in Mercantile Frustration // Great Britain and Russia in the Eighteenth Century. P. 164–180; *idem*. Paul's Retributive Measures of 1800 against Britain: The Final Turning-Point in British Commercial Attitudes towards Russia // Canadian-American Slavic Studies. 1973. Vol. 1. P. 68–77.

что, судя по таможенной документации и докладам английских консулов, до начала XIX в. роль России в импорте мачтовых лесов, железа, пеньки, льна, а также пеньковых и льняных тканей была решающей, и Великобритания не могла обходиться без этого сырья, доступность которого оказала весьма важное влияние на развитие флота и промышленности королевства. Однако после 1815 г. ситуация резко изменилась и подобная зависимость если и не исчезла совсем, то существенно ослабла¹¹.

К сожалению, все эти работы опираются лишь на отрывочные статистические данные (как правило, либо только русские, либо исключительно английские) и суждения современников, не позволяющие в полной мере адекватно оценить значение экспорта России в Великобританию. К тому же период континентальной блокады обычно не привлекал к себе должного внимания. Не всегда учитывалась авторами и степень точности и объективности используемых источников.

Между тем экономическая ситуация, сложившаяся после Тильзитского мира и прекращения с конца октября 1807 г. до начала августа 1812 г. официальных торговых отношений между Россией и Великобританией, чрезвычайно важна для понимания их значения¹². Чтобы установить степень зависимости экономики Великобритании от российского экспорта, нужно построить более точные динамические ряды, отражающие объём ввоза отдельных товаров в 1760–1825 гг. При этом следует учесть сведения как экспортных ведомостей Коммерц-коллегии и издававшегося в Петербурге ежегодника «Государственная внешняя торговля в разных её видах», так и приходо-расходных книг британских таможен¹³.

Известно, что во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Англия поглощала большую часть российского экспорта. Однако размер её до сих пор не был рассчитан¹⁴.

Согласно *английской* статистике (см. табл. 1), пенька, лён, семя льняное, хлеб, сало, щетина, железо, льняная и пеньковая ткани составляли 91% в импорте из России. Умножив русские цены¹⁵ на объём импорта Великобритании в натуральном выражении, получаем стоимость британского импорта данных товаров в рублях. Остальные 9% можно пересчитать, используя вексельный курс рубля на английские пенсы. О примерной величине контрабанды можно судить по тому, что экспорт из России в Великобританию согласно *российским* источникам был на 10% больше, чем импорт по английским. Соответственно, к английским данным об импорте необходимо добавлять 10%. По такому расчёту, в 1762–1765 гг. доля Великобритании в экспорте России составляла

---

¹¹ *Kaplan H.H.* Russia's Impact on the Industrial Revolution in Great Britain during the Second Half of the Eighteenth Century: The Significance of International Commerce // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 29. Berlin, 1981. S. 7–59; *idem.* Russian Overseas Commerce with Great Britain during the Reign of Catherine II. Philadelphia, 1995. P. 272–273.

¹² *Злотников М.Ф.* Континентальная блокада и Россия. М.; Л., 1966. С. 129–136; ПСЗ-I. Т. 32. № 25197.

¹³ Их сравнительный анализ показывает, что они не только уточняют, но и дополняют друг друга. В частности, английская статистика учитывала экспорт, поступавший из России на кораблях нейтральных стран. См.: *Пак Ч.-Б.* Источники о российском экспорте в Великобританию в 1760–1825 гг. // *Клио*. 2004. № 4(27). С. 72–79.

¹⁴ Имеются лишь отрывочные данные о доле английского экспорта в экспорте из Петербурга: *Кулишер И.М.* Указ. соч. С. 190–192; *Покровский С.А.* Указ. соч. С. 118–119; *Яковцевский В.Н.* Указ. соч. С. 127–128.

¹⁵ За 1760–1779 и 1808–1811 гг. – среднегодовые петербургские цены, а в 1790–1807, 1812–1825 гг. – среднероссийские.

Среднегодовая доля Великобритании в экспорте России в 1761–1825 гг.

Годы	Общероссийский экспорт, тыс. руб. серебром (по сведениям российской торговой статистики)	Импорт в Великобританию (по сведениям британской торговой статистики)	
		тыс. руб. серебром	%*
1761–1765	12 327	3 966	32 (35)
1766–1770	13 080	4 670	36 (39)
1771–1775	17 150	6 056	35 (39)
1776–1780	18 944	6 960	37 (40)
1786–1790	25 977	12 249	47 (52)
1791–1795	32 016	12 922	40 (44)
1796–1800	43 803	19 964	46 (50)
1809–1810	28 416	11 462	40 (44)
1812–1815	39 815	15 624	39 (43)
1816–1820	61 937	20 021	32 (36)
1821–1825	54 429	21 811	40 (44)
1761–1825	31 349	12 234	39 (43)

* Доля Великобритании в общероссийском экспорте (в скобках – с добавлением 10% на контрабандную торговлю).

Подсчитано по: Российский экспорт: РГАДА, ф. 19, д. 260, л. 190–194; РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 313, л. 34; Storch H. Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs am Ende des 18. Jahrhunderts. Supplementband zum fünften, sechsten und siebenten Theile. Leipzig, 1803. S. 1–2; Арнольд К. Мнение о системе тарифа в России. СПб., 1816; Государственная внешняя торговля в разных её видах на [1802–1807, 1812–1825] год. СПб., 1803–1808, 1813–1826.

Британский импорт из России: The United Kingdom National Archives в Лондоне (далее – UKNA). CUST 3, CUST 4, CUST 14, BT 6/230 (45–54), 232 (7–11, 18–22).

Экспортные цены в России: РГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 264, л. 2–3; ф. 19, д. 260, л. 14–37; Архив Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук (далее – Архив СПбИИ РАН), ф. 36, оп. 1, д. 570, л. 105–106; UKNA. BT 6/231 (148, 193, 195, 199, 202); Государственный исторический архив Латвии (Latvijas Valstsvesturesarhivs – Latvian State Historical Archive) (далее – ГИА Латвии), ф. 4038, оп. 2, д. 1074а, л. 15–16; Государственная внешняя торговля в разных её видах на [1802–1807, 1812–1825] год; Санкт-Петербургские коммерческие ведомости за 1808–1810 гг.

35%, а по сведениям Г. Макартни – 39%¹⁶; в 1821–1825 гг. она достигла 44%, а в 1828–1830 гг. – 48%¹⁷. Цифры близки, и это позволяет надеяться на то, что методика расчёта достаточно верно отражает динамику и за другие годы.

В таком случае во второй половине XVIII в. в Великобританию шло в стоимостном выражении 40–44% русского экспорта, в первой четверти XIX в. – около 38–41%, а в целом за 1760–1825 гг. – 39–43%. Любопытно, что, несмотря на целый ряд событий, препятствовавших ведению торговли, Англия всё это время оставалась важнейшим партнёром России. Даже в 1809–1811 гг. её доля в российском экспорте не уменьшилась. Она сократилась до 36% лишь в 1816–1820 гг. и то не из-за падения объёма поставок в Великобританию из России, а из-за стремительного роста экспорта хлеба в другие страны.

Основу экспорта России составляли пенька, лён, хлеб, сало, лес, железо, льняные и пеньковые ткани, льняное семя, пеньковое масло, щетина, поташ, смола, верёвка, рыбий клей, мыло и юфть. На них в 1769 г. приходилось 96.1%, 1790–1800 гг. – 85.6, 1801–1825 гг. – 81.4% (причём на первые 8 из этих 17 товаров в 1769 г. – 94.1%, 1790–1800 гг. – 91.6, 1806–1825 гг. – 84.3%). Уменьшение их доли объяснялось только постепенным расширением номенклатуры

¹⁶ См.: Macartney G. An Account of Russia. L., 1768.

¹⁷ См.: Государственная внешняя торговля... на [1828–1830] год.

предметов экспорта. Импортируя пеньковое и льняное семя, Британия пыталась наладить у себя собственное производство льна и пеньки, но предприятие не удалось.

На протяжении XVIII в. английская внешняя торговля неуклонно росла, и в 1760-е гг. Великобритания стала центром мировой экономики¹⁸. Она фактически господствовала в Северной Америке, захватила остров Минорка в Средиземном море, Сенегал – в Западной Африке, Гренаду, Доминику, Сент-Винсент и Тобаго – в Карибском море, одержала победу над Францией в Индии, установила тесные торговые связи с Китаем (оттуда в большом количестве везли чай) и посылала корабли через Атлантический и Индийский океаны до крупнейшего южно-китайского портового города Гуанчжоу¹⁹. Для того чтобы оставаться владычицей морей, Великобритании нужен был мощный коммерческий и военный флот. В начале XVIII в. суммарное водоизмещение всех её судов равнялось 323 тыс. т, а к 1788 г. оно увеличилось более чем в 3 раза – до 1 055 тыс. т²⁰. Соответственно возросло и значение кораблестроительных материалов, поступающих из России. В 1774 г. английский купец Н. Каванак, отвечая на вопросы парламентской комиссии о русско-британской торговле, заметил: «А баланс, о котором упомянул я, что он в пользу России, расходится до копейки за сырые материалы, без которых, думаю, не могли бы мы никак обходиться»²¹.

Судя по данным, приведённым в таблице 2, объём импорта пеньки снижался в британских документах на 5–16%, льна – на 1–6%, сала – от 0 до 14%, железа – на 6–7%²². Связано это было, скорее всего, с неточным переводом русской метрологии и преуменьшением стоимости товаров, декларировавшихся английскими купцами в британских портах. Так или иначе, очевидно, что экспорт, отправленный в Великобританию из трёх российских портов, не мог превышать ввоз из всей России, а это прослеживается по всем товарам, кроме льна²³.

Пенька и лён были необходимы для судостроения. Пеньку использовали для выделки такелажа, канатов, веревок, тканей – от брезента до батиста и т.п. Из льна делали парусину, фламское полотно и равендук, каламенку, салфетки и многое другое²⁴. Хотя пеньку и лён возделывали по всему миру, качество русской продукции считалось лучшим в Европе²⁵, и её импорт в Великобританию во второй половине XVIII в. увеличился более чем вдвое, достигнув своей

---

¹⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 3. М., 1992. С. 359–360.

¹⁹ См.: Kennedy P.M. The Rise and Fall of British Naval Mastery. L., 1983. P. 103–109; The Cambridge History of India: In 6 vols. Vol. 5: British India 1497–1858 / Ed. by H.H. Dodwell. Cambridge, 1968. P. 157–165; Chaudhuri K.N. The Trading World of Asia and the English East India Company 1660–1760. Cambridge, 1978. P. 388–396.

²⁰ Davis R. The Rise of the English Shipping Industry in the Seventeenth and Eighteenth Century. L., 1962. P. 27.

²¹ Русско-британские торговые отношения в XVIII веке / Сост. А.В. Дёмкин. М., 1994. С. 62.

²² Пак Ч.-Б. Указ. соч. С. 72–79.

²³ Только в 1777–1785, 1796–1800 и 1816–1820 гг. экспорт льна в Великобританию из Петербурга, Архангельска и Риги оказался меньше британского импорта льна, поскольку лён в большом количестве вывозился и через нарвский, перновский и другие порты (UKNA. FO 65/48, 50).

²⁴ Вавилов И. Беседы русского купца о торговле. СПб., 1845. С. 43–44, 57.

²⁵ The Dictionary of Merchandise and Nomenclature in All Languages for the Use of Counting-Houses. Philadelphia, 1805. P. 127–129, 163–164; Crosby A.W. America, Russia, Hemp, and Napoleon: American Trade with Russia and the Baltic, 1783–1812. Columbus, 1965. P. 15.

Среднегодовой экспорт российских товаров в Великобританию в 1764–1800 гг.

Годы	Пенька, тыс. пуд.		Лён, тыс. пуд.		Хлеб, тыс. четв.		Сало, тыс. пуд.		Лес, тыс. фунт. стер.		Железо, тыс. пуд.		Ткани, тыс. руб. серебром	
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
1764–1767	896	–	398	–	0	–	36	–	59	–	1 179	–	725	841
1776–1780	1 204	1 408	496	441	5	–	293	310	61	–	1 566	1 834	698	884
1781–1785	1 213	1 380	546	464	22	23	441	443	67	–	2 093	2 227	634	821
1786–1790	1 411	1 569	563	569	4	3	859	883	66	–	1 657	1 929	905	1 301
1791–1795	1 637	1 813	680	737	12	10	546	600	109	–	1 857	2 160	934	1 450
1796–1800	1 918	2 142	823	745	72	55	1 095	1 178	169	–	1 652	1 754	1 214	1 801

А – импорт из России по данным британской торговой статистики.

Б – экспорт из трёх главных русских портов (Санкт-Петербурга, Риги и Архангельска) в Великобританию.

Подсчитано по: Британский импорт из России: UKNA. CUST 3, CUST 4, CUST 14; BT 6/230 (45–54), 232 (7–11, 18–22).

Российский экспорт: ГИА Латвии, ф. 4038, оп. 2, д. 1074а, л. 25–26; *Storch H.* Op. cit. S. 39–49; *Неболсин Г.* Статистические записки о внешней торговле России. Ч. 1. Приложение. СПб., 1835; Государственная внешняя торговля... на [1802–1807, 1812–1825] год.

Петербургский экспорт: РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 33, л. 32–33; д. 313, л. 62–63 (1805, 1807–1830; 1810–1811 гг.); Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук, ф. 27, оп. 1, д. 119 (1785 г.); Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 566 (1794, 1799 гг.); UKNA. SP 91/83, 88, 91, 92, 95, 99, 104; BT 6/68, 231, 232, 233; FO 65/48, 50, 54 (169–171), 71(25–26), 88, 91 (1760–1784, 1786–1793, 1795–1798, 1801, 1803, 1806, 1811–1812, 1820 гг.); The Danish National Archiv (далее – DNA). Kommercekollegiets. Rapporter Frå Konsulatet i St. Petersburg; Generaltoldkammer-og Kommercekollegiet. Konsulatsrapporter. St. Petersburg, 1816–1832 (1800, 1802, 1813–1815, 1816–1817, 1821–1824 гг.); The National Archive of Sweden (далее – SNA). Kommers-Kollegium. Skrivelserfrån Konsuler St. Petersburg (1809 г.); *Macgregor J.* Commercial Statistics. Vol. 5. L., 1850. P. 527–530.

Рижский экспорт: Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 566, л. 120–121 (1792–1793 гг.); ГИА Латвии, ф. 4038, оп. 2, д. 1074а, л. 146, 148–171; ф. 1381, оп. 1, д. 10672, л. 237–251 (1789, 1794–1817, 1819–1825 гг.); UKNA. SP 91/101–104; BT 6/231–232 (1776–1788, 1790 гг.); SNA. Kommers-Kollegium. Skrivelserfrån konsuler Riga, 1777–1826 (1819 г.). *Rigascher Anzeigen von allerhand den gemeine Wesen nötigen und nützlichen Sachen, welche mit Genehmigung eines hochedlen und hochweisen Rath bekannt gemacht werden.* Riga, 1762–1797; *Beitrage zur Statistik des Rigaschen Handels.* Riga, 1866.

Архангельский экспорт: Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 566, л. 131–138 об. (1792–1794 гг.); UKNA. SP 91/101–104; BT 6/68, 231–232, 233; FO 65/48, 50, 52, 54, 71 (1776–1790, 1795–1799 1801–1803, 1806, 1818 гг.); DNA. Kommercekollegiets. Rapporter Frå Konsulatet i Arkhangelsk; Generaltoldkammer-og Kommercekollegiet. Konsulatsrapporter. Arkhangelsk, 1816–1848 (1808–1816, 1819–1821, 1823–1825 гг.); *Oddy J.* European Commerce. L., 1805. P. 99.

максимальной величины. При этом в 1764–1799 гг. русская пенька достигала 96.6%, а лён – 78.7% всего британского импорта этих материалов²⁶.

Не менее важны были и разные виды древесины, прежде всего – мачтовые деревья, доски и брус (92% экспорта лесоматериалов из России во второй половине XVIII в. и 87% – в первой половине XIX в.). Русский мачтовый лес, притом только сосновый, использовался преимущественно на больших парусных судах²⁷. Он пользовался тогда большой известностью в Европе²⁸ и во многом обеспечивал превосходство британского флота над французским. «Что касается мачт для военных кораблей, деталей, имевших решающее значение, – писал Ф. Бродель, – то Франция оказалась отстранена от торговли на Балтике, которая через Ригу, а вскоре через Санкт-Петербург снабжала преимущественно Англию... Французский флот был вынужден применять “составной рангоут”».

²⁶ *Kaplan H.H.* Russia's Impact... P. 30–31, 51.

²⁷ *Вавилов И.* Указ. соч. С. 134.

²⁸ *Kahan A.* The Plow, the Hammer and the Knout... P. 203.

А такие искусственные мачты – их изготовляли, соединяя несколько брёвен и стягивая их железными обручами, – были недостаточно гибкими и ломались, когда ставили слишком много парусов. Французские корабли никогда не будут располагать преимуществом в скорости перед англичанами»²⁹. Брусья и доски применялись также и при строительстве домов.

Точно определить размеры экспорта российской древесины в Великобританию достаточно трудно, поскольку видов лесоматериалов было слишком много, а измерялись они в разных единицах³⁰. Стоимость же импорта в фунтах стерлингов (см. табл. 2) указывалась в британских документах не на основании реальных текущих цен, а согласно фиксированным ценам начала XVIII в. Но именно это и позволяет выявить общую тенденцию: с 1764–1767 по 1796–1800 гг. импорт русского леса в Великобританию в постоянных ценах (и следовательно, в натуральном выражении) увеличился более чем в 2.9 раза. И хотя во второй половине XVIII в. больше всего леса Великобритания вывозила из скандинавских стран, однако мачтовый лес, из которого производились большие мачты (Greatmasts) – едва ли не самая важная деталь корабля – на 71% импортировался из России³¹.

Огромную роль играли также пеньковые и льняные ткани и железо. Российская парусина шла на паруса для больших кораблей, а фламское полотно и равендук – на паруса небольших судов. Холст хорошего качества использовался при пошиве одежды для простого народа, плохим покрывали ценные товары³². Чтобы оценить суммарный экспорт из России и суммарный импорт в Великобританию всех видов пеньковых и льняных тканей, их следует выразить в единой валюте. Между тем в британской статистике обороты торговли фиксировались в фунтах стерлингов на основе постоянных цен начала XVIII в., а в российской отмечался объём поставленного товара. Стоимость экспорта тканей можно показать в серебряных рублях по ценам соответствующих лет, а их британского импорта – с помощью пересчёта фунтов стерлингов по вексельному курсу на серебряные рубли. Поскольку российские цены, учитывавшиеся при расчёте, являлись текущими, а британские – постоянными, то оценки британского импорта и российского экспорта не могут не различаться, но тренд их должен совпадать. И действительно, по английским данным, экспорт увеличился в 1.7 раза, а по российским, с учётом роста цен, в 2.1 раза. Следовательно, во второй половине XVIII в. существенно увеличились как стоимость, так и объёмы экспорта пеньковых и льняных тканей. Максимальной величины они достигли в 1796–1800 гг. При этом из-за увеличения экспорта российских тканей в другие страны, в частности в Америку, доля Великобритании в нём сократилась (если судить по Петербургу, через который осуществлялся почти весь их вывоз) с 75% в 1764–1767 гг. до 52% в 1796–1800 гг.

Американский историк А. Кросби констатировал: «Без русских пеньковых тросов и верёвок, без льняных парусов, фитингов и зажимов, сделанных из русского железа, наши парусные корабли были бы неподвижными грудами дре-

---

²⁹ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. М., 1986. С. 387–388.

³⁰ Например, в ведомостях экспорта в Петербурге в 1780-е гг. подробно описывалось около 60 разных видов лесоматериалов, которые вывозились через петербургский порт. Причём цены на мачтовые материалы различались от 30 до 200 руб. за штуку: РГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 1033, л. 7–8; д. 1080, л. 40–41; д. 1129, л. 1–2, 8–9.

³¹ Kaplan H.H. Russian Overseas Commerce. P. 108.

³² Вавилов И. Указ. соч. С. 137–138.

веса. Возьмём, к примеру, 44-пушечный фрегат класса “Constitution”. Ему требовалось два комплекта парусов, каждый размером приблизительно в три четверти акра (3 тыс. кв. м. – *Ч.-Б.П.*). Его такелаж из пеньковой верёвки весил сто тонн. А железо? Не считая якоря, орудий, мушкетов и боеприпасов, судно класса “Constitution” нуждалось в семидесяти пяти тоннах железа»³³. Россия вывозила полосное и листовое железо, лом и т.д.³⁴ Первое место по объёму поставок занимало полосное железо, имевшее хорошую ковкость и использовавшееся в Великобритании для изготовления проволоки, гвоздей, дверей и др.³⁵ Во второй половине XVIII в. Швеция и Россия производили лучшее железо в мире³⁶. Российское железо несколько уступало по качеству шведскому, но благодаря дешёвизне пользовалось широким спросом³⁷. Да и качество его со временем повышалось³⁸. С 1761–1765 по 1781–1785 гг. спрос на русское железо вырос в Великобритании почти вдвое – с 1 179 до 2 093 тыс. пуд. Своей максимальной величины его экспорт достиг в 1781–1785 гг. В дальнейшем, вследствие промышленной революции, он стал уменьшаться и к 1796–1800 гг. сократился на 21%, однако по-прежнему составлял внушительную величину – 1 652 тыс. пуд. в год.

Помимо кораблестроительных материалов, Россия в большом количестве вывозила говяжье сало, которое делилось на свечное и мыльное. Кроме того, оно употреблялось для смазки машин и т.д. В Англии из российского сала в основном изготавливали свечи³⁹. Во второй половине XVIII в. их производство возросло вдвое⁴⁰, а экспорт сала в Великобританию увеличился в 30 раз, причём поставки из России в 1788–1800 гг. составляли 91% от его общего объёма⁴¹. По ночам Великобритания освещалась свечами, сделанными из российского сала.

В XVIII в. хлеб ещё не занимал важного места в русском экспорте, хотя после открытия черноморских портов стал расти вывоз пшеницы, ржи, ячменя и овса (в 1802–1805 гг. эти культуры давали 92% хлебного экспорта империи, более половины которого приходилось на пшеницу). Величина этих поставок сильно колебалась: в урожайные годы в Европе спрос удовлетворялся преимущественно польским хлебом, а в неурожайные резко возрастала роль российского зерна. Импорт российского хлеба в Великобританию не был ни большим, ни стабильным⁴².

С 1780-х гг. отношения между Петербургом и Лондоном ухудшались. Екатерина II стремилась ограничить фактическую монополию англичан во внешней торговле России, развивая коммерческие связи и заключая соответствующую

³³ Crosby A.W. Op. cit. P. 14–15.

³⁴ Вавилов И. Указ. соч. С. 118.

³⁵ Kaplan H.H. Russia's Impact... P. 23.

³⁶ Crosby A.W. Op. cit. P. 16.

³⁷ См.: Kahan A. The Plow, the Hammer and the Knout... P. 184.

³⁸ См., например: Григорова-Захарова С.П. Торговля железом Голицыных во второй половине XVIII в. и её экономические условия. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1953. С. 295–298.

³⁹ The Dictionary of Merchandise... P. 334; Вавилов И. Указ. соч. С. 12, 29.

⁴⁰ Falkus M.E. The Early Development of the British Gas Industry, 1790–1815 // Economic History Review. 1982. Vol. 35. № 2. P. 218.

⁴¹ См.: Tooke T., Newmarch W. A History of Prices and of the State of the Circulation, from 1793 (to the Present Time). Vol. 2. L., 1838. P. 391.

⁴² См.: Вольский М. Очерк истории хлебной торговли Новороссийского края с древнейших времён до 1852 года. Одесса, 1854. С. 56–60; Миронов Б.Н. Экспорт русского хлеба во второй половине XVIII – начале XIX в. // Исторические записки. Т. 93. М., 1974. С. 166–173; Kahan A. The Plow, the Hammer and the Knout... P. 191.

щие соглашения с другими странами. Павел I даже попытался свести торговые операции с Великобританией к минимуму и переориентироваться на её конкурентов. Александр I в начале своего царствования отказался от антибританской политики, однако в 1807 г. вынужден был присоединиться к объявленной Наполеоном континентальной блокаде⁴³. Тильзитский договор обязывал российского императора вступить в войну с Англией, если она не согласится заключить мир на предложенных ей условиях⁴⁴. 24 октября 1807 г. Александр I объявил о разрыве отношений, а 28 октября издал указ, налагавший эмбарго на английские суда и товары⁴⁵. Узнав о предстоящем секвестре, британские купцы покинули русские порты. Из Кронштадта к 29 октября ушло 20 английских кораблей, из Риги с 30 октября по 1 ноября – 41⁴⁶. В конце 1807 г. в блокаде участвовали все балтийские государства, кроме Швеции, формально примкнувшей к ней лишь 17 сентября 1809 г. после проигранной войны с Россией⁴⁷. Вплоть до лета 1812 г. англичане не могли легально причалить ни к одному порту на Балтике⁴⁸. Однако Великобритания не гнушалась никакими средствами, чтобы получить российские стратегические материалы, и увеличила импорт из России.

Статистические материалы, характеризующие торговлю России с Великобританией в эти годы, особенно скудны. Английские данные об импорте из России в 1801–1805, 1808, 1813 гг. отсутствуют. С 1802 г. состояние внешней торговли России ежегодно освещалось в официальном издании «Государственная внешняя торговля в разных её видах»⁴⁹, однако оно не вышло в 1808–1811 гг., а русско-британские экономические связи отражены в нём лишь с 1828 г. В ведомостях Коммерц-коллегии в 1808–1811 гг. исчезла статья об экспорте в Англию, поскольку он был официально запрещён. В результате, по словам М.Ф. Злотникова, «несмотря на запрещение, английские товары проникали в Россию, а русское сырьё переправлялось в Англию, чаще всего на нейтральных судах»⁵⁰. Торговля продолжалась, но осуществлялась теперь на британских или иных (прежде всего американских, датских и прусских) судах под флагами нейтральных государств⁵¹ и по подложным документам, что фиксировалось в британских таможенных документах. В 1810 г. английский юрист сэр У. Скотт, признавал: «Всемирно известно, что мы ведём свою торговлю со всем миром по подложным и поддельным документам»⁵². Разумеется, всё

---

⁴³ Melvin F.E. Napoleon's Navigation System: A Study of Trade Control during the Continental Blockade. N.Y., 1919. P. 17–18.

⁴⁴ Злотников М.Ф. Указ. соч. С. 129–130.

⁴⁵ ПСЗ-И. Т. 29. № 22653, 22664.

⁴⁶ Злотников М.Ф. Указ. соч. С. 137–138.

⁴⁷ Kukiel M. Baltic Problems of the war of 1812 // Baltic and Scandinavian Countries. 1938. Vol. 4. № 1. P. 10; Сироткин В.Г. Континентальная блокада и русская экономика (обзор французской и советской литературы) // Вопросы военной истории России. XVIII – первая половина XIX века. М., 1969. С. 69.

⁴⁸ Kukiel M. Op. cit. P. 10–11.

⁴⁹ Государственная [внешняя] торговля в разных её видах на [1802–1807, 1812–1850] год. СПб., 1802–1851.

⁵⁰ Злотников М.Ф. Указ. соч. С. 155. Подробнее см.: Inglis J. Commerce as It Was, Is, and Ought to Be. L., 1811. P. 38; Anderson M.S. Op. cit. P. 71; Ryan A.N. Trade with the Enemy in the Scandinavian and Baltic Ports during the Napoleonic War: For and against // Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 12. 1962. P. 128–129.

⁵¹ Цена на фрахт при этом заметно возросла. Если в мирное время доставка тонны пеньки из Петербурга в Лондон стоила 2 ф. стерл., то осенью 1809 г. – уже 30 (Anderson M.S. Op. cit. P. 74).

⁵² Ruppenthal R. Denmark and the Continental System // Journal of Modern History. 1943. Vol. 15. № 1. P. 16. Профессиональные мошенники делали эти бумаги столь хорошо, что было трудно доказать подделку. См.: Ryan A.N. Op. cit. P. 138.

**Среднегодовой экспорт пеньки из России в 1791–1825 гг.
(в пудах и % к общероссийскому экспорту)**

Годы	Импорт в Великобританию (по сведениям британской торговой статистики)		Экспорт (по сведениям российской торговой статистики)					
			общероссийский		из Петербурга, Риги и Архангельска			
					всего		в Великобританию	
			тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
1791–1795	1 637	53	3 090	100	3 047	99	1 813	59
1801–1805	–	–	3 606	100	3 513	97	2 142 ^а	59
1808–1811	2 175 ^б	69	2 694	100	2 609	97	0	0
1812–1815	2 027 ^в	65	2 808	100	2 670	95	1 408	50
1816–1820	1 456	55	2 629	100	2 478	94	1 300 ^г	55
1821–1825	1 591	55	2 870	100	2 770	97	1 691 ^д	59

^а 1801–1804 гг.; ^б 1809–1811 гг.; ^в 1812, 1814–1815 гг.; ^г 1816–1817, 1820 гг.; ^д 1821–1824 гг.
Подсчитано по: см. табл. 2.

**Среднегодовой экспорт льна из России в 1791–1825 г.
(в пудах и % к общероссийскому экспорту)**

Годы	Импорт в Великобританию (по сведениям британской торговой статистики)		Экспорт (по сведениям российской торговой статистики)					
			общероссийский		из Петербурга, Риги и Архангельска			
					всего		в Великобританию	
			тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
1791–1795	680	48	1 420	100	1 206	85	737	52
1801–1805	–	–	1 447	100	1 062	73	610 ^а	45
1808–1811	1 164 ^б	75	1 329	100	885	67	0	0
1812–1815	1 026 ^в	75	1 315	100	949	72	531	40
1816–1820	865	68	1 275	100	965	76	692 ^г	54
1821–1825	1 367	74	1 840	100	1 485	81	1 154 ^д	70

^а 1801–1804 гг.; ^б 1809–1811 гг.; ^в 1812, 1814–1815 гг.; ^г 1816–1817, 1820 гг.; ^д 1821–1824 гг.
Подсчитано по: см. табл. 2.

это повышало риски балтийской торговли и вызвало бурный рост цен на российские товары.

В таблицах 3–9 обобщены все выявленные сведения о вывозе наиболее важных российских товаров в Великобританию в 1801–1825 гг.

В 1808 г., судя по резкому падению общего экспорта из России, импорт пеньки в Великобританию уменьшился (см. табл. 3). Однако уже с 1809 г. он стал быстро восстанавливаться, достигнув 2 458 тыс. пуд. в 1809 г. и 2 647 тыс. пуд. в 1810 г., после чего, видимо, существенно сократился в 1811 г. Тем не менее в 1809–1811 гг. Великобритания в среднем ежегодно ввозила 2 175 тыс. пуд. пеньки – больше, чем в «нормальные» предблокадные 1801–1805 гг. отправлялось из Петербурга, Архангельска и Риги. Примерно такой же уровень сохранялся и в 1812–1815 гг. (2 027 тыс. пуд.). В 1816–1825 гг. поставки пеньки в Великобританию снизились почти до того уровня, на котором они находились перед началом наполеоновских войн. В целом же в 1801–1825 гг.

94% британского импорта пеньки поступало из России⁵³. В 1828–1830 гг. в Великобританию ежегодно шло около 1 314 тыс. пуд. пеньки (60% её всероссийского экспорта)⁵⁴. С середины XIX в. англичане стали импортировать манильскую пеньку⁵⁵.

Экспорт льна в Великобританию из Петербурга, Архангельска и Риги в 1801–1804 гг. доходил до 610 тыс. пуд., составляя 45% от общего экспорта льна из России (см. табл. 4). С учётом же других портов⁵⁶ доля Великобритании, возможно, была даже несколько выше.

Во время континентальной блокады экспорт льна в 1808 г. резко упал, но затем быстро увеличился. В 1828–1830 гг. импорт российского льна в Англию достиг 1 820 тыс. пуд. Доля Великобритании в общем экспорте льна из России в 1809–1811 гг. составляла 75% (без учёта контрабанды), в 1801–1825 гг. – 73%, в 1828–1830 гг. – 77%⁵⁷. Российский лён занимал ведущее место в британском импорте: в 1809–1830 гг. его ежегодно ввозилось около 1 264 тыс. пуд. (71%)⁵⁸.

Ценность экспортируемого из России леса увеличилась (в серебряных рублях) в 1821–1825 гг. по сравнению с 1806–1807 гг. в 3,2 раза (см. табл. 5). Однако объём вывоза мачт и бруса в Великобританию в первой четверти XIX в. снизился почти на четверть. Напротив, импорт досок увеличился более чем в 2 раза. Во время континентальной блокады английское правительство стимулировало закупку леса в Канаде и повысило таможенный тариф на его ввоз из Европы⁵⁹. Однако потребности в древесине были столь велики, что обойтись вовсе без российских поставок оказалось невозможно. При этом более или менее точно долю Великобритании в российском экспорте леса можно определить лишь с конца 1820-х гг.: в 1828–1830 гг. она составляла 56%⁶⁰.

Наращивая в условиях промышленной революции внутреннее производство железа⁶¹, Англия с конца XVIII в. стала уменьшать его импорт из России. В 1791–1795 гг. в Великобританию уходило 75% российского железа, в 1801–1805 гг. – 56%, в 1828–1830 гг. – 30%. Во время блокады его ввоз снизился на 29%. В целом за 1801–1825 гг. экспорт российского железа в Великобританию сократился почти вдвое (см. табл. 6).

Спрос на российские пеньковые и льняные ткани в Англии также сокращался: с 1791–1795 по 1821–1824 гг. их ввоз упал в 27 раз (см. табл. 7). Под влиянием индустриальной революции британская текстильная промышленность в первой половине XIX в. быстро развивалась⁶² и стала удовлетворять потребности страны и флота⁶³. Какое-то время ещё сохранялся незначительный импорт парусного и фламского полотна, рвендука и некоторых других тканей,

⁵³ См.: *Tooke T., Newmarch W.* Op. cit. P. 391.

⁵⁴ Государственная внешняя торговля... на [1828–1830] год.

⁵⁵ *Warden A.J.* The Linen Trade, Ancient and Modern. Ed. 2. L., 1867. P. 100–101.

⁵⁶ С 1795 г., когда в состав империи вошли курляндские порты Виндава и Либава, из которых вывозилось немало льна, доля Риги и Петербурга стала уменьшаться. Генеральные балансовые ведомости начали учитывать Виндаву и Либаву с 1796 г. См.: РГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 20, л. 4.

⁵⁷ Государственная внешняя торговля... на [1828–1830] год.

⁵⁸ См.: *Tooke T., Newmarch W.* Op. cit. P. 391.

⁵⁹ *Davis R.* The Industrial Revolution and British Overseas Trade. Leicester, 1979. P. 47–49.

⁶⁰ Государственная внешняя торговля... на [1828–1830] год.

⁶¹ См.: *King P.* The Production and Consumption of Bar Iron in Early Modern England and Wales // *Economic History Review*. 2005. Vol. 58. № 1. P. 7.

⁶² *Crafts N.F.R.* British Economic Growth during the Industrial Revolution. Oxford, 1985. P. 23.

⁶³ *Davis R.* The Industrial Revolution... P. 24, 64.

Среднегодовой экспорт леса из России в 1806–1825 гг.

Годы	Общероссийский экспорт (по сведениям российской торговой статистики), тыс. руб. серебром	Импорт России в Великобританию (по сведениям британской торговой статистики)			
		мачтовый лес, тыс. штук	доски, тыс. штук	брус, футов ^а	общая стоимость, тыс. фунт. стер.
1806–1807	634	13.1	790	1 230	190
1808–1811	134	2.1 ^б	151 ^б	197 ^б	26 ^б
1812–1815	502	4.7 ^в	1 026 ^в	695 ^в	71 ^в
1816–1820	1 162	2.9	1 224	460	48
1821–1825	2 044	3.1	1 721	401	53

^а Фут = 30.48 см.; ^б 1809–1811 гг.; ^в 1812, 1814–1815 гг.

Подсчитано по: см. табл. 2.

Среднегодовой экспорт железа из России в 1791–1825 гг.
(в пудах и % к общероссийскому экспорту)

Годы	Импорт в Великобританию (по сведениям британской торговой статистики)		Экспорт (по сведениям российской торговой статистики)					
			общероссийский		из Петербурга, Риги и Архангельска			
					всего		в Великобританию	
			тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
1791–1795	1 857	65	2 869	100	2 625	91	2 160	75
1801–1805	–	–	2 162	100	1 612	75	1 217 ^а	56
1808–1811	485 ^б	29	1 501	100	1 032	69	0	0
1812–1815	529 ^в	30	1 584	100	771	49	352	22
1816–1820	200	19	1 030	100	521	51	153 ^г	15
1821–1825	294	25	1 190	100	727	61	277 ^а	26

^а 1801–1804 гг.; ^б 1809–1811 гг.; ^в 1812, 1814–1815 гг.; ^г 1816–1817, 1820 гг.; ^д 1821–1824 гг.

Подсчитано по: см. табл. 2.

но доля Великобритании в российском экспорте тканей сократилась с 57% во второй половине XVIII в. до 2% в 1821–1825 гг.

Поставки российского сала в первой четверти XIX в., напротив, увеличились в 1.7 раза (см. табл. 8). В 1828–1830 гг. доля Великобритании в его общероссийском экспорте увеличилась до 82%⁶⁴ вследствие растущего спроса на свечи, особенно на предприятиях, работавших ночью. В 1806 г. один из самых больших прядильных заводов в Манчестере «McConnel & Kennedy» жёг свечи 8 ч в сутки в зимние дни и 4 ч в сутки в течение шести месяцев. Всего там каждую ночь сжигалось в среднем 1 500 свечей, на что за 25 недель уходило более 15 тыс. фунтов сала⁶⁵.

Экспорт русского хлеба в первой четверти XIX в. продолжал расти, а его величина по-прежнему сильно зависела от урожая, хотя и в меньшей степени, чем во второй половине XVIII в. Наиболее существенное его увеличение наблюдалось в 1801–1805 и 1816–1820 гг. – соответственно в 5.3 и 3.4 раза по сравнению с предыдущим пятилетием (см. табл. 9). В общем вывозе из России

⁶⁴ Государственная внешняя торговля... на [1828–1830] год.

⁶⁵ Falkus M.E. Op. cit. P. 219.

**Среднегодовой экспорт пеньковых и льняных тканей из России в 1791–1825 гг.
(в рублях серебром и % к общероссийскому экспорту)**

Годы	Импорт в Великобританию (по сведениям британской торговой статистики), тыс. руб. серебром	Экспорт (по сведениям российской торговой статистики)					
		общероссийский		из Петербурга, Риги и Архангельска			
				всего		в Великобританию	
		тыс. руб. серебром	%	тыс. руб. серебром	%	тыс. руб. серебром	%
1791–1795	934	2 670	100	2 783	104	1 450	54
1801–1805	–	2 877	100	2 965	103	1 554 ^a	54
1808–1811	591 ^b	–	–	2 066 ^b	–	0	0
1812–1815	298 ^c	1 689	100	1 653	98	492	29
1816–1820	30	1 978	100	1 867	94	90 ^a	4
1821–1825	29	2 776	100	2 372	85	53 ^c	2

^a 1801–1804 гг.; ^b 1809–1811 гг.; ^b 1809 г.; ^c 1812, 1814–1815 гг.; ^a 1816–1817, 1820 гг.; ^c 1821–1824 гг.
Подсчитано по: см. табл. 2.

**Среднегодовой экспорт сала из России в 1791–1825 гг.
(в пудах и % к общероссийскому экспорту)**

Годы	Импорт в Великобританию (по сведениям британской торговой статистики)		Экспорт (по сведениям российской торговой статистики)					
			общероссийский		из Петербурга, Риги и Архангельска			
					всего		в Великобританию	
			тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
1791–1795	546	55	989	100	938	95	600	61
1801–1805	–	–	1 779	100	1 791	101	1 505 ^a	78
1808–1811	802 ^b	70	984	100	874	89	0	0
1812–1815	1 457 ^b	73	1 867	100	1 696	91	1 218	65
1816–1820	1 608	72	2 222	100	2 167	98	1 613 ^c	72
1821–1825	2 275	77	2 949	100	2 714	92	2 433	83

^a 1801–1804 гг.; ^b 1809–1811 гг.; ^b 1812, 1814–1815 гг.; ^c 1816–1817, 1820 гг.
Составлено по: см. табл. 2.

в 1817 г. он составлял уже 48% (спрос тогда заметно усилился из-за голода в Европе, вызванного извержением вулкана Тамбора⁶⁶).

Доля Великобритании в общероссийском экспорте хлеба оставалась невысокой, но постепенно становилась всё больше⁶⁷. Во второй половине XVIII в., по британским данным, она составляла около 6%, в первой четверти XIX в. – 10%. В период континентальной блокады, когда вывоз зерна из России сократился, а его ввоз в Великобританию, наоборот, увеличился, она возросла до 17% от общероссийского хлебного экспорта, а в 1818 г., во время экспортного бума, доходила до 25%, находясь в 1816–1820 гг. на высшей точке, которой не

⁶⁶ См.: Post J.D. A Study in Meteorological and Trade Cycle History: The Economic Crisis Following the Napoleonic Wars // Journal of Economic History. 1974. Vol. 34. № 2. P. 320–332.

⁶⁷ В первой половине XVIII в. Англия не только сама себя обеспечивала зерном, но и вывозила его. Импорт начался в 1760-е гг. и в дальнейшем лишь набирал обороты. См.: Mitchell B.R. Abstract of British Historical Statistics. Cambridge, 1971. P. 94–95.

**Среднегодовой экспорт хлеба из России в 1791–1825 гг.
(в тыс. четвертей в переводе на пшеницу* и % к общероссийскому экспорту)**

Годы	Импорт в Великобританию (по сведениям британской торговой статистики)		Экспорт (по сведениям российской торговой статистики)					
			общероссийский		из Петербурга, Риги и Архангельска			
	тыс. чет.	%			тыс. чет.	%	всего	
			тыс. чет.	%			тыс. чет.	%
1791–1795	12	4	306	100	228	75	10	3
1801–1805	–	–	1 621	100	651	40	71 ^a	5
1808–1811	51 ^b	17	305	100	73	24	0	0
1812–1815	52 ^b	7	774	100	208	27	12	2
1816–1820	362	14	2 590	100	781	30	242 ^г	9
1821–1825	19	2	978	100	42	4	20	2

* Для перевода вычисляются процентные отношения цен на рожь, ячмень и овёс к цене на пшеницу, складывавшиеся в том или ином году на Рижской бирже. Например, в 1761 г. они были – 1 (пшеница) : 0.55 (рожь) : 0.49 (ячмень) : 0.46 (овёс), но каждый год изменялись. Объём экспорта каждого хлеба умножается на соответствующий процентный коэффициент, а полученные цифры суммируются.

^a 1801–1804 гг.; ^b 1809–1811 гг.; ^в 1812, 1814–1815 гг.; ^г 1816–1817, 1820 гг.

Подсчитано по: см. табл. 2.

достигала ни ранее, ни в следующую четверть века⁶⁸. Но в целом поставки из России приобретали значительные размеры только при недороде (например, в 1801–1802, 1810–1812 и 1817–1818 гг.). В 1761–1800 гг. оттуда поступило лишь 3% британского импорта пшеницы, в первой четверти XIX в. – 7%, в апогей неурожая (1817 г.) – 18%⁶⁹. Хлебные законы («Corn Laws») разрешали ввоз хлеба в Англию лишь в том случае, если цены на него превышали установленный предел⁷⁰. Их отмена в 1846 г. стимулировала экспорт российского зерна через черноморские порты: в 1846–1850 гг. его доля в британском хлебном импорте соответствовала 20%, в 1866–1870 гг. – 33%⁷¹. Уже в 1860-е гг. Великобритания покупала почти половину вывозимого из России хлеба⁷².

Как бы то ни было, во второй половине XVIII – первой трети XIX в. русское сырьё и полуфабрикаты (особенно пенька, лён, лесоматериалы, сало, железо, пеньковые и льняные ткани) заметно способствовали мировой экспансии Великобритании и её индустриальной революции. Английские торгово-промышленные круги поддерживали торговые связи с Россией и в некоторых случаях (например, в 1791 г.) решительно выступали против войны с ней⁷³. В 1780-е и первой половине 1790-х гг., до начала наполеоновских войн, цены на российские товары в Лондоне были в целом стабильны (см. табл. 10), но со второй половины 1790-х гг. начали быстро повышаться, а в 1808–1811 гг. поднялись в 2.5 раза по сравнению с 1782–1785 гг. После окончания континентальной блокады они сразу упали на 23% и в последующие годы снижались, почти

⁶⁸ Государственная внешняя торговля... на [1821–1845] год.

⁶⁹ Mitchell B.R. Op. cit. P. 94–95.

⁷⁰ Davis R. The Industrial Revolution... P. 40.

⁷¹ Mitchell B.R. Op. cit. P. 98–101.

⁷² Золотов В.А. Хлебный экспорт России через порты Чёрного и Азовского морей в 60–90-е годы XIX в. Ростов н/Д., 1966. С. 205–208.

⁷³ Станиславская А.М. Англо-русские отношения в конце XVIII в. // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. 1957. Вып. 12. С. 109–111.

Таблица 10

Средний невзвешенный индекс цен
на российские товары
(пеньку, лён, пшеницу, сало, брус и железо)
в Лондоне в 1782–1825 гг.

Годы	Индекс
1782–1785	100
1786–1790	98
1791–1795	108
1796–1800	147
1801–1805	165
1808–1811	253
1812–1815	205
1816–1820	141
1821–1825	116

Подсчитано по: Tooke T., Newmarch W. A History of Prices and of the State of the Circulation, from 1793 (to the Present Time): In 6 vols. Vol. 2. L., 1838. P. 379–420.

прежнему оставались необходимы для их промышленности. А поступавший через Чёрное море хлеб с середины XIX в. превратился в новый жизненно важный импортный товар. Состав российского экспорта в Великобританию изменялся, но всегда имел для неё стратегическое значение. Во второй половине XVIII в. она поглощала 40–44% экспорта России, в первой четверти XIX в. – около 38–41 (см. табл. 1), 1828–1840 гг. – 42, 1841–1850 гг. – 38%⁷⁵.

достигнув в 1821–1825 гг. довоенного уровня.

Таким образом, несмотря на мощный торговый флот и интенсивные коммерческие связи с государствами Европы и всего мира, Великобритания не смогла найти достойную замену русской продукции. Это свидетельствует о несостоятельности мнения исследователей, считающих, будто в начале XIX в. для Великобритании «только поставки пеньки из России фактически трудно было заменить», а после 1815 г. она уже не зависела от ввоза русского сырья⁷⁴. Англичанам действительно удалось наладить собственное производство железа и тканей, однако пенька, лён, сало и лес по-прежнему оставались необходимы для их промышленности.

⁷⁴ Anderson M.S. Op. cit. P. 73–74; Kaplan H.H. Russian Overseas Commerce... P. 272–273.

⁷⁵ Государственная внешняя торговля... на [1828–1850] год.

Уральские горнозаводчики XVIII – начала XX в.: эволюция исторических типов

Евгений Неклюдов

The owners of the Ural mining enterprises from the eighteenth through the early twentieth centuries: evolution of their types

*Evgeny Neklyudov (Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg)*

В начале своего творческого пути уроженец и знаток Урала Д.Н. Мамин-Сибиряк задумал написать трилогию, в которой предполагал «в исторической последовательности очертить преемственное развитие типов уральских заводчиков»¹. В полной мере замысел писателя не осуществился: в 1880-е гг. он создал романы «Приваловские миллионы» и «Горное гнездо», в которых представил собирательный образ далёкого потомка энергичных «фундаторов» заводов XVIII в., превратившегося в «бесхарактерного и бессильного» владельца, не занимавшегося уже заводским делом. Писатель счёл такой тип венцом эволюции исторического облика горнозаводчиков, со всей неизбежностью ведущей к краху и самой уральскую промышленность. Это представление сложилось у него в условиях начавшегося кризиса отрасли, который казался современникам симптомом её окончательного упадка и во многом связывался с личностными характеристиками хозяев многочисленных уральских горнозаводских округов. Но насколько это было верно?

За два с лишним века от строительства первых металлургических заводов на Урале в начале XVIII в. до национализации промышленности и ликвидации крупной частной собственности в Советской России уральские горнозаводчики (их насчитывалось около 850 человек)² превратились в одну из самых значимых и престижных групп российского предпринимательства. При этом, разумеется, их исторический облик, определявшийся изменениями в социальном статусе и способах владения и управления заводами, претерпел существенную эволюцию.

Деятельные «фундаторы», вышедшие из разных слоёв общества, смогли в достаточно сжатые сроки создать на Урале основу промышленности protoиндустриального уровня. Перенеся сюда европейский технологический опыт, они воспользовались теми неограниченными ресурсами, которые получали от государства. В 1719 г. Берг-привилегия установила государственную монополию

© 2016 г. Е.Г. Неклюдов

Статья подготовлена при поддержке РФНФ, проект № 16-01-00137.

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Автобиографическая записка // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. М., 1958. С. 197.

² Предприниматели Урала XVII – начала XX в. Справочник. Вып. 1. Уральские горнозаводчики / Авт.-сост.: Е.Г. Неклюдов, Е.Ю. Рукоусев, Е.А. Курлаев, В.П. Микитюк. Екатеринбург, 2013.

на недра и разрешила разрабатывать минеральные ресурсы «всем, и каждому... какого б чина и достоинства он ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях»³. Одновременно «горная регалия» была дополнена лесной, что позволило казне выделять заводчикам огромные земельные «дачи» для заготовки древесного топлива. Государство приписывало к заводам государственных крестьян, а в 1721 г. предоставило их владельцам право покупать крепостных. Возникшая тогда тесная связь заводчиков и государства, меняя свои формы, сопровождала их взаимоотношения и в дальнейшем.

Главной заслугой первых поколений горнозаводчиков стало не просто строительство заводов, а создание окружной системы, которая оказалась наиболее совершенной формой организации металлургического производства в географических и демографических условиях Урала того времени. В каждом округе формировался металлургический комплекс, состоявший из нескольких заводов-цехов, расположенных на приписанной к ним обширной территории, где организовывалась также добыча руды и заготовка топлива, прокладывались транспортные коммуникации и создавалась социальная инфраструктура, призванная обеспечивать жизнь сложного по своему составу рабочего населения.

Всё это требовало непосредственного участия заводчика, которому необходимо было сочетать организаторские способности с техническими и экономическими знаниями, умением договариваться с начальством разного уровня, вплоть до самого высшего, и готовностью жёстко удерживать работников на предприятиях с тяжелейшими условиями труда. Основным методом обеспечения заводов рабочей силой стало в существовавших тогда условиях закрепощение, вызывавшее активное сопротивление, которое подавлялось с помощью того же государства⁴.

Поэтому период становления округов оказался довольно напряжённым и долгим, охватив фактически весь XVIII в. Помимо сложности задач, это было связано с неравномерностью подключения различных областей обширного края к горнозаводскому делу, а также с происходившим тогда дроблением собственности в результате распада «горных империй» крупнейших уральских заводчиков. Такие «империи», возникшие на начальном этапе развития промышленности, затем дробились, становясь своего рода «инкубаторами» обособлявшихся в их границах горнозаводских округов.

Так, во владении самого известного заводчика той эпохи А.Н. Демидова, помимо переданного ему из казны в 1702 г. первого Невьянского завода, оказалось ещё 17 других металлургических предприятий, возведённых им и его отцом Н.Д. Антюфеевым (Демидовым) на огромном пространстве Среднего Урала иногда лишь для того, чтобы закрепить за собой ту или иную территорию, считавшуюся перспективной и богатой ресурсами. Все они управлялись из Невьянска, где располагалась главная резиденция владельца. Однако внутри этого аморфного объединения далеко не всегда складывались рациональные производственные связи, и лишь со временем экономическая целесообразность приводила к образованию и обособлению в нём отдельных заводских комплексов – зачатков будущих горнозаводских округов.

Процесс дробления обширных, сложноорганизованных и трудноуправляемых «горных империй» ускорялся при смене поколений владельцев. Раз-

³ ПСЗ-I. Т. 5. № 3464. § 1.

⁴ Черкасова А.С. Мастерские и работные люди в XVIII в. М., 1985; она же. Рождение индустриальной цивилизации Урала. XVIII век. Екатеринбург, 2012.

дел наследства между сыновьями А.Н. Демидова, осуществлённый в 1758 г. с учётом уже сложившихся связей, привёл к формированию сначала трёх, а при дальнейших переходах (в 1765–1767 гг.) – четырёх самостоятельных территориально-хозяйственных комплексов с более рациональной организацией производства и управления. При необходимости в них возводились новые заводы. Тем же путём распались не менее крупные «империи» других уральских горнозаводчиков – Строгановых (в 1747–1749 и 1757–1763 гг.), Н.Н. Демидова (в 1758 и 1783 гг.), И.Б. Твердышева и И.С. Мясникова (в 1782–1785 гг.), С.Я. Яковлева (в 1787–1788 и 1806 гг.) и др.⁵ К концу XVIII в. на территории Урала функционировало 48 частных и 6 казённых округов (в дальнейшем их число менялось).

Параллельно происходила нобилитация заводчиков, которые в ходе своей промышленной деятельности превращались и в крупнейших в России землевладельцев и душевладельцев. Выходцы из Тульской оружейной слободы Демидовы получили дворянский диплом в 1726 г., «именитые люди» Строгановы стали баронами в 1722 г., соликамский купец А.Ф. Турчанинов, которому казна передала Сысертские заводы, – в 1783 г., сыновья осташковского крестьянина С.Я. Яковлева, ставшего коллежским асессором, были возведены в дворянство в 1796 и 1799 гг.⁶ Тот же путь прошли тульские купцы Лугинины и оружейники Мосоловы, выходцы из монастырских крестьян Осокины, верхотурские купцы Походяшины и наследники симбирского купца И.С. Мясникова. Несколько дворянских родов после покупки (Лазаревы, Всеволожские) или наследования (Голлицыны, Шаховские, Пашковы и др.) заводов подключились к горнозаводскому предпринимательству во второй половине XVIII в. Таким образом довольно узкий вначале дворянский слой превратился в доминирующую группу в составе уральских заводчиков, доля которой и впоследствии не опускалась ниже 85%.

Одворянившиеся потомки «фундаторов» заводов постепенно усваивали образ жизни высшего сословия и отдалялись от предпринимательской деятельности, предпочитая ей государственную службу или другие занятия, связанные с их личными интересами. Иногда это приводило к полному отказу от владения заводами. Так, получив после раздела наследства отца Невьянские заводы, П.А. Демидов в 1769 г. продал их С.Я. Яковлеву. Его племянник П.Г. Демидов в 1767 г. передал полученные по наследству заводы своим братьям. Впоследствии П.А. и П.Г. Демидовы прославились как крупные благотворители. Несколько представителей рода Строгановых, желая освободиться от накопившихся долгов, продали доставшиеся им части распавшейся пермской вотчины В.А. Всеволожскому (в 1773 г.) и И.Л. Лазареву (в 1778 и 1784 гг.). Не состоялись как заводчики сыновья основателя Богословских заводов М.М. Походяшина и внуки Л.И. Лугинина, владевшие Златоустовскими заводами. Не смогли закрепиться на Урале и знатные сановники елизаветинского царствования (Воронцовы, П.И. Шувалов, А.Г. Гурьев, И.Г. Чернышёв, С.П. Ягужинский). Большинство переданных им в 1750-е гг. казённых заводов вскоре были возвращены государству, некоторые оказались проданы С.Я. Яковлеву.

⁵ Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. 1. М.; Л., 1949; Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в.: заводы и заводовладельцы. М., 1962; Мезенина Т.Г. Пермские владения Строгановых в XVIII – первой половине XIX в.: особенности пространственной и социально-экономической организации. Нижний Тагил, 2011; Юркин И.Н. Демидовы. Столетие побед. М., 2012.

⁶ Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII в. в России. М., 1999. С. 37–38, 43, 314, 347, 368.

Однако большая часть одворянившихся владельческих родов всё-таки сохранила заводы в своих руках, воспользовавшись теми возможностями, которые возникали по мере завершения формирования горнозаводских округов, стабилизации их производственной структуры и многоуровневой системы окружного управления, все звенья которой замещались, как правило, обученными крепостными служителями, постепенно превращавшимися в особую привилегированную касту в составе заводского населения. Создание эффективно функционировавшего местного управления требовало немалых усилий со стороны заводчика, но оно освободило его от значительной части прежних обязанностей и необходимости непосредственно участвовать в решении повседневных дел. Строгановы изначально пользовались подобной практикой, уже давно сложившейся в их пермской солепромышленной вотчине и нуждавшейся лишь в приспособлении к новому металлургическому производству. У Демидовых такая возможность появилась в третьем–четвёртом поколениях (при Н.А. Демидове и его племянниках А.Г. и П.Г. Демидовых). С.Я. Яковлеву, В.А. Всеволожскому, И.Л. Лазареву оставалось только придать завершённый вид тем порядкам, которые уже существовали на приобретённых ими предприятиях.

Следствием нобилизации владельцев и стабилизации окружной системы стали, таким образом, перемены в функциях заводчиков и их историческом облике. Хозяева отдалялись от своих заводов в прямом и переносном смысле, их предпринимательские занятия сужались до участия в принятии лишь самых важных стратегических решений, контроля за финансами и поддержания эффективности местной крепостной администрации при помощи деловой переписки и единичных инспекторских поездок в далёкие от их столичных резиденций уральские имения. Этот процесс происходил неравномерно и завершился в основном к началу XIX в.

В первой половине XIX в. «дистанционное управление» окончательно укоренилось фактически во всех горнозаводских округах и было доведено до совершенства, например, во время владения Н.Н. Демидова и его сыновей Нижнетагильскими, Х.Е. Лазарева – Чёрмозскими, кн. С.М. Голицына – Нытвенскими, А.И. Яковлева – Верх-Исетскими заводами. Это позволяло владельцам жить вдали от своих уральских имений (как правило, в Петербурге, а то и за границей), и, получая значительные доходы, состоять на государственной службе, часто в высоких чинах и должностях, путешествовать, коллекционировать произведения искусства, заниматься наукой, благотворительностью и меценатством⁷.

Между тем на рубеже XVIII–XIX вв. произошли перемены в политике властей, которые стали рассматривать «горный промысел» не столько как «источник народного благосостояния», сколько как «источник государственных доходов»⁸. Это выразилось, в частности, в закреплении владельческих

⁷ Демидовский временник. Исторический альманах / Под ред. А.С. Черкасовой. Кн. 1–2. Екатеринбург, 1994, 2008; *Пирогова Е.П.* Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург, 2000; *Юркин И.Н.* Демидовы – учёные, инженеры, организаторы науки и производства. Опыт науковедческой просопографии. М., 2001; *Мезенина Т.Г., Мосин А.Г., Мудрова Н.А., Неклюдов Е.Г.* Род Строгановых. Екатеринбург, 2007; *Пирогова Е.П., Неклюдов Е.Г., Ларионова М.Б.* Род Турчаниновых. Екатеринбург, 2008; *Кузнецов С.О.* Строгоновы. 500 лет рода. Выше только цари. М., 2012; *Мосин А.Г.* Род Демидовых. Екатеринбург, 2012; *Неклюдов Е.Г., Торопов А.Н.* Род Яковлевых. Екатеринбург, 2013; *Неклюдов Е.Г., Попова-Яцкевич Е.Г.* Род Лазаревых. Екатеринбург, 2014.

⁸ Так в 1862 г. характеризовали промышленную политику тех лет члены созданной при Министерстве финансов Комиссии по пересмотру Горного устава. См.: РГИА, ф. 37, оп. 5, д. 939, л. 9–17 об.

прав казны на предоставленные многим заводчикам «пособия» в виде земель, лесов, рудников и рабочих людей. Юридическим основанием для этого стала замена «горной регалии» и «горной свободы» введённым в 1782 г. принципом акцессии (принадлежности недр владельцу поверхности земли). Это привело к разделению частных заводов на владельческие и посессионные и установлению между ними сначала податных (в 1794 г.), а затем и правовых различий, зафиксированных в изданном в 1806 г. Проекте Горного положения – первом кодексе российского горнозаводского законодательства, ставшем впоследствии основой для Горного устава. Посессионные заводы облагались теперь полуторной податью, а их владельцы (в числе которых оказались Демидовы, Мосоловы, Осокины, наследники С.Я. Яковлева, А.Ф. Турчанинова и др.) ограничивались в своих хозяйственных распоряжениях. С того времени началась и «необъявленная война» заводчиков против «казённой опеки», проявлявшаяся в индивидуальных попытках перевести свои заводы в разряд владельческих и в совместных усилиях, направленных на то, чтобы добиться пересмотра наиболее одиозных норм посессионного права⁹.

Вместе с тем, когда на Урале были обнаружены богатейшие золотые россыпи, заводчики получили в 1824 г. монополию на разработку драгоценных металлов на территории принадлежавших им округов. Воспользовавшись этим, они создали в своих хозяйствах новую высокодоходную и не требовавшую больших капиталовложений золотоплатиновую отрасль, развитие которой способствовало подъёму металлургического производства после спада, вызванного в начале XIX в. резким сокращением спроса на его продукцию в Европе. Фактически лишившись тогда внешнего рынка, уральские заводчики вынуждены были искать покупателей внутри страны, где их защищали от импортного металла высокие таможенные тарифы. Правительство не поднимало горные подати, разрешало владельцам закладывать заводские имения на длительный срок в казённых кредитных учреждениях (прежде всего Петербургской и Московской сохранных казнах), с 1847 г. стало выдавать им из открытой в Екатеринбурге конторы Коммерческого банка краткосрочные кредиты под залог металлов, для того чтобы облегчить составление операционных капиталов.

Появление новых отраслей окружного хозяйства и отмена в 1807 г. института приписных крестьян заставили уральских заводчиков всё активнее покупать крепостных или переводить их из других регионов, что вело к росту численности горнозаводского населения и унификации его правового состава. Лишь в нескольких округах оставались государственные мастеровые и непременные работники, положение которых регулировалось особыми казёнными штатами.

Одновременно владельцы переходили в своих отношениях с крепостными работниками к «попечительской» политике, стараясь поддерживать их трудоспособность и удовлетворять разнообразные, в том числе и культурные потребности. Порой в основе этого лежали вполне прагматичные соображения. Так, Н.Н. Демидов, владевший Нижнетагильскими заводами, в одном из предписаний разъяснял приказчикам, что «притеснять трудников не надобно, а держаться совершенной справедливости, ибо угнетение их более может послужить во вред мне, нежели им, от чего я теряю более, нежели они»¹⁰. Сказывалось и влияние получившей тогда распространение теории патернализма, разработанной

⁹ Неклюдов Е.Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX в. Екатеринбург, 2011.

¹⁰ РГАДА, ф. 1267, оп. 3, д. 338, л. 1.

французским социологом Ф. Лепле во время поездок на Урал в 1840–1850-е гг. Она опиралась на принцип «семейственности» и учитывала особенности мировоззрения православного народа¹¹. Практика патернализма на заводах вела в ряде случаев к формированию среди местного населения своего рода «культы» владельцев, который те всячески поддерживали и укрепляли. В этом плане особенно активно проявляли себя заводовладелицы, доля которых среди заводчиков достигала 40%. Так, владевшая Строгановским майоратом с Билимбаевскими заводами графиня С.В. Строганова и совладелица Нижнетагильских заводов А.К. Карамзина устраивали в своих уральских имениях ссудные кассы, вводили страхование и пенсионное обеспечение для рабочих и служащих, открывали детские приюты, школы для девочек, публичные библиотеки.

Результатом такой политики становилась относительная «гармонизация» социальных отношений и отсутствие крупных волнений, характерных для предыдущего периода, что наряду с другими факторами способствовало увеличению производительности труда и доходности заводов. Там же, где владельцы не имели достаточных средств на довольно затратную попечительскую политику или не понимали её необходимости, возникали более или менее острые конфликты, в ходе которых заводское население обрушивало свой гнев не на своих «далёких» собственников, а на находившихся рядом приказчиков и управляющих.

Стабилизационный период развития окружной системы, сопровождавшийся ростом доходов, формировал у части заводовладельцев иллюзию благополучия, что порой приводило к безрассудной трате денег, изымаемых даже из оборотного капитала, и, как следствие, к банкротству. Так, владелец Пожевских заводов В.А. Всеволожский, прозванный «русским Крёзом» за казавшиеся несметными богатства, в конце жизни оказался под попечительством, а его сыновья А.В. и Н.В. Всеволожские, известные представители петербургской богемы, задолжав казне огромную сумму денег, были вынуждены начать распродажу родового имущества, завершившуюся уже при их наследниках. Внуки А.Г. Демидова тоже не смогли удержать в своих руках родовые Суксунские заводы, которые в 1848 г. были переданы акционерной компании, составленной из их кредиторов.

В первой половине XIX в. всё острее стала ощущаться и проблема «многовладения», когда при смене поколений собственниками заводов одновременно могли оказаться от 2 до 32 (как, например, в Невьянском округе) человек. Устоявшаяся к тому времени производственная структура горнозаводских округов не позволяла уже провести раздел заводов, как это происходило в XVIII в. Вместо этого практиковалось дробление права владения ими: каждый из совладельцев получал условную долю имущества, в соответствии с которой и происходило распределение доходов и расходов. Это вело к усложнению управления и возникновению конфликтных ситуаций, случавшихся довольно часто. Так, более 30 лет длилась ссора между многочисленными наследниками А.Ф. Турчанинова, владевшими Сысертскими заводами (главную роль в ней играла враждовавшая со своими родственниками Н.А. Колтовская). Непримируемая вражда между тремя наследниками Е.Л. Лазарева осложнила ситуацию на Чёр-

---

¹¹ Лепле Ф. Основная конституция человеческого рода. М., 1897; Мондей К. Французский социолог Фредерик Лепле и его деятельность в России // Коммерция и государство в истории России (XVI–XX вв.). Сборник исследований. Екатеринбург, 2001. С. 64–76; Ермоленко Т.Ф. Патернализм в России (Опыт культурно-исторического анализа). Ростов н/Д, 1999.

моозских заводах в 1830–1850-е гг. и вызвала значительные финансовые издержки. Причиной упадка Кыштымских заводов в 1840-е гг. официально признавался «раздор» между дочерьми купца Л.И. Расторгуева – М.Л. Харитоновой и Е.Л. Зотовой. Борьба между совладельцами Шурминско-Залазнинских заводов Мосоловыми в 1820-е гг. сопровождалась не только составлением подложных актов, но и организацией волнения рабочих с целью устранения от управления сторонников одной из соперничающих сторон¹².

Разумеется, такие случаи не только портили отношения в семьях владельцев, но и препятствовали развитию заводов и ухудшали положение заводского населения. Рост долгов заводчиков перед казной, частными кредиторами или рабочими вызывал вмешательство государства, на разные сроки ограничивавшего права владельцев с помощью учреждения опеки, попечительств, надзора или даже казённого управления. В крайнем случае, заводы выставлялись на публичные торги.

После освобождения горнозаводского населения от крепостного права пришлось переводить заводы на вольнонаёмный труд, более дорогой и сложноорганизованный. Это усиливало социальную напряжённость, вело к столкновению экономических интересов и появлению массового рабочего движения там, где ещё недавно господствовали патерналистские отношения. Кроме того, реформа заставила уральских «заводчиков-помещиков» заняться нехарактерным для промышленников наделением мастеровых и сельских работников землёй¹³. Между тем землеустройство населения сокращало ресурсный потенциал округов, и без того истощённый длительной эксплуатацией. Сказывалось истребление окрестных лесов и отсутствие в регионе месторождений качественного каменного угля, всё шире использовавшегося в мировой металлургии. Вследствие расширения импорта металла из Европы и опережающего развития нового металлургического района на Юге России существенно возросла конкуренция, которая вызвала необходимость индустриализации, не ограниченной «встраиванием» новой техники в старую производственную структуру, как это зачастую происходило раньше. Но полноценная индустриализация наталкивалась на особенности окружной системы с её сложной организацией и сравнительно невысокими объёмами производства. Требовалось фактически разрушить сложившуюся ещё в XVIII в. систему заводского хозяйства и, по сути, создать на её месте новую промышленность индустриального типа с иной комбинацией производственных связей и рыночными механизмами функционирования¹⁴.

В 1860–1870-е гг. в правительственных кругах при участии горнозаводчиков разрабатывались проекты системных преобразований в горнозаводской промышленности, основанные на признании приоритета частной собственности и поощрении предпринимательства. Либеральный по своей сути замысел реформы предполагал ликвидацию посессионного права путём выкупа посессий

---

¹² Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004.

¹³ Горовой Ф.С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961; Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на Горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996.

¹⁴ Гуськова Т.К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX – начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007; Грузинов А.С. Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX – начале XX в. М., 2009; Шустов С.Г. Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX – начале XX в. Пермь, 2010.

заводчиками у казны, приватизацию почти всех казённых заводов, разрешение свободного частного промысла на государственных землях, фактическое упразднение региональной горной администрации, а также замену попудной подати подоходным налогом.

Однако задуманная реформа не удалась главным образом из-за сопротивления горных властей и сложности осуществления преобразований, требовавших учёта во многом различавшихся интересов казны, заводчиков и местного населения. В 1860–1890-е гг. только несколько округов, пользовавшихся ранее «пособием в людях», были освобождены от посессионного статуса, другие были переведены в состав владельческих при публичной продаже на основании особых Высочайших повелений. Реализация же разработанных в 1866, 1868 и 1878 гг. проектов выкупа посессионных земель и лесов откладывалась до завершения землеустройства горнозаводского населения, которое затянулось до начала XX в. Под давлением заводчиков правительство отказалось и от подготовленного в 1899 г. проекта «разверстания посессий» между казной и владельцами, грозившего остановкой многих предприятий. Лишь в начале XX в. заводчики добились снятия «посессионных ограничений» на продажу природных ресурсов и залог округов в ипотечных банках по частным распоряжениям властей. Из семи существовавших в то время на Урале казённых округов по правилам, утверждённым в 1871 г., были проданы только два. Начавшаяся же в 1886 г. реформа горного управления ограничилась корректировкой сложившейся системы, сохранив её основные звенья. Горные подати в 1869 г. были понижены, но только в 1898–1901 гг. их заменили промысловым налогом.

Значительно усложнившиеся во второй половине XIX – начале XX в. условия развития горнозаводской промышленности существенно повысили роль заводчиков и привели к формированию новой тенденции, связанной с их возвращением к активной предпринимательской деятельности, которая стала теперь не менее престижной, чем государственная служба. Причём эта тенденция прослеживается как среди потомственных заводладельцев, так и у тех, кто оказался в их составе уже в пореформенное время. Большинство из них по-прежнему предпочитали управлять «дистанционно», нанимая на заводы инженеров, техников, геологов, лесничих, бухгалтеров и других образованных специалистов, количество которых тогда заметно возросло. В то же время наблюдается стремление заводчиков чаще посещать свои уральские имения (С.С. Абамелек-Лазарев и Е.П. Демидов, например, старались делать это ежегодно), а некоторые из них даже переселялись на Урал. Так, в частности, поступили кн. С.Е. Львов, А.Ф. Поклевский-Козелл, Д.П. Соломирский и даже британский барон В. Рекстер-Вагстаф, который намеревался жить на купленных им Холуницких заводах в Вятской губернии. Предпринимательство зачастую становилось для таких владельцев основным занятием. Но, в отличие от своих далёких предшественников, они сосредоточивались, как правило, на организации управления, передавая заботы о многоотраслевом хозяйстве в руки российских или иностранных специалистов¹⁵.

К новому типу заводчиков можно отнести владельца Чёрмозских заводов кн. С.С. Абамелек-Лазарева, Лысьвенских – гр. П.П. Шувалова, Сысертских – П.М. Турчанинова, Шайтанских – П.В. Берга, Симских – Н.П. Балашова и др. В принадлежавших им округах в конце XIX – начале XX в. началась корен-

---

¹⁵ Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013.

ная реконструкция, выразившаяся не только в обновлении оборудования и внедрении новых технологий, но и в ломке устаревших связей, концентрации производства и т.п. Способные предприниматели встречались и среди тех, кто приобретал уральские имения (С.Д. Башмаков, кн. С.Е. Львов, Н.П. Пастухов, Г.М. Пермикин, А.Ф. Поклевский-Козелл, В.А. Ратьков-Рожнов, В.Н. Рукавишников, П.Г. Солодовников). В своей деятельности они стремились опираться уже не столько на помощь государства, сколько на собственные силы и ресурсы, используя в конкуренции и новейшие механизмы синдикатского типа¹⁶.

В то же время не смогли адаптироваться к новым условиям развития отрасли и вынуждены были продать или закрыть заводы Всеволожские, Губины, Мосоловы, Пашковы, Сухозанеты, Пономарёвы, Поклевские, Бенардаки, «ревдинские» и «суксунские» Демидовы. «Расточительными и беспечными» современники называли владельца Белорецких заводов Н.И. Пашкова, Никитинских – Н.Н. Всеволожского, Холуницких – А.Д. Пономарёва и И.А. Поклевского-Козелл, Каноникольского завода – А.П. Загряжского. Следствием пренебрежительного отношения к своим владельческим обязанностям оказывалось, как правило, признание их несостоятельными должниками с последующей распродажей имущества.

Прежние наиболее распространённые формы индивидуальной государственной поддержки либо вовсе утрачивали своё значение, либо использовались в единичных случаях, когда «несостоятельность» заводчика обуславливалась не столько его расточительностью, сколько не всегда удачными мерами по возрождению заводов. Так, фактическое признание банкротами С.Д. Башмакова, К.Э. Белосельского-Белозерского, А.П. Демидова и др. стало следствием недостатка капиталов, необходимых для реконструкции заводов, или резких скачков динамично менявшейся конъюнктуры рынка, делавших непредсказуемыми размеры дохода. В условиях, когда уральская металлургия вступала на рыночный путь с его нестабильной динамикой, любые стратегические решения зачастую сопрягались с немалым, а порой и неоправданно высоким финансовым риском.

Фундаментальная реконструкция производства и слом окружающей системы требовали крупных инвестиций, нередко превышавших доходы заводов и заводчиков. Это делало целесообразным и даже необходимым акционирование, которое инициировалось, как правило, самими владельцами. Начавшись в середине XIX в., этот процесс значительно ускорился в условиях острого металлургического кризиса начала XX в. и к 1917 г. охватил 20 из 28 (72%) горнозаводских округов Урала¹⁷. Заметную роль в этом играли крупные российские и европейские банки и банковско-промышленные группы, которые постепенно вытесняли прежних владельцев (на момент национализации их оставалось всего восемь человек) и замещали их в процессе трансформации устаревших форм организации труда и производства.

---

¹⁶ Сапоговская Л.В. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX вв. (к характеристике процессов монополизации). Екатеринбург, 1993; она же. «Старые» владельцы уральских горнозаводских округов второй половины XIX – начала XX в.: опыт типологии хозяйствования // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 19–34; Друзин М.В. Уральские горнозаводчики и власть в конце XIX – начале XX в.: опыт типологии отношений // История предпринимательства в России: XIX – начало XX в. Вып. 4. СПб., 2008. С. 135–175.

¹⁷ Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982.

Эволюция облика уральских заводчиков XVIII – начала XX в., таким образом, заключалась в последовательной смене трёх исторических типов, соответствовавших периодам развития окружной организации горнозаводской промышленности и формировавшихся под влиянием сословного характера российского общества. Заводчиков – организаторов производства и универсальных специалистов периода становления окружной системы в XVIII в. сменили заводчики-помещики, дистанцировавшиеся от непосредственного управления заводами в условиях стабилизации окружной организации в первой половине XIX в., а их, в свою очередь, – вернувшиеся к профессиональному управлению заводчики-менеджеры второй половины XIX – начала XX в., когда под влиянием индустриализации начался распад окружной системы и формирование промышленности нового типа.

На заключительном, прерванном революцией и национализацией этапе истории, уральский заводчик стал утрачивать свой персонифицированный облик. В условиях развернувшейся в стране модернизации на смену ему приходили обезличенные акционерные общества, становившиеся корпоративными собственниками заводов. Основными их участниками являлись уже не столько представители «старинных» владельческих родов, сколько крупные промышленные или финансовые организации, возможности которых более соответствовали масштабным задачам индустриализации. Созданный же Д.Н. Маминым-Сибиряком художественный образ заводчика, не занимавшегося и не желавшего заниматься заводскими делами, в той или иной степени был характерен для всех периодов истории уральской промышленности. Однако он никогда не становился доминирующим типом, прежде всего благодаря влиянию государства, стремившегося при всех противоречиях своей политики поддерживать развитие стратегически важной отрасли экономики.

Советская авиационная промышленность 1940-х гг. и первые реактивные самолёты

Михаил Мухин

Soviet aircraft industry of the 1940s and the first jets

Mikhail Mukhin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Реактивные самолёты появились лишь на заключительном этапе Второй мировой войны и поэтому не сыграли роль волшебного «супероружия», одним своим присутствием меняющего соотношение сил в борьбе за господство в воздухе. Однако способность разрабатывать и серийно производить подобные машины приобрела самостоятельное значение. Она стала определять принадлежность государства к достаточно узкому кругу держав – обладателей «макротехнологий», играющих в современной экономике важнейшую роль, и освоение их определило место той или иной страны в мировом разделении труда¹.

© 2016 г. М.Ю. Мухин

¹Подробнее см.: *Ленчук Е.Б.* Проблемы перехода России к инновационной модели развития // Промышленная политика России и Украины в условиях перехода к инновационной модели развития. М., 2003. С. 11.

Хорошо известны реактивные самолёты, разработанные во время Второй мировой войны в Германии, Великобритании и США. Что же касается СССР, то традиционно считается, что первое поколение таких самолётов появилось в послевоенные годы на базе «трофейных» немецких турбореактивных двигателей. Однако до «первого» поколения советских самолётов с реактивными двигателями было ещё одно, которое можно называть «нулевым», к сожалению, до сих пор почти не охваченное историографией.

Несколько статей об отдельных моделях подобных самолётов или редкие упоминания о них в монографиях выдержаны в основном в духе истории техники и естествознания. Уделяя внимание конструктивным характеристикам, авторы, как правило, игнорируют общеисторический фон, на котором проводились разработки. Поэтому описания того или иного «авиакурьёза» не складываются в цельную картину истории «нулевого поколения» как явления в первую очередь политического и экономического. Данная статья призвана заполнить эту досадную лауну.

Работы по созданию самолётов с нетрадиционными для того времени типами моторов велись в СССР уже в довоенные годы. Ещё в 1933 г. в Москве был учреждён Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ), где проектировались и ракетные моторы для аэропланов. Работы по этой тематике не относились к числу приоритетных, однако до испытаний дело дошло. 28 февраля 1940 г. пилот В.Ф. Фёдоров поднял в небо первый советский ракетоплан конструкции С.П. Королёва СК-9 (РП-318) с жидкостным реактивным двигателем (ЖРД) Л.С. Душкина².

РНИИ не входил в структуру Наркомата авиапромышленности (НКАП), и, пройдя ряд переподчинений, институт к началу Великой Отечественной войны оказался подведомственным наркомату боеприпасов (НКБ). Высшим приоритетом для руководства НКБ была разработка реактивных снарядов для «Катюш» и тематика, связанная с ракетопланами, отошла на второй план. Кроме того, бригаду РНИИ, занимавшуюся работой над ЖРД, организационно разделили. Часть её, под руководством Душкина, осталась в институте, а группа инженеров во главе с Глушко была арестована; на её основе сформировали бригаду в ОКБ IV спецотдела НКВД³.

Что касается собственно авиапромышленности, то НКАП преимущественно курировал работы по установке на серийные самолёты с поршневыми моторами дополнительных пульсирующих воздушно-реактивных двигателей (ПуВРД). В декабре 1939 г. на авиазаводе № 1 начались лётные испытания И-15бис, на котором в качестве дополнительных ускорителей было установлено два ПуВРД модели ДМ-2 конструкции И.А. Меркулова⁴. В последние предвоенные месяцы в системе НКАП начали разрабатываться и проекты ракетопланов. Так, весной 1941 г. в ОКБ Болховитинова в инициативном порядке⁵ А.Я. Березняк и А.М. Исаев начали работу над истребителем БИ, оснащённым ЖРД Д-1А-1100 конструкции Л.С. Душкина⁶, впрочем, работы по этому проекту к 22 июня 1941 г. продвинулись недалеко. Наконец, незадолго до войны в Центральном

---

² Данилов Б. Из истории создания реактивной авиации // Военно-исторический журнал. 1981. № 3. С. 70.

³ Естифьев М.Д. Огненные крылья. М., 2005. С. 100.

⁴ Самолётостроение в СССР. 1917–1945. Кн. II. М., 1994. С. 426.

⁵ Естифьев М.Д. Указ. соч. С. 59.

⁶ Самолётостроение в СССР... С. 405

аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ)⁷ начались исследования, связанные с воздушно-реактивными двигателями компрессионного типа (ВРДК)⁸.

Все вышеперечисленные проекты базировались на использовании ЖРД, ВРДК или ПуВРД. Между тем нам, живущим в XXI в., очевидно, что магистральным путём развития реактивной авиации стал турбореактивный двигатель (ТРД). Принципиальная схема такого двигателя была не так уж сложна, однако её практическое воплощение «в металле» требовало решения массы технологических задач.

Одной из наиболее сложных проблем для технологов и конструкторов было создание лопаток турбины, которые должны были часами работать в потоке раскалённых газов, истекавших из камеры сгорания. Отечественный проект ТРД конструкции А.М. Люльки курировался НКАП, но с целью решения проблемы лопаток турбины компрессора работы над этим двигателем были сосредоточены на Кировском заводе, весьма далёком от авиапроблематики⁹. К началу войны они продвинулись достаточно далеко и даже обсуждались в высших государственных инстанциях. Так, в утверждённом 12 июля 1940 г. Комитетом обороны при СНК СССР плане развития реактивной техники упоминалось изучение вопросов «о применении реактивных двигателей большой мощности для сверхскоростных стратосферных полётов, а также проведение работ по турбореактивным двигателям конструкции А.М. Люлька с тем, чтобы уже в декабре 1940 г. испытать двигатель на стенде»¹⁰.

Как видим, разработка реактивной авиации в довоенном СССР уже началась. Однако велись изыскания весьма неспешно, высоким приоритетом не обладали, а главное – были раздроблены между несколькими ведомствами, что не позволяло ни концентрировать ресурсы на важнейших направлениях, ни наладить взаимодействие между конструкторскими группами.

Понимало ли руководство НКАП ненормальность сложившейся ситуации? Видимо, да, поскольку ещё в сентябре 1940 г. наркомат предложил Комитету обороны создать в своей структуре на базе СКБ Центрального котлотурбинного института наркомата электропромышленности (НКЭП) НИИ авиационной теплотехники. В это НИИ и предлагалось передать все конструкторские группы, связанные с моделями реактивных авиадвигателей. Однако НКЭП резко возражал против такого посягательства на сокращение его материальной базы и сферы компетенции, в результате проект был отклонён. Тем не менее НКАП не оставил идеи объединения если не всех, то хотя бы основных работ по реактивной тематике под своей эгидой. В феврале 1941 г. было выдвинуто предложение передать из структуры НКБ в НКАП НИИ-3 (так стал называться РНИИ после передачи в Наркомат вооружений). Однако и это предложение не прошло¹¹.

Разумеется, с началом Великой Отечественной войны вопрос о научных исследованиях, обещавших практическую отдачу в отдалённом будущем, потерял актуальность. Работы по реактивной тематике были прекращены, однако после того, как непосредственная угроза существованию СССР миновала, во-

⁷ Позднее эти работы были переданы в Центральный институт авиамоторостроения (ЦИАМ).

⁸ *Подрепный Е.И.* Реактивный прорыв Сталина. М., 2008. С. 92.

⁹ *Серов Г.* В начале реактивной эры // *Самолёты мира.* 1997. № 3–4. С. 2.

¹⁰ *Данилов Б.* Указ. соч. С. 71.

¹¹ *Серов Г.* Указ. соч. С. 2.

зобновились. Продолжились эксперименты с ПуВРД. Так, в 1941–1942 гг. на истребителе ЛаГГ-3 испытывались подвесные ПуВРД ВРД-1, разработанные в НИИ Гражданского воздушного флота под руководством М.М. Бондарюка¹². Однако вскоре стало очевидно, что сама концепция ПуВРД как дополнительного двигателя на самолёте с поршневым мотором – вариант тупиковый.

Возобновились и работы над истребителем БИ. Первый полёт боевого ракетоплана Березняка и Исаева состоялся 15 мая 1942 г.¹³, а уже 9 июня вышло постановление ГКО № 1903, согласно которому завод № 293 был обязан приступить к сборке малой серии таких самолётов. Всего предполагалось произвести 30 ракетопланов (8 – в 1943 г., а остальные в 1944 г.), но на практике масштабы производства оказались куда скромнее. В 1943 г. удалось выпустить лишь 3 готовые машины и сдать ещё 2 безмоторных планера БИ¹⁴. Ракетный перехватчик оснащался пушечным вооружением и рассматривался не как «демонстратор технологий», а как полноценная боевая машина. К сожалению, 27 марта 1943 г. произошла катастрофа второго экземпляра самолёта БИ, его пилот погиб¹⁵. Эта трагедия существенно затормозила доводку машины.

Несколько позже к разработке ракетоплана приступили и в НИИ-3. Собственно, тема «302», подразумевавшая строительство ракетоплана, была включена в план работ ещё весной 1941 г. (почти одновременно с началом работ над БИ). Однако на тот момент НКБ требовал от директора института А.Г. Костикова в первую очередь интенсифицировать работы над реактивными снарядами «РС», поэтому по теме «302» долгое время ничего не делалось. Спустя год Костикову удалось добиться важной (пусть и сугубо бюрократической) победы – постановление ГКО № 2105сс от 26 июля 1942 г. официально санкционировало начало работ над самолётом «302». Ракетоплан надо было предъявить на совместные испытания с «двумя вариантами ВРД»¹⁶: с первым – к 15 марта, со вторым – к 15 мая 1943 г.¹⁷

Судя по всему, позиции Костикова в НКБ постепенно ухудшались, поэтому для него переориентация на авиационную тематику была хорошим вариантом смены подчинённости. 15 июля 1943 г. было издано постановление ГКО № 2046, предусматривавшее преобразование НИИ-3 в Государственный институт ракетной техники (ГИРТ), причём он передавался из структуры НКБ в непосредственное ведение правительства. Сам Костиков был назначен директором опытного авиазавода № 55¹⁸. Увы, как показала жизнь, Костиков был хорош только на поле бюрократических интриг, а вот с опытно-конструкторскими работами не ладилось.

Постановление № 2105сс выполнялось с серьёзным отставанием от графика. Первый экземпляр ракетоплана «302» прибыл на испытания в Лётно-испытательный институт НКАП лишь 23 сентября 1943 г., причём Костиков, в нарушение постановления ГКО, построил самолёт только в одном экземпляре – с единственным двигателем ЖРД, оставив вариант с ПуВРД в законцовках

---

¹² *Алексеев В., Никольский М.* Истребители Лавочкина в Великой Отечественной войне // *Авиация и космонавтика.* 2000. № 5–6. С. 21.

¹³ *Данилов Б.* Указ. соч. С. 71.

¹⁴ ЦА МО, ф. 35, оп. 11323, д. 78, л. 5.

¹⁵ Там же, л. 4.

¹⁶ Первый вариант – только с ЖРД в хвостовой части фюзеляжа, второй – с дополнительной парой прямоточных воздушно-реактивных двигателей (ПВРД) в законцовках крыла.

¹⁷ ЦА МО, ф. 35, оп. 11323, д. 78, л. 40 об.

¹⁸ *Ангельский Р.* ...А если бы не Королёв? // *Авиация и космонавтика.* 1998. № 4. С. 22.

«на потом» (которое так и не наступило). Испытания самолёта начались только в октябре, причём в «планёрном режиме» – аэроплан буксировался бомбардировщиком СБ¹⁹, а ЖРД за всё время испытаний так и не был запущен. После того как у самолёта выявили ещё и автоколебания руля направления, его решили отправить на продувку в аэродинамической трубе²⁰.

Что касается конструкторской группы Люльки, создание ТРД (готового к тому моменту на 70%) продолжать в условиях блокады Ленинграда было невозможно. Реанимировать работы удалось лишь в 1943 г., после передачи коллектива ОКБ-293 В.Ф. Болховитинова (в составе которого трудился и Люлька с единомышленниками) в состав НИИ-1 НКАП. Несколько позднее группа перешла в ЦИАМ, где сложилось три центра разработки авиамоторов нетрадиционных на тот момент схем: Холщевникова (ВРДК), Люльки (ТРД с осевым компрессором) и Уварова (ТРД с центробежным компрессором). Стоит упомянуть, что в 1942 г. М.И. Гудков предлагал строить экспериментальный истребитель под ТРД конструкции Люльки, но ввиду отсутствия двигателя как такового эти предложения представляли сугубо академический интерес и были отклонены.

Таким образом, в 1941–1943 гг. ситуация с работами в области реактивной авиации по сравнению с довоенным периодом практически не изменилась. По-прежнему не было чёткого понимания, какой тип двигателя имеет приоритет, и работы велись сразу по целому вееру направлений – ЖРД, ПуВРД, ВРДК, ТРД. К тому же эти изыскания были хаотично и произвольно распределены между различными ведомствами. В тот момент эта ситуация не тревожила советское руководство – применение реактивного двигателя рассматривалось как дело отдалённого будущего.

Однако в 1944 г. всё изменилось. Ручейки информации о зарубежных работах в области реактивного самолётостроения начали сливаться в полноводную реку. Летом 1943 г. в Главное управление инженерно-авиационной службы ВВС РККА поступила справка о состоянии работ по реактивным самолётам за рубежом, в которой кратко характеризовались основные проекты реактивных самолётов, разрабатываемых в Германии, Англии и других странах²¹. Она была не слишком информативна: из реально существовавших самолётов упоминался только Хе-280, зато был описан сугубо фантастический Хе-Т; достаточно причудливо были представлены реактивные самолёты и моторы Англии, США, Италии и Франции. Однако стало очевидно, что подобные работы идут, причём достаточно интенсивно. СССР рисковал отстать как от противников, так и от союзников.

Создание реактивной авиации было решено форсировать. 18 февраля 1944 г. вышло постановление ГКО № 5201, по которому вся соответствующая тематика наконец-то сосредоточивалась в ведении НКАП²². При нём создавался Научно-исследовательский институт реактивной авиации (НИИРА), вскоре переименованный (очевидно, из соображений секретности) в НИИ-1. Причём основным предметом его исследований ставились проблемы именно моторостроения: при наличии работоспособного мотора создание под него самолёта представлялось уже не столь сложным. Предполагалось, что все коллективы,

¹⁹ Серов Г. Указ. соч. С. 5.

²⁰ РГАЭ, ф. 8044, оп. 1, д. 1182, л. 48.

²¹ ЦА МО, ф. 35, оп. 11323, д. 77, л. 98–100.

²² Арсеньев Е. Самолёты ОКБ им. А.И. Микояна. И-250(Н) // *Авиация и космонавтика*. 2001. № 3. С. 34.

ведущие научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в области реактивной авиации, должны влиться в состав НИИ-1. В рамках НКАП должно было остаться два центра реактивного авиадвигателестроения – НИИ-1 и ЦИАМ.

Увы, и на этот раз централизаторские интенции уступили ведомственным амбициям. Не позднее 3 марта 1944 г. был одобрен проект плана опытных работ по авиационным моторам на 1944 г., в котором значились и реактивные авиадвигатели:

«1. Однокамерный жидкостный реактивный двигатель автономного действия РД-1 конструкции Глушко с номинальной тягой 1000 кг. Вес двигателя – 180 кг. Расход топлива и окислителя на 1 кг тяги – 5 гр/сек. На испытания РД-1 должен быть подан в августе 1944 г.;

2. Воздушно-реактивный двигатель ВРДК-107А (ответственный руководитель Фадеев) с мотором М-107А, винтом и компрессором с номинальной тягой 680 кг. Вес двигателя 950 кг, расход топлива на 1 кг тяги – 0.5 гр/сек. Лётные испытания запланированы на ноябрь 1944 г.;

3. Воздушно-реактивный двигатель ВРДК-30 (ответственный руководитель Толстов) с мотором М-30В, винтом и приводом компрессора от газовых турбин с номинальной тягой 1 250 кг. Вес – 1 500 кг, расход топлива на 1 кг тяги – 0.8 гр/сек. Десятичасовые заводские испытания этого комплекса ВРДК и авиадизеля запланированы на декабрь 1944 г.;

4. Воздушно-реактивный двигатель ВРДК-ГТУ (ответственный руководитель Уваров) с газовой турбиной, компрессором и винтом, с номинальной тягой 340 кг. Вес – 400 кг, расход на 1 кг тяги – 0.55 гр/сек.;

5. Воздушно-реактивный двигатель ВРДК-ГТЛ (ответственный руководитель Люлька) с компрессором и газовой турбиной с номинальной тягой 1 250 кг. Вес – 900 кг., расход на 1 кг тяги – 0.65 гр/сек.»²³.

Данный план, по сути, выхолостил попытку сделать НИИ-1 головной организацией по разработке реактивных двигателей в масштабах СССР. Проекты Уварова, Толстова и Фадеева (впоследствии руководителем работ над ВРДК стал Холщевников) развивались в рамках ЦИАМ, Глушко работал на производственной базе завода № 16. За НИИ-1 оставалось лишь непосредственное руководство работами над ТРД Люльки и не упомянутым в вышеприведённом плане ЖРД Душкина, предназначенным для ракетоплана Поликарпова.

30 мая 1944 г., в развитие постановления № 5201 и ряда последующих решений ГКО, вышел приказ наркома авиапромышленности № 371, распределивший между конструкторскими бюро задачи по разработке самолётов с реактивными моторами разного типа. Так, А.С. Яковлеву предстояло оснастить истребитель Як-9 однокамерным ЖРД РД-1 конструкции В.П. Глушко, а также сконструировать новый истребитель под трёхкамерную версию того же двигателя. П.О. Сухой должен был установить такой же однокамерный двигатель РД-1 на штурмовик Су-6. Перед С.А. Лавочкиным была поставлена задача установить такой же двигатель на Ла-5 и разработать новый истребитель, оснащённый турбореактивным двигателем ТР-1 А.М. Люльки. Перед Н.П. Поликарповым – сконструировать экспериментальный истребитель под двухкамерный ЖРД Л.С. Душкина. Два КБ – А.И. Микояна, и П.О. Сухого – получили задания

---

²³ ЦА МО, ф. 35, оп. 11323, д. 176, л. 9–10. Для последних двух пунктов сроки были весьма расплывчаты, на декабрь 1944 г. предполагалось лишь изготовить двигатели и снять их общие характеристики.

на разработку истребителя под ВРДК К.В. Холщевникова, совмещённого с поршневым мотором ВК-107А. Наконец, всё ещё велись работы над самолётами БИ и «302». Таким образом, из 9 самолётов, начало конструирования которых было санкционировано приказом № 371, 5 строились с двигателями Глушко, группа которого оставалась в ведении НКВД.

Сроки сдачи новых самолётов оказались весьма сжатыми. Уже в августе 1944 г. на испытания должны были выйти Як-9 и Ла-5 с однокамерными ЖРД Глушко, причём ожидалось, что использование реактивного двигателя позволит за 3 мин довести скорость истребителя до 780 км/ч. На сентябрь–октябрь планировалось поступление на испытания ракетоплана Яковлева с трёхкамерным ЖРД Глушко с автономной подачей²⁴ топлива. Испытания остальных самолётов рассчитывали начать в первой половине 1945 г. Предполагалось, что они смогут развить скорость 800–810 км/ч²⁵.

Руководство советской авиапромышленности пошло по привычному пути работ по всему вееру возможных конструкций реактивных двигателей: ЖРД, ТРД и ВРДК. Сейчас уже очевидно, что будущее оказалось за ТРД и первым поколением советских реактивных истребителей стали самолёты, оснащённые «трофейными» немецкими турбореактивными двигателями РД-10 (ЮМО-004) и РД-20 (БМВ-003). Но между машинами с поршневыми моторами и первым поколением отечественных реактивных истребителей было оно – «нулевое поколение», создаваемое согласно майскому приказу наркома А.И. Шахурина. Разумеется, эти самолёты не производились крупносерийно. Однако, работая над ними, конструкторы и производственники набирались опыта, осваивали новые технологии и приёмы.

Модели «нулевого поколения» конструировались и испытывались практически синхронно, ряд самолётов комплектовался одинаковыми двигателями. Это ставило перед конструкторами однотипные проблемы, перспективы отдельных конструкций зависели от успеха работ «конкурентов». Иными словами, «нулевое поколение» – самостоятельный предмет исследования с чётко очерченными хронологическими рамками – от весны 1944 г. (распределение проектов реактивных истребителей различных схем между конструкторскими бюро) до весны 1948 г. (окончательное завершение испытаний И-250).

Первыми – весной 1944 г. – «с дистанции сошли» все модели ракетопланов. Но это отнюдь не означало прекращения доводки и отладки жидкостных реактивных двигателей. Более того, на истребители с комбинированной двигательной установкой (поршневой мотор и ЖРД) возлагались большие надежды. Испытания различных моделей подобных самолётов продолжались вплоть до весны 1946 г., но в целом закончились безрезультатно. Проект турбореактивного истребителя Лавочкина так и остался набором чертежей. Весной 1944 г. конструкторской группе Ляульки было предписано представить макетный экземпляр ТРД к 15 января 1945 г., первый лётный – к 1 ноября, а ещё пару – к 1 декабря 1945 г.²⁶ Однако намеченные сроки выдержать не удалось. Эскизный проект турбореактивного двигателя ТР-1 был завершён только к осени 1945 г., сборка его первого экземпляра началась на заводе № 45 (ныне ММПП

²⁴ Однокамерная версия двигателя Глушко была рассчитана на то, что топливный насос будет работать за счёт отбора мощности от основного (поршневого) мотора. Трёхкамерная версия должна была функционировать самостоятельно, без использования дополнительного мотора.

²⁵ РГАЭ, ф. 8044, оп. 1, д. 1182, л. 80.

²⁶ Там же, л. 103.

«Салют») лишь в августе 1946 г., а государственные испытания завершились и вовсе в феврале 1947 г.²⁷ Таким образом, главной проблемой истребителя под двигатель Люльки стало отсутствие самого двигателя.

В результате к серийному производству был рекомендован единственный самолёт «нулевого поколения» – И-250, разработанный в КБ Микояна и Гуревича на базе ВРДК Холщевникова. 27 июля 1945 г. нарком авиапромышленности издал приказ № 311, поручавший заводу № 381 построить головную серию из 10 истребителей И-250²⁸. Причём на изготовления первой машины отводилось всего полтора месяца, и одновременно с производством И-250 то же предприятие должно было освоить выпуск турбореактивного истребителя Лавочкина Ла-150²⁹, оснащённого «трофейным» двигателем ЮМО-004 (выпускался в СССР под индексом РД-10). В итоге, «первое» поколение советских реактивных истребителей догнало «нулевое».

Нельзя упускать из вида тот факт, что задание по производству новой техники не обеспечивало заводу особого статуса. Его руководство должно было одновременно с освоением реактивных самолётов решать повседневные задачи выживания, присущие всем предприятиям тех лет. В приказах директора проблемы выпуска И-250 и Ла-150 упоминались сравнительно редко. Зато сплошным потоком шли разносы бригадиру рыболовной бригады, из-за разгильдяйства которого сорван план децентрализованных заготовок; выговоры начальнику базы отдыха «Менжинец», где всё ещё не завершены прополка капусты и моркови³⁰, приказы начальнику подсобного хозяйства приступить к переоборудованию телятника и скотного двора³¹, разъяснения порядка расчета себестоимости производства кроватей³² и тому подобные распоряжения.

Это не означало наплевательского отношения дирекции к правительственному заданию. Наоборот – имелось чёткое понимание первоочерёдности задач: если не уделять внимания прополке и телятникам, рабочих будет попросту нечем кормить, так как на централизованное снабжение особых надежд не было. Далее начнётся бегство рабочих, а те, кто останется, попросту не смогут выполнять норму выработки из-за измождённости и дистрофии, после чего вопросы авиавыпуска попросту утратят актуальность. 22 августа директор завода отдал приказ о подготовке завода к зиме, предписывавший, между прочим, «считать работы по подготовке к зиме основными и важнейшими... проводя их вне всякой очереди»³³. Требовалось обеспечить к 1 октября выполнение плана по самозаготовке горючего – очевидно, и в этом отношении заводоуправление на государственные поставки не слишком рассчитывало.

Надо отметить, что «топливная проблема» была одной из важнейших для советского авиапрома тех лет. Даже после окончания Великой Отечественной войны, в первом полугодии 1947 г., нарком авиапромышленности докладывал: «Завод №166 не выполнил плана по выпуску самолётов Ту-2 и не смог создать необходимых заделов, так как в течение 4-х зимних месяцев полностью стоял из-за отсутствия топлива. Температура в цехах доходила до –15 градусов

²⁷ Авиадвигатели «Сатурна». М., 2003. С. 120–121.

²⁸ Арсеньев Е. Самолёты ОКБ им. А.И. Микояна... С. 34.

²⁹ ЦА МО, ф. 35, оп. 11287, д. 3309, л. 52.

³⁰ ЦГА Москвы, ф. Р-531, оп. 2, д. 52, л. 47–49.

³¹ Там же, д. 50.

³² Там же, л. 141.

³³ Там же, л. 72.

Цельсия, что вызвало деформацию полов под стапельной оснасткой и вывело почти всю оснастку из строя. Только теперь (24 июня) завод закончил ремонт и восстановление стапельной оснастки и начал работу в агрегатных цехах»³⁴. Разумеется, в годы войны ситуация с топливом и подготовкой к работе в зимний сезон была ещё более напряжённой.

Сложность освоения принципиально новой техники, срывы поставок смежниками и вышеописанные обстоятельства постоянно тормозили работы над И-250, поэтому сдача первого самолёта несколько раз сдвигалась на более поздний срок. Между тем интерес руководства к И-250 нарастал. 26 февраля 1946 г. СНК СССР издал постановление № 473-192, согласно которому завод № 381 был обязан, не дожидаясь окончания госиспытаний опытного экземпляра, приступить к изготовлению ещё 40 истребителей И-250 дополнительно к войсковой серии. 4 мая министр авиапромышленности выпустил приказ № 268, уточнявший, что из 40 таких машин во втором квартале года должны быть сданы 3, в третьем – 17, и в четвёртом – оставшиеся 20³⁵.

Этот график также остался невыполненным. Положение складывалось крайне опасное – производство самолёта, на который возлагали большие надежды, постоянно откладывалось. Для рассмотрения ситуации на заводе и определения круга лиц, виновных в срыве задания ГКО по своевременному освоению и сдаче серии истребителя И-250, была собрана комиссия под руководством В.К. Коккинаки. Результаты расследования она огласила на заседании коллегии министерства авиапромышленности 24 мая 1946 г. Основные причины сводились к следующему:

1. Руководство наркомата, отдавая приказ о выпуске первых реактивных истребителей всего за полтора месяца, явно не представляло себе сложности освоения серийного производства столь сложной техники. Коккинаки был категоричен: «В полтора месяца опытные самолёты не строятся нигде. Срок был невыполнимый. Приказ был просто непродуманный»³⁶.

2. Завод столкнулся с систематической недопоставкой или несвоевременной поставкой ряда ключевых приборов, агрегатов, и материалов со стороны Главнаба НКАП, а также III, XII, XVIII и даже «родного» I ГУ НКАП.

3. Любые усилия были заведомо бесцельны ввиду физического отсутствия установок Э-30-20 (Холщевникова). Хотя заводы № 16, 26 и 466 получили каждый по несколько грозных приказов о производстве этих установок как для ЦИАМ, так и для завода № 381, серийный их выпуск так и не начался.

В докладе Коккинаки специально отмечены постоянные срывы выполнения приказов НКАП по поставкам двигателей для И-250. «По моторной группе завод № 26 (директор Баландин) приказом № 181 от апреля 1945 г. обязывался подать 30 моторов с приводами³⁷. Приказ № 311 от июля 1945 г. обязывался³⁸ подать 12 моторов. Ни одного не подал. Приказом № 421 от ноября 1945 г. обязывался подать 10 моторов. Не подал ни одного. По заводу № 466 (директоры Лукин, Скобло): приказом № 181 в апреле 1945 г. обязывался передать ЦИАМу 30 компрессоров, подал 6 в сентябре, с большим браком. Приказом № 311 обязывался в октябре подать 12 компрессоров, подал 1 в январе и 1 в марте. Оба

³⁴ РГАЭ, ф. 8044, оп. 1, д. 3224, л. 140.

³⁵ Арсеньев Е. Первый реактивный «МиГ» // *Авиация и время*. 2001. № 3. С. 6.

³⁶ РГАЭ, ф. 8044, оп. 1, д. 1345, л. 2.

³⁷ Так в тексте. Судя по контексту – приказ не был выполнен.

³⁸ Так в тексте.

забракованы. Приказом № 421 в ноябре обязывался подать 6 компрессоров с приводами и 4 мотора с компрессором заводу № 381. Подан 1 мотор, и не тот. По заводу № 16 (директор Лукин) приказом № 370 обязывался завод поставить ЦИАМу 8 компрессоров и коробок приводов. Завод поставил с опозданием на три месяца только 3 комплекта и больше делать не стал, так как все они были забракованы. Распоряжением наркома от 1945 г. поставить ЦИАМу 6 компрессоров с коробками приводов, было выполнено с опозданием на полгода, и в большинстве детали были забракованы ЦИАМом»³⁹.

Это вновь был «камешек в огороде» руководства Наркомата, так как такие вопросы должны были решаться именно на его уровне. Коккинаки в данном вопросе был категоричен: «Всё это говорит, что приказы не продумывались, со стороны главных управлений... не обеспечивалось выполнение заводами издаваемых приказов. Заводами не руководили и их не контролировали... Со стороны наркомата должна быть какая-то политика, направленность заводов на выполнение определённых заданий»⁴⁰. Иными словами, политика «должна быть», а на самом деле – её нет. По сути, снова ставился вопрос об эффективности контроля над выполнением приказов в наркомате авиапромышленности.

4. Следует учитывать, что приоритетность работ по И-250 отнюдь не освобождала завод № 381 от иных обязательств. В план предприятия было введено производство 15 наименований гражданской продукции. «В такой обстановке директор завода Журавлёв не сумел самостоятельно разобраться во всей этой каше, не зная, за что ему вперёд браться. Он хватается и за бельевые баки, катера и за самолёты. Районные организации требуют ширпотреб. Министерство требует машину Лавочкина, затем машину Микояна, а здесь – определяется очерёдность. Я воспитывался в армии, где Устав гласит: выполнять приказ надо точно и безоговорочно. А у нас после приказа Министра начинают что-то менять, заново определять, а потом начинают бить, что бы самим сухим выйти из воды»⁴¹.

Далее Коккинаки полностью отбрасывает дипломатические умолчания и предъявляет претензии уже непосредственно М.В. Хруничеву: «последний приказ, подписанный Вами, товарищ Министр, 4 мая, он на корню уже даёт трещину. Там точно раздраконены все сроки. Очевидно, все начальники главков просматривали до подписи этот приказ и визировали его. Заводу № 466 даётся задание в мае текущего года подать 6 моторов, а, к Вашему сведению, поковки находятся и сейчас ещё в Уфе или только вылетели в Ленинград. Эти поковки надо обработать. Время идёт, сроки не обеспечиваются. Этот приказ на корню нежизненный, и это влечёт нарушение дисциплины на производстве»⁴².

5. Одновременно нельзя упускать из вида, что накануне и в процессе освоения новой машины предприятие, согласно распоряжениям руководства отрасли, вынуждено было расстаться примерно с 1 700 рабочими из 3 тыс., бывших на тот момент в наличии⁴³, и существенно сократить станочный парк.

Таким образом, по существу, основным виновником провала работ по И-250, согласно выводам комиссии Коккинаки, являлось именно руководство

³⁹ РГАЭ, ф. 8044, оп. 1, д. 1345, л. 3.

⁴⁰ Там же, л. 4.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, л. 5.

⁴³ Там же, л. 4

МАП. Оно сначала поставило нереально сжатые сроки, а потом, словно решив, будто этого слишком мало, чтобы сделать выполнение задания невозможным, начало сокращать производственные ресурсы предприятия и безучастно смотрело на систематический срыв поставок на завод важнейших агрегатов другими авиапредприятиями. С бюрократической точки зрения позиция Коккинаки отдавала изрядным донкихотством. На грозный вопрос Министерства «кто виноват?!» он бесхитростно отвечал: «Так собственно, в основном вы и виноваты». Выполняя в годы войны обязанности, в числе прочего, и главного инспектора НКАП по качеству⁴⁴, Коккинаки не мог не понимать двусмысленности сложившегося положения, когда руководству отрасли предлагалось «выпороть самим себя». Однако определённые резоны в его демарше были. Во-первых, как лицо постороннее (будучи пилотом-испытателем и входя, таким образом, в армейскую иерархию), он мог позволить себе докладывать так, как велела совесть, а не карьерные соображения. Во-вторых, руководство отрасли сравнительно недавно обновилось и было вполне возможно, что новый министр спишет все огрехи на А.И. Шахурину и других репрессированных сотрудников.

Однако Хруничев избрал иной вариант. Дело в том, что в апреле ситуацию с выпуском И-250 начало расследовать Министерство государственного контроля, а 23 мая, за день до заседания коллегии МАП, министр государственного контроля Л.З. Мехлис издал приказ № 28, в котором главным виновником срыва производства реактивного истребителя указывалось только и исключительно руководство завода № 381. Имея за спиной такую «артиллерию главного калибра», министр категорически отверг все претензии комиссии Коккинаки к руководству ведомства и обвинил в провале выпуска И-250 заводскую администрацию во главе с директором В.И. Журавлёвым. В результате его и начальника ОТК сняли с должностей и отдали под суд, главного технолога – просто уволили, а ещё ряд заводских руководителей получили выговоры⁴⁵.

Наконец, 22 июня 1946 г. М.В. Хруничев издал приказ № 395, согласно которому первый серийный экземпляр И-250 из войсковой серии требовалось завершить производством к 5 июля и не позднее 10 августа начать его испытания в НИИ ВВС. Однако первый И-250 покинул сборочный цех лишь 24 июля, да и то с некондиционным мотором, обладавшим всего лишь 10-часовым ресурсом. К тому моменту руководство советской авиации делало ставку уже на истребители «первого поколения» – МиГ-9 и Як-15, поэтому серийное производство И-250 было свёрнуто ещё до проведения государственных испытаний. Всего завод сдал ВВС только 8 машин такого типа.

Подводя итоги, надо признать, что весь комплекс работ по машинам «нулевого поколения» закончился безрезультатно. Ни один из разработанных в рамках задания 1944 г. проектов не стал серийной машиной. Тем не менее, на наш взгляд, эта история продемонстрировала громадный потенциал советской экономики вообще и авиапромышленности в частности. Переход от самолётостроения, основанного на поршневых моторах, к реактивному требовал преодоления очередного технологического барьера. Многие страны, обладавшие авиапромышленностью в 1930-е гг., преодолели этот барьер лишь в 1950-е гг., а некоторые не преодолели вовсе. Следует учитывать, что СССР в 1944 г. был вынужден решать сложнейшую научную, экономическую и организационную задачу в тяжёлых условиях заключительного этапа Великой Отечественной

⁴⁴ XX век. Авиастроение России в лицах. М., 2005. С. 212.

⁴⁵ Арсеньев Е. Первый реактивный «МиГ». С. 7.

войны. Значительная часть страны (Белоруссия, Прибалтика, Крым и правобережная Украина) ещё находилась под вражеской оккупацией, освобождённые же районы по большей части лежали в руинах. Тем не менее советским авиастроителям удалось решить поставленную задачу. Позже, чем хотелось бы, в атмосфере технологических трудностей и административных ошибок результат всё же был получен. К тому времени истребители «нулевого» поколения были уже не нужны, и руководство ВВС сделало оправданный выбор в пользу машин поколения первого.

Визит Н.С. Хрущёва в Ярославль в 1963 г.: образ власти в региональном измерении

Юрий Никифоров

N.S. Khrushchev's visit to Yaroslavl' in 1963: the image of power in regional dimension

Iuriy Nikiforov (K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Russia)

Эпоха «оттепели» в СССР 1950-х гг. – середины 1960-х гг. по-прежнему привлекает внимание исследователей¹. Одним из перспективных ракурсов её изучения представляется анализ проблем региональной политики первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва². В исследованиях О.В. Хлевнюка³ показаны механизмы взаимодействия региональной и центральной властей, подробно проанализированы патрон-клиентские отношения в среде партноменклатуры. В одной из работ автор выделил три ключевых типа региональных сетей, увязанных с личностью первого секретаря регионального парткома («секретарь-диктатор – подавление сети», «слабый секретарь – олигархическая сеть», «сильный секретарь – компромиссная сеть»)⁴, в другой – исследовал хрущёвскую реформу 1962 г., связанную с разделением партийного и советского аппаратов по отраслевому принципу – на промышленный и сельскохозяйственный⁵.

Идеи первого секретаря ЦК КПСС, отметила Е.Ю. Зубкова, «по дезинтеграции хозяйственного и партийного управления – от создания совнархозов до разделения райкомов... были призваны решить и политические задачи: разрушая сложившуюся административно-партийную структуру, Хрущёв надеялся сделать её более гибкой, более восприимчивой к реформам, более лояльной»⁶. Тезис о его стремлении сделать более лояльной советскую номенклатуру, которую Т.П. Коржихина охарактеризовала как «профессиональную управлен-

© 2016 г. Ю.С. Никифоров

¹ См., например: *Аксютин Ю.В.* Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2008; *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993; *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежнев. М., 2010; *Пихоя Р.Г.* Советский союз. История власти. 1945–1991. М., 1998; *Пыжиков А.В.* Хрущёвская оттепель. 1953–1964. М., 2002; *Таубман У.* Хрущёв. М., 2009.

² Н.С. Хрущёв. 2 цвета времени: документы из личного фонда Н.С. Хрущёва: В 2 т. / Сост. М.Ю. Прозуменщиков. М., 2009; Региональная политика Н.С. Хрущёва. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / Сост.: О.В. Хлевнюк, М.Ю. Прозуменщиков, В.Ю. Васильев, И. Горлицкий, Т.Ю. Жукова, В.В. Кондрашин, Л.П. Кошелева, Р.А. Подкур, Е.В. Шевелева. М., 2009.

³ *Хлевнюк О.В.* Региональная власть в СССР в 1953 – конце 1950-х годов. Устойчивость и конфликты // Отечественная история. 2007. № 3. С. 31–49; *он же.* Роковая реформа Н.С. Хрущёва: Разделение партийного аппарата и его последствия. 1962–1964 гг. // Российская история. 2012. № 4. С. 164–179.

⁴ *Хлевнюк О.В.* Региональная власть в СССР... С. 33–39.

⁵ *Хлевнюк О.В.* Роковая реформа Н.С. Хрущёва... С. 164–179.

⁶ *Зубкова Е.Ю.* Реформы Хрущёва: культура политического действия // Свободная мысль. 1993. № 9. С. 104.

ческую группу»⁷, представляется ключевым для данной статьи. В связи с этим нельзя не отметить утверждение В.П. Мохова о том, что «управление номенклатурой предполагало управление её деятельностью и составом»⁸, имевшее место в большинстве реформаторских починов Хрущёва.

Зубкова, характеризуя хрущёвские реформы, ввела такое понятие, как «культура политического действия». Она отметила, что в 1950-х – начале 1960-х гг. «начали формироваться элементы новой политической культуры – культуры реформаторства». В интерпретации автора культура политического действия включает «целеполагание и социальное программирование, механизм осуществления задач, сроки реализации проектов и программ». Важной частью этой культуры стала политическая лексика и фразеология 1950–1960-х гг., поскольку советское общество было, по справедливому замечанию Зубковой, идеократическим: «В обществе, скованном жёстким идеологическим обручем, слово, понятие, образ всегда служили инструментом политического действия»⁹.

Именно поэтому особое внимание в статье уделено риторике Хрущёва и представителей региональной элиты, а также подробному анализу стенограмм – важного для исследования темы источника. Элементы культуры политического действия нашли отражение в таком «характерном сценарии власти», как многочисленные поездки главы государства по стране. На мой взгляд, это обуславливалось как субъективной причиной – моторным характером Никиты Сергеевича, так и объективной – сопротивлением проведению реформ со стороны региональной элиты, уровень которой был «наиболее консервативный, наименее заинтересованный в резком изменении политики»¹⁰. В итоге «на местах приходилось сталкиваться с упрощением и формализацией в общем перспективных и прогрессивных положений»¹¹.

По словам В.А. Шестакова, «секретари и промышленные генералы перестают быть послушными клиентами... решения, идущие сверху, теперь исполнялись не любой ценой, а по мере возможности. Осознав это, Хрущёв пытался поставить набравшие самостоятельного влияния партийные органы на место». Автор справедливо отмечал, что «Хрущёв, сам порождение партийного аппарата, видел их [реформ] суть в правильной организации бюрократии, рассчитывал достичь целей пересортировкой управленческих кадров»¹². Однако, «не имея возможности применять сталинские методы, Хрущёв занялся в основном реорганизациями партийно-государственных структур и запугиванием чиновничества»¹³, несомненно, стремясь ослабить влияние регионального аппарата.

Хотя первый секретарь ЦК КПСС избежал, по выражению Зубковой, «соблазна кадровых чисток», он «так и не сумел продвинуться дальше традиционных кадровых перемещений»¹⁴. Тем временем, отмечал П.В. Волобуев, «сопротивление партийно-политического аппарата политике лидера нарастало... Преданный

⁷ Коржухина Т.П. Советская номенклатура // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 38.

⁸ Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990). Пермь, 1998. С. 114.

⁹ Зубкова Е.Ю. Реформы Хрущёва... С. 97, 100.

¹⁰ Мохов В.П. Указ. соч. С. 10.

¹¹ Зубкова Е.Ю. Реформы Хрущёва... С. 106.

¹² Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006. С. 123, 137.

¹³ Региональная политика Н.С. Хрущёва... С. 14–15.

¹⁴ Зубкова Е.Ю. Реформы Хрущёва... С. 104.

соратниками, ненавидимый аппаратом, с народом, повернувшимся к нему спиной, он запутался в тенетах собственного культа личности и бессилия»¹⁵.

Гипотезой данного исследования является предположение о том, что неожиданные вояжи первого секретаря ЦК партии в регионы (в том числе в Ярославль) были важной частью не только общей политики давления на местную региональную элиту, но и элементом своеобразной культуры реформаторства Хрущёва, склонного к импровизациям¹⁶.

Целью статьи стал анализ проблемы взаимодействия в начале 1960-х гг. центра и местной элиты (партийной и хозяйственной) в экстремальных для неё условиях – в ситуации неожиданного приезда лидера СССР в регион. Были реконструированы обстоятельства визита Хрущёва в Ярославль 3–5 июня 1963 г., чтобы выделить психологические паттерны в поведении принимающей стороны и высокого гостя, выявить характер и особенности взаимодействия главы государства и местной власти, а также проанализировать последствия визита в плане влияния на дальнейшее развитие региона.

О поездке в Ярославль в июне 1963 г. первого секретаря ЦК КПСС, тогда оказавшегося в центре внимания местной печати¹⁷, в постсоветский период лишь кратко упоминалось¹⁸.

Основой данного исследования стали уникальные архивные материалы Центра документации новейшей истории Ярославской области: ф. 7386, «Ярославский промышленный обком КПСС»; ф. 7385, «Ярославский сельский обком КПСС»; ф. 272, «Ярославский обком КПСС» и впервые вводимые в научный оборот документы – служебные записки директоров предприятий, адресованные в местный обком партии; рассекреченные стенограммы беседы Хрущёва в ярославском промышленном обкоме КПСС (3 июня 1963 г.), областного совещания (8 июня) по вопросам пребывания советского лидера в Ярославле и собрания партийного актива ярославской областной промышленной партийной организации (14 июня)¹⁹. Вспомогательную роль сыграли материалы ранее недоступной для изучения переписки местного обкома с ЦК КПСС, Советом министров СССР, РСФСР и другими партийными, советскими и хозяйственными органами власти за 1963–1965 гг., отчёты о работе, направлявшиеся ярославским обкомом в ЦК КПСС²⁰; документы Отдела партийных органов по РСФСР из Бюро ЦК КПСС по РСФСР (1956–1966), хранящиеся в РГАСПИ²¹.

¹⁵ Волобуев П.В. Послесловие // Зубкова Е.Ю. Общество и реформы... С. 198.

¹⁶ Местные партийные функционеры, мягко говоря, были не в восторге от подобных посещений: приезд высокого гостя не только сулил хлопоты, но и мог обернуться потерей должности. Так, первый секретарь Калининского обкома КПСС, заявивший на одном из совещаний о преимуществах кормовой свёклы над кукурузным силосом, получил жёсткую отповедь от Хрущёва: «На лихом коне ты въехал на трибуну, посмотрим, на каком съедешь». Через несколько недель чиновник был снят с должности (Торопов В.Ф. Незабываемое. Записки председателя облисполкома. Ярославль, 2001. С. 84).

¹⁷ См., например: Сообщение ТАСС о приезде Н.С. Хрущёва в Ярославль // Северный рабочий. 1963. 5 июня. № 131. С. 1; Н.С. Хрущёв в Ярославле // Там же. 6 июня. № 132. С. 1; Наказ выполним. По совету Никиты Сергеевича // Там же. 7 июня. № 133. С. 1.

¹⁸ Анисков В.Т., Рутковский М.А. История Ярославского края (1928–1998). Ярославль, 2001; Рязанцев Н.П., Салова Ю.Г. История Ярославского края. Рыбинск, 2005; Гвоздев С.А. Малая октябрьская революция // Областная неделя (Ярославль). 2004. 13 октября. № 41. С. 8; Ваняшова А.Д. Форма одежды – светлые плащи // Северный край (Ярославль). 2005. 26 января. № 12. С. 4.

¹⁹ Центр документации новейшей истории Ярославской области (далее – ЦДНИ ЯО), ф. 7386, оп. 1, д. 128, 130, 131.

²⁰ Там же, ф. 7385, оп. 1, д. 7, 111; ф. 7386, оп. 1, д. 7, 1; оп. 2, д. 6.

²¹ РГАСПИ, ф. 556, оп. 14, д. 218, л. 50–99.

Особую ценность представляют воспоминания первого секретаря ярославского промышленного обкома Ф.И. Лощенкова и первого секретаря ярославского сельского обкома, а затем председателя облисполкома В.Ф. Торопова, а также интервью М.Л. Размолодина у Лощенкова²².

«Я у вас инкогнито... Побуду сегодня, завтра, а если понравится, то и ещё останусь»

Визит Хрущёва в Ярославль стал неожиданностью для регионального руководства. «В один из летних дней 1963 г., – вспоминал Лощенков, – нежданно-негаданно Никита Сергеевич свалился с неба в Ярославской области. Поздно ночью меня разбудил звонок телефона правительственной связи»²³. Начальник КГБ области сообщил Лощенкову, что в 12 ч дня в Ярославль прилетает Хрущёв. «Не скрою, – делился переживаниями по этому поводу Торопов, – это известие меня насторожило, взволновало и даже немного пугало»²⁴. Конечно, областным партийным функционерам надо было срочно решить связанные с этим визитом проблемы. Первая из них касалась места размещения, так как «не было условий для приёма столь высокого гостя». Однако этот вопрос благополучно разрешился – Никита Сергеевич выбрал в качестве среды обитания вагон своего спецпоезда. Другой проблемой стала личная безопасность главы СССР и обеспечение порядка при проведении предстоящих мероприятий²⁵. Как писал Торопов, «в “Чайку” Хрущёв сел рядом с шофёром. Впереди... на откидном сиденье, – охранник... полковник»²⁶. За «обеспечение порядка и организацию всего дела»²⁷ отвечали МВД, КГБ, райкомы партии и горсовет²⁸.

Каковы же характер и причины неожиданного визита главы государства в волжский город? Об этом Никита Сергеевич заявил Лощенкову и Торопову уже в полдень 3 июня у трапа самолёта на военном аэродроме в пригороде Ярославля Туношне: «Я у вас инкогнито, проводил в Мурманск Ф. Кастро и, пока он не прилетит в Гавану, хочу, чтобы о моём пребывании здесь никто не знал... Побуду сегодня, завтра, а если понравится, то и ещё останусь в Ярославле»²⁹. Лощенков с сожалением резюмировал: «Это нас не обрадовало. 2–3 дня без программы пребывания – совсем не мало»³⁰. Торопов же отмечал, что лишь на второй день визита Хрущёв сообщил подробности: «Мы боялись, чтобы самолёт Кастро не сбили американцы». Хитроумный замысел первого секретаря

²² В некоторых мемуарах выявлены хронологические погрешности. Так, неверная дата приезда Хрущёва в Ярославль указана у В.Ф. Торопова – 1 июня, в остальных же источниках – 3 июня (Лощенков Ф.И. От Сталина до Горбачёва: жизненные наблюдения. Ярославль, 2000. С. 37–44; Торопов В.Ф. Указ. соч. С. 82–94; Размолодин М.Л. Эпизоды из жизни и деятельности Ф.И. Лощенкова (интервью с бывшим первым секретарём Ярославского обкома КПСС). Ярославль, 1995. С. 68–75).

²³ Лощенков Ф.И. Указ. соч. С. 37.

²⁴ Торопов В.Ф. Указ. соч. С. 85.

²⁵ Лощенков Ф.И. Указ. соч. С. 38.

²⁶ Торопов В.Ф. Указ. соч. С. 86.

²⁷ ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 131, л. 34.

²⁸ Правда, случались и организационные сбои, например, при посещении руководителем страны заводов. «Были моменты, – отмечал Лощенков, – за сердце брало. В мебельной у цеха народ собрался – как выбраться, но всё обошлось, товарищи расступились» (Там же, л. 2).

²⁹ Лощенков Ф.И. Указ. соч. С. 38; Торопов В.Ф. Указ. соч. С. 86.

³⁰ ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 131, л. 2; Лощенков Ф.И. Указ. соч. С. 38.

ЦК КПСС был такой: «До посадки самолёта на Кубе не ехать в Москву, чтобы запутать разведку США, которая охотилась на Кастро». По официальным сообщениям, лидеры обоих государств должны были находиться в Грузии, но в реальности Кастро летел через Мурманск в Гавану³¹. Инкогнито у Хрущёва не получилось: «Когда ехали по улицам Ярославля, жители узнавали Никиту Сергеевича и радушно приветствовали»³², а на следующий день по городу поползли удивительные слухи: вместе с высоким гостем прибыл и Кастро³³.

Уже в Ярославле в разговоре с главой Верхневолжского совнархоза Е.Т. Алексеевым Хрущёв обронил фразу, позволявшую предположить о не таком уж и случайном характере его визита: «Здорово я навалился на Ярославль. Давно мне этого хотелось»³⁴. Согласно архивным материалам³⁵, в 1962–1963 гг. ярославское партийное руководство оказалось в центре громкого скандала, связанного с «делом Грыбальникова». «Экономическая газета» (6 октября 1962 г.) в статье «И такое происходит в Ярославле» раскритиковала местный обком «за попустительство в отношении очковтирателя и расхитителя социалистической собственности Грыбальникова, бывшего начальника Ярославского Отделения Северной железной дороги»³⁶. Несмотря на шум, поднятый в центральной газете, местное руководство в течение полугода пыталось «замять» дело. Грыбальников «отделался лёгким партийным взысканием... и получил высокую должность зам. начальника монтажно-строительного треста с более высоким окладом»³⁷. Такой подход региональной власти вызвал законное негодование ярославских железнодорожников. Возмущённые трудящиеся отправили соответствующие письма «на самый верх»: «Обращаемся именно к Вам, дорогой Никита Сергеевич, потому, что у нас в Ярославле таких жуликов, карьеристов и очковтирателей не наказывают, а носят на руках, нянчат, спасают честь мундира, сеют сомнения в правду». Автор одного из анонимных писем прямо обвинил ярославских руководителей в коррупции: «Грыбальников уловил в свои сети руководящих областных работников, прежде всего председателя промышленного облисполкома тов. Клименко. Он всюду хлопочет за Грыбальникова, всячески оберегает его от дальнейших разоблачений»³⁸.

Интересны первые впечатления Хрущёва от Ярославля. Так, на костромском шоссе, увидев цветы, посаженные на развилке, он упрекнул ярославцев в непрактичности: «Это не рационально, это французское дворянское направление, англичане более рациональный народ, у них газоны и кустарники. Нужно к этому делу переходить, дать больше газонов и кустарников, чтобы меньше труда было»³⁹. Затем, въехав в город, высокий гость возмутился тем, что в нём строились жилые дома с крышами «конём», а не плоскими – более дешёвыми. Наконец, увидев у московского вокзала железнодорожный мост с железными фермами, Никита Сергеевич строго спросил: «Почему не железобетонные?». Наибольшее же его возмущение вызвал строившийся через Волгу автомобильный мост⁴⁰.

³¹ *Торопов В.Ф.* Указ. соч. С. 91.

³² Там же. С. 86.

³³ *Размолodin М.Л.* Указ. соч. С. 71.

³⁴ ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 128, л. 72.

³⁵ РГАСПИ, ф. 556, оп. 14, д. 218, л. 50–99.

³⁶ Там же, л. 50–51.

³⁷ Там же, л. 98–99.

³⁸ Там же, л. 89, 99.

³⁹ ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 131, л. 29.

⁴⁰ «Какой дурак разрешил вам строить этот мост?» – грубо спросил он ярославских руко-

«Вот и догоняй капиталистический мир»

В первый же день визита Хрущёв дал указание провести в 15 ч расширенное заседание промышленного обкома (с участием директоров заводов). Оно началось с доклада директора Ярославского шинного завода (ЯШЗ) В.П. Чеснокова, затем выступил директор завода синтетического каучука (СК-1) П.М. Работнов, который из-за волнения нечётко говорил и неточно отвечал на вопросы первого секретаря ЦК КПСС, усмотревшего в том плохое знание дела. Хрущёв постоянно прерывал директора СК-1 менторскими репликами («думается, что в подготовке нового у вас как-то мало огонька», «это ваша выдумка или копирование?», «это не ваша отрасль», «надо вас подперчить»). «Так работать нельзя, – возмутился Никита Сергеевич по поводу низких темпов производства, – на таких оборотах мы в коммунизм не войдём. Вы нас химическими формулами не запугаете». Затем советский лидер, грубо остановив докладчика, в резкой и бестактной манере его отчитал, упрекнув в легкомыслии: «Вам сколько лет? – Шестьдесят. – А ни одного седого волоса. Легко работаете! Мы не будем держать таких директоров»⁴¹. Лощенков, стремясь снизить накал беседы и понимая, что она принимает опасное и непредсказуемое направление, предложил заслушать директора НИИ мономеров синтетического каучука (НИИМСК): «У нас здесь присутствует директор института, он может рассказать о производстве». Однако Никита Сергеевич, войдя в раж, продолжил «диалог» с Работновым, плавно перейдя от директора ярославского СК-1 к более глобальным вещам, и изложил свой взгляд на развитие отечественной химической индустрии. Сначала он раскритиковал советских учёных, которые, по его мнению, не торопились с внедрением в производство научных достижений в угоду собственной карьере («наши учёные тянут, тянут, потом готовят докторскую, а страна расплывается»), затем недобрым словом вспомнил И.В. Сталина, не уделявшего достаточного внимания физикам, и резюмировал свою тираду фразой о том, что «без каучука, без химии дальше мы не можем соревноваться с капитализмом»⁴². Лишь через несколько минут Хрущёв дал слово директору В.М. Соболеву, который мог подать «сложные вещи... в популярном виде»⁴³.

Соболев в самом начале выступления подыграл первому секретарю ЦК партии, правильно отреагировав на его реплику о преимуществах синтетического каучука над натуральным («У меня был спор с Сукарно и я прихвастнул... что у нас есть каучуки, которые лучше натурального. Может быть, он прав, а я не прав?»). Директор НИИМСК в корректной форме разрешил спор лидера Индонезии с руководителем СССР в пользу последнего: «Нет, вы правы, через некоторое время наша промышленность может освободиться от импорта натурального каучука»⁴⁴. В конце выступления Соболев, осмелев, пожаловался на недостаточное финансирование нового лабораторного корпу-

---

водителей (Торопов В.Ф. Указ. соч. С. 86). Позднее этот вопрос Лощенков переформулировал: «Интересовался ли Н.С. Хрущёв строительством моста через Волгу? – Да, когда проезжали по набережной, мы доложили, что строим мост через Волгу. Н.С. Хрущёв: “Что-то у вас очень много мостов строится”. Ф.И. Лощенков: “В этом есть насущная необходимость”» (ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 131, л. 37).

⁴¹ Там же, д. 130, л. 1–5; Лощенков Ф.И. Указ. соч. С. 38–39; Торопов В.Ф. Указ. соч. С. 92.

⁴² ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 130, л. 4.

⁴³ Лощенков Ф.И. Указ. соч. С. 39.

⁴⁴ ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 130, л. 5.

са НИИ со стороны центра, выступив в роли лоббиста (кстати, одна из функций местной элиты – перераспределение ресурсов для регионов⁴⁵). Хрущёв благосклонно воспринял просьбу о финансовом содействии: «В стране есть средства, чтобы развивать химию... Это непонимание нашими планирующими органами»⁴⁶. Благоприятное впечатление, которое произвело на Никиту Сергеевича уверенное выступление директора НИИМСК в промышленном обкоме, способствовало карьерному росту Соболева (вскоре его назначили заместителем министра нефтяной и химической промышленности)⁴⁷. В целом лидер страны остался доволен выступлениями ярославских химиков: «Спасибо. Ваши учёные, изобретатели, инженеры ведут очень полезную работу»⁴⁸. Областное руководство выбрало верную стратегию, поставив «первым номером» выступления представителей химической индустрии, чтобы сразу произвести хорошее впечатление на Хрущёва, являвшегося сторонником химизации в экономике.

Во время выступления А.М. Добрынина, директора Ярославского моторного завода (ЯМЗ), Никита Сергеевич задавал вопросы касательно мощности марок, двигателей, технологии их производства, гарантийного срока эксплуатации и экономии ресурсов. По ходу доклада директора ЯМЗ первый секретарь ЦК партии взял на себя роль непререкаемого эксперта в области машиностроения: его реплики походили на советы бывалого инженера. В частности, он настоятельно рекомендовал директору активнее применять сварочный метод: «Думаю, что можно было бы коленчатый вал составлять путём сварки». При этом Хрущёв не преминул хвастливо отметить, что «сам по профессии слесарь». Критикуя качество отечественного металла, он патетически воскликнул: «Вот и догоняй капиталистический мир». Стенограмма заседания ярославского обкома зафиксировала мысли первого секретаря ЦК КПСС относительно приоритетов и недостатков плановой экономики. Ключевые направления капиталовложений он видел в химизации народного хозяйства («давайте определим главное направление, прирост химии, каучук, пластические массы») и радикальной модернизации металлургии («если металлургия... то выбросить старые, построить новые домны»). Под огонь его критики попал консерватизм Госплана СССР в сфере распределения капиталовложений: «Сложилась бюрократическая сетка..., новое, то, что создают учёные, инженеры – на это денег нет». В то же время Хрущёв указал и на недостатки местных хозяйственных руководителей: приписки и очковтирательство («есть директора среди вас и недобросовестные, нахватают для отчёта, что объём такой-то, а сам ничего не делает»), а также неэффективное освоение капиталовложений («много вопросов..., чтобы более разумно осваивали деньги»).

В конце совещания Хрущёв и Добрынин не сошлись во мнении по поводу возможности обратного перепрофилирования моторного завода (до 1958 г. ЯМЗ назывался «Ярославский автомобильный завод»). Его директор предложил: «Хорошо бы построить цех сборки автомобилей в Ярославле. Кабельная продукция, двигатели, краски здесь, резиноасбестовые, асбестовые, топливная аппаратура. Здесь делать и кузов, и шасси». Но Хрущёв решительно заявил:

⁴⁵ *Мохов В.П.* Указ. соч. С. 10.

⁴⁶ ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 130, л. 9.

⁴⁷ *Торопов В.Ф.* Указ. соч. С. 93.

⁴⁸ ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 130, л. 12.

«Я не разделяю вашей точки зрения, она неправильная, субъективная, национально ограниченная – своё отечество, всё делать в себе – это неправильно». Желая срезать на корню амбиции ярославцев и позиционируя себя знатоком научной организации труда, сторонником чёткой специализации, Никита Сергеевич привёл, как ему, вероятно, казалось, железный аргумент: «А Форд по-другому своё производство организовал»⁴⁹.

В заключение он высказал желание побывать на заводах Ярославля: шинном, моторном, нефтеперерабатывающем, сажевом и синтетического каучука⁵⁰. До того, как глава государства оказался в своём вагоне-салоне, Лощенков провёл для него экскурсию по городу. Восхищённый красотой и чистотой Ярославля, Никита Сергеевич пошутил, что, видимо, «Юрий Долгорукий совершил ошибку»⁵¹.

«С таким уровнем механизации шинного производства в коммунизм не войти»

Во второй день своего визита Хрущёв посетил крупнейшие предприятия, где «вёл строгий разговор о делах..., интересуясь не только планами, но и технологией производства, а также жизнью рабочих»⁵². Первым в списке посещений (4 июня) оказался ЯШЗ. По словам его директора Чеснокова, Никита Сергеевич был недоволен тем, что «на заводе много ручного и тяжёлого труда, а также недостаточно механизированы работы по внутризаводскому транспорту»⁵³. Советский лидер активно беседовал с инженерами и рабочими в цехах. «Стоял около моего станка минут 15–20, занятый разговором»⁵⁴, – вспоминал сборщик автопокрышек ударник коммунистического труда Козлов. Первый секретарь ЦК партии, словно настоящий инженер со стажем, давал работникам ЯШЗ многочисленные рекомендации. Он четырёхкратно (!) рекомендовал «изготовление каркаса покрышки из отдельных кордных нитей, предупредив о необходимости обсуждения этих предложений в центральных организациях»⁵⁵, предлагал «ускорить работу по замене хлопкового корда вискозным и синтетическим»⁵⁶. Резюмируя, Хрущёв произнёс хрестоматийную фразу, многократно повторенную на региональных совещаниях: «С таким уровнем механизации шинного производства в коммунизм не войти».

Что он имел в виду, объясняет рассекреченная стенограмма областного совещания от 8 июня 1963 г. На шинном заводе Никита Сергеевич заметил, что «много ручных операций, недостаточная степень механизации и автоматизации», а в цехе вулканизации рабочие «в жаркой атмосфере ворочали тяжелен-

⁴⁹ Там же, л. 12–18; ф. 272, оп. 229, д. 49, л. 67. Уже после отставки Хрущёва ярославское руководство вновь вернулось к идее автомобильного завода (в служебной записке от 26 июля 1965 г. за № 038 в Бюро ЦК КПСС по РСФСР оно обращалось с просьбой рассмотреть вопрос «о строительстве в Ярославле завода легковых автомобилей»), но ему снова было отказано.

⁵⁰ Лощенков Ф.И. Указ. соч. С. 39.

⁵¹ ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 131, л. 2.

⁵² Торопов В.Ф. Указ. соч. С. 88.

⁵³ ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 131, л. 19–21.

⁵⁴ Там же, д. 128, л. 44.

⁵⁵ Там же, д. 130, л. 19.

⁵⁶ Там же, л. 20.

ные вулканизаторы и покрышки, вручную носили материалы»⁵⁷. Особо возмутила Хрущёва «захламлённость» ЯШЗ. Он назвал «безобразием складирование каучука на открытом воздухе», указал «на недопустимость практики открытого хранения химических материалов», предложив «ускорить строительство спецскладов»⁵⁸. При «разборе полётов» Лощенков подчеркнул всеобщий характер проблемы «неорганизованности складского хозяйства: «Хранение материалов и складирование – вопрос не только шинного завода... Бедлам в складском хозяйстве». В заключение руководитель ярославского обкома потребовал: «Через призму замечаний Хрущёва завтра же, придя на завод, посмотреть на все эти дела... Наведите порядок»⁵⁹.

Чеснокову «досталось много резких слов за беспорядки на заводском дворе», послуживших основанием для внесения Хрущёвым предложения о снятии директора ЯШЗ с работы⁶⁰. По воспоминаниям Лощенкова, виной всему стала неосторожная фраза директора («Да он с этой байкой давно носитя») по поводу диалога Никиты Сергеевича и заводского рабочего о расположении корда в шинах. Вероятно, первый секретарь ЦК КПСС затаил на Чеснокова обиду, поскольку при отъезде сказал Лощенкову: «Я давно знаю этого старого консерватора. Не настаиваю на освобождении его от должности, но надо посмотреть»⁶¹. Только заступничество высоких лиц (в частности, А.Н. Косыгина) спасло директора ЯШЗ от скорой опалы.

День спустя, уже на вокзале, глава государства напутствовал руководство области: «Давайте больше шин, в шинах большая нужда в народном хозяйстве, высокого качества, большей ходимости и более дешёвых!»⁶². В этом указании проявился максимализм советского лидера, требовавшего производить такие продукты, которые бы одновременно сочетали в себе количество, качество и дешевизну.

Посещая НИИМСК 4 июня (с 12 до 13 ч), первый секретарь ЦК КПСС также высказал критические пожелания, в частности, поручил подготовить докладную записку о значении метилвинилпиридина в народном хозяйстве. Особенно руководителя страны озаботила проблема замены натуральной кожи синтетической. По этому вопросу в свойственной ему непосредственной манере Хрущёв привёл бытовой пример из собственной жизни, рассказав, что «носил сапоги из полихлорвинила, привезённые из Швеции, которые оказались очень лёгкими и удобными».

Лидер страны потребовал от руководства НИИМСК в течение 1–1.5 месяцев представить предложения «по методам руководства институтами, координации, планированию, созданию условий, обеспечивающих ускоренное развитие химической науки и техники»⁶³. Уже 7 сентября 1963 г. заместитель директора института по научной работе А.М. Кутьин подготовил соответствующую служебную записку⁶⁴. Формально посвящённая «некоторым вопросам

⁵⁷ Там же, д. 131, л. 4–5.

⁵⁸ Там же, д. 130, л. 20.

⁵⁹ Там же, д. 131, л. 8–9.

⁶⁰ *Торопов В.Ф.* Указ. соч. С. 88.

⁶¹ *Лощенков Ф.И.* Указ. соч. С. 40. Как известно, «партийные лидеры могли оформить своё требование как рекомендацию..., неоформляемый документально совет (“посмотреть, что у него там происходит”) или приказ “разберитесь и доложите”» (*Мохов В.П.* Указ. соч. С. 119).

⁶² ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 131, л. 7.

⁶³ Там же, д. 130, л. 23–28.

⁶⁴ Там же, д. 7, л. 33–53.

планирования, координации и организации химической науки», она фактически содержала критику проводившейся в СССР научно-технической политики⁶⁵. В преамбуле записки отмечалось: «Изложенные в письме соображения в ряде случаев расходятся с официальной точкой зрения на некоторые вопросы»⁶⁶. Одним из острых вопросов, поднятых Кутыным, стала проблема оплаты труда научных сотрудников – кандидатов и докторов наук. Существовавшая система, по его мнению, препятствовала «притоку учёных в промышленность», потому что работавшим там лицам, имевшим учёную степень, за неё полагалась «меньшая, чем в институте доплата»⁶⁷.

Большую тревогу ярославских партийных функционеров вызывало посещение Хрущёвым завода СК-1. Однако его директор Работнов, раскритикованный ранее главой государства, даже заслужил его похвалу, рассказав о производстве синтетического каучука, позволявшем экономить золотовалютные запасы страны⁶⁸.

«Экскурсия» по заводам города во второй день визита завершилась посещением ЯМЗ. Его директор Добрынин отчитался перед ярославским обкомом: «Тов. Н.С. Хрущёв посетил завод 4 июня 1963 г., прибыл в 16 ч. 50 мин. и направился в корпус цехов, производящих новые 4-тактные V-образные дизель-моторы». На ЯМЗ Никита Сергеевич интересовался окупаемостью линии, степенью механизации, лично проверял удобство работы на конвейере и высказывал замечания о необходимости улучшения труда сборщиков, а также вновь порекомендовал «расширить применение сварки»⁶⁹.

«Вам хоть кол на голове теши, всё равно не хотите заниматься гидропоникой»

Из-за недостатка времени Хрущёв практически не смотрел сельхозобъекты, «посвятив все 3 дня знакомству с промышленностью Ярославля». Тем не менее после осмотра моторного завода во второй день визита, около 19 ч, Никита Сергеевич заявил: «Давайте теперь посмотрим на поля, и пусть вступает в действие секретарь по сельскому хозяйству». Как вспоминал Торопов, глава государства велел провезти его по какой-нибудь дороге: поехали в направлении Москвы. Встретив стадо коров, идущих с пастбища, Хрущёв не без иронии спросил: «Это и есть ваша ярославская порода? Чем она отличается от других?». Подробно ответив на этот вопрос, первый секретарь сельского обкома заметил: «Наша порода коров может давать молока до 3 000 литров», а во время рассказа о колхозе «Горшиха» доложил, что «в рационе много сочных кормов, силоса, так как кукуруза на горшихинских низких полях растёт плохо». Торопов «боялся получить взбучку за недооценку кукурузы», но Никита Сергеевич неожиданно произнёс: «Ну что ж, если у них получается, пусть так и работают». Кроме того, он спросил о том, как обстояло дело с гидропоникой (выращивание культурных растений в растворах минеральных солей – очередная «сверхценная» идея советского лидера; в Ярославской обл., как и в других

⁶⁵ О научно-технической политике в СССР см.: *Безбородов А.Б.* Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50 – середины 70-х годов. М., 1997.

⁶⁶ ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 7, л. 34.

⁶⁷ Там же, л. 49.

⁶⁸ *Лощенков Ф.И.* Указ. соч. С. 41; *Размолодин М.Л.* Указ. соч. С. 72.

⁶⁹ ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 130, л. 23, 29–31.

регионах страны, её почти не применяли из-за нулевых результатов). Торопов сказал: «Занимаемся, но мало. Выращиваем только овёс и ячмень для подкормки молодняка». В ответ Хрущёв зло посмотрел и эмоционально выдал: «Вам хоть кол на голове теши, всё равно не хотите заниматься гидропоникой». «Откровенно говоря, – вспоминал Торопов, – от этих слов мне сразу стало жарко, и я заявил Никите Сергеевичу, что приму все меры и исправлю положение»⁷⁰. Кстати, уже в 1964 г. ярославский сельский обком отчитался перед ЦК партии: «В совхозе “Новый север” начато строительство теплицы на 10 000 кв. м. для выращивания овощей на питательных средах»⁷¹.

В последний день визита Хрущёв спросил Торопова: «Ну что, сельский секретарь, закончил весенний сев, посадил картошку?». Тот с готовностью доложил: «Картошку немного не досадили до плана, но в наших условиях её можно высаживать до 10 июня, созреет». В ответ Никита Сергеевич, считавший себя главным агрономом страны, высказал категоричное мнение о том, что картофель сажать надо до 5 мая. При этом он горделиво сослался на личный опыт, сообщив, что у него «на даче уже выросли большие, высокие ветки картофеля»⁷².

«Нет более приятной пыли, как из-под колёс уезжающего начальства»

Накануне отъезда первого секретаря ЦК КПСС главный партийный функционер Ярославля Лощенков поздно вечером направился с инспекцией на Сажевый завод, вид которого привёл его в неопишуемый ужас: «После того, как работники завода помыли для встречи высокого гостя полы и оборудование, всё стало ещё грязнее: мелкодисперсная сажа расплылась по всему заводу». От этого объекта – последнего в череде посещений высокого гостя – зависела «общая картина пребывания» в городе. Поэтому был предпринят ловкий манёвр. В половине девятого утра, до начала «экскурсии на предприятия» привезли директора Угличского часового завода Н.Ф. Платонова, которому поставили задачу: «Как можно дольше рассказывать Хрущёву о заводе, часах, обо всём, что будет его интересовать». План сработал: запланированная беседа продолжалась более часа, «как раз столько, чтобы не хватило времени посетить Сажевый завод... Директор Платонов избавил меня от больших неприятностей»⁷³.

Относительно подробностей этого разговора известно, что «директор... рассказал историю завода, иллюстрировал образцами. Часы Никите Сергеевичу понравились... Тов. Платонов высказал мысль: если бы построить нам сборочный цех и пару-тройку домов, мы могли бы выпускать дополнительно 600 тыс. часов, причём затраты на строительство цеха окупятся бы за год. Никита Сергеевич сказал, что “это стоящее дело... напишите докладную записку, и мы вам поможем это сделать”».

Директор отправил её уже 17 июня 1963 г. В итоге помимо увеличения в 1.6 раза выпуска часов «Волга» и строительства сборочного корпуса с искусственным климатом Хрущёв поддержал просьбу Платонова о строительстве трёх

⁷⁰ Торопов В.Ф. Указ. соч. С. 86, 88–90; ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 131, л. 25; ф. 7385, оп. 1, д. 7, л. 207.

⁷¹ ЦДНИ ЯО, ф. 7385, оп. 1, д. 111, л. 104.

⁷² Торопов В.Ф. Указ. соч. С. 91.

⁷³ Размолодин М.Л. Указ. соч. С. 73–74.

80-квартирных домов для заводских рабочих⁷⁴. Позднее Лощенков не без удовольствия говорил, что «не все в Угличе знают, как на часовом заводе появился красивый, светлый, сборочный корпус»⁷⁵.

Последним предприятием, которое посетил глава государства, стал Ново-Ярославский нефтеперерабатывающий завод (НПЗ), при подъезде к которому он раскритиковал заводской забор и все постройки, сделанные из силикатного кирпича, призвав активнее использовать сборный железобетон⁷⁶. Кроме того, сославшись на опыт передовых стран, Никита Сергеевич порекомендовал начать выпуск бензина с более высоким октановым числом, а затем – и строительство установок, «позволяющих использовать жидкий газ для бытовых целей и максимально сократить его сжигание на факеле»⁷⁷. Руководству НПЗ предложили подготовить докладную записку относительно «комплексного использования сырьевых ресурсов, связанных с переработкой нефтехимии». Некоторые замечания оказались незначительными, но даже их было предписано исправить⁷⁸.

Известны детали последних минут пребывания Хрущёва в Ярославле: «В 13 ч. отправление, прибыли за 5 мин. Немного волновались, как бы не было свалки, могут запрудить и пробраться невозможно. Когда подъехали..., организованность полнейшая»⁷⁹. Ярославские партийные функционеры в схожих тонах описали свои чувства в момент отъезда руководителя страны. Так, Торопов «облегчённо вздохнул после его отъезда, как это всегда бывает после проводов высокого начальства»⁸⁰, Лощенков же выразился более афористично: «Нет более приятной пыли, как из-под колёс уезжающего начальства»⁸¹.

«По совету Никиты Сергеевича»

По окончании визита в Ярославль первого секретаря ЦК КПСС руководство области провело несколько крупных совещаний (начал действовать механизм реализации «пропаганды и дисциплинарной ответственности»)⁸². Первое из них – «По итогам и вопросам пребывания тов. Н.С. Хрущёва в Ярославле» – состоялось 8 июня, спустя три дня после отъезда Никиты Сергеевича. В стенограмме совещания (рассекречена в 2000-е гг.)⁸³ отражены не только последствия пребывания в Ярославле лидера страны, но и особенности реакции партийных функционеров на его визит. Так, выступивший с докладом Лощенков обратил внимание на избирательность интересов руководителя страны: «Прямо скажу, Никита Сергеевич, когда заходил вопрос о рядовых вещах, не проявлял внимания, его интересовали вопросы технического прогресса, новых дел и явлений». Далее в лучших традициях славословия первый секретарь ярославского про-

⁷⁴ ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 131, л. 26; д. 13, л. 1–3; д. 128, л. 47.

⁷⁵ Лощенков Ф.И. Указ. соч. С. 43.

⁷⁶ Позже был назван один из «виновных» – руководитель треста Г.В. Визирян, у которого проект железобетонного забора лежал без движения около пяти лет (ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 131, л. 26–28).

⁷⁷ Там же, д. 130, л. 20, 22.

⁷⁸ Там же, д. 131, л. 28, 32.

⁷⁹ Там же, л. 33.

⁸⁰ Торопов В.Ф. Указ. соч. С. 93.

⁸¹ Размолодин М.Л. Указ. соч. С. 75.

⁸² Зубкова Е.Ю. Реформы Хрущёва... С. 106.

⁸³ ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 131.

мышленного обкома заявил: «Это человек, который обладает разносторонними познаниями, глубоко понимает и знает вещи, судит с широкого государственного диапазона. Его интересует не сегодняшний день, а влияние на будущее. Очень внимательно следит за вопросами экономики, всех товарищей допытывал – сколько стоит? И когда чепуху начинают говорить, то он сразу товарища на этом деле обрывает»⁸⁴. Конечно, докладчик идеализировал и намеренно приукрашивал эрудицию и интеллект первого секретаря ЦК КПСС, тем не менее определённые его черты как человека и руководителя (стремление вникнуть в суть дела, направленность мышления на далёкую перспективу, прижимистость, въедливость, не всегда корректный, а порой грубоватый стиль общения) выделил, на мой взгляд, точно.

Среди важных замечаний главы государства Лощенков указал на логистические, технологические и управленческие аспекты. Особой оказалась проблема захламливания заводских территорий: «скажем, Сажевый завод, куда возможно было посещение..., на любой завод попросился бы, и мы должны показать. А на Сажевом заводе – настоящий бедлам». При этом Лощенков расширил поле критики: «На других заводах грязища, беспорядок... Давайте условимся, что после совещания объявим аврал высокой чистоты и культуры на производстве». Больше всего «досталось» Г.В. Визиряну, курировавшему строительство НПЗ: «зарубите себе на носу, что надо навести порядок! Так заводы строить нельзя. Вы всё время отбрасываете вопросы благоустройства дорог и территории на задний план, а на заводе идти невозможно». Первый секретарь обкома потребовал организовать воскресники и субботники: «Должно быть нормой жизни – чистота территории завода, всё должно быть заасфальтировано, подметено, засажено газонами, деревьями, зеленью. В цехах – чистота и порядок». В области логистики он указал на необходимость разработки на предприятиях плана «совершенствования внутризаводского и внутрицехового транспорта», а в сфере технологических решений – перевести фабрики с хлопка на синтетический корд, изготавливать коленчатые валы с помощью сварки, наладить производство присадок. Также Лощенков призвал привлечь институты к исследовательским работам на производстве⁸⁵.

После отъезда Хрущёва проявились черты «штурмовщины»: в короткий срок ликвидировать отставание в строительстве объектов химии – «досрочно ввести производственные мощности»⁸⁶ и ускорить строительство лабораторного корпуса НИИМСК: «По постановлению ЦК и Правительства он должен быть сдан в 1966 г. На 1 год можно сократить это дело»⁸⁷.

Рядовым коммунистам визит высокого гостя преподносился как величайшая честь: «Надо, чтобы коллективы взяли повышенные обязательства, поднять на новые трудовые подвиги, доложить ЦК и лично Никите Сергеевичу, что замечания, которые им сделаны, претворены в жизнь... Кровь из носа выполнить все обязательства. Это дело чести всей областной партийной организации»⁸⁸. Таким образом, партия брала «на себя функцию управления всеми отраслями экономики и социальной жизни..., отдавая приоритет организационному фактору и коммунистической сознательности»⁸⁹.

⁸⁴ Там же, л. 3.

⁸⁵ Там же, л. 1, 10, 12–14, 22.

⁸⁶ Там же, д. 128, л. 16.

⁸⁷ Там же, д. 131, л. 20.

⁸⁸ Там же, л. 34.

⁸⁹ *Зубкова Е.Ю.* Реформы Хрущёва... С. 106.

Особо острой темой обсуждения стало жилищное строительство. Не могли остаться без внимания областных партийных функционеров следующие серьёзные замечания первого лица страны: «Кустарно строите, много кирпичных зданий времён 1932 г. Пора переходить на крупно-панельное и железобетонное строительство. Живёте под Москвой и так отстали в строительстве, вы, товарищи, должны быть чуть ли не лабораторией»⁹⁰. Поэтому на совещании Лощенков потребовал: «Хватит по кирпичику строить... Стыдно нам, что мы рядом с Москвой, можем перенять всё прогрессивное, и Ленинград недалеко»⁹¹.

Простые жители Ярославля не могли не заметить, что по окончании визита руководителя партии и правительства началась активная пропаганда его идей. Участникам встречи с главой государства рекомендовали «выступать в клубах, цехах, рассказывая о тех замечательных советах, пожеланиях, которые высказал Никита Сергеевич»⁹². Местные газеты, радио и телевидение получили разнарядку «проводить работу по ознакомлению трудящихся с задачами», которые он выдвинул. Так, все газеты завели рубрику «По совету Никиты Сергеевича», где рабочие и инженеры должны были выступать со своими инициативами и починами⁹³. Пресса ориентировала читателей главным образом на новые трудовые свершения и пропагандировала достижения научно-технической революции в СССР. На заводах, площадях и в клубах организовали фотовыставки, посвящённые пребыванию Хрущёва в Ярославле. Телевизионщики подготовили небольшой, но достаточно пафосный фильм о его визите⁹⁴. В этих мероприятиях реализовалась коммуникативная функция региональной элиты – «непосредственное взаимодействие масс и власти»⁹⁵.

На областном совещании 8 июня 1963 г. Лощенкову задали вопрос о Верхневолжском совнархозе, перевод которого из Иваново в Ярославль обсуждался первым секретарём ЦК партии в «разговоре частного порядка». Суть его такова: «Н.С. Хрущёв: “Нам известно, что вы хотели Ивановскую область присоединить”. Ф.И. Лощенков: “Мы говорим, что не против и не теряем надежды”. Н.С. Хрущёв: “Ишь, какие империалисты: всё хотят присоединить!”»⁹⁶. Дело в том, что первый секретарь обкома 1 июня (накануне визита Никиты Сергеевича в Ярославль) направил служебную записку в ЦК КПСС (с пометкой «совершенно секретно»), содержащую аргументы в пользу переноса из Иваново в Ярославль части отраслевых управлений Верхневолжского совнархоза⁹⁷.

14 июня 1963 г. состоялось собрание партийного актива Ярославской областной промышленной организации. Принятая на нём резолюция «О задачах областной партийной организации по выполнению указаний тов. Хрущёва в связи с посещением предприятий и строек Ярославля» отразила не только

⁹⁰ ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 131, л. 28.

⁹¹ Там же, л. 29.

⁹² ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 131, л. 34.

⁹³ Сообщение ТАСС о приезде Н.С. Хрущёва // Северный рабочий. 1963. 5 июня. № 131; Никита Сергеевич Хрущёв в Ярославле // Там же. 6 июня. № 132; Наказ выполним. По совету Никиты Сергеевича // Там же. 7 июня. № 133; После памятной встречи // Там же. 8 июня. № 134; Будет, Родина, больше моторов. По совету Никиты Сергеевича // Там же. 9 июня. № 135; Институт пшеникам. По совету Никиты Сергеевича // Там же. 12 июня. № 137; Задора и огонька хватит. По совету Никиты Сергеевича // Там же. 13 июня. № 138.

⁹⁴ Н.С. Хрущёв в Ярославле. (URL: http://vk.com/video?section=all&z=video47003474_164672207%2Falbum6047375%2Fpl_6047375). Дата обращения 30.08.2015).

⁹⁵ *Мохов В.П.* Указ. соч. С. 10.

⁹⁶ ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 131, л. 36.

⁹⁷ Там же, д. 7.

критические замечания советского лидера, пути их исправления, но и магистральные векторы индустриального развития города. Наряду с химической ведущими отраслями местной промышленности провозглашались машино- и приборостроение⁹⁸. Так, реализуя намеченную линию на приборостроение, в течение 1963–1964 гг. областное руководство направило несколько секретных служебных записок в советские и партийные органы с предложениями об открытии предприятий радиоэлектронной и радиотехнической отрасли в Ростове, Ярославле, Рыбинске и Угличе. Лощенков предлагал также открыть завод запасных частей для автомобиля «Москвич» в Ростове⁹⁹. На этом собрании было много подобострастных реверансов в адрес лидера страны: «Правда от такого мудрого, человечнейшего человека должна проникнуть во все клетки нашего организма» (Е.Т. Алексеев, председатель Верхневолжского совнархоза), «выполнить все указания Н.С. Хрущёва и внести вклад в создание коммунизма» (Лощенков)¹⁰⁰.

Итак, в ситуации совершения явной или мнимой ошибки динамика переживаний местных партийных и хозяйственных функционеров перед всемогущим Хрущёвым колебалась от страха и чувства вины до немедленной готовности исправить оплошность. Стратегические цели местной элиты (пережить пребывание неугомонного вождя без кадровых потерь, снизив до минимума риск отставок, скрыть недостатки и показать достоинства региона, избежав проявлений недовольства, гнева и критики со стороны первого секретаря ЦК партии) определили её тактические решения. Они были направлены на минимизацию возникновения потенциально нежелательных ситуаций (тщательный подбор тем и докладчиков для совещаний с участием Хрущёва, чёткая расстановка кадров, взаимодействующих с ним, грамотный выбор последовательности выступлений и «экскурсий» по предприятиям города и т.д.). После отъезда руководителя страны в поведении местных партийных функционеров чётко проявились патрон-клиентские связи, подразумевавшие акцентированное демонстрацию региональной элитой своей лояльности центру. Её характерными чертами стали усиление славословия в отношении Никиты Сергеевича и «штурмовщина», которая была формой реализации такой функции местной власти, как «обеспечение своевременности и единообразия в проведении всех мероприятий партии и государства»¹⁰¹. Важными компонентами демонстрация лояльности были подготовка и направление Хрущёву в кратчайшие сроки служебных записок по поднятым им вопросам; проведение показательных региональных совещаний различного уровня, посвящённых визиту первого секретаря ЦК КПСС; использование партийных агитаторов и участников встречи с Хрущёвым в ходе специально организованных собраний с трудящимися для пропаганды его ценных мыслей. Апофеозом стало продвижение высказанных им идей через региональную прессу.

Неустойчивый характер взаимодействия местной власти и главы государства был обусловлен, вероятно, импульсивностью и холерическим темпераментом последнего. На протяжении визита диапазон этих отношений постоянно колебался в рамках крайних амплитуд: похвала сменялась критикой, а гнев – милостью. Тем не менее нельзя не отметить позитивную для местной власти

⁹⁸ Там же, д. 128, 76–81, 11.

⁹⁹ Там же, оп. 2, д. 9, л. 23; д. 7, л. 19–20.

¹⁰⁰ Там же, оп. 1, д. 128, л. 71–72, 81.

¹⁰¹ *Мохов В.П.* Указ. соч. С. 9.

тенденцию: поведение Хрущёва пусть незначительно, но эволюционировало от изначально агрессивно-критического настроения до благосклонно-отеческого с эпизодическими вспышками гнева в последний день визита. Среди причин, которые обусловили в целом положительный для ярославского руководства исход неожиданного визита главы государства, можно назвать несколько факторов. В первую очередь, отметим организаторский талант местных руководителей, проявившийся в верном, подчас интуитивном определении содержания и последовательности выступлений докладчиков на совещаниях, знании психологии и текущих интересов Хрущёва, умело составленной программе пребывания высокого гостя, которая незаметно для него корректировалась региональными лидерами. Несмотря на то что формально объекты для посещения определил сам глава партии и правительства, областные партийные функционеры и хозяйственники либо старательно ретушировали недостатки, «выпячивая» при этом достоинства предприятия, либо ловкими манёврами избегали посещения тех объектов, которые могли вызвать неудовольствие руководителя страны.

Последствия и влияние его визита на дальнейшее развитие региона можно оценить в долгосрочной и краткосрочной перспективах. В ракурсе последней рассмотрим то общее впечатление, которое произвел Ярославль на первого секретаря ЦК КПСС. Несмотря на изначально агрессивный настрой и многочисленные замечания высокого гостя, оно оказалось благоприятным. Индикаторами этого стали прежде всего отсутствие громких отставок в руководстве области и среди директоров предприятий после отъезда первого секретаря ЦК, а также его поддержка финансовых ходатайств ярославских директоров заводов (за исключением автомобильного). Особо нужно отметить успешное лоббирование экономических интересов Ярославской обл. региональными партийными функционерами и директорами заводов, что привело в среднесрочной перспективе к строительству корпусов предприятий на Угличском часовом заводе, Ярославском НПЗ, НИИМСК, сопутствующей инфраструктуры, в том числе объектов соцкультбыта, а также к общему росту капиталовложений. В ракурсе долгосрочной перспективы Ярославль сохранил позиции и упрочил репутацию индустриального центра Верхневолжья в таких отраслях, как машиностроение, химическая, нефтехимическая промышленность и приборостроение¹⁰². Нельзя сказать, что «разнос», устроенный Хрущёвым, а затем повторенный областными партийными функционерами в отношении директоров заводов, имел мгновенный эффект исправления. Такие проблемы, как ручной труд, слабая механизация и автоматизация десятилетиями оставались бичом советской экономики. Особенно тяжёлым было положение на селе¹⁰³, что стало одной из причин оскудения людских ресурсов русской нечернозёмной деревни. Однако жёсткая обструкция Никиты Сергеевича напугала областных руководителей, поставив на повестку дня такие требовавшие срочного решения проблемы, как неудовлетворительное ведение промышленного, жилищного и культурно-бытового строительства, ошибки в проектировании и др.¹⁰⁴

Таким образом, будучи маленьким эпизодом советской политической истории, вояж Хрущёва в Ярославль стал значимым явлением культуры его политического действия/реформаторства¹⁰⁵ в контексте общей политики наступления

¹⁰² См.: ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 2, д. 9.

¹⁰³ См.: *Денисова Л.Н.* Исчезающая деревня. Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996.

¹⁰⁴ ЦДНИ ЯО, ф. 7386, оп. 1, д. 128, л. 79.

¹⁰⁵ См.: *Зубкова Е.Ю.* Реформы Хрущёва...

на партийную номенклатуру, в частности, давления на региональную элиту. Также следует отметить эффективный механизм слаженного взаимодействия местной партийной и хозяйственной элиты. Рассмотренную региональную сеть на момент визита Никиты Сергеевича можно охарактеризовать как компромиссную¹⁰⁶, наиболее распространённую в СССР, а её фактического лидера – Лощенкова – в качестве сильного секретаря ярославского промышленного обкома, но с тенденцией сползания к «секретарю-диктатору» и соответственно «подавлению сети». Модель ролевого поведения Хрущёва во взаимодействии с ярославским руководством, как зеркало, отражала его политику давления на региональную элиту и его же культуру реформаторства. Уважение вызывает желание руководителя страны вникнуть во все детали производственных процессов, но при этом его риторика изобиловала менторскими репликами, нравоучительными тирадами, а подчас и грубыми вульгаризмами (авторитарный язык власти). При характеристике содержательной стороны его речей следует отметить, с одной стороны, максимализм и высокую критичность высказываний, с другой – непосредственную, а порой и забавную манеру приводить бытовые примеры из собственного жизненного опыта.

---

¹⁰⁶ Хлевнюк О.В. Региональная власть в СССР... С. 33–39.

Первая российская революция: проблемы и перспективы изучения

27 октября 2015 г. в Институте российской истории РАН состоялся «круглый стол», посвящённый актуальным проблемам изучения российской революции 1905–1907 гг. Участники дискуссии обсудили многие «узловые» проблемы Первой революции: динамику революционного процесса, роль в нём общественных сил и политических институтов, смысл вызванных революцией реформ государственного строя и перемен в политическом ландшафте страны, то, как революция изменила повседневную жизнь и культурную среду общества. Мы предлагаем вниманию читателей ряд статей, подготовленных по итогам «круглого стола».

Революция обуславливается «слабостью защиты, а не силой нападения»

Кирилл Соловьёв

The «weakness of defense», not the «strength of attack» determines a revolution

Kirill Soloviev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Россия постепенно входила в революцию и столь же постепенно выходила из неё. Далеко не все современники отметили в качестве её начала «Кровавое воскресенье» и далеко не все согласились бы с позднейшими авторами, особо выделявшими «третьеиюньский переворот». Ещё 30 апреля 1905 г. издатель «Нового времени» А.С. Суворин делился с читателями сомнениями: «Вы знаете, что я не верил в русскую революцию и теперь ещё не знаю: верить или нет?»¹. Судя по всему, его сомнения рассеялись лишь в октябре. Предводитель же московского дворянства кн. П.Н. Трубецкой ещё в середине декабря 1904 г. доказывал, что «Россия находится ныне в эпохе революционного движения и анархии»².

Конечно, любые хронологические рамки – условность, и о них не стоит спорить, а надо договариваться. Однако в данном случае за выбором начальной и конечной даты революции стоит весьма значимая историографическая проблема: как понимать характер социальных и политических процессов тех лет. Тем не менее вне зависимости от ответа на этот вопрос для любого исследователя максимальная концентрация событий Первой русской революции падёт на 1905 г. Яркие события последующих лет станут лишь «эпилогом» к драме

© 2016 г. К.А. Соловьёв

¹ Суворин А.С. Русско-японская война и русская революция: Маленькие письма 1904–1908 гг. М., 2005. С. 292.

² Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953. С. 99.

1905 г., а её развязку привычнее относить к октябрю того года. Однако такая расстановка акцентов отнюдь не была очевидной для современника, который как раз в 1905 г. не был уверен, что стал свидетелем «кульминации» революции, относя её к будущим временам.

Так, в октябре 1905 г. С.Ю. Витте писал, что подлинная революция в России пока не началась. Происходила ещё не «настоящая», но «идейная революция», выразившаяся в том, что крайние идеи завоевали симпатии масс. Прежде немислимые лозунги обретали популярность. Это всё готовило будущий социальный взрыв, который правительство должно было предупредить: «Каждый лишний день уносит общественную мысль всё дальше и дальше. Ещё немного, и она окажется унесённой в пространство безграничное, в хаос идей. Страна сама не заметит, как окажется в хаосе действий. Тогда ничто не поможет. Тогда будет поздно»³.

Иными словами, Витте констатировал начало революционного процесса, который был запущен, дал уже некоторые результаты, но далеко ещё не принял тех масштабов, которых следовало во что бы то ни было избежать. Эта точка зрения была распространена в обществе. 29 октября 1905 г. Суворин отмечал, что революция «начинается с того момента, когда перестают слушаться правительство. Она выступила в образе ещё неясном. Ни лицо её, ни руки, ни рост ещё не определились явственно». Несколько дней спустя Суворин написал, что революция «показывает только цветочки, а ягодки ещё вереди»⁴. И исполняющий должность министра внутренних дел П.Н. Дурново ещё в ноябре 1905 г. полагал, что революция лишь начиналась в России, и со своей стороны дожидаться «ягодок» не собирался. Его ближайший сотрудник Д.Н. Любимов писал в воспоминаниях: «Дурново со свойственной ему некоторой грубостью в выражениях стал мне объяснять, что мы уже перешли из смуты в революцию, может быть покуда ещё деланую и искусственную, но фигура революции уже ясна. Все власть имущие хотели её ударить, но не решались. Все они с графом С.Ю. Витте во главе опасаются пуще всего общественного мнения, прессы. Боятся, вдруг лишат их облика просвещённых государственных деятелей. Мне же терять нечего, особенно у прессы. Вот я эту фигуру революции и ударил прямо в рожу и другим приказал: бей на мою голову. При теперешнем положении иных способов нет, да и вообще, особенно у нас в России, это один из наиболее верных»⁵.

Впрочем, были те, кто вовсе отрицал революцию в России и в ноябре 1905 г. «Вся эта гражданская манифестация (Всероссийская октябрьская стачка. – К.С.) грозила разрешиться в ничто, в мыльный пузырь и лишь обнаружить ещё раз, до какой степени фактически невозможна у нас революция даже при полной забастовке самой власти..., вдруг в ту минуту, когда этого всего менее можно было ожидать, появляется Манифест, которым царь уступил», – описывал ситуацию 9 ноября 1905 г. публицист и общественный деятель Ф.Д. Самарин⁶.

Другие публицисты, общественные деятели революцию признавали, но как бы оправдывали её перед своими взыскательными читателями, отказывавшимися верить, что революция в России могла принять такие «скромные формы». В октябре 1905 г. социолог и публицист С.Н. Южаков полагал, что в России

³ Проект манифеста о событиях 9 января // Красный архив. 1925. Т. 11–12. С. 54–56.

⁴ Суворин А.С. Указ. соч. С. 364, 370.

⁵ РГАЛИ, ф. 1447, оп. 1, д. 39, л. 460.

⁶ ОР РГБ, ф. 265, к. 153, д. 3, л. 13.

происходила особая, «мирная революция»: «Не на баррикадах одерживает свои победы народная революция в России. На улицах торжествует тройственный союз черносотенной губернской администрации, её полиции и мобилизованных ими жуликов и хулиганов»⁷. С.Н. Прокопович отмечал, что отсутствие привычных форм революционного насилия отнюдь не является препятствием к тому, чтобы полагать события 1905 г. революционными: «Там (в Пруссии, во Франции. – К.С.) было вооружённое восстание народа против правительства, победа народа над войсками в уличной борьбе, баррикады и кровь, захват власти над столицей и временное правительство, – здесь был только отказ в работе, остановивший всю экономическую, общественную и государственную жизнь страны. Несмотря на различие форм, результат один: капитуляция абсолютизма перед волей народа. Очевидно, и революции подлежат эволюции, – в зависимости от изменений всей совокупности общественных отношений»⁸.

Таким образом, одни современники отрицали сам факт революции в России, другие же признавали её наличие – и при этом неизменно отмечали особый характер процессов, разворачивавшихся в России. У этой проблемы есть «бытовое» объяснение. Английский журналист М. Бэринг поражался тому, как сложно сформулировать то, что происходит в России. Это трудно понять из Англии: слишком много идёт информации из России – и из-за деревьев не видно леса. И главное: с этим нелегко определиться и в самой России, где у каждого был свой опыт переживания 1905 г., в большинстве случаев мало отличавшийся от дореволюционного. И сам Бэринг признавался, что в повседневной жизни Петербурга декабря 1905 г. он не увидел признаков свершавшейся революции⁹.

Масштаб событий 1905 г. казался недостаточным. Современники большого ожидали от следующего года. В значительной мере эти настроения подогревались выборами в Думу и началом её работы, которые, казалось, должны были стать поворотными в истории страны. Сенатор Н.А. Хвостов писал 26 марта 1906 г.: «Нам нечего закрывать глаза на совершающееся. Революция форменная и события очень напоминают Францию в конце XVIII в.: та же трусость и неспособность наверху и какое-то озверение во всей стране»¹⁰. По мнению Бэринга, с началом работы Государственной думы Россия вступала в свой «1789 год»¹¹. В апреле 1906 г. схожую мысль высказал и историк Н.И. Кареев, прежде много и плодотворно занимавшийся как раз революцией во Франции конца XVIII в.¹²

Иными словами, привычное в историографии повествование о событиях Первой русской революции несинхронно их восприятию современниками. Это свидетельствует, прежде всего, о том, что человек эпохи революции не вполне ощущал её ритм. Он мерил её эталоном прежних времён и надеялся, что массы или их законные представители так или иначе выйдут на авансцену и решат судьбу России.

По этой причине Манифест 17 октября не считался современниками ключевым событием тех лет: ведь, казалось, «настоящая» революция не может де-

⁷ Южаков С.Н. Политика // Русское богатство. 1905. № 10. С. 149.

⁸ Прокопович С.Н. Эволюция революции // Право. 1905. 25 октября. № 41. Стб. 3401.

⁹ Baring M. A year in Russia. L., 1907. P. 45.

¹⁰ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 13.

¹¹ Baring M. Op. cit. P. 205.

¹² Кареев Н.И. К вопросу о разгоне Думы // Речь. 1906. 21 апреля.

латься в бюрократических канцеляриях – пускай даже и под давлением общест-венности и широких масс населения. Тем не менее именно в канцеляриях всё было подготовлено для этого акта, чьё издание особо выделяется в «летописи» Первой революции. Путь к нему был проложен ещё министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским при разработке Указа 12 декабря 1904 г., затем Комитетом министров под председательством С.Ю. Витте, совещанием во главе с А.Г. Булыгиным, совещанием Д.М. Сольского. При том, что у этих коллегий были свои, во многом отличавшиеся цели и задачи, они неизменно продолжали работу друг друга. С.Н. Южаков, выделяя наиболее характерные черты революции, отметил, что революция действует «не законообразно, а только целесообразно»¹³. Однако революционные подвижки 1905 г. вполне укладывались в рамки «законообразности» того времени.

Российской же бюрократии было суждено сыграть немалую роль в истории Первой революции. Одним из важнейших факторов политического кризиса было то, что высокопоставленное чиновничество в значительной части оказалось оппозиционным по отношению к существовавшему режиму. В январе 1905 г. образовался кружок, состоявший преимущественно из таких лиц. На его собраниях ставился вопрос о необходимости политической реформы – прежде всего об учреждении всероссийского представительства. В обсуждении этих вопросов принимали участие товарищ министра финансов А.Д. Оболенский, министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов, начальник Главного управления уделов В.С. Кочубей, петербургский губернатор А.Д. Зиновьев и др.¹⁴ К заседаниям кружка был привлечён С.Н. Трубецкой, чьи конституционалистские симпатии не были секретом. Весьма характерен состав возникшего в апреле 1905 г. «Отечественного союза», резко критиковавшего существовавший режим (пускай и со славянофильских позиций). Членами объединения были также высокопоставленные бюрократы, преимущественно из Министерства внутренних дел: начальник Земского отдела МВД В.И. Гурко, начальник канцелярии МВД Д.Н. Любимов, директор канцелярии МВД по делам дворянства Н.Л. Мордвинов, директор департамента личного состава МВД А.И. Буксгевден, бывший товарищ министра внутренних дел А.С. Стишинский. В сравнительно немногочисленный «Отечественный союз» (приблизительно 400 человек) вошли 8 сенаторов, 15 генералов¹⁵.

Может быть, ещё более значима бросавшаяся всем в глаза растерянность «высших сфер», выбитых из колеи ускоряющимся ходом событий и дезориентированных в меняющемся политическом пространстве. А.А. Бобринский записал в дневнике 23 марта 1905 г.: «Государь всё также без воли, спит... Фредерикс играет политическую роль с отвратительными нулями *a la* Мосолов и Путятин. Витте безмолвствует, как приплюснутая жаба. Государь и его императрицы сидят в строяйшем заперти в Царском Селе. Великие князья – в состоянии абсолютной терроризации»¹⁶.

Мысль о возможности ужесточения репрессивной политики вызывала неприятие у многих чиновников. В мае 1905 г. директор департамента общих дел МВД А.Д. Арбузов спросил у чиновника министерства Н.Н. Жеденева, что, по

¹³ Южаков С.Н. Указ. соч. С. 150.

¹⁴ РГАДА, ф. 1412, оп. 8, д. 292, л. 175 об.

¹⁵ Там же, оп. 2, д. 276, л. 2, 9, 11, 29, 37–38, 51, 61, 67–68, 82, 96, 120, 127, 153, 256; д. 277, л. 304, 360.

¹⁶ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1. С. 131.

его мнению, необходимо сделать для водворения порядка. Жеденев видел спасение в «крепкой власти». Арбузов же был иного мнения: «23 года проявлялась эта крепкая власть, и вот что из неё вышло – беспорядок, который мы теперь переживаем. Нет, таких, как вы, нам не надо»¹⁷.

Издание же Манифеста 17 октября стало радостным событием для весьма влиятельных государственных служащих. По воспоминаниям В.И. Гурко, товарищ министра внутренних дел Д.Ф. Трепов был чрезвычайно доволен этим решением и заметил начальнику петербургского охранного отделения А.В. Герасимову: «Вся страна будет завтра праздновать великий патриотический национальный праздник рождения новой, свободной России». Столичный градоначальник В.А. Дедюлин собрал «у себя вечером 17 октября высших чинов полиции, читает им манифест, целует его и приступает затем к обсуждению не столько способов охранения спокойствия в городе, сколько порядка оглашения манифеста, причём даже высказывается мысль об объявлении его посредством особых герольдов». Примерно тогда же, в начале ноября, государственный контролёр Д.А. Философов и министр путей сообщений К.С. Немешаев высказывались в пользу введения всеобщего избирательного права. По мнению Гурко, присутствовавшего на заседании Совета министров, лишь благодаря вмешательству Витте эти руководители ведомств отказались от столь радикальных требований¹⁸.

Таким образом, верховная власть не могла быть уверена в поддержке даже своих ближайших сотрудников. Чиновники, будучи представителями общества, были подвержены колебаниям общественного мнения и настроений, что в условиях политического выбора 1905 г. ставило под вопрос жизнеспособность существовавшего режима. Эта проблема осознавалась и современниками как ключевая для понимания природы революционного процесса. По словам правоведа Д.Д. Гримма, «психологический момент для падения абсолютно-бюрократической системы наступает не тогда, когда физическая сила переходит на сторону оппозиции, а тогда, когда власть в силу внутренней дезорганизации и деморализации становится неспособной к органической работе»¹⁹. «Сила старого строя заключалась в организации управляющих при дезорганизации управляемых; суть переходного времени заключается в организации управляемых (собственно, только более сознательной части их) при дезорганизации управляющих», – писал представитель левого крыла «Союза освобождения» Г.А. Ландау²⁰. Впоследствии, в 1908 г., А.С. Изгоев утверждал: история «показывает, что победа революции всегда обуславливалась слабостью защиты, а не силой нападения. Старый порядок, чувствуя, как отворачиваются все живые силы страны, как негодование против него делается всеобщим, национальным, погружается в какой-то маразм, поражается параличом воли и сдаётся задолго до того, как истощает все силы для своей защиты»²¹.

Помимо всего прочего, на событиях 1905 г. сказывалась и старая «болезнь» системы управления России – укоренённая в ней бюрократическая анархия, выражавшаяся в непримиримой борьбе ведомств, несогласованности их действий. Когда в сентябре 1905 г. в ответ на беспорядки в университетах министр народного просвещения В.Г. Глазов просил принять «строгие меры» в отноше-

¹⁷ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 347.

¹⁸ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 469, 480–481.

¹⁹ Гримм Д.Д. Наше политическое положение // Право. 1905. 15 апреля. № 15. Стб. 1168.

²⁰ Ландау Г.А. Административная хроника // Вестник права. 1905. Кн. 2. С. 286.

²¹ Изгоев А.С. Большевицские дурачки и умники // Русская мысль. 1908. № 7. С. 197.

нии учащихся, Витте и Ермолов выступили категорически против. А Д.Ф. Трепов в ответ на просьбу помочь министерству заметил: «Если ваши студенты будут бунтовать на улице, я их усмирю, а если они бунтуют в стенах университета – то это ваше дело, не моё!»²².

Разнонаправленность действий высшей бюрократии, непримиримые противоречия между её представителями и, что самое главное, отсутствие общего политического курса – всё это само по себе порождало и политический кризис, и одновременно модель выхода из него. «Обновлённый» государственный строй стал результатом труда чиновников, в котором сказались характерные для бюрократии черты – формальное единство подходов при фактическом отсутствии единства взглядов, а также представление о непрерывности законодательного процесса. Складывавшаяся политическая система походила на геологическую породу, где один «слой» нарастал над другим. Так, согласно ст. 86 Основных законов, ни один закон не мог обрести силу, если не был утверждён Думой и Государственным советом. В то же время законодателем последовательно проводился принцип монархического суверенитета. Соответственно, единственным источником власти оставалась воля императора. Полномочия Думы были соотнесены с прерогативами дореформенного Государственного совета. Именно поэтому бюджетные правила 1906 г. во многом совпадали с прежними, определявшими порядок утверждения государственной росписи Государственным советом, что на практике сильно затрудняло функционирование министерств. Продолжали работу бюрократические учреждения, фактически обладавшие законодательными полномочиями: Военный совет, Адмиралтейств-совет, Комитет финансов и др.

Первая революция стала «большим взрывом», в результате которого система разлетелась на «кирпичики» «старого порядка». Впоследствии, когда она собиралась заново, это была уже другая, новая система, правда большей частью состоявшая из старых «кирпичиков».

---

²² Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. М., 2010. С. 91.

Когда началась революция 1905 года?

Владислав Гросул

When did the revolution of 1905 begin?

Vladislav Grosul (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Я остановлюсь только на одном вопросе истории революции 1905 года, а именно на том, когда она началась. В 1900 г., вскоре после назначения на важнейший правительственный пост министра внутренних дел, Д.С. Сипягин предпринял поездку по России. Результатом её стало заключение: в стране «творится что-то неладное и порождается революция»¹. В 1902 г. Сипягин

© 2016 г. В.Я. Гросул

¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 88.

был убит социалистами-революционерами, возобновившими свой террор, который, кстати, был ещё одним свидетельством усилившегося революционного возбуждения. Его сменил В.К. Плеве, который в одном из докладов Николаю II утверждал: «Если бы двадцать лет тому назад, когда я управлял департаментом полиции, мне бы сказали, что России грозит революция, я бы только улыбнулся. Ныне, Ваше величество, я вынужден смотреть на положение иначе»². Плеве был убит в июле 1904 г. Итак, два министра, предсказывавших революцию, были убиты в начале XX в. революционерами-террористами, подтвердившими их слова своими действиями.

На неизбежность революции указывали не только министры внутренних дел, хорошо знавшие реальную обстановку в стране. К.П. Победоносцев в одной из бесед с начальником Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистовым подчеркнул, «что никакая страна в мире не в состоянии была избежать коренного переворота, что, вероятно, и нас ожидает подобная участь и что революционный ураган очистит атмосферу»³. А в сентябре 1900 г. он же говорил генералу А.А. Кирееву: «Вообще, всё молодое поколение, всё мыслящее становится враждебным правительству. Число его сторонников уменьшается»⁴. Количество подобных признаний, исходивших из правящего лагеря, можно без труда увеличить. А вот несколько цифр, свидетельствующих о значительном возбуждении в низах. Если в 1881–1890 гг. было учтено примерно 450 различных выступлений рабочих, то лишь в 1901 г. – 353 стачки, а в 1903 г. – 1 382⁵, т.е. почти в четыре раза больше, чем в 1901 г. Кстати, изданные недавно данные «Хроники рабочего движения» дают ещё большее количество стачек, чем цитировавшаяся нами обобщающая монография по истории рабочего движения.

Ещё в ноябре 1901 г., изучив опыт выступлений рабочих того года, В.И. Ленин выдвинул лозунг восстания. Он прежде всего опирался на пример известной «Обуховской обороны», столкновения рабочих с армией на Обуховском военном заводе в Петербурге в мае 1901 г.⁶ В 1903 г. крупнейшая, небывалая до того по размаху стачка в России произошла на юге. В 1904 г. наблюдался спад рабочего движения, но это было временное явление, связанное с Русско-японской войной.

Такая же картина наблюдается и при изучении крестьянского движения. Один из крупнейших отечественных аграрников В.П. Данилов в предисловии к сборнику документов о крестьянском движении в России в начале XX в. подчеркивал, что «именно в 1902 г. началась крестьянская революция в России, завершившаяся в 1922 г.»⁷. В этом сборнике в очередной раз была опубликована хорошо известная докладная записка директора Департамента полиции А.А. Лопухина Николаю II от 8 декабря 1904 г. Лопухин писал, комментируя восстание крестьян в Полтавской и Харьковской губерниях: «Беспорядки эти, поистине достойные названия бунта, были до того ужасны, что, оценивая их теперь, почти через три года, нельзя не содрогаться от основанного на наблюдении над ними сознания той неожиданной простоты, с которой может вспых-

² Там же. С. 148.

³ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 219.

⁴ Соловьёв Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. С. 147.

⁵ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 582–583.

⁶ Ленин В.И. Новое побоище // Ленин В.И. ПСС. Т. 5.

⁷ Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. Сборник документов. М., 1998. С. 6.

нуть в России и разрастись народный мятеж». Далее он подчёркивал: «Одним из самых характерных явлений при этих беспорядках была революционная пропаганда»⁸. Таким образом, более чем компетентный в подобных вопросах чиновник отметил смыкание низового народного движения с революционной идеологией уже в 1902 г. В действительности крупное революционное выступление имело место еще годом раньше, в Гурии, где переросло в крупное вооружённое восстание и было жестоко подавлено. В 1901 г. предгрозовая атмосфера хорошо ощущалась и в деревнях Центральной России. Уже в августе 1901 г. из Воронежской губ. писали: «У нас в воздухе висит что-то зловещее: каждый день на горизонте зарево пожаров, по земле стелется кровавый туман – дышится и живётся трудно, точно перед грозой. Мужик упрямо молчит, а если заговаривает иногда, то так, что мороз по коже пробирает»⁹.

Таким образом, самое начало XX в. было ознаменовано резким возрастанием протестного движения низов. Но ещё раньше обозначилось заметное противостояние между властью и обществом. 4 января 1902 г. В.О. Ключевский записал в дневнике, отмечая активизацию их борьбы друг с другом: «В настоящую минуту правительство и общество в России находятся между собою в отношении двух враждебных сторон, воюющих за власть»¹⁰. Обострение отношений между обществом и властью наступило уже после голода 1891–1892 гг., когда в общественных настроениях произошёл заметный поворот¹¹. Об этом, в частности, писали столь разные люди, как В.А. Маклаков и Л.Д. Троцкий¹². Общественное оживление проявлялось в различных формах – росте числа общественных организаций¹³, подпольных кружков, публицистической деятельности и т.д. Лишь один пример: если в 1891 г. было выпущено всего 8 нелегальных листовок, то в 1899 г. – 699, т.е. в 87 раз больше¹⁴.

В 1890-е гг. выросло студенческое движение, оживилось, а кое-где и зародилось национальное движение. К выступлениям поляков, армян, финнов добавилась возросшая активность украинцев, литовцев, евреев. Не случайно друг Николая II редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» кн. Э.Э. Ухтомский уже в мае 1900 г. заявил: «Россия расширяется по всем швам..., нет у нас на окраинах единства политики»¹⁵.

Россия стала центром мирового революционного движения, а русский революционер рассматривался как эталон революционности. Одновременно падал авторитет Николая II и императорской власти в целом. Не случайно В.О. Ключевский в начале XX в. писал: «Она, эта династия, не доживёт до своей политической смерти, вымрет раньше, чем перестанет быть нужна, и будет

⁸ Там же. С. 109.

⁹ Цит. по: *Горн В.* Крестьянское движение до 1905 г. // *Общественное движение в России в начале XX века.* Т. 1. Кн. 1–2. СПб., 1909. С. 245.

¹⁰ *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 471.

¹¹ *Гросул В.Я.* Русское общество XVII – XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 429, 478–479.

¹² *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Т. 1. Париж, 1936. С. 127–129; *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С. 103–104.

¹³ Подробнее см.: Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М., 2011.

¹⁴ Подсчёты сделаны по кн.: Сводный каталог русской нелегальной и запрещённой печати XIX века. Листовки. В 3 ч. М., 1977.

¹⁵ См.: *Гросул В.Я.* Национальные движения в России в конце XIX в. // *Российская история.* 2015. № 2. С. 59–84.

прогнана»¹⁶. А ученик Ключевского А.А. Кизеветтер вспоминал следующие слова учителя: «Попомните мои слова: Николаем II закончится романовская династия, если у него родится сын, то уже не будет царствовать»¹⁷.

Таким образом, обстановка в стране накалилась уже до 1905 г. Не случайно ещё 12 декабря 1904 г. Николай II подписал Высочайший указ о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка. Страна к тому моменту уже фактически вошла в революционное состояние. Революция – это процесс, а не одномоментный акт, и есть все основания полагать, что она началась значительно раньше трагических событий 9 января 1905 г.

---

¹⁶ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 395–396.

¹⁷ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914. М., 1997. С. 145.

Последняя из западноевропейских или первая из революций «третьего мира»?

Олег Волобуев

The last of European or the first of the third-world revolutions?

Oleg Volobuev (Moscow, Russia)

Часто в работах по политической истории XX век называют веком политических партий и движений¹. И это определение небезосновательно. Одной из особенностей открывающей это столетие российской революции 1905–1907 гг. было то, что она явилась первой партийной революцией в истории. И не потому, что она инициировалась той или иной партией, а в связи с влиянием партий и подобных им организаций на многие события. В них было немало стихийного, связанного с массовым движением. Но многое из произошедшего стало результатом влияния, а порой и прямых действий политических партий. Кровавому воскресенью предшествовали убийство членом эсеровской боевой организации В.К. Плеве 15 июля 1904 г. и банкетная кампания осенью того же года, инспирированная либеральным «Союзом освобождения», предтечей кадетской партии. Само шествие рабочих к Зимнему дворцу 9 января произошло по призыву гапоновской организации с петицией, в составлении которой внесли вклад политически ангажированные интеллигенты. Не мешает вспомнить, что большевики и меньшевики, выступая против замысла самого шествия к царю, тем не менее выделяли для участия в колоннах манифестантов своих активистов.

А декабрьское восстание 1905 г. в Москве? Решение о нём было принято городским Советом рабочих депутатов, которым заправляли социалистические партии. А разве думские выборы, особенно по рабочей курии, не носили по существу партийного характера? Партийное лицо революции проявлялось и в проведении агитационных кампаний, и в организации масс (политические стачки, те же советы), и в террористических актах, и в непосредственном руководстве (или его попытках) рядом вооружённых выступлений.

© 2016 г. О.В. Волобуев

¹ См.: Рябов В.В., Хаванов Е.И. Политические партии – общество – государство. М., 2014.

Но дело не только в агитации и пропаганде, революционных актах и думской деятельности партийных фракций. Партии хотели стать ещё и мозгом революции (одни) или контрреволюции (другие). Идеологии, цели и задачи, программы у них были разными, как и разработанные ими модели революции. Попробуем классифицировать партии, пользуясь в качестве критерия отношением к преобразованиям в России, ведь оценка революции зависела от видения необходимых реформ и их исторической перспективы.

Марксисты считали революцию буржуазной. При этом можно выделить несколько марксистских моделей её восприятия. Меньшевицкая, наиболее ортодоксальная, оценивала революцию в России как классическую, развивающуюся по французскому образцу 1789–1794 гг. Ленинская модель буржуазно-демократической революции предполагала завершение её при радикальном исходе рабоче-крестьянской диктатурой. Модель перманентной революции Троцкого–Парвуса предусматривала ситуацию, когда буржуазия отрекается от революции и неизбежной становится диктатура пролетариата. Однако в условиях исторической отсталости России диктатура пролетариата сможет построить новое небуржуазное общество только при победе социалистической революции в передовых странах Запада. Заметим, что давно пора отказаться от антагонистического противопоставления моделей Ленина и Троцкого, утвердившегося в 1920-х гг. Общее в них заключено в признании возможности перехода от буржуазной революции к социалистической, и в этом смысле они сводимы к идее нетипичной буржуазной революции с социалистической перспективой. Различие же их связано только с определением условий этого перехода, в первую очередь роли крестьянства в послереволюционном процессе. Для Ленина часть крестьянства – прочный союзник пролетариата, для Троцкого всё крестьянство – консервативная по отношению к диктатуре пролетариата сила. Нельзя не согласиться с Э. Карром², что в 1905–1907 гг. разногласия Ленина и Троцкого по вопросам теории «были едва заметны». Уже тогда оба оценивали революцию в России как стартовую площадку для ускоренного, форсированного партией «въезда» в социализм.

В эсеровской литературе российская революция именуется трудовой или народно-трудовой. Неонародники использовали элементы теоретических построений как своих предшественников – народников, обосновывавших особый тип преобразований общества в крестьянской стране, так и марксистов. Признав наличие капитализма в России и теорию классово-борьбы, они унаследовали от классического народничества представление об исторической миссии крестьянства. Социальный строй России изображался в виде двух столетиями сосуществовавших антагонистических комплексов. Один – авторитарный и нетрудовой (самодержавие, дворянство, бюрократия), другой – проникнутый началами труда и автономизма (крестьянство), получивший развитие в общине. В отличие от Западной Европы, в Россию капитализм был «привнесён» самодержавием. Поэтому народу в его борьбе «за землю и волю» противостояла коалиция самодержавия, дворянства и капитализма.

К типу неонароднической трудовой революции можно отнести три модели: собственно эсеровскую, энесовскую и эсеров-максималистскую. В свою очередь, модель эсеров-максималистов близка к анархистской. Концептуально обе они базируются на «бунтарском» варианте массовых действий. Наиболее це-

---

² Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1–2. Большевицкая революция. 1917–1923. М., 1990. С. 69.

лесообразным методом социального переворота максималисты считали, пользуясь их терминологией, коммунистическую децентрализованную, или коммунально-федералистскую революцию. На первый план выдвигалось понятие «захват»: везде, где можно, народ захватывает землю, предприятия, транспорт и т.д., дезорганизуя этим власть и одновременно применяя против неё политический террор. Власть не может справиться с очагами революционных пожаров, распространившимися на всю страну, – и в результате разваливается, а трудовая революция побеждает.

Кадеты воспринимали происходящее в России как либеральную политическую революцию того же типа, что и западноевропейские, именуемые в марксистской интерпретации буржуазными. Разница заключалась лишь в ракурсе: считать ли революцию переходом от феодальной формации к капиталистической или от абсолютизма к представительной демократии и правовому государству. При последнем подходе объяснимы понимание революции как конфликта власти и общества, колебания между приятием и неприятием революционного насилия (одно дело манифестации, массовые митинги, политические стачки, другое – вооружённые выступления, восстания), тактика канализации революции в парламентское русло. Вполне понятно, что в этой модели принятие Основных законов и созыв первой Думы расценивались как успех и завершение революции. Конечно, кадетов не удовлетворяли полусамодержавие, полуконституция и полупарламент. Но, согласно их логике, лучше, если за революцией будет закрыта дверь и она останется по ту сторону истории.

Не стану рассматривать взгляды октябристов и правомонархических партий. Здесь схема революции проста: профессиональные революционеры, образно говоря, «бесы», натравливают тёмный народ на власть с целью разрушения государства и грабежа всего и вся.

Из современных историков наиболее перспективными для понимания революционного процесса в России представляются мне подходы М. Малия (особенно в лекционном курсе)³ и Т. Шанина⁴. У них разные концепции, но оба включают события 1905–1907 гг. в длительный революционный процесс (1902–1922 и 1904–1934 гг. соответственно) и рассматривают их в контексте новой исторической эпохи. Для Малия это «многоклассовая революция», где конфликт проходит по оси «власть–общество». Круто искривляется революционный процесс только в 1917 г., являя собой нетипичное течение событий. В известном смысле революция начала XX в. в России – замыкающее звено «правильных» либеральных революций. Для Шанина 1905–1907 гг. – время создания новых взглядов и стратегий, которые затем повторяются в разных странах на протяжении ряда десятилетий, первая революция выходящих на авансцену истории «развивающихся обществ». И как модернизация становится явлением мировой истории только после разделения мира на авангардные государства и «отживающие общества», так и революции типа российской начала XX в. могут происходить только в условиях глобального модернизационного процесса. В таких социальных переворотах крестьянство выступает в качестве основной, ударной революционной силы. Это не революция городов, а революция деревень, типичная, скажем, для «советских районов» Китая.

Почему я считаю взгляды Малия и Шанина перспективными? Потому что их труды – своего рода пособия по демифологизации моделей революции,

³ Малия М. К пониманию русской революции. Л., 1985.

⁴ Шанин Т. Революция как момент истины. М., 1997.

сконструированных партийными лидерами и публицистами, которые видели революцию, по меткому выражению Шанина, из окон городских квартир. Концепции городской революции у Малиа и крестьянской революции у Шанина воспринимаются как противостоящие друг другу. Такими они были и в первое советское послереволюционное десятилетие, когда историографические оценки колебались от «Рабочей революции 1905 года» В. Михайлова (1919) до «Крестьянской революции 1905–1907 гг. в России» А. Шестакова (1926). Эти расхождения отразила и дискуссия о первой российской революции, развернувшаяся на страницах журнала «Большевик» в 1931 г. В противовес такому полярному восприятию стоит вспомнить известный меньшевистский пятитомник «Общественное движение в России в начале XX в.», где говорилось о «параллельных революциях» в 1905–1907 гг. – городской и крестьянской. Можно вспомнить и выступление В.М. Чернова на Первой общепартийной конференции эсеров в августе 1908 г., где он рассуждал об оригинальных чертах российской революции. В её «сложном, синтетическом характере» Чернов находил черты антифеодальных крестьянских войн, либерально-буржуазной Великой французской революции, национальных войн-революций, рабочих восстаний (Парижская Коммуна). Он говорил и о том, что в 1905–1907 гг. городская революция потерпела поражение, а разобщённые «революционные оазисы» деревенского мира оказались политически изолированными. Возвращаясь к Малиа и Шанину, отметим, что они увидели одну и ту же революцию с двух сторон. Она имела и «европейское», и «крестьянское» лицо. На мой взгляд, Россия пережила в 1905–1907 гг. и последнюю городскую, или общенациональную, и одновременно первую крестьянскую революцию, характерную в XX в. для стран третьего мира.

Отмечался в публицистике начала XX в. и третий компонент революционного движения в России – борьба за этнонациональные права от национально-культурной автономии (например, еврейской или украинской) до последовательного сепаратизма (например, требования восстановления польской независимости). Меньшевистский публицист в очерке «Национальное движение» писал: «Национальный момент в российской революции, т.е. борьба за национальные права со стороны многочисленных народностей, населяющих Российскую империю, играет весьма серьёзную роль. Он важен не только как лишний штрих в общей картине, но и как крайне существенный элемент самого процесса революции и контрреволюции»⁵. Выражение «лишний штрих в общей картине» очень показательно: национальный вопрос действительно растворялся в общей картине классовой или общенациональной революции. Характерны в этом отношении представления М.Н. Покровского. Революционные события на окраинах (за исключением польских земель и Финляндии) для него были лишь отражением событий в Петербурге и Москве: «Следя за общим ходом успехов и неудач революции 1905 г., можно было не выходить за пределы центрального района... Не национализм поэтому, а вполне реальные задачи исторического объяснения заставляют излагать 1905 г. как цепь событий прежде всего русских, беря даже теснее – петербурго-московских»⁶. Такое отношение к национальному вопросу в историографии революции 1905–1907 гг. констатирует германский историк А. Каппелер: «Исследователи как внутри, так и вне Советского Союза отдава-

⁵ *Ленский* З. Национальное движение // *Общественное движение в России в начале XX века*. Т. 1. СПб., 1909. С. 349.

⁶ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933. С. 441.

ли приоритет социальным и политическим факторам революции и подчиняли им национальные моменты... Тем не менее национальные движения развивают свою собственную динамику, которую нельзя недооценивать»⁷.

В заключение хотелось бы остановиться на проблеме «государство и революция». Как известно, революции нигде не происходят без активного содействия со стороны государственной власти. Она совершает ошибки трёх типов: своевременно не проводит назревшие реформы; не слышит «подземного гула» надвигающейся революции (или реющих над штилевым морем буревестников); избегает диалога со своими оппонентами и «верноподданным» народом, делая ставку на насилие. Чутко отзывавшийся на колебания революционных струн П.Б. Струве закончил свою статью «Великая Россия» так: «Государство должно быть революционно, поскольку этого требует его могущество. Государство не может быть революционно, когда и поскольку это подрывает его могущество»⁸. Иными словами, государство должно перехватить у революции инициативу преобразований.

---

⁷ Камелер А. Россия – многонациональная империя. М., 1997. С. 241–242.

⁸ Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 200.

Стратификация российского общества и революция 1905–1907 гг.

Наталья Иванова

Stratification of Russian society and the revolution of 1905–1907

Natalia Ivanova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Возникновение революции непосредственно связано с неустойчивым, переходным характером российской социальной структуры. Как известно, перепись населения Российской империи 1897 г. зафиксировала разделение населения на сословные, профессиональные и классовые группы. При этом сословное начало было выражено наиболее чётко. Привилегированные сословия (дворянство, духовенство, почётные граждане, купцы) составляли всего 2.5% населения, в то время как непривилегированные (бывшие податные) – крестьянство, мещанство, инородцы, в известной мере казачество – абсолютное большинство (более 95%)¹. Что касается профессиональных групп, то в переписи фиксировались не столько специальности, сколько занятия, которые определялись для самостоятельного населения на основе главного источника получения дохода. Поэтому в группировку о занятиях были включены и лица, не имевшие определённых занятий и жившие за счёт капитала, родителей, пенсий и т.п., а также те, кто явно не имел специальности – подёнщики, чернорабочие, прислуга.

Сведения о занятиях свидетельствуют о том, что 54.9% самостоятельного населения России в конце XIX в. трудилось в сельском хозяйстве. В промыш-

---

© 2016 г. Н.А. Иванова

¹ Подсчитано по: Общий свод по империи результатов обработки данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. Т. 1. СПб., 1905. С. XIII, 164–171.

ленности было занято 16%, в торговле – 4,7, на транспорте и в средствах связи – 2,2, личным услужением и подённой работой занимались 6,5%. Представители интеллигентских профессий (преподаватели и воспитатели, медицинские работники, учёные, литераторы и т.д.) составляли всего 1,1%, а работавшие в государственном управлении – более 4%. Не имевшие занятий и жившие доходами с капитала и недвижимости, а также за счёт казны, пенсии, родителей и проч. составляли 4,3% самодельного населения. Распределение по главным занятиям всего, а не только самодельного населения, значительно увеличивает (до 74,6%) долю лиц, живших за счёт сельского хозяйства, и уменьшает удельный вес жителей, связанных со всеми остальными видами деятельности: с промышленностью – до 10%, торговлей и транспортом – до 5,5, творческой деятельностью – до 0,6%².

В отличие от стратификации по сословиям и занятиям, в российской статистике отсутствовали общие сведения о классовой структуре общества, основанной на экономических признаках (наличии собственности, величине дохода, использовании наемного труда). В материалах переписи имеются довольно обширные данные лишь о наёмных рабочих. Распределение населения на другие классовые группы (хозяев, использующих наёмных работников; хозяев, работавших в одиночку и с помощью членов семьи; служащих и администрацию) содержится в ряде переписей крупных городов. Примечательно, что в некоторых публицистических и официальных документах группы рабочих и предпринимателей нередко идентифицировались не как классы, а как вновь возникшие сословия.

Из-за отсутствия официальных данных о классовой структуре российского общества подсчеты численности и качественная характеристика различных классов осуществляется исследователями по разным частным источникам. Поэтому результаты оказываются неизбежно приблизительными. В течение всего советского периода историки использовали данные В.И. Ленина, полученные им на основе материалов переписи 1897 г., переписи Санкт-Петербурга 1890 г. и сведений об имущественной дифференциации крестьян из военно-конских переписей. Согласно его подсчётам (если перевести абсолютные цифры в проценты), крупная буржуазия, помещики, высшие чины составляли 2,4% населения России, зажиточные мелкие хозяева – 18,4% (к ним, помимо крестьянства, Ленин относил значительную часть торгово-промышленной администрации, служащих, «буржуазной» интеллигенции, чиновничества и т.д.), беднейшие мелкие хозяева (преимущественно крестьянство) – 28,5%, «пролетарии и полупролетарии» – 50,7%. При этом к пролетариям относилось 17,5% населения, а остальные 33,2% квалифицировались как полупролетариат³.

Однако классовую структуру можно изучать и другим путём. Исходными остаются сведения о занятиях самодельного населения по переписи 1897 г. Численность «имущих слоёв» (как они называются в источнике) определяется в соответствии с группами занятий по данным, составленным в Министерстве финансов на 1904 г. в ходе подготовки к введению подоходного налога в России. В состав имущих включались лица с годовым доходом свыше 1 тыс. руб.⁴ Число рабочих подсчитано на 1900 г. в ходе написания коллективных трудов по истории рабочего класса и является достаточно достоверным. Остальные группы населения условно можно включить в промежуточные слои. Их числен-

² Подсчитано по: Там же. Т. 2. СПб., 1905. Табл. XXа, XXI. С. 256–292, 296.

³ Ленин В.И. ПСС. Т. 3. С. 505.

⁴ Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1906.

ность получается путём вычитания из общего числа самодельных в каждой «профессиональной» группе количества имущих лиц и наёмных рабочих.

Согласно таким подсчётам, удельный вес имущих слоёв в общем числе самодельных составлял 1.2%, наёмных рабочих – 36.7, на промежуточные слои приходилось – 62.1%. В составе имущих слоёв самая большая группа (27.9%) жила доходами от капитала и недвижимости, другая, столь же весомая (25.6%), включала преимущественно чиновников госаппарата. К производственной сфере относились торговцы и промышленники (20.6%), землевладельцы (14.7%). Доля интеллигенции и лиц свободных профессий в составе имущих слоёв составляла всего 3.6%⁵.

Быстрее всего процессы классовобразования шли в промышленности и на транспорте. В 1900 г. в этой сфере было занято 46.3% наёмных рабочих, 37.3% трудилось в сельском хозяйстве. В советской историографии внимание уделялось прежде всего фабрично-заводским рабочим. Между тем, по данным на тот же 1900 г., из общего числа 12 181.2 тыс. рабочих к фабрично-заводским и транспортным (т.е. индустриальным) можно отнести лишь 2 640.9 тыс. (21.7%). Все остальные были заняты в мелкой промышленности, торговле, строительстве, сельском хозяйстве⁶. Да и среди индустриальных было немало связанных с землёй, работавших в промышленности менее одного года.

Промежуточные слои были наиболее многочисленными. Надо, правда, учитывать, что в их состав включены некоторые сословные группы – среднее и низшее чиновничество, военные, духовенство, а также полупролетарские слои – прислуга, подёнщики, чернорабочие и др. Сюда входили также ремесленники, кустари, мелкие торговцы (старые средние слои), служащие и интеллигенция (новые средние слои), однако наибольшую часть, разумеется, составляли крестьяне. Все перечисленные группы и основную массу крестьянства объединяло то, что они были собственниками и тружениками. При этом у крестьян и старых средних слоёв собственность была материализована в виде земли, орудий труда и т.д., в то время как у интеллигенции и служащих выступала в качестве интеллектуального капитала. Можно ли отнести всю эту массу к «среднему классу»? Следует признать, что формирование его в России находилось на начальной стадии. С одной стороны, крестьяне-общинники не являлись собственниками наделённой земли, с другой – уровень доходов многих представителей указанных слоёв был очень низким (например, жалование учителей начальных школ, составлявших значительную часть интеллигенции, было ниже средней заработной платы рабочих).

Приведённые данные свидетельствуют о многомерном структурировании российского общества, незначительной доле высших и состоятельных слоёв населения и немногочисленности средних классов (особенно городских) – абсолютное большинство населения составляло крестьянство. Важно и то, что разрыв между высшими и низшими слоями выражался не только в численности, но и в огромной разнице доходов и размеров собственности. В свою очередь, многие представители средних слоёв, являясь таковыми по занятиям и наличию собственности, по уровню доходов примыкали к низшим слоям.

О степени социализации различных слоёв населения свидетельствовало складывание их корпоративных, а затем и общих интересов, которые оказывали влияние на политику правительства в условиях революции. Накануне и в

⁵ Там же. С. VIII, XIV, XIX, XXV, XXXVIII, XXXIX, 90–91.

⁶ Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. М., 1982. С. 42.

период революции нивелировке сословных различий способствовали законы, касающиеся окончательного освобождения непривилегированных сословий от подушной подати и телесных наказаний, реформирования паспортной системы, отмены круговой поруки и выкупных платежей. Положение о промысловом налоге 1898 г. расширяло возможности сословий заниматься торгово-промышленной деятельностью без записи в купечество. А указ 9 ноября 1906 г. и заменивший его закон от 14 июня 1910 г., которые легли в основу Столыпинской аграрной реформы, подрывали традиционную крестьянскую общину. Свидетельством антисословной тенденции в правительственной политике стал и указ от 5 октября 1906 г., который предоставлял «всем российским подданным безразлично от их происхождения, за исключением иностранцев, одинаковые в отношении государственной службы права, применительно к таковым правам лиц дворянского сословия»⁷. Согласно тому же указу, сельские обыватели получали право вступать без увольнения в другие общества с сохранением прав и обязанностей по старому крестьянскому обществу. Кроме того, крестьяне (как и мещане) освобождались от предоставления увольнительных общественных приговоров при поступлении в учебные заведения, на гражданскую службу, переходе в белое духовенство и монашество. Правда, этот указ носил временный характер, поскольку был принят на основании ст. 87 Основных государственных законов 1906 г. и в дальнейшем законом так и не стал. Кроме того, действующее право, по мнению юристов того времени, не согласовывалось с указом, и некоторые из прошлых ограничений продолжали сохраняться на деле. В частности, продолжала действовать приписка к обществу.

Численность рабочих, буржуазии, средних классов существенно возросла после революции 1905–1907 гг. в условиях экономического подъёма 1909–1914 гг. и проведения Столыпинской аграрной реформы. Вместе с тем революция способствовала самоидентификации, сплочению и политическому развитию различных сословных, профессиональных и классовых групп населения. В частности, оформилось большое количество профессиональных союзов, объединений рабочих и служащих по производственному и территориальному принципам, активно проходили процессы консолидации и политизации российской буржуазии, которая защищала свои интересы через представительные организации. В первой половине 1907 г. в 81 губернии России действовало 1 192 профсоюза рабочих обрабатывающей промышленности, транспорта и строительства. При этом 715 профсоюзов, по которым имелись сведения о числе членов, насчитывали 333 тыс. человек, что составляло около 5% от общей численности рабочих на 1900 г.⁸ Согласно данным на 1910 г., число объединений крупного капитала, а также средних и мелких (в том числе ремесленников) предпринимателей достигло 199 (не считая биржевых комитетов)⁹. Воспользовавшись появившимися в 1905–1906 гг. указами, позволявшими российским подданным подавать петиции на имя императора, создавать организации и обсуждать общегосударственные вопросы, крестьянство стало принимать на общинных сходах многочисленные приговоры и наказания с широкими демократическими требованиями, а дворянство впервые за свою историю создало общероссийскую сословно-политичес-

⁷ ПСЗ-III. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28392. Ст. 1.

⁸ Розенталь И.С. Профессиональные союзы рабочих России: Численность, состав, политическая ориентация, 1905 – февраль 1917 г. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1987. С. 22.

⁹ Лурье Е.С. Организация и организации торгово-промышленных интересов в России: Подготовительные материалы и этюды для характеристики предпринимательского движения. СПб., 1913. С. 185–191.

кую организацию «Объединённое дворянство», просуществовавшую с 1906 по 1917 г. Большое значение имело и возникновение многопартийной системы, которая, в свою очередь, складывалась под воздействием переходного состояния, дробности социальной структуры.

Рабочее и крестьянское движение, носившее в годы революции массовый характер и оказывавшее революционизирующее влияние на другие слои населения, в основе было корпоративным. У рабочих первостепенными были требования, связанные с заработной платой, улучшением условий труда и социальным обеспечением, свободой стачек и союзов как средств борьбы с предпринимателями. В ходе революции и после неё значительная часть этих требований была удовлетворена. Общепризнанное звучание стачки приобретали, когда сопровождалась митингами и демонстрациями, в ходе которых выдвигались политические требования.

Крестьянство боролось прежде всего за увеличение земельных наделов за счёт помещичьих латифундий на традиционной уравнительной основе, что соответствовало менталитету крестьян, согласно которому землёй должны были владеть те, кто её обрабатывает. С утверждениями о том, что крестьянству не нужна была дополнительная земля, а следовало лучше работать на уже имеющейся, согласиться трудно. В условиях экстенсивного хозяйствования, характерного для России, увеличение земельных владений было необходимо, тем более что пореформенное развитие происходило при уменьшении наделов за счёт отрезков и быстром росте численности населения. На пути же интенсивного ведения сельского хозяйства существовал ряд преград: недостаточное техническое оснащение производства, нехватка удобрений, переделы земли и другие особенности общинного землепользования, правовая неурегулированность частнособственнических отношений, широкое распространение земельной аренды – словом, всё, что лишало крестьян заинтересованности в улучшении обработки земли. Лишь в 1910-е гг. проявилась тенденция к интенсификации сельского хозяйства, но она была прервана Первой мировой войной. Не случайно требование земли было основным у крестьян и в 1917 г.

Для образованной части общества, интеллигенции, также в качестве корпоративных имели значение политические требования – свободы личности, слова, печати, демократизации политического строя, и в связи с этим – ограничения (или ликвидации) самодержавия. На те же требования интеллигенция выходила будучи участником и руководителем политических партий разной идейной ориентации. Объединение корпоративных требований в рамках совместных интересов (касающихся разных сословий, классов и других групп населения) было возможно лишь на политическом уровне, предполагало деятельность политических партий.

Известно, что Манифест 17 октября 1905 г., сыгравший определяющую роль в реформировании государственного строя России, появился в условиях Всероссийской октябрьской политической стачки, которая объединила широкие круги революционно и оппозиционно настроенных слоёв населения, общероссийских союзов и политических партий. К подготовке Манифеста и созданию представительных учреждений были причастны и видные сановники, представители крупного дворянства, губернские предводители дворянства и др., которые высказывались за создание Государственной думы. В связи с масштабами движения, представительностью участников, результативностью стачки именно этот период правомерно считать, на мой взгляд, высшим этапом революции.

Интересно посмотреть, с точки зрения социальной стратификации, на состав Государственной думы и реформированного Государственного совета. В I Думе предприниматели составляли 3.2%, во II – 3.7, рабочие соответственно 4.6 и 5.6%. На крестьян в I Думе приходилось 30.2%, во II – 32.5%, крупных землевладельцев насчитывалось около 22% (помещиков-дворян во II Думе – 17.2%). Служащих и интеллигенции в I Думе было 33.9%, во II – 32.5. В III Государственной думе помещики составляли 38%, низшие слои (землепашцы) – 13, крупные и средние предприниматели – 5, рабочие – 2, средние слои – около 40%¹⁰. Если соотнести эти показатели с общей численностью соответствующих слоёв, окажется, что в результате избирательного закона, предоставлявшего различным категориям населения неравные права, больше всего, с точки зрения представительства своих интересов, проигрывали крестьяне, а выигрывали дворяне, к числу которых принадлежало большинство депутатов – крупных землевладельцев, интеллигенции и служащих. В Государственном совете с 1906 по 1917 г. потомственные дворяне составляли от 86.1 до 81.4%¹¹. Существенным было и влияние «Объединённого дворянства» на правительственную политику. Можно сделать вывод, что в результате революции дворянство превратилось из служилого в правящее сословие.

В историографии считается, что революция 1905–1907 гг. потерпела поражение. Возможно, это и так с точки зрения программ радикальных партий с их насильственными методами борьбы за власть и идеей революционного переустройства общества. Однако по многим вопросам достижения революции были существенными и способствовали быстрому развитию России.

---

¹⁰ Дёмин В.А., Соловьёв К.А. Государственная дума // Пётр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия. М., 2011. С. 125, 127, 129. Проценты по I и II Думам подсчитаны мною. – Н.И.

¹¹ Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917 гг.). Киров, 1999. С. 236.

Момент истины? Первая российская революция и крестьянский вопрос

Игорь Христофоров

The moment of truth? The first Russian revolution and the peasant issue
*Igor Khristoforov (National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia;
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)*

Первую российскую революцию невозможно понять вне контекста аграрного вопроса, самого важного для России конца XIX и начала XX в. (по крайней мере, в социально-экономической сфере) – это положение кажется бесспорным.

Между тем, если мы попробуем определить суть аграрного вопроса, понять, в чём именно он заключался и как его понимали современники революции и многочисленные поколения историков, то не только не обнаружим бесспорности, но напротив, погрузимся в разногласия противоречивых мнений.

Для одной традиции почти все проблемы русской деревни были связаны с крестьянским малоземельем, для другой – с архаичной и неподатливой на инновации общиной, для третьей они являлись лишь неизбежным аспектом развития капитализма (индустриализации, модернизации). Одни склонны винить в крестьянских проблемах помещиков, другие – государство, третьи – «инородцев», «ростовщиков» или более анонимный рынок, а четвёртые – самих крестьян (правда, опосредованно, через категории «менталитета» и «отсталости»). Что-то из перечисленного можно сочетать, что-то выглядит скорее взаимоисключающе. Дошла до наших дней даже точка зрения, что никаких проблем у крестьян не было, а если эти проблемы где и существовали, то в головах либералов-интеллигентов, сбивавших крестьян с толку и отвлекавших их от работы на благо Отечества.

Важно подчеркнуть, что *все* упомянутые позиции сложились ещё до начала XX в. и с годами, не меняясь в основе, лишь обрастали статистической и прочей аргументацией. Издалека эту какофонию можно увидеть и как консенсус на почве «принципиальной важности аграрного вопроса для понимания русской революции». Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что такого консенсуса не было даже в советской историографии¹. Разумеется, его не может быть и сейчас, и интерпретации аграрного вопроса в современной исторической литературе могут стать великолепным материалом для изучения явной и латентной ангажированности историков. Я, впрочем, хочу остановиться не на ней. Разобраться в происхождении нынешних оценок невозможно, не обращаясь к тому, как именно российская общественная и бюрократическая элита осмысляла проблемы деревни накануне революции и что изменилось в её оценках после (и в результате) событий 1905–1906 гг.

В написанной более десяти лет назад коллективной работе о революции сценарий таких перемен, предложенный автором этих строк, выглядел следующим образом². К началу XX в. правительство и общество подошли с тяжёлым багажом патерналистских стереотипов и иллюзий о том, что чувствуют и чего желают крестьяне. Подавляющее большинство не только консерваторов, но и людей передовых, либеральных верило в некую базовую «неиспорченность» крестьян, в то, что именно они являются символом и залогом если не уникальности исторического пути России, то по крайней мере его глубоких отличий от других европейских стран. Чиновники и правые публицисты в этом смысле мало чем отличались от разного рода умеренных и радикальных народолюбцев. Те и другие, конечно, по разному истолковывали инстинкты крестьянской массы: первые уповали на стихийную лояльность крестьян самодержавию, а вторые – наоборот, на их столь же стихийную тягу к социальной справедливости. Однако в обоих случаях в образе мужика явно доминировали руссоистские черты.

---

¹ См.: *Христофоров И.А.* Экономическое развитие российской деревни в XIX веке: пора ли подводить историографические итоги? // Вестник истории, литературы, искусства, 2014. Т. IX. С. 47–64.

² *Христофоров И.А.* От самодержавия к думской монархии // Первая революция в России: взгляд через столетие / Под ред. А.П. Корелина, С.В. Тютюкина. М., 2005. С. 413–422.

В ходе революции все эти представления подверглись колоссальному испытанию. Аграрные беспорядки, а также голосование на первых и вторых думских выборах, где крестьяне явно предпочли левые партии правым, похоронили миф о них как об опоре трона. Давно, но очень вяло обсуждавшийся в верхах пересмотр традиционалистского аграрного курса был резко ускорен, вылившись в столыпинскую аграрную реформу. В свою очередь, левые партии, прежде всего социалисты-революционеры, столкнулись с неожиданными для них динамикой и содержанием крестьянских протестов, которые быстро пошли на спад, обнажив политическую инертность крестьянской массы и неподатливость её на партийные лозунги. Крестьян действительно не устраивал существовавший порядок, но, как полагали сами эсеры, «сколько-нибудь солидных данных, что при стихийном движении вопрос решится в духе программы нашей партии, у нас нет»³. Впрочем, у других крупных левых партий – социал-демократов и кадетов – программы по аграрному вопросу, в сущности, не оказалось вообще. Марксистов и либералов в принципе должно было бы объединять скептическое отношение к мифу об особом крестьянском мировоззрении и правосознании и к перспективе что-либо построить на их основе. Однако такой скепсис, может быть, присутствовал в умах многих из них, но не в речах: отталкивать потенциального союзника и избирателя не хотелось, предложить же крестьянам те и другие могли лишь модифицированную народническую программу.

Из сказанного можно сделать вывод, что бюрократическая элита в лице П.А. Столыпина, его сторонников и сотрудников расставалась с прежними иллюзиями гораздо быстрее, чем «общественники», и была на этом пути более последовательна. Получается, что правительство в очередной раз оказалось «первым европейцем» в стране.

Сейчас, по прошествии десятка лет, мне хотелось бы добавить в эту картину несколько важных акцентов. Прежде всего, на мой взгляд, «отрезвление» элиты по поводу перспектив патерналистского курса оказалось явно запоздавшим и очень условным. К началу XX в. «верхи» в значительной степени утратили чувство реальности и ориентиры в аграрной сфере. Чтобы осознать всю меру неадекватности восприятия бюрократией социально-экономических процессов в крестьянской среде, достаточно процитировать одну из бюрократических записок конца 1890-х гг. Круговая порука, типичный фискально-полицейский институт, оценивалась в ней ни более ни менее как «залог правильного развития взаимопомощи среди крестьян». «Отмена круговой поруки, – говорилось в записке, – убьёт эти задатки, и в большинстве местностей общинного землевладения со слабо развитыми промыслами и с крайне низким уровнем достатка крестьяне, отвечая каждый за себя, могут быстро стать жертвами ростовщиков»⁴. Кабальная зависимость от казны и общины выдавалась тем самым за средство избежать зависимости от рынка. Каким образом элементы патерналистского мифа склеивались в сознании чиновников, рождая такие абсурдные картины, сказать сложно. Отметим однако, что параллельно такому риторическому превознесению круговой поруки чуть ли не как основы национальной экономической модели, достаточно рутинным порядком шло многолетнее обсуждение её отмены, в конце концов, как известно, увенчавшееся накануне революции успехом.

---

³ Из выступления О.С. Минора на I съезде ПСР в декабре 1905 – январе 1906 г. Цит. по: *Левон М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 235.

⁴ Цит. по: *Симонова М.С.* Отмена круговой поруки // Исторические записки. Т. 83. М., 1969. С. 179.

В целом же Министерство внутренних дел и Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности – два ведомства, которые занимались разработкой нового аграрного курса, – хотя и медленно, но всё же нащупывали пути выхода из заколдованного круга патерналистских фантазий и страхов. «Вообще в этом вопросе не только бюрократия, но и общественность проявляли какую-то странную робость, – писал в воспоминаниях глава Земского отдела МВД В.И. Гурко, один из наиболее деятельных сторонников новой политики в деревне. – Земельная община представлялась каким-то фетишем, и притом настолько свойственной русскому народному духу формой землепользования, что о её упразднении едва ли даже можно мечтать»⁵. Ничего странного в этой «робости», конечно, не было. За шесть десятилетий, прошедших с «открытия» общины – «олицетворения русской уникальности» – А. фон Гакстгаузенем, А.И. Герценом и славянофилами, она стала настолько важным компонентом разнообразных националистических, бюрократических и социалистических утопий, что его изъятие способно было обрушить их как карточный домик.

Но всё же строй крестьянской жизни был укоренён не только в воображении представителей элиты, но и в реальности. Я имею в виду, разумеется, не мифическую вековую склонность крестьян к эгалитаризму и коллективной собственности, а институциональную и социальную реальность, сложившуюся в результате отмены крепостного права и последующих законодательных, судебных и административных наслоений на реформу 1861 г. В российской деревне не существовало той общины, какой она виделась утопистам, зато налицо была фантастическая мешанина фискальных, полицейских, поземельных, трудовых, правовых и культурных практик и институтов разного возраста и степени прочности. Упомяну лишь некоторые из них: крестьянский самосуд (сельский и волостной) на основе обычного права; волость как сословная и при этом административно-полицейская единица; размежевание надельных и частновладельческих земель, которое велось то по обычаю, то по закону, а то вообще никак; мирская и волостная раскладка налогов и сборов; система бюрократического надзора над крестьянским сословием (с 1889 г. в виде земских начальников).

Ни один из перечисленных институтов не имел прямого отношения к общине как системе землепользования. Однако любая попытка что-то сделать с общиной автоматически требовала перестройки их всех. Тот же Гурко прекрасно это понимал и не случайно утверждал, например, что «оставлять волостной суд в том хаотическом состоянии, в котором он находился до самой революции, было крупной государственной ошибкой, немало способствовавшей извращению у крестьян самих понятий о праве собственности и принимаемых ими на себя обязательств»⁶. Почему же за пределами землеустройства реформаторам удалось сделать так немного? Вместе с волостным судом никуда не делась ни сама сословная крестьянская волость, ни, разумеется, земские начальники. Таким образом, практически не затронув обычное право и сословную администрацию – два столпа, поддерживавших обособленность крестьян, столыпинская реформа фактически повисала в воздухе, лишалась правового и административного фундамента.

---

⁵ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 396.

⁶ Там же. С. 219.

Историки обычно объясняют такую ограниченность политическими причинами – давлением правых, слабостью парламентской и общественной поддержки начинаний Столыпина, межведомственной борьбой. Всё это справедливо, но сами указанные причины свидетельствуют о том, что ни бюрократические, ни общественные круги не расстались со своими установками, а лишь подлатали их и подкрасили. Мифологизированные крестьяне по-прежнему считались залогом будущего, своего рода социальной гарантией сохранения (или разрушения) режима. И по-прежнему аграрный вопрос сводился к вопросу о земле, которая воспринималась прежде всего как социальный и политический ресурс.

Несмотря на наличие колоссальной литературы о столыпинской аграрной реформе, до сих пор не проведён систематический анализ риторики и образов, которые реформаторы использовали, говоря о реальных и идеальных крестьянах. Лишь Я. Коцонис обратил недавно внимание на то, что индивидуализм и частная собственность не фигурировали в числе ценностей, отстаивавшихся Столыпиным⁷. Его язык был очень далёк от либерализма, как бы широко ни понимался последний. Более того, в формуле «крестьянин-собственник – условие мощи и величия государства», в сущности, не было ничего нового. В конце концов, согласно Положениям 19 февраля 1861 г., крестьяне именовались собственниками уже с момента перехода на выкуп. И пусть после 1906 г. этот статус стал чуть менее фиктивным, чем после отмены крепостного права, гражданского равноправия крестьяне всё же не получили. Метод власти заключался в том, чтобы, используя землю как приманку, прививать им собственнические инстинкты, метод противников власти – в том, чтобы с помощью аналогичной, но гораздо более жирной приманки прививать им инстинкты противоположные. Неудивительно, что у вторых в итоге получилось лучше. Удивительно, что ни власть, ни её противники так и не смогли выйти за пределы дрессировочных методов.

Исчерпывающее объяснение столь печальному факту российской истории дать непросто. На мой взгляд, самого пристального внимания в этом контексте заслуживает период 1904–1905 гг. По мнению Д. Мэйси, ещё на рубеже веков в среде молодого поколения столичной бюрократии произошла своеобразная «революция в сознании», в результате которой сложилось новое восприятие крестьян и их проблем⁸. В то время как российские историки склонны подчёркивать глубокие различия, даже пропасть, между аграрными программами В.К. Плеве и С.Ю. Витте⁹, Мэйси, наоборот, писал о том, что различные идеологические клише, к которым те прибегали, были лишь подобием вуали, скрывавшей вызревание нового подхода к крестьянам. По мнению историка, в основных чертах программа Столыпина оформилась уже в 1902–1904 гг. в ходе взаимодействия МВД и Особого совещания Витте. Оба органа, по Мэйси, умело направлялись своими реальными руководителями (В.И. Гурко и А.А. Риттихом) к уже оформившейся в их сознании цели – индивидуализации крестьянского землепользования.

---

⁷ Kotsonis Y. The Problem of the Individual in the Stolypin Reforms // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2011. Vol. 12. № 1. P. 25–52. Иной, классический, взгляд на столыпинскую реформу см., например, в статье: Шелохаев В.В. Столыпинский тип модернизации России // *Исторический журнал: научные исследования*. 2012. № 3. С. 34–41.

⁸ Macey D.A.J. *Government and Peasant in Russia, 1861–1906: The Prehistory of the Stolypin Reforms*. DeKalb, 1987.

⁹ См.: Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М., 1987.

Думается, Мэйси сильно переоценил глубину произошедшей «революции». «Новый» взгляд на будущее деревни на самом деле не содержал никаких положений, неизвестных российской общественной мысли по крайней мере с начала XIX в. В общем виде идея о необходимости превращения крестьян в собственников выглядела как банальность даже в застойные времена правления Александра III. Некоторой новостью была скорее мысль, что путь к достижению этой цели лежит через масштабную, беспрецедентную в России интервенцию государства в жизнь крестьян. Однако понимание характера и путей такой интервенции (прежде всего – группового землеустройства) оформилось далеко не сразу, уже после начала реформы, тогда как в 1904–1905 гг. было ещё не ясно, с чего именно начинать и как добиваться перемен – и в политическом, и в техническом отношении.

Сложившаяся ситуация в чём-то была похожа на 1850-е гг.: мы знаем, что к началу эпохи Великих реформ у части бюрократической и общественной элиты сложилось убеждение в том, что отмена крепостного права – необходимое условие выживания и развития страны. Существовало и представление о том, что крестьян нужно освободить с землёй. Всё остальное расплывалось в тумане. Конкретная программа эпохального преобразования оформилась в Редакционных комиссиях лишь в 1859–1860 гг. При этом позже оказалось, что судьба реформы, т.е. то, как она будет развиваться и к чему приведёт, зависела не столько от её декларативных целей, сколько от правовых, технических и административных нюансов, на которые общественное мнение рубежа 1850–1860-х гг. обращало очень незначительное внимание¹⁰.

Но декларативные цели всё же имели огромное значение. Стремясь одержать верх в жёсткой борьбе с политическими противниками, реформаторы монументализировали эти цели, увязали их со стабильностью и даже самим существованием российской государственности, с социальным миром и сильной властью как гарантом всего перечисленного. (Ещё раз подчеркну, что дальше этого Столыпин, в сущности, не ушёл. Правительство после 1905 г. лишь отказалось от поддержки общины как инструмента, однако цели остались неизменными.)

Политически реформаторы 1850–1860-х гг. выиграли: отмена крепостного права навсегда осталась символом социального компромисса и преобразовательного потенциала самодержавной власти. Но победа была достигнута слишком высокой ценой: сам статус символа надолго исключил возможность трезвой, технократической оценки происходящего в деревне. Всякая попытка двинуться в сторону развития здесь правовых и административных институтов наталкивалась (помимо прочего) на призраки распада опоры трона (патриархального крестьянства), появления пролетариата, обнищания масс и социальной революции. Хорошо известно, чем всё закончилось: как будто по закону самоосуществляющегося пророчества, эти страхи стали реальностью.

Итак, политизация целей крестьянской реформы 1861 г. роковым образом сказалась на её судьбе. Но сценарий развития столыпинской реформы был схожим. Революция резко ускорила процесс её подготовки и реализации, но право вновь было принесено в жертву политике. В спорах о том, была реформа успешной или провальной, историки, кажется, не всегда учитывают, что сама она имела шансы стать иной. Альтернативные варианты преобразований в де-

---

¹⁰ См.: *Христофоров И.А.* Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011.

ревне и их возможные последствия изучены явно недостаточно. Ясно однако, что в накалённой революцией обстановке политические приоритеты неизбежно должны были стать главными и для власти, и для её противников. Так что если революция и стала, по выражению Т. Шанина, «моментом истины», то это была истина войны, а не мира.

Россия 1905–1907 гг.: в поисках новых граней осмысления

Валерий Журавлёв

Russia in 1905–1907: looking for the new aspects of research
Valeriy Zhuravlev (Moscow Region State University, Russia)

Как-то во время одной из дискуссий выдающийся историк Константин Николаевич Гарновский мимоходом дал классическое, на мой взгляд, определение социальной значимости исторического знания: «История – это непрерывный диалог настоящего с прошлым». Действительно, когда меняется настоящее, то появляются и новые социальные, и новые исследовательские запросы, обращённые к прошлому. Нашего современника, человека XXI в., уже не способен убедить лежавший в основе советской идеологии тезис о том, что «революции – это праздники истории». Появляется даже противоположное стремление – возродить точку зрения более чем вековой давности, отождествлявшую революцию со Смутой – в её определении на примере событий в России конца XVI – начала XVII в. С.М. Соловьёв увидел «болезнь государственного организма, в котором скопилось много дурных соков».

Хотя в любой революции неизбежно присутствуют элементы и смуты, и своеобразного праздника, вдумчивый историк не станет солидаризироваться ни с первым, ни со вторым её истолкованием. В то же время революции неизбежно осмыслились и будут осмысляться в контексте российского модернизационного процесса. Такое понимание легло в основу концепции энциклопедии «Россия 1905–1907 годов», выход которой в свет ожидается в этом году. В массовом же сознании за периодом 1905–1907 гг. закрепился вполне определённый образ революции, наполненный ярким эмоциональным и образным содержанием, в чём немаловажную роль сыграли произведения искусства, в частности гениальный фильм С.М. Эйзенштейна «Броненосец “Потёмкин”». Унаследовала этот образ и современная нам эпоха.

В итоге потрясшие страну события «Кровавого воскресенья» и баррикады Красной Пресни невольно отодвинули на второй и даже на третий план судьбоносные для страны процессы в различных областях её экономической, социальной, политической, культурной и духовной жизни. Между тем сегодня всё более очевидным становится тот факт, что революционные события при их огромной значимости для последующих судеб страны далеко не исчерпывают

всего многообразия происходившего в ней. Это сложное время, внесшее немалое смятение в души современников, всё же должно рассматриваться в контексте обновления, подтолкнувшего страну к выходу на новые рубежи. Думается, что именно такой подход позволяет вернуться к событиям Первой русской революции с позиций мироощущения человека той эпохи. Ибо та революция, которая поднимает на баррикады (в прямом и переносном смысле) вчерашнего законопослушного подданного – лишь следствие и заключительный аккорд другой, «тихой» революции, которая уже свершилась в его голове и душе.

Смысловой каркас энциклопедии составляют статьи, посвящённые базовым понятиям, важным как для современных историков, так и для людей революционной эпохи: государству, общественному мнению, гражданским свободам, демократии, диктатуре, революции, реформе, конституции, террору, терроризму и т.д. Специальный цикл статей знакомит читателя с государственными институтами того времени: самодержавием, бюрократией, Государственной думой, Государственным советом, Комитетом министров, Советом министров, армией, Департаментом полиции и проч. Анализируется институт военно-полевых судов, специально рассматривается избирательное законодательство и его реализация в избирательных кампаниях, характеризуется система земского и городского самоуправления, городского благоустройства и т.д.

Особое внимание уделяется характеристике отдельных социальных слоёв, категорий и групп, в совокупности составляющих общество: сословий, интеллигенции, студенчества, учительства... Сложным, конфликтным отношениям власти и нацеленной на компромисс с нею части общества посвящается статья «Переговоры правительства с оппозицией». Серия статей посвящена характеристике экономического и финансового состояния России в начале XX в., социальной и внешней политике правительства, в том числе роли в ней событий Русско-японской войны.

Естественно, что составители издания стремились с максимальной полнотой отразить стержневые событийные вехи того времени от «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г., Октябрьской всероссийской политической стачки, Манифеста 17 октября 1905 г., движения в армии и на флоте и Декабрьского вооружённого восстания 1905 г. до Выборгского воззвания членов распущенной Государственной думы первого созыва (8 июля 1906 г.) и царского Манифеста 3 июня 1907 г. о роспуске Думы второго созыва – акта, сама возможность появления которого свидетельствовала о затухании революционной волны. Особое место в ряду этих событий заняли рабочее, в том числе забастовочное, и крестьянское движение. Обращают на себя внимание статьи, посвящённые «приговорному движению» как важной форме крестьянской самостоятельности, а также «крестьянским республикам» 1905–1907 гг. – самоуправляющимся сельским территориям, появившимся в ряде регионов страны. Рассматриваются различные формы протестного движения, в частности пассивное сопротивление, характеризуется профсоюзное движение в целом, а также отдельные общества и союзы, формировавшиеся по профессиональному признаку: Всероссийский железнодорожный союз, Всероссийский почтово-телеграфный, Академический и проч.

Для полноты картины в энциклопедию введены сюжеты об отдельных регионах и национальных окраинах огромной империи – Сибири и Дальнем Востоке, Кавказе, Средней Азии, Прибалтике, Польше и Финляндии. Большое внимание уделяется межнациональным отношениям и конфессиональным про-

блемам – национальным движениям, конфессиональной политике правительства, свободе совести, церковному обновлению, культурно-религиозному ренессансу, мусульманскому и еврейскому вопросам, погромам 1905–1907 гг. и т.д. Энциклопедия содержит также подробную информацию о многочисленных национальных организациях и политических партиях.

Суть общественных настроений, определявших логику и масштабы протестных событий в стране, трудно понять и оценить без детальной характеристики общественной мысли и социальных движений. В энциклопедию включены статьи о консерватизме, либерализме, социализме, анархизме, философах и мыслителях разных направлений, о легальных партиях всероссийского масштаба, оформившихся после издания Манифеста 17 октября 1905 г., а также о нелегальных, революционных политических структурах. Читателю предоставляется возможность познакомиться с деятельностью малоизвестной Женской прогрессивной партии, возникшей в декабре 1905 г. на волне массового протеста в стране и ставшей одной из первых в истории женских политических структур. Несмотря на малочисленность, она, действуя вкупе с Российской лигой равноправия женщин (с 1907 г.) и женским движением в целом, подтачивала основы патриархального общества, что в конечном счёте привело к признанию не только социальных, но и политических прав женщин в ходе подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание уже в ноябре 1917 г. Подробную характеристику получила партийная и непартийная периодика, а также книгоиздательская деятельность.

В издании представлена разнообразная информация, характеризующая интеллектуальную, культурную, а также повседневную жизнь различных слоёв общества, развитие науки и образования от начальной до высшей школы. Даются оценка Всероссийскому союзу деятелей науки и высшей школы, Русскому техническому обществу, Движению за народные университеты, Комитетам грамотности, Всероссийскому союзу учителей и деятелей по народному образованию.

Интеллектуальную атмосферу революции, творческий поиск интеллигенции освещают статьи энциклопедии, посвящённые таким сюжетам, как Серебряный век, декадентство, символизм, творческие объединения интеллигенции, выставочное движение, выставки «Голубая роза» и «Мир искусства», журналы и издательства модерна и символизма, «Русские сезоны» С.П. Дягилева, театральная жизнь и т.д. Такие статьи, как «Меценатство и благотворительность», «Общества обывателей и избирателей», «Общества попечения о народном образовании», позволяют оценить первые шаги формирования институтов гражданского общества в стране.

Атрибутом человеческой жизни является цвет, содержащий в себе не всегда нами осознаваемое глубокое символическое и психологическое наполнение. В переломные моменты цвет может приобретать значение символа эпохи в целом, «цвета времени». Таким в рассматриваемое нами время стал красный цвет, чему посвящается отдельная статья издания.

Если характеризовать время революции в человеческом измерении, то следует в первую очередь констатировать необычайно высокий социально-психологический накал в обществе и острую конфликтность общественных отношений. Чтобы наглядно уяснить, какое, условно говоря, расстояние (а, может быть, даже пропасть!) разделяла представителей российского общества обстановка тех лет, будущему читателю энциклопедии достаточно

сопоставить факты, относящиеся, с одной стороны, к «хозяину земли русской» – императору Николаю II, а, с другой, – к романтику той бурной во всех отношениях эпохи, её «расстрелянной мечте» – лейтенанту Черноморского флота П.П. Шмидту.

На такое сравнение наталкивает то общее, что было свойственно и тому и другому – «надпартийность». Если первого и можно считать представителем какой-либо партии, то это была разноликая и аморфная «партия власти», чьим символом (но отнюдь не реальным лидером) он был. Второй же позиционировал себя в качестве «беспартийного социалиста», в чём-то солидаризируясь с убеждениями и программными положениями партий кадетов, эсеров, социал-демократов, но в остальном не соглашаясь с ними. В каком-то смысле сопоставление двух этих людей можно считать персонификацией взаимоотношений власти и общества.

Факты свидетельствуют: действия Николая II на всех этапах революции объективно (нередко даже неосознанно) вели не к смягчению, а к обострению нараставшего конфликта власти и общества. Так, события 9 января 1905 г. царь оценил с позиций, быть может, встревоженного, но всё же стороннего наблюдателя, записав в дневнике: «Тяжёлый день! В Петербурге произошли серьёзные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело. Мама приехала к нам из города прямо к обедне. Завтракали со всеми. Гулял с Мишей»¹. Ровно через 10 дней царь принял тщательно отобранную полицией «депутацию» из 34 рабочих. Строго посетовав в ходе общения с ними, что «мятежной толпой заявлять мне о своих нуждах – преступно», он в заключение заявил: «Я верю в честные чувства рабочих людей и непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их». Распубликованное в «Правительственном вестнике» от 20 января 1905 г., это «прощение» возмутило Россию и отозвалось далеко за её пределами.

Всячески противился император и принятию мер по смягчению ситуации в стране в условиях Октябрьской политической стачки 1905 г. Знаменитый Манифест 17 октября он подписал лишь под сильнейшим давлением своего ближайшего окружения, в том числе членов императорской фамилии, раньше него уразумевших смысл заявления С.Ю. Витте о том, что для спасения монархии надо «бросить кость народу» в виде декларированных гражданских свобод. «После такого дня, – писал Николай II в дневнике, – голова сделалась тяжёлою, а мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и умири Россию»². Однако полностью облегчить свою душу и вместе с тем довольно точно оценить ситуацию царь смог лишь 19 октября в письме к матери – вдовствующей императрице Марии Фёдоровне: «Мы обсуждали его (Манифест. – В.Ж.) два дня, и, наконец, помолвившись, я его подписал. Милая моя Мама, сколько я перемучился до этого, ты себе представить не можешь! Я не мог телеграммою объяснить тебе все обстоятельства, приведшие меня к этому *страшному решению* (выделено мной. – В.Ж.)... Исхода другого не оставалось, как перекреститься и дать то, что все просят... Мы находимся в полной революции при дезорганизации всего управления страной; в том главная опасность»³.

¹ Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. / Отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 2. Ч. 1. М., 2013. С. 15.

² Там же. С. 65.

³ Российский Императорский Дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992. С. 74–75.

Привычно уповая на Господа, самодержец и на этот раз не пожелал задуматься, а что может и должен сделать для спасения страны и собственного спасения он сам. Уже на следующий день он постарался выбросить из головы то, что накануне так его озаботило: «Сегодня состояние духа улучшилось, так как решение уже состоялось и пережито. Утро было солнечное и радостное – хорошее предзнаменование»⁴. Через год – 17 октября 1906 г. – память его воскресила лишь обстановку «мучительных часов прошлого года», которые ему пришлось пережить, ожидая приезда С.Ю. Витте с текстом Манифеста⁵.

Делая дневниковую запись 17 октября уже в 1917 г., Николай, находясь с семьёй в Тобольске, не вспомнил о Манифесте. Но ровно через месяц после этого, 17 ноября 1917 г., прервав традиционные описания своих ежедневных прогулок, он как бы подвёл итог своему несчастливому царствованию: «Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве. Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени». Однако уже следующий день принёс ему новый удар в виде сообщения о начале переговоров большевистского правительства с Германией о заключении сепаратного мира. Комментарий Николая II можно считать уникальным для него по своему эмоциональному накалу: «Подобного кошмара я никак не ожидал. Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту предложить неприятелю заключить мир, не спрашивая мнения народа, и в то время, что противником занята большая полоса страны»⁶. Кажется, впервые (и, скорее всего, единственный раз!) за все десятилетия ведения дневника – и безвозвратно ушедшего в прошлое царствования в целом – Николай употребил понятие «мнение народа». Так постепенно и с катастрофическим запозданием от стремительно несущихся мимо него событий у Николая шёл процесс вызревания того, что можно было бы назвать «политической культурой». Быть может, бывший самодержец, находясь в Тобольске, а затем в Екатеринбурге, и размышлял о том, что именно в его собственных поступках привело к новой российской Смуте. Однако никаких следов этих размышлений (а тем более раскаяния) на страницах дневника, как и в иных доступных источниках, мы не находим.

На другом полюсе не столько политической, сколько сугубо человеческой шкалы приоритетов, предпочтений и ценностей вполне можно поместить скромного лейтенанта Черноморского флота Петра Петровича Шмидта. Холодной отстранённости императора от судеб «своей» страны, не связанных с его личной судьбой, он как бы противопоставил почти детскую открытость и эмоциональность в восприятии событий нарастающей революции. Отметим его стремление личным участием и под свою ответственность добиваться воплощения в жизнь Манифеста 17 октября 1905 г., не уступая никому «ни одной пяди завоёванных... человеческих прав». Даже собственную грядущую казнь Шмидт считал «очень плодотворной в смысле революционизирования России». Император же не пожелал воспользоваться возможностью смягчения приговора Шмидту, которую подсказывало ему ближайшее окружение.

Один лишь этот пример показывает, сколько новых граней в истории России способно открыться при исследовании социально-психологических коллизий революционной эпохи.

---

⁴ Дневники императора Николая II... Т. 2. Ч. 1. С. 61.

⁵ Там же. С. 161.

⁶ Там же. Т. 2. Ч. 2. М., 2013. С. 340.

Политические партии в Первой российской революции: задачи дальнейшего изучения

Валентин Шелохаев

Political parties in the First Russian revolution: some issues to study

Valentin Shelokhaev (*Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences*)

Первая революция в России стала одним из важнейших факторов, стимулировавших и ускорявших процесс формирования политических партий. Вместе с тем само его протекание и формы реализации оказались весьма сложными и противоречивыми. С одной стороны, в тот период была завершена трансформация протопартийных объединений (кружков и союзов) в качественно иные структуры, для которых были характерны наличие программ и уставов, разветвлённой сети центральных и региональных комитетов или отделов, агитационно-пропагандистского аппарата, органов печати, финансового обеспечения, определённой стратегии и тактики. В отличие от организационно расплывчатых кружков и союзов, куда входили весьма разношёрстные в идейно-политическом отношении элементы, политические партии, правда, в разной степени пытались регулировать приём своих членов на основе уставных норм, брать на себя моральную ответственность за их поведение. Следует также иметь в виду, что с момента возникновения партии сразу же оказывались в орбите внимания общественного мнения.

С другой стороны, помимо уже имевшихся политических партий (прежде всего радикальной направленности), в 1905–1907 гг. возникло множество организаций разного типа и уровня – общероссийских, региональных, национальных. По подсчётам исследователей, число партий в 1905–1907 гг. превысило 100, а количество их членов составило 0.5% общей численности населения России. Характерно, что число политических партий в России продолжало расти и на новом витке политического кризиса – в 1917 г. их было уже 280 (56 общероссийских и 224 национальных)¹.

Многопартийность стала новым фактором общественно-политического процесса в России начала XX в., просуществовавшим вплоть до октябрьского большевистского переворота 1917 г. К настоящему времени в отечественной историографии достаточно подробно раскрыты исторические особенности формирования российской партийной системы: более позднее, по сравнению с Западной Европой, возникновение партий, его иная последовательность (сначала леворадикальные, позже либеральные и в последнюю очередь консервативные), особая роль интеллигенции в партийном строительстве, предельная острота противостояния их друг с другом и т.д. Экстремальная революционная ситуация в России не могла не усугубить традиционные мировоззренческие и идеологические противоречия между консерватизмом, либерализмом и радикализмом, которые уходили своими корнями ещё в дореформенный исторический период. В результате партии стали дополнительным дестабили-

---

© 2016 г. В.В. Шелохаев

¹ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 726–743.

зирующим фактором, усилившим политическую фрагментацию российского общества, углубившим его раскол.

Противостояние внутри и между консервативными, либеральными и радикальными партиями было прежде всего обусловлено глубинными мировоззренческими и идеологическими причинами, разным пониманием ими прошлого, настоящего и будущего России. События революции 1905–1907 гг. выявили органическую неспособность партий к устойчивой консолидации сил, продемонстрировали отсутствие предпосылок и условий для объединения партий даже одного типа. Все попытки межпартийной консолидации имели, как правило, временный характер и сразу же сходили на нет при изменении политической ситуации. Иными словами, мировоззренческие расхождения являлись постоянно действующим фактором и не зависели от политической конъюнктуры. Причина такой ситуации кроется в незавершённости процесса формирования правового государства и гражданского общества в России, отражением которого и является наличие различных жёстко противостоящих друг другу идейно-политических течений.

В современной отечественной историографии обстоятельно проанализировано содержание и направленность всех основных моделей общественного развития России в начале XX в., что позволило показать и степень их проработки различными политическими партиями, и возможности их практической реализации². Заслуживает внимания вывод о том, что ни консервативная, ни либеральная модели не получили поддержки большинства населения ни в 1905–1907 гг., ни в последующие периоды. Не удалось найти общего языка по вопросам общественного переустройства России и представителям леворадикальных политических партий, противостояние которых после Октября 1917 г. вылилось в Гражданскую войну.

Сложнее выглядит историографическая ситуация с изучением национальных партий, часть которых (в Польше, Финляндии, Прибалтике, Закавказье) возникла ранее общероссийских. Как правило, в периферийных регионах империи первыми стали формироваться леворадикальные и некоторые либеральные партии, а число консервативных было незначительным. Несмотря на довольно разветвлённые контакты национальных элит с лидерами общероссийских партий, национальные партии (в целом и по отдельности) стремились сохранить свою самостоятельность, реализовать собственную программу и тактическую линию поведения. История мусульманских партий основательно разработана, однако недостаточно изучена проблема формирования и функционирования политических партий в регионах со смешанным составом населения во внутренних областях империи.

В середине 1980-х гг. группа исследователей (М.И. Леонов, С.А. Степанов, А.И. Уткин, В.В. Шелохаев) предприняла попытку анализа динамики численности и социального состава пяти общероссийских политических партий³. Чуть позже для изучения партий были применены математические методы⁴. Новые подходы к этой теме стали с тех пор активно использоваться историками. В результате, как мне кажется, были достигнуты позитивные результаты

² См.: Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004.

³ См.: Политические партии России в первой революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. М., 1987.

⁴ Киселёв И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение // История СССР. 1990. № 4.

(например, по Уральском региону, Сибири, Северо-Западу, Дону) в деле изучения политических партий не только периода Первой российской революции, но и последующих исторических этапов. Было бы целесообразно создать региональные коллективы, которые бы на основе единой методики сформировали общий банк данных по всем политическим партиям, что могло бы быть использовано при подготовке обобщающих трудов по истории политических партий России. Реализации этой идеи, несомненно, помог бы опыт работы над много-томным проектом «Политические партии России. Документальное наследие». В региональных архивах хранятся документы, которые позволяют воссоздать достаточно полную картину формирования и функционирования местных партийных комитетов и отделов как общероссийских, так и национальных партий. Результаты исследовательской работы, например, И.В. Нарского, О.А. Харусь, А.Н. Егорова, В.Ю. Карнишина, Ф.А. Селезнева убеждают в перспективности продолжения подобных архивных изысканий.

Создание такого банка данных позволило бы, во-первых, изучить географию распространения политических партий в регионах и в стране в целом, создав в итоге карту размещения политических партий России; во-вторых, выявить зависимость размещения разных типов партий от исторических, экономических, социальных, национальных и конфессиональных особенностей того или иного региона, а также динамику их численности и состава в зависимости от меняющейся политической ситуации в стране; в-третьих, выстроить шкалу приоритетов партий, их «привязку» к определенным социальным стратам, национальным и конфессиональным группам населения; в-четвёртых, увязать агитационно-пропагандистскую партийную деятельность с результатами голосований на общероссийских (в Государственную думу и Учредительное собрание) и муниципальных выборах.

Нуждается в дальнейшем изучении деятельность местных партийных комитетов и отделов (региональных партийных элит, механизмов выработки и принятия решений, форм и методов агитационно-пропагандистской работы партий, их финансовых средств, органов печати, формальных и неформальных связей). Это позволит глубже осмыслить укоренённость той или иной партии в регионе, в соответствующей социальной среде и электоральных группах. Исследование взаимодействия между разными «этажами» партийных структур: интернациональными и заграничными (в случае с леворадикальными партиями), центральными и местными партийными комитетами, думскими фракциями позволит оценить эффективность организационной деятельности партий.

Крайне важно проанализировать восприятие программных положений политических партий. Историки обычно концентрируются на той полемике, которая велась на съездах, конференциях, в партийных органах печати, но обращают явно недостаточно внимания на массовое восприятие партийных программ и тактик. Когда речь идёт о членах партии, исследователь имеет дело с кругом адептов, уже сделавших политический выбор. Другое дело – восприятие общественно-политических идей беспартийными массами. В период Первой русской революции на массовое сознание обрушился водопад разных партийных программ и воззваний, разобраться в которых обывателю было не просто, а ещё труднее выработать по отношению к ним собственную позицию. В частности, на примере деятельности правоконсервативных партий видно, как шёл процесс освобождения массового (особенно сельского) обывателя от традиционалистских иллюзий. Опыт революции 1905 года показал, что симпатии избирателей весьма переменчивы.

Предвыборные кампании (особенно в I и II Думы) изучены более или менее обстоятельно. Однако что происходило с партийной работой после завершения избирательных кампаний? Ясно, что политические партии (правда, с разной степенью интенсивности) стремились поддерживать своих сторонников «в строю». Между тем ещё далеко не полностью использован круг источников по этой проблеме: центральная и региональная пресса различных политических партий, их листовки и воззвания, официальная и личная переписка между вышестоящими и нижестоящими партийными структурами и т.д. Историки традиционно уделяли большое внимание противостоянию политических партий как между собой, так и с исполнительной властью. Но что можно сказать об их взаимодействии? В этом плане важно показать формальные и неформальные отношения партийных функционеров друг с другом и с чиновниками, раскрыть каналы их взаимовлияния и механизмы формирования различных «блоков».

Первая русская революция стала первым и принципиально важным этапом деятельности политических партий. Каждая из них смогла продемонстрировать своё «лицо», потенциальные возможности. Уже в ходе революции часть партий, прежде всего «классовых» (помещичьих и торгово-промышленных), вынуждена была навсегда покинуть политическую арену или войти в состав других, более широких. Очевидной была дифференциация внутри кадетов, октябристов, социал-демократов, эсеров и анархистов, которая свидетельствовала о том, что процесс формирования партий ещё очень далёк от завершения.

Тем не менее, пройдя горнило революции, общероссийские и национальные политические партии приобрели разносторонний опыт практической деятельности. Однако в ходе революции стала очевидной их слабая укоренённость в российском социуме. Все они имели по преимуществу интеллигентский характер, были ориентированы на постановку и решение не «классовых», а именно общенациональных задач. В условиях нерешённости вопроса о пути национального развития, незаконченного перехода к правовому государству и гражданскому обществу, молодые партийные институты оказались перед вызовами, отвечать на которые далеко не все они оказались готовы.

«Партия здравого смысла»? Либералы-центристы в начале XX в.

Нина Хайлова

«A party of common sense»? Liberal centrists in the early twentieth century
Nina Khailova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

В истории российской многопартийности начала XX в. общепризнан факт идейной неоднородности каждого из основных направлений общественно-политической мысли (консервативного, либерального и социалистического). Однако центристское течение в русском либерализме, впервые заявившее о себе в

период революции 1905–1907 гг., до сих пор не осознано как особое явление в политической жизни страны. Непроясненными остаются как идейные истоки, так и основные этапы его эволюции. Для современников феномен центризма применительно к партийно-либеральной среде был очевидностью, но сегодня русские либералы начала XX в. обычно ассоциируются с такими общероссийскими партиями, как кадеты и октябристы, причём, как правило, без «лишних» подробностей о принципиальных различиях между ними. Ещё меньше внимания уделяется представителям центристского течения, занявшим нишу между упомянутыми флангами в либеральном движении и составившим своего рода «центр центра».

Первым заметным опытом организационного оформления либералов-центристов в 1906 г. стали партии демократических реформ (ПДР) и мирного обновления. Их лидеры предлагали уходить от политических штампов, закрепляющих традиции конфронтационной политической культуры. Так, М.М. Ковалевский, примкнувший к ПДР, говорил, что её нельзя считать ни правым крылом кадетской партии, ни левым крылом октябристской. «Наша партия – просто партия здравого смысла, – заявлял он, – в том значении этого слова, что она признаёт необходимым считаться с историческим прошлым». Даже слово «либерал» идеологи либерального центризма нередко закавычивали, подчёркивая его условность применительно к России. Более адекватным им представлялось обозначение «прогрессист»¹. Поэтому не случайно и новая партия, возникшая в 1912 г. в русле данного течения общественно-политической мысли и практики, получила название «Партия прогрессистов». Фактически, по замечанию известного историка И.С. Розенталя, «прогрессизм» был шире либерализма, а под словом «прогрессист» в России той поры подразумевались не только члены одноименной партии, но и все те, кто, не приемля косности и застоя, выступали в поддержку демократических реформ². Вполне закономерно, что именно либералы-центристы ещё в 1906 г. первыми начали активно «продвигать» идею создания конституционного центра, которая была реализована в 1915 г. в IV Государственной думе в лице Прогрессивного блока.

Центристы считали неприемлемым любое «закрепощение» личности (кружком, партией, доктриной), тем более с сопутствующими этому фанатизмом и нетерпимостью. Они искренне верили в то, что даже противоположные взгляды, переходя на реальную почву, начинают сближаться. Отсюда настрой центристов на общественную солидарность, идейная открытость, толерантность, недогматическое мышление, понимание того, что при прогнозировании будущего важно учитывать многовариантность и непредсказуемость исторического процесса. Всё это нередко обуславливало их положение «над схваткой» в политических баталиях. Характерен в связи с этим отзыв П.Н. Милюкова о Ковалевском: «Если он не отрицал ни социалистического, ни “буржуазного” взгляда на задачи настоящего и будущего, то это потому, что, оставляя будущему решение принципиального спора между обоими мировоззрениями, он в настоящем объединял их в общем “западническом” взгляде на сущность и

¹ Согласно российским словарям до 1917 г., прогрессисты – «поборники прогресса», трактуемого как «развитие человечества на пути к более или менее отдалённым целям – достижению разумной свободы, истины и всеобщего блага», это – либералы («с радикальным оттенком») (в силу присущего им стремления «произвести коренные реформы»), чьи партии (например, в Германии, Испании) занимали «середину между либералами и радикалами».

² См.: *Розенталь И.С.* Прогрессист Голицын и его дневник // Россия–XXI. 2007. № 4. С. 125.

направление нашей общественной эволюции... Смотри на меняющийся калейдоскоп жизни поверх текущего момента, Ковалевский... твёрдо держал общее направление, зная, куда идёт дорога»³.

В основе тактики либеральных центристов лежала нацеленность на мирное обновление, а потому – категорическое отрицание насилия и террора. Отсюда и последовательное, безусловное осуждение ими как кадетских «поклонов налево», так и правительственных репрессий. «Только то правительство твёрдо, когда оно управляет страной политически, а не полицейски», – подобного рода предостережение, адресованное «верхам», не раз и задолго до Первой русской революции раздавалось со страниц «Вестника Европы» М.М. Стасюлевича, члена организационного комитета ПДР. В то же время журнал постоянно призывал наиболее радикальных оппонентов власти к сдержанности: «Крупный исторический результат не может быть достигнут усилиями одного лица... и устранением одного лица с исторической сцены. Порядок вещей, созданный веками, имеет слишком много точек опоры, чтобы разом пасть вместе с одной из них, хотя бы и самую главную»⁴.

Ещё одна черта идеологии либерального центризма – признание культуры, науки и образования главными двигателями общественного прогресса. Цель, которой посвятили себя центристы, – своего рода «изобретение традиций» (Э. Хобсбаум) для новой России, вживание в ткань её культуры традиций общественной солидарности, толерантности, самоуправления, свободного труда и т.д.

Стоит заметить, что у идеологов либерального центризма был весьма критический взгляд на опыт партийного строительства периода Первой русской революции. Считая, что западная партийная система переживает кризис, они делали вывод о бесперспективности перенесения её на русскую почву. По мнению кн. В.М. Голицына, бывшего московского городского головы, а в 1906 г. – председателя московского Клуба независимых (близкого к «мирнообновленцам»), «новорожденная» российская многопартийность принесла больше вреда, чем пользы: «Правительство и враждебные ему партии одинаково забыли Россию... Наши партии оказываются сильными в отрицании ненавистного или враждебного им, во взаимных пререканиях и т.д. Спрашивается: если которая из них призвана была бы к власти, что будет? Прежде всего, будет гонение на всё, что не подходит под её понятие»⁵.

Вместе с тем центристы не исключали того, что феномен политической партии может обрести второе дыхание. «России нужны партии или по крайней мере партия, которая, служа серьёзно и искренно делу политической свободы, вместе с тем была бы глубоко проникнута духом государственности», – писал в 1911 г. А.М. Рыкачев, сподвижник П.Б. Струве, как и он, близкий к центристскому течению в русском либерализме. Именно эта идея была заложена в основание партий демократических реформ, мирного обновления и прогрессистов. Все они были своего рода экспериментами по созданию массовой партии нового типа как своего рода «сетевой» структуры – с гибкой системой членства, без строгой партийной дисциплины, с гибкой и неформальной системой лидерства.

---

³ М.М. Ковалевский. Учёный, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917. С. 109.

⁴ Вестник Европы. 1880. № 3. С. 399.

⁵ ОР РГБ, ф. 75, д. 26. л. 149.

Отказ властей зарегистрировать ПДР в официальном порядке побудил одного из лидеров центризма К.К. Арсеньева (который был также одним из основоположников русской адвокатуры) выступить в печати с резкой критикой подобной практики: «Утверждение партии правительством – явный абсурд, как потому, что правительство является здесь судьёй в собственном деле, так и потому, что отказом в утверждении не прекращается, а лишь затрудняется деятельность партии». «Все партии законны; незаконными могут быть только действия, – утверждал Арсеньев. – Устранить аномалию, тяготеющую над нашей политической жизнью, могут не усилия партий добиться внесения в закрываемый перед ними реестр, а признание, хотя бы и запоздалое, что партии как таковые официальной регистрации не подлежат. Реестр партий с правдивой их оценкой может быть составлен только историей»⁶.

Отвечая оппонентам, утверждавшим, что требование легализации – необходимое и законное орудие борьбы против «разрушительных» партий, угрожающих основам общества и государства, Арсеньев настаивал: «Все мнения имеют право на существование; государство, переставшее быть полицейским, может реагировать силою только против *действий* или против слов, равносильных действиям. Ни в одной цивилизованной стране нельзя безнаказанно и беспрепятственно призывать к совершению преступлений, к вооружённому восстанию, к немедленному ниспровержению действующего порядка – но везде можно проповедовать учения, последним словом которых является в более или менее отдалённом будущем полнейший переворот в государственном и общественном строе. Русское ухо ещё не привыкло к такой проповеди. Но должно привыкнуть к ней, раз бесповоротно решён разрыв с абсолютизмом. Пора освободиться от страха перед названиями и кличками; пора понять, что социал-демократов и социалистов-революционеров не станет меньше от отказа признавать их существующими. Пример Германии доказывает с достаточной ясностью, что уравнивание всех партий перед законом не обостряет, а смягчает пропаганду, идущую слева, и уменьшает опасность, которою она грозит современному государству»⁷.

Сочетание стремления к политической свободе с не менее глубокой и настойчивой проповедью социальных преобразований являлось характерной чертой взглядов будущих основателей ПДР ещё в первые пореформенные десятилетия. Претендуя на наследование опыта Великих реформ Александра II, они указывали на неотложность решения проблемы крестьянского малоземелья и недопустимость насильственного устранения общинных порядков. В этом смысле инициатор создания ПДР и автор её экономической программы, а впоследствии член ЦК Партии прогрессистов, известный учёный-экономист А.С. Посников не раз подчёркивал преемственность своих взглядов с идеями А.И. Герцена и революционеров-демократов. Раньше, чем кадеты, организаторы ПДР дали чёткий и определённый ответ по поводу коренных принципов решения аграрного вопроса, которые в апреле 1906 г. определили и содержание соответствующего раздела кадетской программы. Западноевропейская «формула прогресса» не может быть универсальной – это убеждение лежало и в основе их отношения к кустарной промышленности. Либералы-центристы обосновывали необходимость её государственной поддержки. Член ПДР В.Г. Яроцкий ещё в 1890-е гг. стал в России одним из «первопроходцев» в постановке вопроса

⁶ Арсеньев К.К. Легализация партий // Страна. 1907. № 4. 5 января.

⁷ Вестник Европы. 1907. № 1. С. 353–354.

о социальной ответственности бизнеса. Незадолго до Первой мировой войны свой вклад в дискуссию по этому вопросу внёс и Рыкачев, полемизировавший с М.И. Туган-Барановским, П.А. Сорокиным, М.О. Гершензоном⁸.

Центристское течение в русском либерализме прослеживается вплоть до 1917 г. К этому времени оно претерпело определённую эволюцию, испытав влияние лидеров новой генерации – в лице «молодых» московских капиталистов (П.П. Рябушинского, А.И. Коновалова), председателя фракции прогрессистов в III и IV Думах И.Н. Ефремова и др. Различия во взглядах между ними и «патриархами» течения проявились (особенно после начала Первой мировой войны) не только в вопросах тактики, но и в подходах к решению национальных проблем. В частности, Арсеньев с тревогой наблюдал за попытками создания в России национал-либеральной партии. Он предупреждал Струве и его соратников, что ничего хорошего из «национализации русского либерализма» не выйдет, поскольку либерализм в конце концов будет поглощён национализмом.

Опыт российских либералов-центристов начала XX в. дополняет и уточняет представление о русском либерализме и, на мой взгляд, может способствовать реабилитации самой идеи либерализма, во многом дискредитированной в постсоветской России.

---

⁸ См.: Хайлова Н.Б. Центристская модель модернизации российской экономики в начале XX века. М., 2013.

Революция 1905–1907 гг. и положение политических заключённых в России

Алла Морозова

The revolution of 1905–1907 and political prisoners in Russia
Alla Morozova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

В настоящее время нет единого понимания термина «политический заключённый», и он применяется как в широком, так и в узком смысле. В России в XIX – начале XX в. существовал официальный статус политического заключённого. В XIX в. он определялся «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных», в 1903 г. было принято новое Уголовное уложение, содержащее статьи, предусматривавшие ответственность за политические преступления (например, участие в скопище, собравшемся для выражения неуважения к верховной власти, порицания образа правления, сочувствия бунту или бунтовщикам, произнесение речи, составление, хранение, правка сочинений, возбуждающих к неповиновению власти (ст. 129, 132) и др.)¹.

© 2016 г. А.Ю. Морозова

¹ ПСЗ-III. Т. 23. СПб., 1905. № 22704. С. 175–274.

Однако довольно часто политические преступления не разбирались судебным порядком, а решались административным путём, описанным в «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений». Поэтому политическими заключёнными следует считать всех содержащихся в местах лишения свободы участников революционного движения, осуждённых как судебными инстанциями, так и в административном порядке.

В начале XX в. условия содержания политзаключённых в Российской империи определялись прежде всего достаточно жёстким «Уставом о содержащихся под стражею», утверждённым в 1890 г. В 1904 г. были приняты «Правила о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов», где подробно расписывались соответствующие нормы, которые касались находящихся в предварительном заключении, и отмечалось, что присуждённые к срочному заключению и ссылке, «содержатся во время нахождения в местах заключения гражданского ведомства по правилам содержания срочных общеуголовных арестантов»².

Но, как всегда в России, суровый по букве и духу закона режим содержания мог быть значительно смягчён его неисполнением, так что реальное положение дел на местах зависело от конкретных людей – начальников и сотрудников мест заключения. М.А. Спиридонова писала о Нерчинской каторге, раскинувшейся по Сибирской тайге на сотни километров: «Режим у нас определялся в большей мере тем, кем был начальник тюрьмы. Он же определял собой настроение младшей администрации, профессия которой давала все права и возможности быть безответственными мучителями отданных в их власть людей... Тюрьмы имели начальниками зверьё и палачей и рядом – добродушных либералов старого сибирского закала»³.

Многие революционеры вспоминали о сравнительной мягкости режима благодаря местному тюремному начальству и надзирателям. Так, большевичка Ц.С. Бобровская отмечала, что во время её пребывания в Сущевской части условия содержания там были более чем сносные, потому что начальство было никудышное: смотритель какой-то безликий, а из двух его помощников один был горький пьяница, а другой – щёголь-сластёна, и неуставное поведение начальства значительно облегчало положение узников⁴. А эсер Н.Я. Быховский вспоминал о старике-надзирателе в корпусе для политических заключённых Черниговской тюрьмы, который давал политическим заключённым возможность «переговариваться и сноситься, упрашивая только об одном, чтобы мы его не подвели и чтобы он на старости лет не потерял службы и близкой уже пенсии... Чтобы дать нам возможность поговорить у верхней решётки над дверью, он становился у наружной двери политического корпуса, наблюдая, чтобы не нагрязнул кто-нибудь из начальства. И всё это делалось совершенно бескорыстно, только из сочувствия к нам, молодым “соколикам”, попавшим в неволю не из “личной корысти”, как он говорил, а за нечто другое, не вполне ещё ясное ему, но всё же не только не грешное, но даже справедливое»⁵. О довольно мягком режиме вспоминают и нерчинские каторжанки Ф. Радзиловская

² Правила о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов. Утв. ноября 16 дня 1904 г. министром юстиции. М., 1904.

³ Спиридонова М.А. Из жизни на Нерчинской каторге // Женщины-террористки в России. Ростов н/Д, 1996. С. 491.

⁴ Бобровская (Зеликсон) Ц. Записки подпольщика. 1894–1917. М., 1957. С. 107–108.

⁵ РГАЛД, ф. 1337, оп. 1, д. 21, л. 169–171.

и А. Орестова: «В течение дня у нас камеры в коридор не запирались, в самих камерах был далеко не казённый вид, и кровати покрывались своими одеялами. Наши бессрочницы не носили кандалов, как им полагалось, и кандалы валялись где-то, ожидая экстренного случая... Бельё, обувь и платье мы носили, большей частью, своё, и многие из нас ходили обычно в цветных платьях»⁶.

В весьма значительной степени реальный режим содержания зависел и от борьбы самих политзаключённых за свои права, отношения к ним общества и состояния общественно-политической атмосферы в стране в целом. В условиях разгоравшейся революции уже в июне 1905 г. в разных местах Российской империи на митингах и крестьянских сходах принимались многочисленные резолюции с требованиями освобождения политических заключённых, а после объявления Манифеста 17 октября в нескольких городах происходило стихийное освобождение политзаключённых из тюрем. Амнистия за политические преступления 21 октября 1905 г. оказалась значительно более скромной, чем ожидалось в условиях подъёма революции: по этому указу освобождались лица, отбывавшие наказания за преступления десятилетней давности, по некоторым статьям срок наказания был сокращён наполовину; присуждённым к бессрочной каторге или смертной казни устанавливалось наказание 15 лет каторжных работ; полностью амнистировались лишь принимавшие участие в стачках. Тем не менее такое послабление позволило вернуться в Россию многим политэмигрантам.

Революционный подъём и сочувствие общества к революции в 1905–1907 гг. привели к либерализации тюремного режима, но не по закону, а «явочным порядком». Так, народовец, а затем эсер С.А. Никонов вспоминал, что после ареста в Севастополе в ночь на 14 апреля 1907 г. знакомый начальник тюрьмы посадил его с сыном вместе в одиночную камеру, что, впрочем, было не слишком удивительно, так как «тюрьма была в это время переполнена... Поэтому в одиночках сидело по 2–3 и даже 4 человека, а на прогулки приходилось выводить по несколько десятков человек, совершенно не считаясь с требованием изоляции арестованных. А благодаря начальнику тюрьмы, в общем очень приличному человеку, вскоре изгнанному за свою мягкость, мы могли комбинировать наши прогулки в это время почти что по своему желанию. Легко также производились переводы из камеры в камеру по заявлению арестованных. Наконец, мы имели общение друг с другом во время утренней уборки камер, когда сразу открывались на полчаса или час двери всех или почти всех камер коридора и заключённые свободно ходили по коридору, отправлялись в уборную, к умывальникам и часто просто заходили друг к другу в камеры. Переходили из одного этажа в другой. Это были остатки режима, установившегося с конца 1905 года»⁷. Похожая ситуация была в 1905 г. в Борисоглебской тюрьме, где все заключённые гуляли одновременно и на тюремном дворе уже сами разделялись: уголовные – в одном углу, политические (их было человек 100) – в другом, а аграрники, т.е. осуждённые за аграрные беспорядки, – сами по себе⁸. А содержащиеся в Литовском замке женщины-политзаключённые даже добились того, что нескольким из них было позволено заниматься в соседней камере, так как в их камере было слишком тесно – негде было разложить книги и тетради для записи⁹.

⁶ Радзиловская Ф., Орестова А. Мальцевская женская каторга 1907–1911 гг. // Женщины-террористки в России. С. 531.

⁷ РГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, д. 161, л. 243.

⁸ Там же, д. 52, л. 57.

⁹ Стасова Е.Д. Страницы жизни и борьбы. Изд. 3. М., 1988. С. 94.

Однако после поражения революции произошло «завинчивание гаек». Многие тюремщики просто стали соблюдать букву закона, не допуская прежних отклонений и послаблений. Но и это возвращение к букве закона, вызывавшее ухудшение реальных условий содержания, воспринималось заключёнными как притеснение. Как писал в своих тюремных записках С.П. Мельгунов, сидевший и при царском, и при советском режимах, срабатывала «старая психология заключённого: всякую льготу он начинает считать уже своим правом и отнятие раз данных льгот считает грубым нарушением уже своих прав»¹⁰.

Но были и тюремщики, которые словно отыгрывались за своё временное поражение, за свой страх, пьянели от вседозволенности и безнаказанности. Печальной известностью пользовалось Рижское сыскное отделение, которое получило название «Музей пыток», так как из попавших туда арестованных пытками выбивались признания в совершённых и не совершённых преступлениях. Один из прошедших через этот ад (причём дважды), Карл Мицит, подробно описавший собственные и своих товарищей страдания, пришёл к такому выводу: «Я понял, что сидящий напротив меня палач, с испытанным красным лицом, с громадным жирным подбородком, страшен не тем, что может в пытке избить, искалечить тело, а тем, что пыткой калечит всё, что есть светлого в человеке, так что человеку нечем жить после этого – и сходят от этого люди с ума, кончают самоубийством... Большинство прошедших через Музей после заживших ран остаются на всю жизнь искалеченными своим внутренним миром, и их постепенно, но неизбежно подтачивает этот душевный разлад. Чтобы это понять, достаточно посмотреть на тот огромный процент психических расстройств в рижских тюрьмах»¹¹.

В ответ на ужесточение режима в тюрьмах и на каторгах усиливается борьба политзаключённых за своё достоинство и права. Эта борьба за те или иные, кажущиеся порой мелкими улучшения условий содержания была не самоцелью и мотивировалась не шкурными интересами, политзаключённые всегда воспринимали её как продолжение революционной борьбы в иных условиях – в условиях несвободы. Как справедливо отметил упоминавшийся уже Мельгунов, «эта борьба за лучшие условия жизни, за право стучать, гулять, писать, читать и говорить была та же самая борьба за свободу»¹². Добиваясь минимально приемлемых условий существования, заключённые противостояли тому, чего стремилось добиться от них тюремное начальство – смирения с «тягчайшим и унижительным ощущением себя *вещью*, которую могут раздеть, обшарить, увести, привести, раздавить, избить и убить»¹³.

Кроме того, рассматривая пребывание в тюрьме или на каторге как временную приостановку активной деятельности, как своего рода «вынужденную передышку», политзаключённые стремились использовать это время для подготовки к новой борьбе. Не случайно крайне важным для них становилось то, что позволяет сохранить здоровье, – более долгая прогулка и физические упражнения, а также получение книг с воли и научные занятия, споры и общение, дававшие возможность развиваться умственно и политически.

Крайними формами тюремного сопротивления являлись голодовки и самоубийства. Но эффективны они были прежде всего в условиях, когда опасе-

¹⁰ Тюремные записки С.П. Мельгунова. 1920 год. Сборник документов. М., 2015. С. 35.

¹¹ РГАСПИ, ф. 332, оп. 1, д. 22, л. 282, 292.

¹² Тюремные записки С.П. Мельгунова... С. 109.

¹³ *Спиридонова М.А.* Из жизни на Нерчинской каторге. С. 492.

ния тюремщиков, что такие факты станут известны их начальству и обществу, пересиливали их желание настоять на своём и не дать заключённым никаких послаблений или возможности отстоять своё человеческое достоинство.

Наибольший резонанс получило самоубийство в Горном Зерентуе Егора Созонова – убийцы В.К. Плеве. По свидетельству Спиридоновой, «волна общественного негодования прокатилась по затравленной стране. После 4 лет молчания и борьбы только в тюрьмах, силами самих пленников, это был первый громкий звук протеста и задушенной ярости, прорвавшийся в ряде забастовок студенчества, протестующих подписей, резких выпадов печати»¹⁴.

Со стороны революционеров в период революции 1905–1907 гг. получил широкое распространение так называемый тюремный террор, продолжавшийся некоторое время и после её поражения. Жертвами нападений революционеров становились начальники тюрем, полицейские надзиратели, начальники каторг. По данным министерства юстиции, только в 1907 г. от рук террористов погибли 140 и получили ранения 169 служащих тюремного ведомства¹⁵. В некоторых случаях «за террор» высказывались даже социал-демократы. Так, в середине 1907 г. в Одессе был убит начальник тюрьмы Шафорок. По воспоминаниям П. Витязева, при обсуждении в «тюремной комиссии», состоявшей из представителей всех партий, вопроса о его убийстве как о единственном способе предотвратить бунт заключённых и его последующее жестокое подавление, «даже меньшевики голосовали за террор и взялись известить свою организацию, чтобы она помогла в этом отношении эсерам и анархистам. Особые надежды возлагались на этом совещании на боевую организацию эсеров... За Шафороком началась форменная погоня. Убили его анархисты, и тюрьма снова стала жить прежней вольницей»¹⁶.

Переменам к худшему в положении заключённых способствовало также размывание самого социума политзаключённых, ставшее следствием революционных событий. В годы революции и сразу после неё было осуждено по политическим статьям большое количество людей. Среди них было немало случайно унесённых революционной волной или откровенных уголовников, грабивших под видом революционных «эксов» или вступивших в рабочие дружины. Оказавшись в тюрьмах и на каторге, такие «тоже политические» принесли с собой свои этические представления, которые резко контрастировали с этикой революционеров. Резко выросшая и включившая в свой состав множество случайных людей масса политзаключённых оказалась гораздо менее способной на сплоченные коллективные действия.

Таким образом, революция, с одной стороны, увеличила оппозиционные государству силы количественно, а с другой – ослабила революционную среду и революционные партии качественно. Начался стремительный процесс «серения» партий, размывания революционных традиций, да и самой революционной субкультуры, что не могло не сказаться и на поведении политзаключённых.

---

¹⁴ Там же. С. 493.

¹⁵ *Звягинцев А.Г.* В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры 1906–1917. М., 1996. С. 31.

¹⁶ *Витязев П.* Памяти Н.Д. Шишмарёва. Из воспоминаний // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 257.

«Школьная смута» 1905 г. как феномен революции

Нисон Ватник

«School disturbances» in 1905 as a revolutionary phenomenon

Nison Vatnik (State Social and Humanitarian University, Kolomna, Russia)

Полагаю, участники «круглого стола» согласятся, что высказанные в ходе дискуссии суждения по поводу поступков отдельных лиц и поведения социальных слоёв относятся исключительно к «миру взрослых». За пределами научного анализа остаётся «Россия юных», т.е. возрастная страта, за которой было будущее страны – студенты, учащиеся средних школ, молодые рабочие и крестьяне. Между тем молодёжь 1905–1907 гг., спустя 10–15 лет уже вышла на авансцену в политике, экономике и культуре, и полученный ею в ходе Первой русской революции опыт общественной и политической жизни серьёзно повлиял на события, происходившие в 1917 г. и во время Гражданской войны.

В 1905–1907 гг. по средним школам России прокатилась волна ученических выступлений. Столь неординарное явление современники назвали «школьной смутой», «среднешкольным движением», близким студенческому¹. Причины этого общественного феномена² коренились в накопившихся к началу XX в. проблемах среднего образования – закрытости школ, сословных и конфессиональных препятствиях для поступающих, устаревших учебных программах, избыточности дисциплинарного контроля. Латентный период будущих школьных конфликтов пришёлся на предреволюционное десятилетие³, но признаки социального значимого «движения» появились в 1905 г. под влиянием массовых студенческих и рабочих забастовок, пропагандистских усилий нелегальных политических партий, оппозиционности семей учащихся. Тогда неожиданно для властей ученическое движение получило весьма внушительные масштабы. Оно проявилось, во-первых, в массовых акциях, зачастую выходивших за стены учебных заведений и получавших благодаря прессе широкую известность; во-вторых, в открытом неповиновении учащихся, предъявлении ими требований педагогам, совершении актов «школьного террора» и вандализма; в-третьих, в распространении среди учеников несанкционированных форм самоорганизации – кружков, комитетов, советов старост, союзов и др.

Трагические события в Петербурге 9 января 1905 г. подтолкнули к выступлениям в первую очередь учеников профессиональных школ. С конца января

© 2016 г. Н.С. Ватник

¹ См. *Динзе В.* Очерки по истории среднешкольного движения. СПб., 1909; *Знаменский С.* Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905–1906 гг. и их значение. СПб., 1909.

² Наряду с Россией, в истории европейского образования начала XX в. известны только ученические забастовки (бойкоты) 1901–1902 и 1906–1907 гг. в населённых поляками провинциях Пруссии; правда, там учащиеся протестовали против перевода уроков религии на немецкий язык как части проводимой имперскими властями политики германизации школьного образования (подробнее см.: *Balzer B.* Die preußische Polenpolitik 1894–1908 und die Haltung der deutschen konservativen und liberalen Parteien. (Unter Berücksichtigung der Provinz Posen) // *Europ. Hochschulschr. Reihe 3: Geschichte und Hilfswissensch.* Bd. 434. Frankfurt a/M, 1990. S. 233, 172–180).

³ См.: *Ушаков А.В., Образцова О.А.* Учащиеся средних учебных заведений России в общественно-политическом движении на рубеже XIX – XX вв. М., 1999.

по март сходки с принятием петиций прошли в горьком (Могилёвская губ.), брянском, костромском, московских (Промышленном и Комиссаровском) училищах, Московской земледельческой школе, Московском учительском институте, Новинской и Новоторжской учительских семинариях и др. Содержащиеся в документах требования носили корпоративный характер: 1) беспроцентный приём всех лиц без различия вероисповедования; 2) поступление выпускников в любые высшие учебные заведения; 3) неприкосновенность личности учащихся; 4) необязательность изучения Закона Божия и исполнения религиозных обрядов; 5) доступ учащихся в любые общественные места, свободное чтение любых книг, разрешение деятельности ученических кружков, свобода выбора квартир и выхода из пансиона, учреждение ученического суда, необязательность ношения формы, создание кассы взаимопомощи, улучшение быта; 6) удаление из школ некоторых педагогов; 7) улучшение преподавания общеобразовательных и специальных дисциплин; 8) уменьшение платы за обучение и запрещение увольнения учащихся по бедности.

На сходке в Московском учительском институте была принята резолюция протеста против грубого произвола правительства, учащиеся Московской земледельческой школы и Костромского технического училища подчеркнули, что последние общественные и политические события не позволяют им «оставаться в рамках... ученической жизни» и быть «равнодушными зрителями совершающихся вокруг событий». В ряде резолюций подчёркивалась неразрывная связь школьного режима с существовавшим государственным строем и указывалось: «До тех пор школа не избавится от чуждой ей полицейской опеки, пока не избавится от неё всё современное русское общество». Забастовки и срывы учебных занятий произошли также во многих гимназиях и реальных училищах⁴. Петиции реалистов и гимназистов включали требования: отмены полицейского надзора над учащимися и обысков, неприкосновенности корреспонденции; права появления на улицах во всякое время, посещения общественных собраний, публичных лекций и общественных библиотек; права чтения дозволенных цензурой книг и газет, устройства кружков, выбора квартир; свободного объяснения с начальством, вежливого обращения с учениками, отмены мелких придиорок к костюму и внешности учащихся, обязательного посещения богослужения и утренней молитвы; права сходок, установления товарищеского суда над поступками учащихся; права родителей участвовать в педагогических советах.

Недовольство, охватившее светские средние школы, проникло и в духовные учебные заведения. Бунты, сопровождавшиеся разгромом учебных помещений и квартир педагогов, прошли в Ардонской (под Владикавказом), Витебской, Екатеринославской, Казанской, Минской, Саратовской, Тамбовской духовных семинариях. 21 февраля прекратились занятия в Ярославской семинарии. Собравшись на сходку, семинаристы не только выработали петицию академического характера, но и приняли резолюцию протеста «против насильственных мер полиции в некоторых местах империи»⁵.

⁴ ГА РФ, ф. 102, ОО, 1905, д. 3, ч. 122, л. 4; ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 3, д. 4474, л. 43–44 об.; д. 4491, л. 6–8; д. 4503, л. 2–4, 7–8; д. 4525, л. 4–6; д. 4673, л. 5, 15, 41.

⁵ Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С. 83–84; Павленко Т.А. Бунты семинаристов в 1905–1907 гг.: традиционный протест в условиях революции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Вып. 77. М., 2008. С. 139–141; ГА РФ, ф. 102, ОО, 1905, д. 3, ч. 122, л. 3.

Обеспокоенное правительство образовало под председательством министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова совещание «по вопросу о мерах для восстановления нормального течения жизни в средних учебных заведениях всех ведомств». Совещание приняло решение о возобновлении занятий с 1–7 марта и увольнении не явившихся к этому сроку учеников. Это решение легло в основу циркуляра министра просвещения от 23 февраля 1905 г. В дополнениях к циркуляру рекомендовалось привлекать родителей для «воспитания юношества», а «преподавателям, в особенности нервным», отдавать предпочтение «мягким педагогическим приёмам, не вызывая озлобления детей»⁶.

Угроза исключения участников беспорядков привела к некоторому успокоению в школах, но вплоть до конца учебного года конфликты иногда возникали вновь. В это время прошло несколько нелегальных корпоративных съездов: в Москве – учащихся земледельческих училищ (апрель), во Владимире – общесеминарского (16–19 июня)⁷. Источники сохранились только о съезде семинаристов. Он собрал представителей 9 семинарий, принявших резолюцию о необходимости коренной реформы духовной школы. Съезд предложил воздержаться от бунтов и объявить всеобщую забастовку только при отказе церковных властей удовлетворить требования семинаристов. Эти решения, лишённые какой-либо политической окраски, показывают, что в тот момент корпоративные интересы в целом оставались в движении семинаристов ведущими.

Отношения между педагогами и учениками в результате волнений первой половины 1905 г. крайне обострились. Один из преподавателей ярославской гимназии даже заявил, что «нам, как в Порт-Артуре, следовало бы считать месяц за год службы»⁸.

Однако апофеоз «школьной смуты» пришёлся на период пика революции в сентябре–декабре 1905 г. С 9 по 17 октября волнения в разной форме охватили большинство светских и духовных средних учебных заведений как Европейской России, так и окраин империи. Всероссийскую политическую стачку поддерживали учащиеся духовных школ. В этой ситуации Синод предпочёл временно закрыть 18 семинарий и распустить воспитанников⁹.

Министерство просвещения металось между применением крайних репрессивных мер и уступками. Телеграмма министра В.В. Глазова от 15 октября попечителям учебных округов была категорична: «Необходимо иметь в виду, что старших учеников, действующих сознательно, надо карать, остальных взыскивать, ничего не пропускать»¹⁰. Позиция министерства смягчилась по настоянию нового министра гр. И.И. Толстого. Педагогические советы получили разрешение отступать от ряда действовавших правил и циркуляров: допускалось образование родительских комитетов, присутствие представителей общественных учреждений на заседаниях педагогических советов, признавалось необязательным ношение учениками формы вне классов¹¹.

⁶ ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 3, д. 4474, л. 3, 6–6 об.

⁷ ГА РФ, ф. 102, ОО, 1905, д. 3, ч. 1, л. 13, 24; д. 3, ч. 78, л. 11–14, 17–18 об.; ф. 102, ОО, 1905, II отд., д. 1000, ч. 10, л. 21 об.–25; *Титлинов Б.В.* Молодёжь и революция. Из истории революционного движения учащейся молодёжи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905. Л., 1925. С. 92.

⁸ ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 3, д. 4525, л. 34.

⁹ РГИА, ф. 802, оп. 10, д. 64, ч. 1, л. 64–65, 237.

¹⁰ Там же, ф. 733, оп. 166, д. 794, л. 200.

¹¹ Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 143, л. 1, 6–7, 11; *Казакова С.В.* Вопросы народного образования в Особых журналах Совета Министров 1905–1906 гг. // Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма. М., 1980. С. 276–282.

С прекращением Всероссийской политической стачки и изданием Манифеста 17 октября в значительной части учебных заведений возобновились занятия. Но открытие школ не означало прекращения ученических волнений. Напротив, молодёжь ещё решительнее требовала изменения школьного режима и отказывалась подчиняться начальству; началось формирование ученических комитетов и советов, вплоть до общегородских. В профессиональных школах учащиеся явочным порядком вводили свои постановления. В коммерческих училищах Москвы, Набилковском и Императорском, учащиеся потребовали и добились отмены наказаний и обязательного посещения церкви, права ученических сходок и др.¹² Воспитанники Промышленного училища настояли на проведении собраний «для обсуждения своих нужд», самовольно организовали чтение политических рефератов, в том числе «Программы социал-демократической партии». Об активной позиции учащихся говорит их постановление «допускать посторонних лиц для чтения рефератов» и проводить решения в исполнение «политикой захвата». Интересно отметить, что педсовет училища был вынужден своими резолюциями закреплять уже фактически введённые учениками правила: на заседании 1 декабря он разрешил функционирование организации учащихся и проведение сходок и собраний.

Начавшаяся 7 декабря 1905 г. политическая стачка на предприятиях Москвы послужила сигналом к прекращению занятий в средних школах города. В день объявления стачки «Центральный орган средних учебных заведений г. Москвы» выпустил листовку с призывом к учащимся объявить забастовку. «Мы шлём нашим братьям, борцам за свободу, – говорилось в прокламации, – свой искренний и горячий привет, обязуясь в то же время содействовать им всеми доступными для нас средствами»¹³. 7–8 декабря представители ученических комитетов заявляли администрации ряда школ о солидарности с решением московского Совета. Учащиеся 3-й гимназии объявили на сходке, «что они присоединяются к политической забастовке и шлют привет народу, выступившему на борьбу с правительством». В гимназии распространялась большевистская газета «Борьба» с воззванием «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам!». Ученики старших классов 4-й гимназии после сходки 7 декабря отказались продолжать учёбу, и хотя среди гимназистов нашлись штрейкбрехеры, директор прекратил уроки из опасения их насильственной остановки самими учащимися¹⁴. По пути приостановки занятий и отпуска учащихся на досрочные рождественские каникулы пошла администрация тех столичных и провинциальных школ, где учебный процесс был фактически прекращён или существовала угроза жизни и здоровью воспитанников из-за беспорядков и военных действий на городских улицах.

События 1905 г. значительно повлияли на мировосприятие и социальные приоритеты учащегося юношества. Современники (а позднее и мемуаристы) отмечали в поведении молодёжи новые черты – чувство собственного достоинства, нетерпимость к мелочной регламентации, придиркам и оскорблениям, интерес к общественной жизни, стремление к изучению гуманитарных наук. По воспоминаниям педагога-краеведа А.Ф. Родина, воспитанника Набилковского коммерческого училища, в момент успехов борьбы за школьные свободы его со-

¹² Родин А.Ф. Из минувшего (Воспоминания педагога-краеведа). М., 1965. С. 23; ЦГА Москвы, ф. 130, оп. 2, д. 66, л. 26–27; ф. 459, оп. 5, д. 1845, л. 303–306.

¹³ ГА РФ, ф. 1741, оп. 1, д. 21066.

¹⁴ ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 3, д. 4475, л. 22–22 об., 35 об.–36, 62–62 об., 88, 93; д. 4662, л. 29, 35 об.; д. 4483, л. 17; и др.

ученики испытывали большое удовлетворение и гордость (правда, в январе следующего года эти «вольности» были отменены)¹⁵. Из мемуаров И.Г. Эренбурга следует, что его детство закончилось в «пятом году». На этот год в его жизни пришлось многое – знакомство со старшеклассниками-радикалами (в том числе с Н.И. Бухариным), изучение исторического материализма, посещение народных митингов в Московском университете и защита этой «крепости» от нападения казаков, участие в похоронах Н.Э. Баумана и строительстве баррикады возле Кудринской площади. Судьбу юноши определил 1906 г., когда уроки и отметки утратили былое значение. Он усиленно штудировал программы эсдеков и эсеров и искал связи с подпольем (хотя «гимназисты угомонились, вернулись к учебникам»), а затем «вошёл в большевистскую организацию и вскоре распрощался с гимназией»¹⁶.

По словам Б.Л. Пастернака, «мальчикам близкого мне возраста было по тринадцати лет в девятьсот пятом году», и «критическая пора совпала с красными числами родной истории. Их детская возмужалость и их призывное совершеннолетие сразу пошли на скрепы переходной эпохи. Наше время по всей толще прошито их нервами». Поэт упоминал и «свою грошовую революционность, дальше бравированья перед казацкой нагайкой и удара ею по спинке ватной шинели не пошедшую»¹⁷. А о настроениях воспитанников его Московской 5-й гимназии говорят следующие строки: «Те, что в партии, // Смотрят орлами. // Это в старших. // А мы: // Безнаказанно греку дерзим. // Ставим парты к стене, // На уроках играем в парламент // И витаем в мечтах // В нелегальном районе Грузин»¹⁸.

В жизни М.С. Шагинян 1905 год также стал рубежным. Её конфликт с начальницей московской гимназии Ржевской едва не окончился трагически – Шагинян неудачно попыталась совершить самоубийство. А когда слухи о происшествии достигли Московского комитета учащихся, то делегация реального училища И. Фидлера, явившись в гимназию, потребовала прекратить травлю «гимназистки седьмого класса, будущей учительницы», ибо она «не рабыня..., она – гражданин»¹⁹.

В течение 1906 г. властям удалось восстановить спокойствие в средних школах. Новый министр народного просвещения П.М. фон Кауфман категорически запретил любые органы ученического самоуправления (союзы, советы старост и др.), а факт сходок учащихся рассматривал как попустительство педсоветов, «караемое законом бездействие власти»²⁰. 23 сентября 1906 г. Николай II отменил необязательность ношения школьной формы. Министерство народного просвещения и Св. Синод решительно освобождали подведомственные им учебные заведения от «неблагонадёжных» элементов как среди учителей, так и среди учащихся. Средством искоренения «крамолы» стали также переводные и выпускные экзамены 1906 г. В условиях перерывов учебных занятий введение экзаменов в полном объёме и увольнение за отказ от их сдачи имело цель не столько проверить знания учащихся, сколько отсеять беспокойные элементы²¹.

Но «школьная смута» всё же заставила учебное начальство пойти на корректировку школьной политики. В 1906–1907 гг. были внесены некоторые изменения

¹⁵ Родин А.Ф. Указ. соч. С. 23–24.

¹⁶ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 64, 66–68, 568.

¹⁷ Пастернак Б.Л. Люди и положения // Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. М., 1991. С. 296–345; *он же*. Охранная грамота // Там же. С. 149–239.

¹⁸ Пастернак Б.Л. Девятьсот пятый год // Там же. Т. 1. М., 1988. С. 289.

¹⁹ Шагинян М.С. Человек и время. История человеческого становления. М., 1982. С. 192–198.

²⁰ ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 6082, л. 3.

²¹ См.: Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы: гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 года. М., 1956. С. 106; РГИА, ф. 802, оп. 16, д. 164, л. 2 об.

в учебные планы²². На уступки пошёл и Синод: с определёнными оговорками допускалось поступление семинаристов в университеты, послабления произошли в воспитательном режиме семинарий (разрешалось говеть вне семинарии, устраивать литературные чтения и др.), перемены здесь затронули и учебные планы²³.

Прекращение «смуты» объясняется не только репрессиями властей. Seriously повлияли на снижение масштабов студенческого и рабочего движения также изменения в настроении средних городских слоёв, из которых происходили юные «бунтари»²⁴. Существенное значение имела и специфика социального поведения самой учащейся молодёжи. Наряду со способностью откликаться на общественные события, она продемонстрировала специфические, обусловленные возрастом и недостатком жизненного опыта, качества: неспособность к напряжённой длительной борьбе, склонность к радикализму и эффектным, часто асоциальным акциям, импульсивность и быстрый отказ от активных действий в случае неудачи. Неудивительно, что первые послереволюционные годы характеризовались тревожными и невиданными ранее в молодёжной среде явлениями: утратой жизненной перспективы, увлечением мистицизмом и идеями «свободной любви», грубостью в общении, пренебрежением к авторитету взрослых – учителей и родителей, распространением суицидальных настроений²⁵.

---

²² См.: Константинов Н.А. Указ. соч. С. 100–102; Кузьмин Н.Н. Среднее и низшее сельскохозяйственное образование в дореволюционной России // Учёные записки Курганского государственного университета. Вып. 2. Курган, 1963. С. 15; РГИА, ф. 741, оп. 11, д. 72; ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 6086, л. 1–1 об., 95–95 об.

²³ Всеподданнейший отчёт обер-прокурора святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 236–239.

²⁴ См. Борьба за массы в трёх революциях в России: Пролетариат и средние городские слои. М., 1981. С. 109.

²⁵ Подробнее см.: Ватник Н.С. «Огарки»: мифы и реалии гимназической среды 1907–1908 гг. // Российская история. 2010. № 6. С. 97–105; он же. «Школьный фактор» в самоубийствах учащихся Центральной России начала XX в. // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 2. С. 96–102.

Первая русская революция в освещении Санкт-Петербургского телеграфного агентства

Елена Кострикова

The first Russian revolution interpreted by St. Petersburg Telegraph Agency
Elena Kostrikova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Революция развивалась на фоне очень сложной и неблагоприятной для Российской империи международной обстановки. Страна вела войну с Японией в условиях почти полной дипломатической изоляции, не имея реальной поддержки даже от союзной Франции. В то же время правящие круги всех великих держав внимательно следили за внутрисполитическим положением в России.

Трагедия 9 января 1905 г. вызвала большой резонанс за рубежом. Иностранная пресса была переполнена подробностями событий, разыгравшихся на Дворцовой площади в Петербурге. В ряде европейских центров прошли митинги солидарности с восставшими. Имели место даже нападения на здания русских консульств и посольств (в Брюсселе, Лондоне, Триесте и др.).

Понятно, что в этих условиях информационная политика оказывалась для правительства задачей первостепенной важности. Основным информационным каналом власти, адресованным зарубежной аудитории, стало Санкт-Петербургское телеграфное агентство (далее – СПА), начавшее свою деятельность в сентябре 1904 г. Со временем СПА должно было стать вровень с английским Рейтер, французским Гавас, немецким Вольф, австрийским Корреспондент-бюро.

Революционные события 1905–1907 гг. застали агентство в стадии становления. Формирование корреспондентской сети внутри страны и за рубежом было далеко от завершения. Не вполне разработаны были и сами принципы функционирования официального информационного органа российского правительства. В условиях революции руководству СПА пришлось решать весьма непростые задачи. Управлял агентством совет из директоров от трех министерств: финансов, внутренних и иностранных дел. Изменения, произошедшие в политическом устройстве России, предполагали некоторую демократизацию и в информационной сфере. В то же время в правящих кругах не было единодушия в вопросе о характере и целях информационной политики. На протяжении всего периода революции между руководителями различных ведомств по этому поводу шли споры.

Особую сложность представлял обмен информацией с иностранными государствами. Власти, безусловно, были заинтересованы в распространении за границей благоприятных для России известий. Однако простое замалчивание негативных фактов не только не принесло бы пользы, но могло дать и обратный результат. Директор-распорядитель агентства П.И. Миллер был убежден: «Завоевать доверие за границей можно только полной осведомленностью и возможно полным беспристрастием, иначе сообщения агентства потеряют ударную силу. На них будут смотреть как на тенденциозные уклонения от истины и недомолвки. А это лишило бы агентство возможности работать в интересах правительства, заставляя заграничное общество быстро и с доверием воспринимать желательные для России сведения». Представители МВД, со своей стороны, настаивали на соблюдении осторожности, «чтобы за границей не составилось представления о внутренней неустойчивости России»¹.

Согласно циркуляру Главного управления почт и телеграфов, сведения, передаваемые в СПА, не подлежали цензурному просмотру в местах их подачи. Данные закрытого характера передавались в зашифрованном виде. В полном объеме такая информация помещалась в секретных бюллетенях агентства под литерой «А». В список лиц, которым предназначались эти бюллетени, входили 45 высших сановников и 10 лиц царской фамилии. По распоряжению Николая II ему доставлялись все телеграммы агентства².

В самом начале революции руководство СПА обратило внимание на отсутствие в телеграммах с мест сообщений о волнениях и политических акциях. Выяснилось, что корреспонденты, среди которых преобладали местные чиновники, считали, что такие известия официальному агентству не нужны, так как по

¹ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1155, л. 16.

² Там же, д. 1155, л. 17; д. 1264, л. 1.

цензурным условиям не могут быть помещены в газетах. Правление поспешило внести ясность: «Здесь очевидное недоразумение. Санкт-Петербургское агентство должно быть хорошо осведомлено *о всех* (выделено в оригинале. – *Е.К.*) происшествиях, имеющих крупное значение, а к их числу непосредственно принадлежат политические манифестации, студенческие волнения, стачки фабричных рабочих, крестьянские беспорядки и т.п. Своевременное и беспристрастное изложение, телеграфирование агентству обо всех подобных происшествиях составляет непрременную обязанность гг. корреспондентов, и они не должны входить в рассмотрение, насколько возможно помещение таких телеграмм в прессе. Обсуждение этого вопроса принадлежит правлению агентства». Корреспондентам напомнили, что их телеграммы оплачиваются в любом случае³.

Чтобы соблюсти баланс, руководство СПА решило, не уклоняясь от передачи сообщений о протестных акциях, больше внимания уделять событиям, свидетельствующим о верноподданнических настроениях. Следуя этой линии, о трагических событиях 9 января было передано только официальное сообщение, после чего агентство ограничивалось известиями типа: «столкновений не было», «день прошёл спокойно», «ночь прошла спокойно», «спокойствие всё более и более восстанавливается», перечислялись предприятия, приступившие к работе. Однако скрыть правду о случившемся было невозможно: в России работало множество представителей иностранных средств массовой информации. Газета «Русь» 11 января писала: «Все наиболее распространённые органы посвятили Петербургу не столбцы, а целые листы, иногда целый ряд листов... Телеграммы немецких и французских газет сообщают в один голос о 2 тыс. убитых и 4–5 тыс. раненых... Эти цифры представляли такой контраст с официальными сообщениями, что общественное мнение склонно было верить во всё худшее».

12 января редакторы и издатели петербургских газет обратились к министру внутренних дел кн. П.Д. Святополк-Мирскому с просьбой разрешить им дать подробный и верный отчёт о последних событиях в Петербурге. Тот ответил, что вполне сочувствует их просьбе, но разрешение зависит от генерал-губернатора Д.Ф. Трепова⁴. В результате 15 января в газетах было напечатано: «О событиях 9 января и последующих дней мы имеем возможность печатать только правительственные сообщения и официальные сведения». Тех, кто посмел ослушаться, ждало наказание. В тот же день по распоряжению министра внутренних дел была запрещена розничная продажа либеральной газеты «Русские ведомости». Интересно, что именно в эти дни (12 января) за подписью Святополк-Мирского был разослан циркуляр губернаторам с разъяснением назначения СПА, в котором говорилось: «Наиболее целесообразный путь к установлению в обществе правильного взгляда на ход правительственной работы и её плодотворность – есть гласность самых органов и чинов правительства. Постоянное и правильно организованное ознакомление общества с правительственной деятельностью сближает власть и общество и, поддерживая их взаимное доверие, является могущественным средством к устранению всякого рода злонамеренных тенденциозных толков и слухов»⁵.

Под воздействием нараставших революционных событий количество телеграмм из разных регионов России заметно увеличилось. СПА передало сообщения о забастовках из Батума, Варшавы, Кутаиси, Кишинёва.

³ Там же, д. 102, л. 12.

⁴ Русские ведомости. 1905. 19 января.

⁵ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 46, л. 19.

В телеграммах из Варшавы, Либавы, Киева, Саратова и др. нашли отражение волнения на железных дорогах (забастовки охватили 30 из 33 железных дорог империи и заставили правительство ввести режим военного положения на железнодорожном транспорте, установив уголовную ответственность за прекращение работ). Известиям такого рода старались, по возможности, придавать спокойный тон. Однако читатели всё равно догадывались, насколько серьёзно положение, тем более что газеты давали более полную информацию. Широко освещались бакинские события – столкновения на национальной почве между армянами и мусульманами. 22 февраля было объявлено о введении военного положения в Баку и Бакинской губернии. Из Харькова, Варшавы, Томска сообщали о закрытии высших учебных заведений, из Казани – о студенческой демонстрации, из Курска – о волнениях среди гимназистов. Несколько телеграмм касалось борьбы служащих торговых заведений за сокращение рабочего дня и обеспечение воскресного отдыха.

Следуя указаниям давать информацию положительного характера, СПА регулярно сообщало о поднесении верноподданнических адресов от разных слоёв населения. Однако на фоне нараставшего в стране революционного движения подобные «успокоительные факты» не достигали желаемого результата. На заседании Совета, состоявшемся 14 февраля 1905 г., представитель МИД А. А. Нератов предложил расширить программу сообщений агентства за границу, дополнив её публицистическими известиями в выгодном для России освещении: «Тенденциозные и невыгодные для престижа России заметки, наводняющие заграничную прессу, не должны бы были оставаться без противовеса». Но Миллер заметил, что подобное расширение программы, в принципе, безусловно, необходимое, в настоящий момент едва ли выполнимо: «Не создав себе упроченной репутации..., правдивого источника осведомления, СПА заметками публицистического характера легко может вселить за границей недоверчивое отношение к себе, с которым, [как] только оно возникнет, почти невозможно будет бороться»⁶.

Тем не менее в начале марта агентство попыталось в своих телеграммах акцентировать положительную сторону происходивших событий. Очень подробно освещалась работа Особого совещания по печати, деятельность комиссий по рассмотрению требований рабочих (в Митаве, Батуме, Симбирске) и губернских совещаний по пересмотру законоположения о крестьянах (в Ковно, Симбирске, Вильне, Калуге). Подробно освещалось прекращение забастовок. Однако вскоре поток тревожных известий возобновился.

В марте 1905 г. сотрудники СПА получили секретную инструкцию, в которой говорилось, что агентству необходимо иметь в полном объёме сведения о протестном движении в стране: «В обязанность корреспондентов входит также телеграфирование о стачках, крестьянских волнениях, политических манифестациях, покушениях, крупных арестах и прочих, имеющих общественный интерес событиях, обычно не попадающих в печать». В то же время агентство всё больше ограничивало осведомление органов печати по таким вопросам. Мощное забастовочное движение в апреле, повсеместное празднование Первой стали предметом обсуждения на заседании Совета агентства 7 мая 1905 г. Представитель МВД Шаховской доложил, что его руководство «находит желательным, чтобы СПА, помещая сведения о забастовках, не публиковало в печати условий, предъявляемых забастовщиками»⁷.

⁶ Там же, д. 1155, л. 18.

⁷ Там же, д. 101, л. 20, 85.

Вскоре под влиянием нараставших событий руководству СПА пришлось пересмотреть порядок предоставления телеграмм самому Николаю II. В июне 1905 г. А.Г. Булыгин, сменивший Святополк-Мирского на посту министра внутренних дел, выразил озабоченность тем, что телеграммы, посылаемые императору, «в некоторых случаях содержат тревожные, способные взволновать сообщения и иногда оказываются неверными». Миллер доложил об этом Кокцову, и тот согласился, что передача таких сведений «вызывает в настоящее время некоторые затруднения». Летом 1905 г. в связи с восстанием на броненосце «Потёмкин» возник конфликт агентства с морским ведомством. Министр А.А. Бирилев был категорически против любой информации о волнениях на флоте: «О регулярном снабжении СПА разными желательными ему сведениями не может быть и речи»⁸.

В сообщения агентства, направлявшиеся за границу, включались сведения из бюллетеней «А». Такой порядок был установлен с самого начала по распоряжению Святополк-Мирского, но он вызвал сомнения у его преемника. Кокцов попытался убедить Булыгина в бессмысленности замалчивания неблагоприятных известий, напомнив, что доверие иностранного общества к телеграфному агентству напрямую зависит от точности и полноты сообщаемых им сведений: «Если правительству желательно иметь орган, посредством которого можно было бы в надлежащий момент заставить иностранное общество быстро и доверчиво воспринять какое-либо известие или даже какой-либо взгляд, то этот орган должен иметь возможность предварительно снискать себе за границей репутацию откровенности и правдивости». Как министр финансов, Кокцов должен был учитывать настроение общественного мнения за границей, влиявшее на биржу: «Здесь часто наибольшую панику способна вызвать простая неизвестность, при наличии случайных и неоформленных слухов». Он считал более правильным сразу давать за границу информацию, пусть даже неблагоприятную, в возможно более «благожелательном изложении», чем потом выступать с опровержениями и разъяснениями. В противном случае в иностранную печать и в дальнейшем будут проникать «крайне преувеличенные, подчас совершенно фантастические известия, которые, ввиду укоренившегося за границей убеждения в нелюбви русского правительства к гласности и в привычке к официальному замалчиванию, охотно воспринимались обществом и, несмотря на свою фантастичность, встречали всеобщее доверие»⁹.

Однако к осени обстановка в стране накалилась настолько, что МВД потребовало более жёсткой цензуры. В октябре 1905 г. из Департамента полиции докладывали: «Степной генерал-губернатор сообщает по телеграфу, что ежедневное оповещение телеграфными агентствами об успехах всеобщей забастовки всех отраслей труда в России с умалчиванием при этом о мероприятиях и деятельности представителей власти производит на население потрясающее впечатление, порождает панику и возбуждает беспокойные элементы». Такие же сигналы поступили и от других губернаторов¹⁰. Департамент полиции просил не помещать сообщений такого рода. Но в тот период агентство не могло отказаться от передачи подобной информации.

Изменение в политике руководства СПА произошло позднее, когда наметился перелом в революции. В середине 1906 г. Миллер инструктировал своих

⁸ Там же, д. 21, л. 49; д. 46, л. 53.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, д. 66, л. 63, 84.

сотрудников уже в совершенно ином духе, предлагая обращать больше внимания на «положительную сторону текущих событий, на признаки оздоровления русской жизни, на деятельность учреждений и организаций, стремящихся к созидательному разрешению назревших вопросов». В частности, корреспондентам следовало шире освещать ход земельной реформы, случаи противодействия агитационной деятельности, выдачу властям революционеров¹¹.

На спаде революции произошло полное изменение в тактике агентства, что выразилось в полной замене старых инструкций. Корреспондентам предписывалось сосредоточить внимание на деятельности земских, городских и других общественных учреждений. В телеграммах должно было найти отражение «всё, что характеризует укрепление религиозного чувства, поднятие нравственности населения, пробуждение в нём национального самосознания в духе российской государственности, проявление со стороны общественных учреждений и групп населения доверия к правительственной власти и её органам, готовность идти навстречу правительственным мероприятиям»¹².

---

¹¹ Там же, д. 101, л. 150.

¹² Там же, д. 1155, л. 35.

Живописное искусство и революция 1905–1907 гг.

Лидия Березовая

The fine arts and the revolution of 1905–1907

Lidiya Berezovaia (Russian State University for the Humanities, Moscow)

Как известно, искусство не только отражает текущие события и чувства людей, но и является мощным инструментом создания представлений о прошлом, настоящем и будущем. Эта функция искусства особенно значима в острые, переломные моменты истории. Перефразируя булгаковского профессора Преображенского, можно сказать, что революция, как и разруха, совершается прежде всего в головах людей, в общественном и индивидуальном сознании участников событий. Визуальная культура, в первую очередь живопись, особенно сильно апеллирует к эмоциям, создавая устойчивые образы событий, формируя стереотипы восприятия. Живопись революционного времени способна иногда точнее передать чувства и настроения людей, их понимание происходящего, чем письменные документы.

События 1905–1907 гг. так или иначе отразились в творчестве более 60 художников – современников революции¹. Много картин и зарисовок было создано известными мастерами, но ещё больше – художниками «второго ряда» и вовсе неизвестными рисовальщиками, спешившими зафиксировать свои впечатления от увиденного и пережитого.

Визуальная история революции – не фотографическое её отражение. Живопись превращает любое событие в знак, символ, создавая визуальный образ

© 2016 г. Л.Г. Березовая

¹ Шлеев В.В. Революция и изобразительное искусство. М., 1988. С. 146.

времени. В то же время картины социально ориентированных художников из числа «передвижников», как правило, являлись прямыми иллюстрациями революционных событий, непосредственными участниками которых нередко были их авторы. Так, С.В. Иванов оказался свидетелем и участником вооруженных боёв в Москве в декабре 1905 г. Свои впечатления он выразил в картине, по цензурным условиям выставленной только в 1911 г. под нейтральным названием «Этюд», а название «Расстрел» получившей уже после Октябрьской революции 1917 г. Почти всё пространство картины занимает белое полотно заснеженной улицы, где красочными пятнами выделены два убитых человека и убегающая собака. Противоборствующие стороны – стреляющие солдаты и демонстранты с красным знаменем – едва угадываются в противоположных сторонах полотна. С документальной точностью Ивановым были написаны картины «У стенки. Эпизод 1905 года», «Митинг 18 октября 1905 г.». В 1905–1909 гг. Иванов работал над картиной «Едут! Карательный отряд», на которой кучка жмущихся к друг другу крестьян с иконой в заснеженном поле с трепетом ожидает приближающийся отряд конных жандармов.

По цензурным причинам из картин революционной тематики другого художника-реалиста Н.А. Касаткина лишь две появились на выставках 1905–1907 гг., причём одна была сразу же снята, а другая фигурировала под измененным названием². И.А. Владимиров, формировавшийся как художник-баталист, написал в стиле передвижников картины «Расстрел на Дворцовой площади 9 января 1905 г.», «Арест студента», «Не ходи (Дружинник)». Добротное бытописание в зарисовках и акварелях 1905 г. И.С. Горюшкина-Сорокопудова «Баррикады в 1905 году», «Погром барской усадьбы», «Горе», «Шлиссельбургская тюрьма» отражают не только реальные сюжеты, но и энергетику революционного времени.

В феврале 1906 г. в Петербурге должны были открыться очередная «весенняя» выставка Академии художеств и XIV годовая выставка Петербургского общества художников. Перед их открытием в прессе появилась информация, что распоряжением цензуры из обеих экспозиций изъяты все произведения на тему революционных событий, в том числе «Похороны» И.И. Бродского, «Обыск» И.М. Шдуглейта, «Военное положение» и «Не ходи» И.А. Владимирова, «После погрома» П.И. Геллера, «Опять на родине» М.Л. Маймона, акварели и рисунки М.Г. Малышева к горьковской «Песне о Соколе», работа скульптура Аргентова «Реквием»³. Но гонения лишь усилили интерес публики к обеим выставкам и наплыв посетителей оказался намного выше ожидаемого, а на конфискованные картины тут же поступили заказы. Фотографии запрещённых цензурой произведений появились в литературно-политическом альманахе «Красное знамя», выпущенном в Париже А.В. Амфитеатровым⁴. Поскольку публикация репродукций сопровождалась обширными редакционными и литературными комментариями, причём они соседствовали в альманахе с революционными статьями и призывами, то возбуждающий эффект произведений искусства оказался даже сильнее, чем мог быть от экспонирования их на выставке.

Зачастую рисунки профессиональных художников использовались в пропагандистских листовках. Однако для осознания масштаба и смысла разворачивающихся событий реалистических и пропагандистских «картинок» было явно недостаточно. Общественный эффект живописи теперь зависел не

² *Ситник К.А.* Николай Алексеевич Касаткин. М., 1955. С. 236.

³ Слово. 1906. 17, 19 февраля.

⁴ Красное Знамя (Париж). 1906. № 1.

столько от точности изображения, сколько от мощи эмоционального воздействия, которую лучше обеспечивал модернистский стиль. Огромный эффект произвёл знаменитый эскиз непосредственного свидетеля событий 9 января В.А. Серова «Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваша слава?». набросок был воспроизведён на страницах массового сатирического журнала «Жупел», а подлинник художник подарил А.М. Горькому. В 1907 г. тот же рисунок украсил январскую обложку в запрещённом цензурой «Календаре русской революции». Другие зарисовки и эскизы Серова также обладали психологическим эффектом больших картин: «После усмирения», «14 декабря 1905 г. Сумской полк», «Разгон казаками демонстрантов в 1905 году», «Похороны Баумана», «Виды на урожай». Образы казаков и солдат в них были утрированы, выделены только зловещие черты: заломленные фуражки и чубы, лихо закрученный ус, хищный блеск выхваченной сабли, неудержимый бег лошадей. Автор целой галереи «серьёзных» портретов императорской семьи, Серов в 1905 г. лишь беглым карандашом обрисовывает изломанную карикатурную фигуру Николая II, который с ракеткой для тенниса под мышкой вешает награды храбрым казакам – усмирителям толпы⁵. После 1905 г. художник уже никогда не писал портретов императора, а в ответ на предложения этого рода отвечал: «В этом доме я больше не работаю»⁶.

Е.Е. Лансере в 1905–1906 гг. создал целый цикл этюдных «зарисовок с натуры» с аллегорическим подтекстом: «Бой», «Тризна», «Радость на земле основных законов ради», «Рады стараться, ваше превосходительство». Необычное, символическое решение образов революции доходило до гротеска и использовало не формат больших станковых картин, а более динамичные эскизы и зарисовки, лаконичные техники живописи – темпера, карандаш, мел, уголь, акварель. В то же время после того, как в 1906 г. Ф.А. Малявин представил петербургской публике картину «Вихрь», на полотнах живописцев началось настоящее пиршество красного цвета. Учитель Малявина И.Е. Репин назвал полотно «самой яркой картиной революционного движения». Критикам чудились в малявинских картинах отблеск пожаров, «красный петух», запах крови, залившей русскую деревню⁷. Все самые значимые вехи Первой русской революции – Иваново-Вознесенская стачка, Лодзинские события, всероссийская политическая стачка, восстания на броненосце «Потемкин», в Кронштадте и Ревеле – отмечены присутствием красных флагов. Манифест 17 октября городская публика приветствовала красными бантами в петлицах. Русская революция приобретала мифологическую колористику противостояния «чёрного» и «красного».

Накануне и во время революции некоторые художники обратились к почти забытому живописному жанру – портрету. Наиболее известные образцы этого жанра принадлежат кисти В.А. Серова. В созданной им портретной галерее присутствуют значительные личности времени (Ермолова, Горький, Дягилев, Шалапин), весомые политические деятели (Витте, Победоносцев, Муромцев). В серии портретов царских сановников выделялся портрет К.П. Победоносцева, на котором обер-прокурор Святейшего Синода напоминает средневекового

⁵ Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. В 2 т. Т. 1. Л., 1971. С. 187.

⁶ Грабарь И.Э. Моя жизнь. Автобиография. М.; Л., 1937. С. 166–167.

⁷ Глаголь С.С. Художественные выставки в Петербурге // Зори (приложение к газете «Книговедение»). 1906. 4 марта. № 32.

инквизитора. Портреты Серова доходили порой до гротеска и шаржа, но когда художника упрекали в налете карикатурности, он говорил: «Что делать, если шарж сидит в самой модели, чем я то виноват? Я только высмотрел, подметил»⁸.

Особой популярностью пользовался у художников А.М. Горький. Один из лучших его портретов 1905 г. также выполнил Серов. Горький изображён и на картинах И.А. Гринман, Е.С. Зарудной-Кавос, Л.М. Евреинова, а также на некоторых пропагандистских листовках⁹. К революционному времени относится и появление в пропагандистском пространстве портрета К. Маркса. Офорт А.Л. Пятигорского в 1906 г. был репродуцирован в журнале «Наша мысль», в 1907 г. – в «Календаре для всех на 1908 год», а в 1908 г. открытку с портретом Маркса выпустило издательство «Зерно».

Новое звучание в 1905–1907 гг. обрёл социальный портрет, представлявший не конкретного человека, а социальный тип. Здесь не было равных Н.А. Касаткину, который после знаменитой «шахтёрской» серии обратился к героям 1905 года: «Рабочий-боевик», «Студент», «Лихая ткачиха». Аллегорические изображения рабочего (в виде льва, побеждающего царизм, богатыря с дубиной или мечом и т.п.) создавались И.М. Грабовским, П.Д. Бучкиным, А.А. Чикиным, М.М. Чемодановым и др.¹⁰ Привычное соседство с рабочим обретает красное знамя и графический силуэт фабрики.

Даже цитадель классической живописи – Академия художеств – склонялась к некоторым переменам. В 1905 г. студенческие занятия в Академии были прерваны, а выставки, в том числе В.М. Васнецова и «плановая» осенняя, отменены вообще. Но уже с 1906 г. выставки в ней устраивались на более демократических основаниях, среди авторов стало больше молодёжи. Именно в здешних залах появилась скандальная картина Ф.А. Малявина «Смех», вызвавшая неприятие академиков и резкую критику В.В. Стасова. Только заступничество И.Е. Репина позволило Малявину получить звание художника. «Весенняя» выставка Академии художеств в 1906 г., волей цензора лишившись ряда картин с революционными сюжетами, смогла представить публике лишь три актуальных экспоната: скульптуру И.Я. Гинцбурга «На митинге», картину П.Д. Шмарова «Ждут (Цепь лопнула)» и этюд Н.И. Верхотурова «Прикованный к тачке». Всё остальное, как писали газеты, «сплошная идиллия: закаты, восходы, замки, весны, девочки среди цветов, мальчики на снегу, портреты, портреты, портреты»¹¹.

Взбурдаженная бурными событиями публика оказалась восприимчивой к дерзким выставкам с обилием новинок. В 1905–1907 гг. она узнала имена художников новых направлений: А.Н. Бенуа, В.Э. Борисова-Мусатова, П.В. Кузнецова, Ф.А. Малявина, С.Ю. Судейкина, М.С. Сарьяна, Н.Н. Сапунова, Н.П. Ульянова. На выставках Союза русских художников в 1906 г. впервые появились работы авангардистов Н.С. Гончаровой и М.Ф. Ларионова, представлялись будущие представители объединений «Голубая роза» и «Бубновый валет». Малявинский «Вихрь» и серовские портреты произвели потрясающее

⁸ *Грабарь И.Э.* Валентин Александрович Серов. Жизнь и творчество. 1865–1911. М., 1965. С. 157.

⁹ Горький в изобразительном искусстве. 1868–1968. Описание изобразительных материалов Музея А.М. Горького. М., 1969.

¹⁰ Пулемёт. 1905. № 2; Жало. 1905. № 1; Календарь для всех на 1908 год. СПб., 1907.

¹¹ Русь. 1906. 19 февраля.

впечатление на посетителей, вызвали широкую полемику в прессе о назначении искусства, его роли в обществе¹².

Но самой масштабной и популярной в 1905 г. неожиданно оказалась выставка исторической живописи, именовавшаяся Таврической по названию дворца, где она размещалась. Она была организована С.П. Дягилевым и его товарищами из «Мира искусства», сумевшими получить поддержку не только вел. кн. Николая Михайловича, но и самого Николая II, что открыло им двери всех музеев, частных коллекций и дворцовых сокровищ¹³. В колонном зале Таврического дворца Дягилев устроил нечто вроде зимнего сада с полным собранием портретов всех императоров России. Выставка открылась торжественным посещением императора Николая II – правда, в силу «эмоционального паралича» (по выражению Бенуа) его визит был «безмолвным».

Общественный эффект Таврической выставки 1905 г., как писали газеты, получился поистине грандиозным. Зритель впервые видел лица Радищева, Новикова, Чаадаева, Герцена, Ник. Муравьева. В Колонном зале и галереях была воспроизведена атмосфера XVIII в. с работами Левицкого, Боровиковского, Аргунова, Рокотова, пейзажами Щедрина и Алексеева. В связи с выставкой на страницах петербургских газет «Речь» и «Русь» развернулась полемика об общественном назначении искусства во время революции. Скульптор И.Я. Гинцбург заявил, что «независимость искусства от жизни» совершенно невозможна¹⁴. Дягилев в ответ утверждал, что делать задачей художника «изображение жизни общественной» – «ветхая, запылившаяся мерка», «допотопная эстетика»; она не может родить вдохновения, а значит, не будет и искусства как такового. В ответ на упрек на невнимание к «общественным вопросам» Дягилев писал: «И если русскому искусству суждено сыграть роль в великой освободительной борьбе, то, конечно, она будет заключаться не в протокольном изображении текущих событий, а в свободном развитии индивидуального творчества. Ни одно искусство... не ищет своего содержания в политической или общественной злободневности»¹⁵. На обеде в свою честь в ресторане «Метрополь» Дягилев произнес прочувствованную речь, в которой поделился впечатлениями от путешествия по России во время подготовки выставки. «Мы живём в страшную пору перелома, мы осуждены умереть, чтобы дать воскреснуть новой культуре...», – утверждал он. – Это говорит история, то же подтверждает эстетика»¹⁶. В связи с подготовкой дворца к работе Государственной думы, выставка была закрыта раньше, но в думских «кулуарах» ещё долго висели портреты императоров и екатерининских вельмож. А с организованных Дягилевым на материале Таврической выставки экспозиций русского искусства в Париже, Венеции, Берлине и других европейских городах начались знаменитые «Русские сезоны»¹⁷.

На время революции пришёл расцвет искусства графического рисунка. Эффективной площадкой для графического искусства революционного времени стали массовые журналы, настоящий бум издания которых пришёлся на 1905–1906 гг.: их вышло свыше 250 наименований тиражом более 40 млн

¹² См.: *Луначарский А.В.* Выставка картин «Союза русских художников» // Вестник жизни. 1907. № 2.

¹³ Сергей Дягилев и русское искусство. В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 101, 289, 503.

¹⁴ *Гинцбург И.* Выставки // Речь. 1906. 3 и 4 марта.

¹⁵ *Дягилев С.П.* В защиту искусства // Русь. 1906. 8 марта; Сергей Дягилев и русское искусство. Т. 1. М., 1982. С. 204, 205, 206.

¹⁶ Сергей Дягилев и русское искусство. Т. 1. С. 193.

¹⁷ *Бенуа А.Н.* Воспоминания. В 2 т. Т. 2. Кн. 4. М., 1993. С. 418.

экземпляров (подавляющее большинство – в Петербурге и Москве). Авторами сатирических рисунков значились почти 120 художников, и среди них было несколько настоящих мастеров: Серов, Арцыбушев, Кустодиев, Гржебин, Билибин, Лансере, Чехонин. Их рисунки появлялись в наиболее популярных журналах: «Зритель» Ю.К. Арцыбушева, «Пулемет» Н.Г. Шебуева, «Сигнал» К.И. Чуковского, «Жупел» З.И. Гржебина и И.Я. Билибина, «Адская почта» П.Н. Трояновского и Е.Е. Лансере. Несмотря на краткосрочность существования таких изданий, в области политической сатиры была создана оригинальная школа.

Каждый политический персонаж приобрёл определённую символику в карикатуре. Лживость и коварство премьера С.Ю. Витте, который «и водкой торговал, и японца надувал», послужили основанием для его «анималистической» символизации: «мудрость змия и пушистый лисий хвост». Министра внутренних дел П.Н. Дурново сатирики изображали в виде осла и свиньи (припомнив резолюцию Александра III «Убрать эту свинью в 24 часа!» на докладе об одном из неприглядных «подвигов» Дурново и слухи о его афёрах с поставками овса)¹⁸. Многие «герои» бюрократического Олимпа представлены великолепной галереей художественных шаржей в № 3 журнала «Адская почта» за 1906 г. (художники Гржебин, Лансере, Кустодиев). Символизация образов была доведена до такого совершенства, что отпадала надобность в портретном сходстве. Знаменитый карикатурный сериал «Бой усов», где «усы колечком» противостояли «усам торчком» легко прочитывался как диалог премьера П.А. Столыпина и председателя II Государственной думы Ф.А. Головина. Эти сатирические портреты перекочевали со страниц журнала на открытки, и московскому градоначальнику пришлось издать специальный указ, который запрещал изображать известных людей на юмористических открытках¹⁹.

Не обошли вниманием карикатуристы и императора. Невероятно популярен был знаменитый рисунок Н.Г. Шебуева с изображением кровавого отпечатка ладони Трепова на тексте царского Манифеста 17 октября 1905 г.²⁰ Номер журнала с этой обложкой был раскуплен мгновенно, вечером того же дня за него предлагали 10–15 руб. Невозможность прямо изображать государя заставила карикатуристов изобрести специальную «царскую» символику, которая легко определялась читателями. Сатирическая графика сформировала образ неразумного ребенка, который хорошо «ложился» на представление современников о Николае II как о слабом и нерешительном правителе с заурядной внешностью. Позорное поражение в Русско-японской войне напомнило об инциденте, произошедшем с императором, когда он ещё цесаревичем посещал Японию. По недоразумению японский полицейский ударил гостя по лбу, отчего у него остался шрам. Первой «эзоповской» карикатурой на императора и стало изображение маленького мальчика на тоненьких ножках с огромной шишкой на лбу в заставке С.В. Чехонина под названием «Чёрная сотня» в журнале «Зритель». В ней чёрными силуэтами были представлены чуть не все политические знаменитости России: от медвежьей фигуры Александра III до скелетообразного Победоносцева. А под их ногами путалась фигурка рахитичного мальчика с шишкой. Читатели поняли сатирический намёк, моментально

¹⁸ Зритель. 1905. Экстренный номер. С. 2.

¹⁹ Альманах. 1906. № 1; Русское слово. 1906. 15 февраля.

²⁰ Пулемёт. 1905. № 2.

Осе́л (Equus asinus) в 1/20 натуральной величины.

Билибин И.Я. Осёл (Equus asinus) в 1/20 натуральной величины. 1906

раскупив номер журнала, переизданный четыре раза в течение месяца. После этого стоило только нарисовать силуэт курносого мальчика с шишкой на лбу, чтобы все понимали, о ком идёт речь. Популярность образа была такова, что даже простое изображение еловой шишки публика прочитывала как образ Николая II. На венценосного героя намекали также изображениями горностаевой мантии, двуглавого орла, «пылающего сердца» или «червонного туза» вместо головы и т.п. На знаменитом портрете «Осе́л (Equus asinus) в 1/20 натуральной величины» художника И.Я. Билибина изображение осла, решенное в манере парадных императорских портретов, было прозрачным намеком на ничтожество монарха²¹.

Сатирическая галерея депутатов Думы, заметно уступая серии государственных деятелей, также была представлена в жанре политических шаржей²². С.В. Чехонину, будущей «звезде» советского плаката, принадлежит одно из наиболее образных визуальных толкований нового политического строя после Манифеста 17 октября 1905 г. – в виде карточного домика с надписью: «Просят не дуть». Журнал «Современные записки» отмечал, что «все сатирические листки, без исключения

²¹ Жупел. 1906. № 4.

²² Букет. 1906. № 4; Леший. 1906. № 2. С. 2; № 4. С. 10; № 1. С. 4, 10.

Кустодиев Б.М. Вступление. 1905 год. Москва. 1905

почти, ультрарадикальны. Они знаменуют, что общественное течение круто изменилось»²³.

Сильное воздействие на массовое сознание оказала знаменитая «Московская серия» («Бой», «Вступление», «Умиротворение») на страницах сатирических журналов 1905–1906 гг., созданная Е.Е. Лансере, М.В. Добужинским, Б.М. Кустодиевым. Здесь реалистическая «картинка» полностью уступила место страшным аллегорическим образам. Кремль представлен островом в залитом кровью городе под кровавой радугой, по улицам которого стремительно шествует огромный скелет. Б.И. Анисфельд завершил эту апокалипсическую серию о расстреле Москвы изображением погибающего города с затмившимся солнцем и неподвижно сидящими над ним кошмарными чудовищами – пятью василисками («Новый год») ²⁴.

Лучшие рисунки графиков революционного времени вошли в подготовленное Е.Е. Лансере и В.Л. Бурцевым в 1907 г. и немедленно запрещённое уникальное издание «Календарь русской революции». В 1917 г. его переиздали с предисловием Бурцева на основе экземпляров, сохранившихся в архивах Охранного отделения.

С поиском динамичных образов революции связан и расцвет в 1905–1907 гг. политической и социальной открытки, которая перекликалась с плакатом, журналом и листовкой. Открытка художника-любителя М.М. Чемоданова «Два

²³ Современные записки. 1906. № 1. С. 68.

²⁴ Жупел. 1905. № 2. С. 3, 7, 4-я с. обложки, 1906. № 3. 4-я с. обложки.

приговора к повешению» напоминает лубок: на одной её половине нарисован повешенный крестьянин, а на другой – полицейский, на мундире которого «повешен» орден «За усердие» – буквальная иллюстрация к полицейской хронике. Аналогичное решение в сюжете, где противопоставлены гимназист с перочинным ножиком и дюжий полицейский с саблей, отражало реальный случай «курского избиения» учащихся 12 февраля 1905 г. «Неизвестные художники» под псевдонимами почти документально запечатлели главные события 1905–1906 гг.: нарушение автономии университетов, провалившийся проект Булыгинской думы, Манифест 17 октября, Московское восстание, расстрелы и аресты, обыски и репрессии. Существовали открытки, связанные с восстанием на броненосце «Потёмкин», посвящённые лейтенанту П.П. Шмидту²⁵. Выполненные акварелью, пером, применявшие коллаж с фотографиями, часто довольно примитивные по рисунку, они были доходчивее газет и имели массовое распространение.

Живописная культура революционного времени формировала то самое «смущение умов», с которых и начинаются повороты истории. Постепенная смена ценностей, десакрализация власти проходила через распространение зрительных образов и символов, накапливая отрицательную энергетику общества. Власть удостоилась не просто критики, а насмешки, освобождая обывателя от пиетета перед нею. Силами живописи всех жанров были созданы доминирующие образы противоборствующих сил: с одной стороны – страдающий народ и яркий красный вихрь «общенародной» революции, с другой – злобная и лживая власть. Позднее Лансере писал в воспоминаниях: «Мы тогда революцию воспринимали ещё не как борьбу класса против класса, а как борьбу “всего народа” против самодержавного строя»²⁶.

---

²⁵ Подробнее см.: *Забочень М.С.* Иллюстративная хроника первого дня революции // Филателия СССР. 1975. № 4. С. 53–54; *он же.* Бойцы «непобеждённой территории революции» // Там же. 1978. № 8. С. 38–39; *он же.* «Командую Черноморским флотом. Шмидт» // Там же. 1976. № 12. С. 34–35.

²⁶ *Лансере Е.Е.* «Жупел» и «Адская почта» // Советское искусство. 1935. 23 декабря.

Ю.А. Пелевин и его исследования

Григорий Кан

Iu.A. Pelevin and his works
Grigoriy Kan (Moscow, Russia)

16 июля 2015 г. в Москве скоропостижно скончался Юрий Александрович Пелевин, находившийся в расцвете творческих сил, строивший обширные планы и работавший над очередной главой своей книги о революционном народничестве 1870–1880-х гг.

Юрий Александрович родился в Москве 10 сентября 1948 г. в семье военнослужащего. Семейные обстоятельства заставили его после 8-го класса средней школы начать работать на Станкостроительном заводе им. Серго Орджоникидзе, где он получил специальность токаря, одновременно продолжая учиться в вечерней школе (экзамены сдал экстерном), техникуме и Московском станкоинструментальном институте. Через какое-то время ему удалось устроиться инженером-конструктором в Научно-исследовательский институт неорганических материалов. Однако уже в начале 1970-х гг. Пелевин резко изменил свою жизнь: перешёл в Центральный государственный военно-исторический архив, а в 1973 г. поступил на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Его научным руководителем стал профессор М.Г. Седов, организовавший знаменитый семинар по истории народничества, в заседаниях которого активно участвовал и Пелевин¹. В 1984 г. окончив аспирантуру, Юрий Александрович защитил кандидатскую диссертацию «А.Д. Михайлов в революционном движении 1870-х – 1880-х годов». Впрочем, работу над данной темой он не прекращал и в последующие годы. С 1985 г. Пелевин более двух десятилетий преподавал в Российском институте переподготовки работников искусства, культуры и туризма, читал лекции о современном альтернативном искусстве, музееведении и т.п., будучи старшим преподавателем, доцентом, а затем и профессором. Потом несколько лет он трудился в академическом Государственном университете гуманитарных наук.

Большинство исследований Ю.А. Пелевина посвящены народничеству – от «хождения в народ» до разгрома «Народной воли». Впрочем, его интересовали и другие сюжеты – правительственная политика, высшая бюрократия, общественная мысль пореформенного времени. Как признавал сам Юрий Александрович, наибольшее влияние на него оказали работы В.Я. Богучарского, хотя, разумеется, он разделял далеко не все встречающиеся в них оценочные суждения. По своим взглядам Богучарский был близок к левым либералам и умеренным марксистам. Не сочувствуя идеям общинного социализма и анархизма, планам

© 2016 г. Г.С. Кан

¹ О М.Г. Седове и его семинаре подробнее см.: «Будущего нет и не может быть без наук...» (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). М., 2005.

крестьянского восстания, организации заговора и террористическим методам, он высоко оценивал способности и моральные качества многих народников и полностью одобрял политическую программу «Народной воли» (демократия, Учредительное собрание, гражданские свободы, местное самоуправление). При этом вину за революционное насилие историк всецело возлагал на правительство, считая, что оно жестокостью своей политики провоцировало революционеров на ответные действия, включая цареубийство. Пелевин, в отличие от Богучарского, не снимал с революционных организаций ответственности за террор, хотя и не оправдывал представителей власти, был строг в моральной оценке покушений и критически относился к экономической программе народничества. Своей высокой культурой, интеллектом, эрудицией, терпимостью к чужому мнению и даже самой манерой писать Юрий Александрович напоминал каким-то чудом оказавшегося в XXI в. сотрудника «Вестника Европы». Среди современных исследователей ему ближе всех по подходам и выводам был, пожалуй, О.В. Будницкий. Ю.А. Пелевин всегда отзывался о нём с большим уважением и симпатией, хотя они знали друг друга только по научным публикациям.

Единственная монография Юрия Александровича, опубликованная при его жизни, посвящена знаменитому «хождению в народ» революционно настроенной молодёжи, пытавшейся в 1874–1875 гг. поднять крестьян на восстание во имя социалистических идеалов². Сказать об этом событии что-то новое было непросто, поскольку за последние 60 лет оно освещалось в семи работах³. Но лишь Пелевин, очень живо, ярко и логично изложив результаты анализа огромного количества разнообразных источников, подробно показал то, что революционеры увидели в деревне, и осветил реакцию мужиков на народническую пропаганду. Из-за поголовной безграмотности крестьян изданная для них (в немалом количестве) нелегальная популярная литература – преимущественно анархистско-бунтарского содержания – оказалась бесполезной и только служила впоследствии важной уликой для разоблачения пропагандистов на политических процессах. Заметно осложняло агитацию и чрезвычайно распространённое в народе пьянство⁴. К тому же бедственное материальное положение крестьян в большинстве губерний и их мечты о «равнении земель» вовсе не означали готовности к бунту (тем более вооружённому) против властей. Во всех губерниях преобладало непоколебимое убеждение в том, что рано или поздно передел земель осуществит царь. Вплоть до начала XX в. все или почти все крестьяне оставались ярыми монархистами и лишь с императором связывали свои надежды и упования⁵. Сложность отношений «бунтарей» и народа про-

---

² Пелевин Ю.А. «Хождение в народ». Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014. Впервые эта работа была напечатана в виде серии статей: *он же*. «Хождение в народ» 1874–1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 4. С. 64–97; № 5. С. 83–98; № 6. С. 38–50.

³ Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М., 1965. С. 266–360; Филитов Р.В. Из истории народнического движения на первом этапе («хождения в народ»). Петрозаводск, 1967. С. 220–306; Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов, 1991. С. 229–252; *он же*. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 143–177; Гинев В.Н. Народническое движение в Среднем Поволжье. 70-е годы XIX в. М.; Л., 1966. С. 64–99; Базанов В.Г. Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974. С. 461–541; Панухина Н.Б. «Москвичи» (Из истории революционного подполья 70-х годов XIX века). М., 1974. С. 64–74.

⁴ Пелевин Ю.А. «Хождение в народ». С. 72–83.

⁵ Там же. С. 120–134.

явилась в знаменитом «чигиринском заговоре», которому Юрий Александрович посвятил специальную статью, едва ли не первую в историографии⁶.

Основу крестьянского монархизма Пелевин видел в господствовавшем среди мужиков «народном православии», пронизанном фаталистическим отношением к миру, где всё – судьба человека, его место в обществе, материальное положение и проч. – предопределено и всецело зависит от воли Бога, которую следует со смирением принять⁷. Поэтому, несмотря на горячее желание и ожидание прибавки земли и снижения платежей, ни о каких протестах и революциях в деревне не могло быть и речи. Более того, ссылаясь на воспоминания и письма многих пропагандистов, Пелевин утверждал, что проповедь социализма в духе западных учений (П.Ж. Прудона, Л. Блана, Ф. Лассалья и др.) не вызывала у мужиков никакого интереса, поскольку крестьяне были в принципе чужды коллективистским стремлениям. Развивая наблюдения А.Н. Энгельгардта, Г.И. Успенского и Г.В. Плеханова, исследователь полностью отрицал наличие у русских крестьян каких бы то ни было общинно-социалистических наклонностей. В пореформенный период, по его мнению, для них были характерны скорее частнособственнические интересы, индивидуализм и желание стать зажиточными хозяевами⁸.

Возможно, позиция Юрия Александровича была даже излишне категорична, но он неоднократно отстаивал её в наших спорах. Крестьяне действительно отвергали идеи коллективного ведения хозяйства и совместной обработки земли. Однако более умеренная аграрная программа, принятая «Землёй и волей» и немного модернизированная позднее партией социалистов-революционеров, пользовалась в первые десятилетия XX в. широкой поддержкой сельского населения. Конечно, не исключено, что крестьян в ней привлекало именно требование земельного передела, полного изъятия земли у помещиков, а вовсе не обобществление как таковое. Как известно, эсеры допускали индивидуальное пользование землёй после её социализации (обобществления)⁹. Весьма вероятно, что в случае осуществления их планов большинство пользователей вскоре стали бы мелкими собственниками. Но, так или иначе, отношение крестьян к общине в пореформенное время ещё нуждается в тщательном изучении.

Пристальное внимание Пелевин уделил мирной демонстрации, устроенной 6 декабря 1876 г. на площади около Казанского собора в Петербурге и уже через несколько минут превратившейся в массовую драку митингующих с полицией и прохожими¹⁰. Исследователь сумел детально восстановить картину происшедшего, свидетельствующую о легкомыслии организаторов акции, жестокости полиции и суровости судебного приговора: «за пять минут свободного изъяснения своего мнения» Особое присутствие Правительствующего Сената 25 января 1877 г. отправило пять человек на каторгу на 10–15 лет (ещё десять были приговорены к ссылке, трое – к пятилетнему нравственному исправлению в отдалённых монастырях, ещё трое оправданы)¹¹. Отчасти подобное решение

---

⁶ Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 130–150.

⁷ Пелевин Ю.А. «Хождение в народ». С. 115–117.

⁸ Там же. С. 89–94.

⁹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. М., 1996. С. 277–278.

¹⁰ Пелевин Ю.А. Первая протестная демонстрация в России // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 14–29.

¹¹ Там же. С. 23.

объяснялось тем, что в стране тогда полным ходом шла мобилизация и какие-либо антиправительственные действия представлялись особенно неуместными.

С начала 2013 г. Ю.А. Пелевин работал над книгой «Александр Михайлов и его революционная эпоха», которая осталась незаконченной. За это время ему удалось написать свыше 45 авторских листов и довести изложение до июня 1879 г. (с отдельными вставками, касающимися более поздних событий). Этот труд подводил итог исследования, начатого ещё в 1970-е гг. и лишь отчасти отразившегося в диссертации и серии публикаций¹².

А.Д. Михайлов, в 1878 – ноябре 1880 г. являвшийся фактическим руководителем «Земли и воли» и «Народной воли», был – как это ни парадоксально – человеком по-своему цельным и одновременно противоречивым. Свободолюбец и идеалист, романтик с мироощущением поэта, никогда не расстававшийся с Евангелием и видевший цель своей жизни в противостоянии злу и неправде, царившим в России, он был в то же время жёстким реалистом, практиком и прагматиком, придерживавшимся принципа «цель оправдывает средства», блюстителем самой суровой революционной дисциплины и организатором всех ключевых террористических актов конца 1870-х гг. Удивительно, что такая фигура остаётся всё ещё слабо освещённой в историографии. Биографические исследования, вышедшие в 1920–1930-е гг., не отличались фундаментальностью, а в монографиях П.С. Ткаченко и С.С. Волка ему не уделялось должного внимания¹³. Какое-то время этот пробел восполнял лишь биографический очерк, написанный Н.А. Троицким¹⁴.

Замысел новой монографии Пелевина перекликался со словами В.Н. Фигнер о первом народовольческом лидере: «Его мировоззрение и жизнь, это – страница революционного движения 1876–84 годов. Кто хочет знать эту эпоху, должен изучать Александра Дмитриевича Михайлова»¹⁵. Детально рассматривая биографию своего – без преувеличения – любимейшего героя, Юрий Александрович, по сути, создавал историю всего революционного народничества. При этом он всегда старался сохранить трезвость и объективность в оценке как идей, так и поступков Михайлова и его единомышленников. Ещё в 1983 г. Пелевин отметил, что у народovolьцев «не было чувства исторического движения России». По его словам, «Михайлов не осознавал, что демократизация общества может быть успешной и необратимой, если она основана... на развитии общества в целом, на духовных потребностях народа, который уже не может жить без политичес-

---

¹² Пелевин Ю.А. Новые материалы о народovolьцах А.Д. Михайлове, А.П. Прибылевой-Корбе и Л.А. Тихомирове // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1979. № 3. С. 65–77; *он же*. А.Д. Михайлов о Липецком съезде и программе Исполнительного комитета «Народной воли» // Советские архивы. 1982. № 5. С. 72–74; *он же*. Социально-экономические воззрения А.Д. Михайлова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1983. № 3. С. 46–56; *он же*. Разгром полицией центра «Земли и воли» и восстановление его А.Д. Михайловым // Из истории культуры и общественной мысли народов СССР. Сборник научных статей. М., 1984. С. 104–112; *он же*. Конспиративная деятельность А.Д. Михайлова в «Земле и воле» и «Народной воле» // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1986. № 2. С. 53–64; *он же*. Александр Дмитриевич Михайлов // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 43–69.

¹³ Клевенский М. Александр Дмитриевич Михайлов. М., 1925; Беркова К.Н. А.Д. Михайлов. М., 1926; Эльсберг Я. А. Михайлов. М., 1935; Ткаченко П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876–1879 гг.). М., 1961; Волк С.С. «Народная воля» (1879–1882). М.; Л., 1966.

¹⁴ Троицкий Н.А. «Дворник» (Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов) // Освободительное движение в России. Вып. 17. Саратов, 1999. С. 53–66.

¹⁵ Фигнер В. Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1932. С. 261.

кой свободы»¹⁶. «Народовольческие мечты добиться введения конституционных форм правления были неосуществимы, – констатировал историк в 2011 г., – так как в стране отсутствовали политически оформившиеся общественные группы, готовые отстаивать свои интересы... Когда у народа достаточно сил и энергии провести прогрессивные преобразования, революционеры излишни, когда же таковые условия отсутствуют, то революционеры бесполезны»¹⁷. Тем самым он почти дословно повторил (и несколько расширил) сказанное некогда Л.А. Тихомировым о террористах¹⁸. Однако, в отличие от бывшего народовольца, ставшего монархистом, историк не сомневался в необходимости политической свободы для развития страны.

Исследовательская манера Пелевина ярко выразилась в статье о Н.В. Клеточникове – знаменитом агенте Михайлова и народовольцев сначала в III отделении Собственной е.и.в. канцелярии, а потом и в Департаменте государственной полиции МВД¹⁹. Не скрывая симпатии к революционеру, Юрий Александрович честно отметил, что, будучи арестованным в январе 1881 г., Клеточников дал довольно откровенные показания (отягчившие, в частности, участь народовольца А.Б. Арончика), от которых затем отказался на суде в феврале 1882 г. На самом процессе и в заключении, вплоть до смерти 13 июля 1883 г., он держался мужественно²⁰.

Пелевин был твёрдо убеждён в том, что террористические акты конца 1870-х – начала 1880-х гг. (в том числе и убийство Александра II) изучены недостаточно. Их освещение, по его мнению, требует обстоятельного рассказа не только о самом покушении, удавшемся или нет, но и о его причинах, о человеке, на которого покушались, обо всех – прямых или косвенных – участниках нападения, о его подготовке (слежке, изготовлении динамита и т.д.) и последствиях, включая судьбу причастных к нему лиц, реакцию властей, разных слоёв общества, революционной среды и проч.²¹ Так, в статье «Казус Засулич», представляющей собой по сути небольшую книгу, он подробно, используя обширный круг документов, пишет о порке по приказу Ф.Ф. Трепова в Доме предварительного заключения 13 июля 1877 г. осуждённого по делу «Казанской» демонстрации А.С. Емельянова (Боголюбова), характеризует личность столичного градоначальника, жизненный путь и духовный облик В.И. Засулич, сообщает об обстоя-

¹⁶ Пелевин Ю.А. Социально-экономические воззрения А.Д. Михайлова. С. 55–56.

¹⁷ Пелевин Ю.А. Александр Дмитриевич Михайлов. С. 66.

¹⁸ См.: Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером // Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 27.

¹⁹ Пелевин Ю.А. Николай Васильевич Клеточников // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 53–77.

²⁰ Там же. С. 65–72. См. также: Троицкий Н. Подвиг Николая Клеточникова // Прометей. Т. 9. М., 1972. С. 57–76.

²¹ Юрий Александрович успел опубликовать пять очерков, в той или иной степени касающихся террора 1878–1881 гг.: Пелевин Ю.А. Казус Засулич // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 60–78; № 2. С. 52–70; № 3. С. 69–77; № 4. С. 41–61; он же. Желябов и другие лица: покушение под Александровском // Российская история. 2015. № 5. С. 78–99; он же. Красный сундук в доме Сухорукова // История в подробностях. 2012. № 12. С. 16–26; он же. Наблюдательный отряд // Там же. С. 28–33; он же. Степан Халтурин, «Народная воля» и покушение на Александра II в Зимнем дворце // Новый исторический вестник. 2011. № 1. С. 73–89. Статью о взрыве в Зимнем дворце Пелевин впоследствии признал неполной и собирался переработать. Отдельные главы его незавершённой монографии посвящены убийству шефа жандармов Н.В. Мезенцева, покушению на его преемника А.Р. Дрентельна, а также террористическим актам, совершённым на юге России в 1878 г. группой В.А. Осинского.

тельствах совершённого ею 24 января 1878 г. покушения, о предыстории и ходе состоявшегося 31 марта судебного заседания, реакции на вынесенный приговор, указывает на ужесточение политического режима и рост террористических настроений, прослеживает последующую судьбу Трепова и Засулич²². При этом «итоги и перспективы» оказываются довольно безрадостными: «В стране отсутствовали правовые механизмы, регулировавшие отношения личности и государства. Но беззаконие нельзя преодолеть, а тем более искоренить другим беззаконием. Насилие невозможно победить насилием, ибо его суть останется прежней... На правительственный террор, исходивший из царского дворца, революционеры ответили тем же из подполья. Получался порочный круг – змея, кусавшая свой хвост»²³.

Своеобразным ответом на революционный террор стало возникновение тайной монархической организации «Священная дружина» (или «Святая дружина», как обычно называли её современники). Она не могла не заинтересовать Пелевина²⁴. Среди её создателей и руководителей были министр императорского двора и уделов (с августа 1881 г.) граф И.И. Воронцов-Дашков, граф П.П. Шувалов, молодой С.Ю. Витте. «Дружинники», действовавшие с середины марта 1881 г. по декабрь 1882 г., видели свою задачу в обеспечении надёжной охраны императора, противодействии революционерам, вплоть до слежки за ними и даже физического устранения их лидеров, находившихся в эмиграции, а также в идеологической борьбе с народовольцами. В Женеве для дискредитации революционного движения «Дружина» издавала две газеты – либеральное «Вольное слово» (ведущим публицистом которого являлся проживавший в Швейцарии известный либерал и украинофил М.П. Драгоманов) и ультрареволюционную «Правду». Пелевин внимательно рассмотрел заграничную работу «дружинников», сумевших устроить большую агентурную сеть. Как и Богучарский, он полагал, что у «Дружины» имелось довольно значительное либеральное крыло (наличие его решительно оспаривал М.К. Лемке). Более того, по мнению Юрия Александровича, именно конституционализм части «дружинников» стал одной из причин роспуска организации²⁵. В то же время, как и Лемке, Пелевин, вопреки Богучарскому, утверждал, что Драгоманов отлично сознавал, с кем имел дело, но надеялся использовать ситуацию для проповеди своих идей, которыми ни разу не поступился²⁶.

У Юрия Александровича было много научных планов, оставшихся, к сожалению, неосуществлёнными. У него сложилось самостоятельное видение истории народничества, основанное на скрупулёзном знании как опубликованных, так и архивных источников, и часто расходящееся с привычными концепциями. Исследователи ещё не раз будут обращаться к его работам, а нравственный долг коллег и близких – подготовить к печати завершённую им часть монографии «Александр Михайлов и его революционная эпоха».

²² Пелевин Ю.А. Казус Засулич // Вопросы истории. 2015. № 1–4.

²³ Там же. № 4. С. 57–58.

²⁴ Пелевин Ю.А. «Священная дружина» против народовольческой эмиграции // «Будущего нет и не может быть без наук...»... С. 604–634.

²⁵ Там же. С. 608, 628, 632–633; Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», её судьбы и гибель. М., 1912. С. 404, 437–438; Лемке М.К. Святая дружина Александра III (Тайное общество борьбы с крамолой). 1881–1882 годы. По неизданным документам. СПб., 2012. С. 45, 319, 740.

²⁶ Пелевин Ю.А. «Священная дружина»... С. 621–626; Богучарский В.Я. Указ. соч. С. 417, 421, 426; Лемке М.К. Указ. соч. С. 444, 584, 650, 740–741, 814.

Узнав о смертельной болезни Н.А. Троицкого, которого он, несмотря на все разногласия и расхождения в оценках, глубоко уважал как «подвижника изучения народничества», Пелевин написал мне 28 марта 2014 г.: «Уходят Титаны! Знаете, в чём наша беда? В том, что нам не на кого из живых равняться, не с кем мериться, соглашаясь или противоборствуя». То же самое можно сказать теперь и о Юрии Александровиче. Такого блистательного исследователя и энтузиаста своего дела среди нас больше нет. Но нам следует помнить о том, что «для научного подвижничества сейчас лучшее время», как с оптимизмом и не без иронии писал 19 июля 2014 г. Ю.А. Пелевин.

Российское общество в годы Первой мировой войны

Ирина Пушкарёва

Russian society during the First World War

Irina Pushkareva (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

30 сентября – 3 октября 2014 г. в Москве состоялась международная научная конференция «Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918», организованная Институтом российской истории РАН, Государственным историческим музеем, Федеральным архивным агентством и Российским историческим обществом. Этот форум стал крупнейшим событием последних десятилетий в отечественной исторической науке. В работе его 7 секций участвовали более 120 представителей научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга и ещё 20 регионов Российской Федерации, а также 11 стран «дальнего» и «ближнего» зарубежья¹. По материалам конференции издан сборник², примерно в 100 статьях которого представлены различные аспекты эволюции российского общества с начала Первой мировой войны до февраля 1917 г. Концепция и структура сборника коррелятивны мировой историографии проблемы «Война, человек, общество», а его статьи – последним исследованиям, в числе которых коллективная монография историков Москвы, Санкт-Петербурга и других городов, изданная ИРИ РАН³.

По мнению членов редколлегии сборника, обращение к историческим событиям, связанным с демократической революцией в России, должно было предоставить читателю возможность лучше разобраться в пружинах развития общества тех лет, когда энергия не завершённых в нём перемен

© 2016 г. И.М. Пушкарёва

¹ В конференции участвовали учёные Великобритании, Франции, Германии, Польши, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Литвы и Украины.

² Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: материалы междунар. научн. конф. (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / Отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2014. 712 с., 16 л. ил. (далее – Россия. 1914–1918).

³ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014 (далее – Россия в годы Первой мировой войны).

сломала скорлупу старой государственной системы. Авторы статей имели цель представить синергетические процессы глобального характера, без которых невозможно понять мировое значение происходившего в 1917 г. в России⁴.

В сборнике впервые на конкретном материале комплексно представлена асинхронность накапливавшихся в российском обществе с довоенного времени политических процессов и противоположных интересов. В основе последних лежали столкновения, происходившие внутри подвергшихся в войну сильнейшей социальной мутации различных «старых» и «новых» социальных страт. Стремление авторов увидеть в целом внутреннюю жизнь страны военных лет позволяет найти ответы на вопросы, давно заданные учёными. Не сразу уловимые очертания нового проявляются из пестрой плоти прошлого. В том, что это происходит в борьбе с готовностью исследователей «помнить по заказу», и состоит ценность обращения к истории общества в качестве научной проблемы.

Помимо традиционной информационной базы (архивные документы, периодическая печать и т.д.), к исследованию в качестве исторического источника привлечены книги и статьи современников судьбоносных событий начала XX в. – философов, учёных, политиков. Осмыслив их взгляды, авторы уделили особое внимание идеологии, поведенческой практике разных слоёв общества, многообразию его предреволюционной жизни. Все материалы издания объединяет стремление показать начавшиеся во время Первой мировой войны изменения форм жизнедеятельности людей и их отношения при переходе от традиционного общества (аграрного, патриархального) к прогрессивному (индустриальному).

В большинстве статей внимание сконцентрировано на «проблемных точках» развития социально-политических и социально-экономических процессов. Лейтмотивом сборника является реакция общества на Первую мировую войну, а концепцией – продолжение переосмысления политической истории России, курс которому был задан в 1970-е гг., и, как предсказывали тогда участники дискуссий, оно могло стать плодотворным как «доминирующий способ изучения российского прошлого»⁵. Рабочей гипотезой в издании стала история ожидания большинством населения царской России перемен в её общественной жизни, которые должны были произойти, возможно, и не революционным, а эволюционным путём. Однако это не является следованием «единственно правильному интеллектуальному абсолютизму – либерализму», как в советские времена марксизму-ленинизму, платой за который оказался постмодернизм, поставивший под сомнение саму необходимость существования истории как науки⁶.

Материалы издания подтвердили необходимость использования разносторонних подходов в изучении общества и открыли десятки новых направлений будущих исследований – от полифонии мнений представителей различных слоёв многонационального российского общества до описания состояния государственных учреждений в годы войны.

Остановимся на представленных в сборнике происходивших тогда в Российской империи трансформациях социальной структуры, изменениях в духовной

⁴ Булдаков В.П. Россия, 1914–1918 гг.: война, эмоции, революция // Россия. 1914–1918. С. 21.

⁵ Советская историография. Книга вторая / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 379.

⁶ Пушкарёва И.М. Рабочее движение в России в годы Первой мировой войны (историографические заметки) // Российская история. 2015. № 3. С. 91.

(интеллектуальной) сфере общества. Эти направления, отражённые в статьях, не только определяют новые подходы в историографии, но и подтверждают особенность исторического развития страны тех лет при сохранении «старого», традиционного общества во всех сферах, подверженных процессам модернизации.

Посвящённые российскому обществу исследования – своего рода «вызов» старым схемам истории первого периода войны. В центре внимания историков оказалась принципиально новая область – стратификация общества, которая в советской историографии была трудно совместима с жёсткими социологическими классовыми категориями. Она, как и дифференциация, благодаря кибернетике оказалась необходимой в гуманитарных науках в России. Получив отражение в фундаментальной разработке сословно-классовой структуры российского общества⁷, дифференцированный подход показал внутреннее разнообразие социальной системы страны, что, в свою очередь, позволило получить представление о состоянии российского общества, готового и к революции. «Война, – отмечает Н.А. Иванова, – прервала и деформировала органическое развитие общества, сделав главным влияние внешних факторов... при усилении сословного и ослаблении классового начала»⁸.

Происходившая в годы войны социальная мутация не означала прекращения движения российского общества по пути социального прогресса и не прерывала процесса модернизации. Если раньше (по марксистской схеме) причины революции выводились непосредственно исходя из социально-экономического положения страны, то возникает вопрос: не является ли это влияние опосредованным с учётом особенностей развития общества и его взаимодействия с государством? Востребованное сегодня и акцентированное в сборнике внимание к проблемам политической культуры общества выступает в данном случае как инструмент осмысления его интеллектуального и духовного состояний, а также деятельности в военное время людей, принадлежавших к разным социальным стратам. Авторы попытались дать ответ на этот вопрос, пересмотрев устоявшиеся схемы советской историографии, обращаясь не только к классам, но и к сословиям российского общества, вовлечённым в «разнонаправленность социальных процессов и в их равнодействующую в годы войны».

Старая система социальных отношений существовала в России благодаря тысячелетней традиции и православной вере, но шаг за шагом модернизация формировала сферу гражданской деятельности. Считается, что «классовая структура претерпела в годы войны наибольшие изменения в результате значительного разрушения рыночной экономики», что предполагало конгломерат социальных отношений и далеко неоднозначную дифференциацию низших, высших классов и сословий общества.

О своих правах заявили новые, рождённые войной, социальные слои – женщины-солдатки, беженцы, участники протестов, разные группы людей, объединившихся против дороговизны, и др. Вслед за ними поднялись сельские сословия – в связи с приостановкой работ землеустроительных комиссий, усилением роли общины при решении вопросов, связанных с переделом земли и

---

⁷ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004; *они же*. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.). М., 2009.

⁸ Иванова Н.А. Старые структуры и новые страты (влияние войны на социальные процессы в России) // Россия. 1914–1918. С. 105.

неравноправием. Среди купцов и ремесленников, державшихся, как казалось, за сохранение давно установленных регламентаций, в 1915 г. «наметился переход к имущественному цензу»⁹.

Заметным становилось расслоение «старого» класса землевладельцев. Часть их довольно агрессивно (через правых) пыталась укрепить свои консервативные политические позиции. Определённый их слой искал сторонников среди торгово-промышленной буржуазии. Движение аграрного российского общества к индустриальному не прекращалось, хотя в источниках процесс, «менявший лицо аграриев», с трудом просматривается сквозь толщу традиционности, что подтверждается при описании Н.Ф. Тагировой и другими авторами «хлебной ценовой ситуации»¹⁰.

Но необратимое развитие общества, совершавшееся в годы войны при всём «балласте прошлого»¹¹, формировало новый его тип, чему не мешало использование принудительного труда. Своим массовым появлением в новом облики после, казалось, забытого крепостничества, он был «обязан» милитаризации, использованию в производстве мобилизованных квалифицированных рабочих, беженцев и военнопленных. При их низкооплачиваемой (или почти не оплачиваемой) работе «основная сумма производства и прибыли доставалась крупным и крупнейшим предпринимателям, имевшим оборонные заказы»¹². Благодаря этому набиравшему силу новому слою буржуазии, отмечает П.А. Кюнг, расширялось промышленное производство (химическое и др.), строились предприятия¹³, т.е. в стране продолжалась индустриализация как основа ведущих секторов промышленности.

Материалы сборника обозначили растущие во время войны потоки социальной напряжённости. На низших ступенях общественной иерархии они формировались среди социально неустроенных беднеющих слоёв. Возрастание применения женского труда во всех производственных сферах, делает вывод П.Н. Щербинин, вызывало обострение гендерных асимметрий с чётко обозначенным неравенством женщин (оплата труда, места работ и т.д.).

В некоторые месяцы 1915–1916 гг. протесты социализированных групп женщин-солдаток¹⁴ против дороговизны были заметнее, чем стачки рабочих на предприятиях. Подобные выступления стали частью и «многомерной социальной стратификации, деклассирования», «усиливавшейся маргинализации в годы войны российского населения, особенно его низших слоёв». Этот процесс сопровождался «складыванием их общих интересов в условиях всё большего обострения с 1914 по 1917 г. основных социальных противоречий»¹⁵. Беспомощность правительства в решении социальных проблем объединила все протестные движения созданных войной лишенцев прав и человеческих условий жизни.

⁹ Там же. С. 105–106.

¹⁰ Тагирова Н.Ф. Процесс разрушения аграрного рынка и его последствия для сельского хозяйства России // Россия. 1914–1918. С. 446.

¹¹ Милуков П.Н. Очерки истории русской культуры. М., 1992. С. 29–31.

¹² Иванова Н.А. Старые структуры и новые страты... С. 108.

¹³ Кюнг П.А. Трансформация экономики Российской империи в период Первой мировой войны // Россия. 1914–1918. С. 410, 412.

¹⁴ Щербинин П.П. Особенности проявлений патриотических настроений в общественном сознании населения России в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.: региональное измерение // Там же. С. 255–257.

¹⁵ Иванова Н.А. Старые структуры и новые страты... С. 110.

На фоне продолжавшейся в стране урбанизации социальный антагонизм сильнее всего проявлялся в крупных городах. В первый период войны росла абсолютная и относительная численность населения в городах, где появились люди из сельской местности, уставшие от неустроенности деревенской жизни и разорённые кустарным промыслом¹⁶, а также десятки тысяч беженцев. Это создавало для государственных и местных органов управления, общественных организаций «новые проблемы проживания, трудоустройства, материального обеспечения, медицинского обслуживания и др.»¹⁷.

Сбои в снабжении городов, рост цен на продукты и товары первой необходимости стали причинами протестов малоквалифицированных рабочих, пополнивших армию наёмного труда, а также тех, кто не был связан с оборонным производством (их реальная зарплата при растущей дороговизне была почти «заморожена») ¹⁸. Высокооплачиваемыми являлись лишь рабочие и служащие военных предприятий¹⁹. Однако и там росло недовольство из-за нечеловеческого напряжения на производстве и повседневного ущемления прав людей. Дело в том, что «инвестирование» новых экономических трудовых отношений происходило на фоне сохранившихся докапиталистических укладов и порядков. К тому же город, всегда враждебный всякой патриархальности, создавал новые принципы организации социальной жизни, менял социально-духовное лицо общества.

Социальная напряжённость возникала и в высших сферах власти. Старая дворянская элита стремилась сохранить там своё влияние, а также близость к казне, выступая против набиравшего силу слоя промышленников и банкиров. Парадоксальность ситуации состояла в том, что стремительно растущие личные блага капиталистов, основанные на прибылях, которыми они предпочитали не делиться с обществом, являлись производной их ответственности лишь за обеспечение армии в годы войны.

В сборнике представлена острота столкновений в обстановке общей социальной напряжённости – соперничество разных групп промышленников (статья П.А. Кюнга; таблицы роста акционерного учредительства, инвестиционной активности в производстве и т.д.)²⁰. В принадлежавших банкам новых особняках, возведённых в стиле модерн, группы финансистов участвовали в операциях по созданию концернов, охватывающих жизненно важные сферы российской экономики. Эта часть общества, отмечает Ю.А. Петров, не считала своё положение в стране достаточно прочным²¹. Ближе к 1917 г. более прозорливые отечественные банкиры и промышленники, опасаясь самого слова «революция», не могли не связывать её с ростом массовых протестов, особенно политических стачек. Глава Русско-Азовского банка А.И. Путилов, якобы, произнёс следующие слова: «Революция неизбежна, ждёт только повода, чтобы вспыхнуть. Поводом послужит военная неудача, народный голод, стачка в Петрограде, мятеж в Москве, дворцовый скандал... всё равно»²².

¹⁶ Козлов С.А. Крестьянское хозяйство Центрально-Нечерноземной России в годы Первой мировой войны // Россия. 1914–1918. С. 456–460.

¹⁷ Иванова Н.А. Старые структуры и новые страты... С. 110; она же. Демографические и социальные процессы // Россия в годы Первой мировой войны. Ч. II. С. 221.

¹⁸ Володин А.Ю. Русский рабочий в тылу Великой войны // Россия. 1914–1918. С. 443.

¹⁹ Иванова Н.А. Демографические и социальные процессы. С. 245–252.

²⁰ Кюнг П.А. Указ соч. С. 415.

²¹ Петров Ю.А. Финансовое положение до Февраля 1917 г. // Россия в годы Первой мировой войны. Ч. III. Гл. 5. С. 395.

²² Палеолог М.С. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 177–178.

При освещении проблемы назревания в российском обществе буржуазно-демократической революции в первый период войны нельзя обойти вниманием поведение финансово-промышленной буржуазии. Т.И. Трошина подчёркивает «историческую» зависимость от правительства российской предпринимательской буржуазии, усилившейся во время войны благодаря получению оборонных заказов. За спиной царизма группы капиталистов стремились к национальному лидерству, но это желание не получило того значения, которое поменяло бы ситуацию в стране. «Переключение... с общегосударственных интересов на узкоклассовые и эгоистические», отмечает автор, приводило «к падению доверия к ней как со стороны властных структур, так и населения»²³. Российский капитализм с помощью государства хотел обеспечить себе господство над аграрно-крестьянским миром, с его высокой рождаемостью и низкими потребностями материальных благ.

В материалах конференции были представлены противоречивые социально-экономические процессы, взломавшие государственную систему, «горячие точки» конкурентной борьбы среди капиталистов. «Ослабление» «классового начала» новой предпринимательской буржуазии выразилось в появлении в её среде массы алчных конкурирующих групп, нацеленных на прибыль, а при распределении оборонных заказов – на государственную казну. Причём одни предприниматели, как отмечает М.К. Шаццлло, для достижения своих целей использовали патриотическую риторику, другие – недобросовестную конкуренцию, третьи выигрывали «на формах снабжения армии» и т.д. Конкуренция усилилась между промышленной и торговой буржуазией, а также внутри последней – при деградации прежнего рынка²⁴. Каждая из её групп, связанных со снабжением населения, устанавливала свою монополию, повышая цены на продукты и товары массового спроса. Проигрывало в этой ситуации нищавшее население, особенно больших городов. Недовольной оказалась и местная власть, которой пришлось «отдуваться» за общественную напряжённость, иметь дело с растущими протестами, а в ряде случаев с «голодными бунтами».

«Старая», в основном старообрядческая, буржуазия, по словам Г.Н. Ульяновой, стремилась смягчить растущее раздражение в обществе, занимаясь благотворительностью в пользу жертв войны. Эта помощь не касалась массы бедного трудового населения и была каплей в море по сравнению с тем, что делали в этом направлении общественные союзы, тратя государственные деньги²⁵, что, как и многое другое, связанное с их деятельностью, раздражало правых – консерваторов²⁶.

В сборнике дан широкий интеллектуальный срез жизни российского общества. Внимание привлечено к взглядам не только малоизвестных революционных деятелей, но и других представителей общественно-политической мысли, к идейности различных социальных страт. Новые источники (например, 56-томное издание документальной серии по истории политических партий) позволяют сегодня показать общество рассматриваемого периода как анклав политических

---

²³ Трошина Т.И. Утраченный план: национальная буржуазия в условиях Первой мировой войны (на материалах Европейского Севера России) // Россия. 1914–1918. С. 427.

²⁴ Шаццлло М.К. Внутренняя торговля и снабжение населения в период Первой мировой войны // Там же. С. 472–478.

²⁵ Ульянова Г.Н. Благотворительная помощь общества жертвам войны в 1914–1918 гг. // Там же. С. 234–235.

²⁶ Иванов А.А., Репников А.В. Русские консерваторы: взгляд на проблемные точки Российской империи в годы Первой мировой и войны (1914–1917 гг.) // Там же. С. 157.

идей и взглядов, цели и деятельность лидеров ведущих политических партий. Воззрения этих людей, отражённые в их философских, экономических и политических трудах, приоткрывают мало исследованную часть духовной сферы общества. Известно, что война довершила процесс деструкции многопартийной системы²⁷, что выразилось в активности общественности, характерном для всех партий росте плюрализма мнений, в разбросе взглядов партийных лидеров относительно теории, стратегии и тактики их деятельности.

Авторы затронули важные вопросы, связанные с идеологией, свойственной гражданскому обществу, обсуждением его состояния в интеллектуальных верхах. Показано, что столкновения мнений представителей различных социальных групп в отношении значимых для страны событий и явлений во время войны лишь подтвердили факт движения России к гражданскому обществу.

Советская историческая наука обращала внимание преимущественно на идеологию революционного рабочего класса, свойственную левым социал-демократам. Однако дифференцированный подход к партиям и классам представляет особую ценность для исследования проблем, связанных с раскладом политических сил и состоянием всего российского общества в годы войны. Так, например, в работах философа социал-демократа А.А. Богданова (статья А.Ю. Морозовой) «сближены» экономика и политика, показана эволюция общества военного периода как система, «части которой взаимосвязаны, испытывая давление, как центростремительных, так и центробежных сил». При этом идеология «выполняет организующую роль в общественной жизни», а «характерной чертой мировой войны» было то, что даже в этой сфере «она развернулась в настоящую катастрофу»²⁸.

В 1990-е гг. в ходе международных коллоквиумов историки часто спорили о «заражённости» патриотизмом рабочего класса России в годы войны. Существует мнение, что «составителям царского Высочайшего манифеста удалось подобрать удачные образы, запоминающиеся слова, которые нашли отзвук в сознании многих жителей империи»²⁹. Этого нельзя сбрасывать со счетов. Но категория патриотизма – из числа неопределённых понятий. Виды его проявления – любовь к дому (стране) и ненависть ко всему инородному – могут и не совпадать. На сей счёт интересно представленное в сборнике мнение того же Богданова. Учитывая состояние обществ в годы мировой войны, он писал о «крушении» в них «привычных рамок классовых идеологий». «Почти весь пролетариат мгновенно изменил интернациональной точке зрения, без критики стал на точку зрения официальной, патриотической идеологии, – повсюду в своей массе пошёл за буржуазией», хотя он «по мере выработки своего коллективного сознания», в отличие от «буржуазных классов», «отрицательно» относился к милитаризму и национализму. Пролетариат «не мог не подчиниться физически – не идти на войну, саботировать промышленную мобилизацию и пр., как в обычных условиях не мог уклоняться от эксплуатации вообще. Его тело принадлежало классу капиталистов – но он тут же отдал и душу, приняв военную идеологию, сделав

²⁷ Иванов А.А. Консервативные партии // Россия в годы Первой мировой войны. Ч. V. Гл. 1. С. 519–559.

²⁸ См.: Морозова А.Ю. А.А. Богданов о Первой мировой войне как определяющем факторе социально-экономического и общественно-политического развития России // Россия. 1914–1918. С. 186.

²⁹ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы войны. М., 2010. С. 84.

войну не просто вынужденным для себя, но своим делом». Рабочие «прибегли» к чужой, буржуазной, культуре, «к подчинению практическому присоединилось рабство идеологическое». «Коллективно-трудовая идеология далеко ещё не представляла из себя (так в тексте. – *И.П.*) сложившейся систематизированной культуры». «Идеологическая основа» пролетариата словно зашаталась, но под влиянием сложившихся обстоятельств война «дала величайшее в истории разоблачение капитализма», и по мере того, как в сознании рабочих стали отражаться негативы военного бытия, менялись их психология и поведение³⁰. Участниками стачек скоро стали социально «прозревающие» рабочие, чувствовавшие различие между патриотизмом «своим», оплаченным кровью, и – буржуазии, во всех странах обогащавшейся на войне.

Новое в методике и подходах исследователей идеологической сферы позволяет уточнить место классов и сословий в обществе, рабочих – в политическом движении, социальное содержание их протестов в годы войны. Российское рабочее движение в XX в. представляется в сборнике частью «общего» наряду с женским, национальным и другими «движениями», поскольку, по мнению социологов, все они формируют «представление человека о своём месте в обществе и в мире в целом»³¹.

Опуская «классовую оптику» в представлении общества в годы войны, авторы сборника не обошли вниманием актуальную сегодня проблему социального неравенства³² и прежде всего – рабочего класса (вместе с семьями – примерно 1/5 населения страны). Его материальное положение (особенно в крупных городах) было худшим по сравнению с другими городскими слоями, также страдавшими от милитаризации труда, снижения реальной заработной платы, нарастания ухудшения условий жизни. Более 700 стачек, прошедших с начала войны до революции 1917 г. – лишь вершина «айсберга» протестов и возмущений рабочих в России. Большинство из них, боясь потерять заработок, предъявляли требования, не прекращая работы, – таков вывод американских исследователей, изучивших периодичность того времени³³. Более 3 млн человек (включая февраль 1917 г.) были вовлечены в открытые общественные протесты с прекращением работы – стачки, из которых 37% являлись политическими. Часть участвовавших в них рабочих активно выступала против войны³⁴. Заряженная политикой напряжённая атмосфера промышленных рабочих окраин влияла особым образом на духовную составляющую городских обществ в России.

В годы войны словосочетание «русские рабочие» приобрело новое звучание не только в риторике социал-демократов, но и в «реалиях мобилизационной экономической политики» Российской империи, подчёркивает А.Ю. Володин³⁵

³⁰ Морозова А.Ю. Указ. соч. С. 187, 189.

³¹ Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993. С. 32.

³² По замечанию известного итальянского политолога и историка К. Гинсбурга, «мы по-прежнему живём в обществе, в котором неравенство бросается в глаза, и во многих случаях это неравенство становится всё более кричащим» (*Лейбин В., Константинов А., Рогожников М.* Назад к победе коммунизма! Есть ли жизнь после капитализма // Русский репортёр. 2015. № 16. 9–23 июля. С. 12).

³³ *Rosenberg W., Koenker D.* Strikes and Protest in Revolutionary Russia: Worker Activism in Petrograd and Moscow between February and October 1917 // *Annali Anno Ventesettesimo 1990/1991. Strikes, Social Conflict and the First World War. An International Perspective.* Milano, 1992. P. 492.

³⁴ *Пушкарёва И.М.* Рабочие России в годы Первой мировой войны: историческая реальность и проблемы её изучения // *Россия. 1914–1918.* С. 432–438; *Володин А.Ю.* Указ. соч. С. 440–445.

³⁵ *Володин А.Ю.* Указ. соч. С. 444.

вслед за немецким философом, профессором Э. Юнгером. Последний являлся автором теории о «гешталте рабочего», что означало появившуюся в войну новую «действенную величину» (она определялась философскими понятиями «социальный образ», «облик рабочего как представителя наёмного труда»), начавшую «могущественно вмешиваться в историю» и с присущим ей коллективизмом «повелительно определять формы изменённого мира»³⁶.

Такой взгляд на рабочее движение в России укоренился в мировом общественном сознании на исходе начального периода войны. Советская историография соответственно ввела понятие «роль революционной рабочей партии», убеждая в необходимости признания огромного значения её агитационно-пропагандистской и организационной деятельности.

Сегодня доказано и повторено в статьях данного издания, что в тот период в марксистской рабочей партии меньшевики и большевики не отличались по социальному составу, а решение теми и другими демократических задач «не было отделено китайской стеной»³⁷. С этим в своё время столкнулись составители сборника социал-демократических листовок. Читая их сегодня, трудно разобраться, какая фракция рабочей партии выпустила тот или иной агитационный листок, «уловить» революционность тактики большевиков, оказавшихся вне закона за свои публичные выступления против войны в Государственной думе (меньшевики же сохраняли там свою фракцию).

Материалы конференции дают представление о влиянии и революционных, и либеральных идей на общество – по их информационным возможностям на основании изданий, там циркулировавших и оставлявших след в разных группах населения. Дело не в том, что левым социал-демократам, социалистам нравились баррикады и пороховой дым восстаний. Они концентрировали внимание на объективных причинах, препятствовавших развитию в России гражданского общества. Смысл их действий состоял в нетерпении, чтобы как можно скорее убрать главное – самодержавную власть. Ту же задачу решали и издания всех левых социалистов, рассчитанные на разговор с массами. Считается, что до 600 их наименований с июля 1914 г. по февраль 1917 г. выпустили в свет социал-демократы (большевики). Одних листовок, общим тиражом до 2 млн, они распространили не менее чем в 100 городах. К февралю 1917 г. большевиков было приблизительно 24 тыс., некоторые из них причислили себя к этой партии в результате опроса, прошедшего уже после революции. Их нелегальные организации (скорее группы) были обнаружены тогда полицией в 29 городах и 200 других населённых пунктах страны³⁸. Большевики, как и преследуемые охранкой большевики, стремились войти в легальные общественные организации (кооперативы, профсоюзы, страховые кассы и проч.). Эсеры представляли, по словам современников, «рассыпанную храмину»³⁹, но агитацию вели, нередко присоединяясь к социал-демократам. По подсчётам американского исследователя, за период войны, до Февральской революции 1917 г., эсеры издали свыше 100 антивоенных листовок⁴⁰.

³⁶ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. СПб., 2000. С. 60.

³⁷ Тютюкин С.В. Социалистические партии // Россия в годы Первой мировой войны. Ч. V. Гл. 3. С. 600.

³⁸ Пушкарёва И.М. Рабочие России в годы Первой мировой... С. 435.

³⁹ Морозов К.Н. Первая мировая война в судьбах партии социалистов-революционеров // Россия. 1914–1918. С. 177.

⁴⁰ Melancon M. The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti-War Movement. 1914–1917. Ohio, 1990. P. 124–155.

Тяга народа к таким изданиям оказалась закономерной: эта часть общества давно была инфицирована содержащимися в листовках идеями социализма. Война пугала «полнейшей неизвестностью относительно её целей», «опасения вызвало то, что она ведётся во имя завоевательных задач, рождает естественную тревогу, что страшные жертвы народа идут на неправоё дело, что народ подвергается истощению не во имя самозащиты, а во имя интересов, чуждых и враждебных народу»⁴¹.

Воздействие на россиян революционных изданий, считает О.С. Поршнева, было в сотни раз меньше того, что вкладывалось в их головы с начала войны официальной печатной продукцией, отражавшей концепцию освободительной войны против «тевтонского варварства»⁴². Как отмечает Л.С. Гагагова, за первые пять военных месяцев вышло в свет около 600 книг ура-патриотического характера, изданных в основном для народа в жанре лубка⁴³. «Образ врага» в немецком облики формировался в церковных проповедях, газетах, кинематографе и на театральных подмостках. Мощным пропагандистским ресурсом стали сатирические материалы. Этот новый, ранее мало использованный источник, в красках представлявший российское общество периода мировой войны, проанализирован в сборнике⁴⁴.

Важно, что в нём затронуты темы, связанные с идеологическим воздействием на общество официальной пропаганды (они обсуждались на научных конференциях ещё в конце 1960-х гг.)⁴⁵, а также с появлением в первые дни войны антивоенных настроений, которые уловила революционная социал-демократия, сформулировав соответствующие призывы и лозунги, обращённые к демократическим слоям общества⁴⁶.

Война меняла менталитет и психологию людей, проявляясь в их поведении, а также в событиях государственной и общественной жизни. Как отмечал Богданов, результатом влияния «удельного веса армии и фронтовых отношений в жизни общества» стало появление «авторитарных элементов» в энергетике городского населения, усиление авторитарности в идеологии⁴⁷.

В другой среде разноформатных общественных отношений идейность по-

---

⁴¹ Цит. по: Поршнева О.С. Эволюция общественных настроений в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1917 г.) // Россия. 1914–1918. С. 139; она же. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 103–116.

⁴² Поршнева О.С. Эволюция общественных настроений... С. 135.

⁴³ Гагагова Л.С. Запад как союзник в вербальных и визуальных образах книжной серии «Мировая война в рассказах и иллюстрациях» (1915 г.) // Россия. 1914–1918. С. 562–563.

⁴⁴ Рыбачёнок И.С. Политическая карикатура как элемент информационной подготовки Первой мировой войны; Семёнова Е.Ю. Сатирические материалы в региональной периодической печати как информационный ресурс по формированию настроений тылового населения в годы Первой мировой войны; Жердева Ю.А. Чрезвычайная следственная комиссия сенатора А.Н. Кривцова и её роль в формировании визуальной культуры войны; Казакова О.Ю. «Наши дорогие дикие друзья»: образ Восточного фронта во французской иллюстрированной прессе (1914–1917 гг.); Филитова Т.А. «Враг с Запада» – «Враг с Востока»: образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике эпохи Первой мировой войны; Четвайкина Н.Н. Эволюция «образа врага» в российском обществе в годы Первой мировой войны (по материалам фондов Государственного исторического музея); Братолобова М.В. Карикатура в донских газетах и журналах периода Первой мировой войны: особенности визуализации «образа врага» // Там же. С. 522–562.

⁴⁵ Иванов Л.М. Идеологическое воздействие на пролетариат царизма и буржуазии // Российский пролетариат. Облик. Борьба. Гегемония. М., 1970. С. 317–366.

⁴⁶ Пушкарёва И.М. Рабочие России в годы Первой мировой... С. 438.

⁴⁷ Морозова А.Ю. Указ. соч. С. 187.

мещиков-землевладельцев, православного духовенства и монархистов, наиболее остро воспринимавших крушение «старого мира», авторитарно искала «рецепты для предотвращения надвигавшегося революционного взрыва»⁴⁸, – отмечают А.А. Иванов и А.В. Репников. Подавляющее большинство консерваторов находилось «в стороне от ультраправых монархистов», но среди умеренных правых рождались «фобии» авторитарного воинствующего национализма. Под их влиянием были изданы правительственные указы против лиц немецкого происхождения, на основании которых началось выселение тысяч семей с мест их давнего проживания в южных районах России. Парадокс заключался в том, что германофильство правых вредило «онемеченной» императорской семье, – тому, что охраняли консерваторы. Последним служили сохранившие жизнеспособность традиционные формы хозяйствования, поддерживаемые государственным устройством. Даже умеренные группы консерваторов, боровшиеся за политическое лидерство внутри своей страты, чувствуя рост новых общественных сил в стране, третировали всё, что было связано с развитием рынка как сферы товарного обращения. В эту категорию попадала казённая помощь частным оборонным предприятиям. Стремясь сохранить свои ценности, правые с присущим им «специфическим консерватизмом» призывали правительство противодействовать «наживавшейся на войне» торгово-промышленной буржуазии («разжиревшим либеральным купцам»). О «социальной безответственности» и «пренебрежении национальными интересами» именно этой группы в обществе заявляли правые консерваторы. Им «зачастую удавалось верно определить “проблемные точки”, угрожающие монархии и империи, критиковать своих политических противников..., но сами они не могли предложить действенные рецепты для выхода страны из кризиса и спасения самодержавия от краха», изменить ход событий и поступь времени.

Правых консерваторов никогда не беспокоило положение в обществе низших слоёв. Рост стачек во время войны побудил их требовать сурового отношения власти к забастовкам, как «к государственным преступлениям», поскольку они «вели к простаиванию цехов на военных заводах». Но, утверждая свою собственную «идеологическую гегемонию», они винили в стачках хозяев предприятий. Они требовали от предпринимателей увеличивать заработную плату в промышленности «в соответствии с инфляцией» за счёт получаемых прибылей. Предлагая установить казённую монополию на хлеб и предметы первой необходимости, правые консерваторы, создавая ещё один очаг напряжённости в обществе, считали торговое предпринимательство виновным во всех злоупотреблениях в сфере торговли, а также в дороговизне, сбоях со снабжением населения и настаивали на принятии «мер, призванных обуздать банковские спекуляции, захват... промышленных предприятий»⁴⁹.

Общественности (Земгору и другим организациям) приходилось выслушивать правых консерваторов, предлагавших «уберечь самодержавие от либеральной оппозиции»⁵⁰, «переваривать» их негативное отношение к военно-промышленным комитетам и Прогрессивному блоку, давать отпор при «нападении» на свободу слова, протестовать в думах и отстаивать субсидирование Земгора. Идеология правых определяла направление государственной политики. Она являлась силой, сдерживавшей развитие новых отношений в российском обществе, выступая за сохранение в нём иерархии как основы самодержавной системы,

⁴⁸ Иванов А.А., Репников А.В. Указ. соч. С. 153.

⁴⁹ Там же. С. 155.

⁵⁰ Там же. С. 156.

единой и неделимой Российской империи во главе с монархом. Однако в гонке общественных сил при «догоняющем развитии и торможении» страны, каким бы ни было стремление консерваторов сохранить старое, на финишной прямой – к 1917 г. – в высших сферах они постепенно, но неукоснительно уступали первенство либеральной оппозиции.

Политики-либералы (как и социалисты, верившие в будущее России и готовые к борьбе за него), считали, что «ценою громадного расточения сил, ценою массы страданий, консерватизм всё-таки преодолевается давлением необходимости; оно пробивает техническому и организационному прогрессу путь сквозь инертность и сопротивление системы»⁵¹.

Совершенно очевидно, что без веры в прогресс не могло быть оппозиционного движения. Советская историография проигрывала, будучи идейно заикленной на революционном движении и его идеологах во главе с В.И. Лениным, с их классово-враждебным отношением к либерализму. Сегодня в исторических трудах представлена действенная либеральная оппозиция во главе с политиком и историком П.Н. Милюковым с некоторыми ссылками на работы других идеологов этого направления общественного движения.

В статье В.В. Шелохаева (основана на ранее не известных источниках) впервые в историографии показана интеллектуальная составляющая российского либерального движения как умеренно-реформистского политического течения периода войны⁵². Автор назвал имена 18 политиков, философов, экономистов и правоведов⁵³, веривших в Россию, а главное, пропагандировавших свои идеи и связанные с политикой моральные традиции, нравственные нормы на страницах газет, журналов⁵⁴, в просвещённых кругах общества и студенческих аудиториях.

Реакция либералов на войну была однозначной: как писал Н.А. Бердяев, «война – страшное зло», породившее вражду между народами. Несколько десятилетий назад до войны близость России и Германии обуславливалась сходным видением идеального будущего и модернизации общества. С войной ржа вражды и ненависти проникла в идеологию, затуманила общественное сознание, не обойдя и идеологов. Либералы-философы, отмечает Шелохаев, вывели Россию из рядов зачинщиков войны. Ответственность за её развязывание они переложили на Европу и «носителницу милитаризма» – Германию. Европейский мир, по словам Бердяева, «лживый и иллюзорный, за ним скрывалась иступлённая вражда и ненависть, отвратительная корысть. Мир охранялся милитаризмом, который как вампир сосал кровь из народов». Противоречия жизни в Европе породили «странный парадокс»: освободить её от «невыносимого ига» милитаризма могла только война. Германия «держала мир в напряжении, принуждала страны, не имеющие никаких завоевательных наклонностей, содержать огромные армии, напрягать все свои силы для защиты против угрозы

⁵¹ Морозова А.Ю. Указ. соч. С. 187.

⁵² Шелохаев В.В. Первая мировая война в оценках российской либеральной интеллектуальной элиты // Россия 1914–1918. С. 159–171.

⁵³ Речь идёт о Н.А. Бердяеве, С.Н. Булгакове, В.И. Вернадском, В.М. Гессене, С.Ф. Знаменском, А.С. Изгоеве, И.А. Ильине, Ф.Ф. Кокошкине, Н.И. Карееве, С.А. Корфе, С.А. Котляревском, Г.А. Ландау, П.Н. Милокове, кн. Е.Н. Трубецком, М.И. Туган-Барановском, С.Л. Франке, М.И. Фридмане, А.И. Шингарёве.

⁵⁴ Хайлова Н.Б. Первая мировая война: взгляд либералов-центристов начала XX в. (по страницам журнала «Вестник Европы») // Россия 1914–1918. С. 171–177.

германизма (агрессивного пангерманизма), жаждущего мирового господства». И в этих условиях Николай II, поддавшись нажиму «военной партии», принял роковое для российского общества решение – начать войну⁵⁵.

С.А. Корф и В.М. Гессен обратили внимание на высказывания германских идеологов: «Все позволено, что содействует целям войны». «Существует ли право войны?», – спрашивал Корф, подвергая острой критике германское право, в котором было записано, что государство «свободно от международных обязательств» и их можно считать лишь «клочком бумаги». В разгар войны он сформулировал ряд базовых положений создания системы международного права в качестве барьера на пути развязывания новых войн⁵⁶.

В связи с духовными установками Московского религиозно-философского общества, весьма далёкими от узко шовинистических эмоций, образ мыслей Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и В.Ф. Эрнэ переплетался с идеей (присущей в той или иной степени другим политикам российского общества) о мессианской роли России как страны с высоким нравственным началом. Они считали, что в послевоенной эпохе определяющая роль будет вообще принадлежать всему славянству во главе со «Святой Русью»⁵⁷. «Для мира и судеб человеческих» необходимо, чтобы Россия охраняла не только славянство, но и «в единстве с христианской Европой» «весь культурный мир от германской опасности, обращённой всем народам своим варварским ликом».

Эти идеи распространялись далеко за пределами кабинетов учёных-теоретиков, обсуждались в русской армии, которая представлялась в роли «освободительницы славян», а военная пропаганда оказывалась версией панславистских убеждений. Книжный рынок (особенно это касалось школьных и народных библиотек) после начала войны стал пополняться популярными брошюрами о «Великой отечественной войне» «за свободу и объединение славян», о России, готовой бороться «за правду» с «агрессивным германизмом»⁵⁸ и т.п. Посол Франции в России М. Палеолог заметил тогда, что «здесь война пробудила романтическую утопию славянофильства» и, «как во времена Аксаковых, Киреевского, Каткова, идея providенциальной мировой миссии России возбуждает... умы москвичей»⁵⁹.

Предложенное в сборнике обращение к истории общества в целом показывает, что лидеры-теоретики разных направлений основных политических партий видели ведущую роль России в мире в XX в., но расходились в том, какой она должна быть. Представления либералов о России в грядущем миропорядке – с противопоставлением Западу – перекликались, с одной стороны, с консервативной риторикой и «повальной ненавистью к немцам» как носителям протестантизма⁶⁰, а с другой – с теорией левых социал-демократов о мировой революции, с её «экспортом» из России в Европу.

Противодействуя в Думе меньшевикам, либералы заявили о провале предлагавшейся социалистами идеи интернационализма с её посылом, что «пролетариат не допустит войны». Они считали, что «все социал-демократы стали националистами» и «социалистическая идея обанкротилась»⁶¹, как бы не замечая большевиков в эмиграции во главе с Лениным.

⁵⁵ Шелохаев В.В. Первая мировая война в оценках российской либеральной... С. 159–160.

⁵⁶ Там же. С. 164–165.

⁵⁷ Там же. С. 161.

⁵⁸ Там же. С. 160; Поршнев О.С. Эволюция общественных настроений... С. 134–135, 139.

⁵⁹ Палеолог М.С. Указ. соч. С. 124.

⁶⁰ Иванов А.А., Репников А.В. Указ. соч. С. 154.

⁶¹ Шелохаев В.В. Первая мировая война в оценках российской либеральной... С. 163.

Известно, что и до войны, и в эйфории военного патриотизма либералы не разделяли восторгов представителей высших кругов общества по поводу «симфонического слияния» власти и населения страны, подчёркивая несправедливость её народов. В либеральных программах военного времени указывалась необходимость трансформации социально-политических институтов путём осуществления правовых и административных реформ (то же подразумевалось и для послевоенного периода). Но в ходе войны либералы-теоретики не могли не признать, что будущее России туманно. С.Л. Франк вопрошал: победит ли Россия в себе самой «восток Ксеркса» (разрушительное начало) «востоком Христа» (воскрешение)? Либералы допускали в годы войны возможность социальной революции, но при этом опасались разрушения культурных ценностей. Поэтому считали своей задачей способствовать нормативной регуляции действий членов общества: «Мы должны лишь сказать: это наше нравственное возрождение должно быть нами осуществлено (выделено мной. – *И.П.*)... Пока жива нация, жива и её свободная воля. Верую в себя, мы должны верить во всемогущество нашей свободной, сознающей себя нравственной воли»⁶².

После победы в войне либералы (философы и политики) представляли Россию демократическим государством с развитой экономикой и инфраструктурой, «поднятием народного благосостояния», высоким уровнем жизни большинства населения⁶³, передовой системой народного образования, науки и культуры. Рассуждая о возрождении послевоенной страны, А.С. Изгоев предполагал «демократизировать человеческую жизнь» и, «урезав верхи», «облегчить положение низших классов». Российские либералы верили, что «всё человечество» «идёт к строю демократическому, к хозяйству союзному, к ослаблению социального неравенства». Они, конечно, понимали, что последствиями войны для страны станут «потрясение кредитного механизма», «сокращение производства», «расстройство денежного обмена», «отвлечение рабочих от производственных функций», общие потери народного богатства и т.д. Но, убеждённые в том, что страна идёт заданным путём, либералы считали: война выявила новые тенденции к обобществлению хозяйственной жизни, которые не подрывали основ частной собственности, оставшейся «двигателем прогресса, возбудителем к работе и предприимчивости, собирателем человеческой энергии..., фундаментом современной европейской культуры»⁶⁴.

Говоря о «талантливом и трудолюбивом населении» России, многие из этих людей (например, А.И. Шингарёв) указывали на необходимость расширения в стране «общего доступа к образованию», выражали надежду на её «огромные природные ресурсы», «разумную государственную политику», с помощью которой можно было бы «быстро преодолеть военную разруху и занять лидирующие позиции в мире». Определяя в нём идентичность своей страны, русские философы-либералы исходили из перспективы её дальнейшего мирного развития, «осовременивания», превращения в передовую индустриальную экономику, полноценное конституционно-парламентское государство, прочно занявшее своё место «среди пяти великих держав». В.И. Вернадский был уверен, что грядущая мировая «научная революция», несомненно, улучшит отношения России с другими государствами⁶⁵. Воззрения либералов отражали исконно

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 166.

⁶⁴ Там же. С. 163–164.

⁶⁵ Там же. С. 167–168.

российскую гуманность в её завершённой форме. Но, пишет Шелохаев, в конкретных условиях идеализация интеллектуальной мыслью возможного мирного общественного переустройства социально-экономической жизни «мешала» «выстроить взаимоотношения власти и общества»⁶⁶, на что впоследствии сетовали либералы-эмигранты.

Как известно, либеральная оппозиция сыграла далеко не последнюю роль в 1917 г.⁶⁷, и российская (в том числе и советская) историография показала её «состоявший из постоянных компромиссов» путь – от «священного единения» к конфронтации с властью»⁶⁸. Сегодня историки, разностороннее освещающие выбор и выработку политического курса либералов в годы войны⁶⁹, подчёркивают новые аспекты их деятельности.

«Поворот» в политической жизни России произошёл в августе 1915 г., когда «впервые сформировалось действенное оппозиционное большинство», поставившее своей «общественной» задачей отстаивать «расширение контрольных функций нижней палаты»⁷⁰. Ранее того отступление русской армии и смена её главнокомандующего спутали все карты на внутривластной арене. При дальнейшем развитии событий в стране у оппозиции возникла идея – добиться смены правительства и получить власть, опирающуюся на «народное доверие»⁷¹.

В научной литературе давно освещалась проблема раскола оппозиции на группы, обусловленного разницей их целевых установок в требованиях добиться компромиссов от высшей власти. На конференции эту историю впервые обобщил Ф.А. Гайда⁷². Дело в том, что в начале лета 1915 г. представители умеренной либеральной оппозиции и либерально-ориентированные бюрократы (большинство думского Прогрессивного блока) считали вполне достаточным ограничиться требованием «министерства общественного доверия». Другая часть либералов предложила бороться за «ответственное министерство». Как и следовало ожидать при анализе формулирования этих, казалось, противоречивых требований, всё обернулось «словесной борьбой либералов с правительством»⁷³. Следует согласиться с Гайдой в том, что эти требования были декларативны и большого практического значения в оппозиционной борьбе с властью не имели⁷⁴.

⁶⁶ Там же. С. 161, 169.

⁶⁷ *Граев Б.Б.* К истории классовой борьбы в годы империалистической войны. Июль 1914 – февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.; Л., 1926; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. Л., 1967; *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977; *он же.* Кризис самодержавия. 1895–1917. Л., 1984; *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985; *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003; *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

⁶⁸ *Шелохаев В.В.* Либеральные партии // Россия в годы первой мировой войны. Ч. V. Гл. 2. С. 560–599.

⁶⁹ См.: *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти...

⁷⁰ *Соловьёв К.А.* Представительные учреждения и правительство в России в 1914–1917 гг.: взаимодействие и конфликт // Россия. 1914–1918. С. 191–192.

⁷¹ Там же. С. 194.

⁷² *Гайда Ф.А.* «Министерство доверия» и «ответственное министерство»: сравнительный анализ содержания и применения двух лозунгов // Там же. С. 206–207.

⁷³ *Шелохаев В.В.* Первая мировая война в оценках российской либеральной... С. 170.

⁷⁴ *Гайда Ф.А.* «Министерство доверия» и «ответственное министерство»... С. 208.

Новый аспект исследования либерального движения – «синхронность» в развитии и разных форматах взаимодействия и конфликтов либеральной оппозиции с властью в представительных учреждениях (Государственной думе и Государственном совете) – охарактеризован К.А. Соловьёвым. Исходным моментом в этих контактах, по его мнению, стало то, что предложенное Прогрессивным блоком «расширение контрольных функций нижней палаты» в начале 1915 г. получило сочувствие в Госсовете (среди его «выборных»), но не как уступка Думе, а как одно из «условий победы» России в войне⁷⁵. Материал этой статьи важен для понимания состояния российского общества, в котором оппозиция настоятельно требовала провести реформу политической системы. Она призвала найти формы управления, способные обеспечить контроль общественных сил за государственной, политической и административной деятельностью в стране. В сборнике конкретизируются роль в годы войны Госсовета, Думы и Совета министров в политической системе России, а также возможности их влияния в конкретных вопросах на императорскую политику в целях охраны социально-экономической структуры государства.

Не случайно автор обращает внимание на деятельность комиссий, в первую очередь бюджетной – в войну она приобретала особую важность в связи с финансовым кризисом (в историографии рассмотрение взаимодействия либеральной оппозиции с властью и возникавших между ними конфликтов ограничивается, как правило, сессиями этого представительного учреждения). Между тем именно изучение повседневной работы комиссий с участием представителей Думы и разных ведомств даёт картину происходивших столкновений либеральной оппозиции и власть предержащих в Думе, определяет точки бифуркации отношений между представительными учреждениями и правительством, в работу которого вмешивалась высшая власть. Проведённое сегодня специальное исследование «Особых журналов» Совета министров⁷⁶ подтверждает тот факт, что важнейшие государственные дела в России исчезали из списка обсуждавшихся в представительных учреждениях. Комиссии в Думе оказывались «заваленными» (как и министерские ведомства) «законодательной вермишелью» по второстепенным вопросам. Такая ситуация была чревата для российского общества серьёзными последствиями.

Во взаимоотношениях его высших эшелонов – законодательной и исполнительной властей, императора и Совета министров, бюрократии как машины социальной координации и депутатского корпуса Думы – из месяца в месяц складывалось «пространство неопределённости» при возраставшем единоначалии императора. Если в середине 1915 г. общение думцев и представителей ведомств ещё могло сыграть роль в мобилизации общественных сил, то в 1916 г. встречи министров и депутатов становились диалогами глухих и не по «злой воле сторон». Сужалась компетенция руководителей ведомств, а общение их с избранниками в представительных учреждениях становилось «игрой» по техническим вопросам законотворчества («стороны были готовы к диалогу, нередко добивались договорённостей, но расходились врагами»). В то же время «народные» избранники «непреренно выходили на политические сюжеты», порождая конфликты с властью. Перед революцией, заключает Соловьёв, подтверждая оценки прошлых исследований, «конфликт правительства и представительных учреждений был предрежён институционально».

⁷⁵ Соловьёв К.А. Представительные учреждения и правительство в России... С. 192.

⁷⁶ Там же. С. 191, 193.

Происходившее под «бдительным оком» узкой группы правящей семьи (и её окружения) усиление консервативности системы государственных принципов стало для неё пагубным. Робкие предложения представителей правительства, на которое легло основное бремя повседневной работы, в Царском Селе игнорировались. Назначавшихся и уволенных императором министров было легко приструнить. Впрочем, царская бюрократия никогда не считалась ни с «особыми нуждами народа», ни с его «избранниками». Заседания Совета министров с его «бесстрастными председателями» практически прекратились⁷⁷.

Царь изначально воспринимал представительство в государственных учреждениях как угрозу самодержавию, особенно в Государственном совете. В годы войны здесь набрала силу оппозиция, насчитывавшая не менее 100 человек, в большинстве предпринимателей. Со слов Милюкова, они сочувствовали Прогрессивному блоку, хотя в него могли не входить⁷⁸. Такое «непредсказуемое большинство» раздражало и находившихся в Госсовете консерваторов, и царствующих особ. В этой группе, по мнению Ю.А. Петрова, были владельцы частных банков, ставших неотъемлемой частью всей кредитной системы страны. В конце 1916 г. императрица потребовала от председателя Государственного совета вернуть верховную палату к предписанной ей роли «охранителя закона и порядка»⁷⁹.

Хотя в январе 1917 г. император и сменил 17 «назначенных к присутствию» членов Госсовета, верховная палата, «лишённая политической воли и программы действий», стала ещё «более оппозиционной»⁸⁰. Власть царской семьи оказалась «ахиллесовой пятой» в государственной системе, а император стал «центром гравитации», уязвимым местом её крушения.

В исторической науке пока существует слабое представление о том, каким образом были связаны оппозиция в Думе и широкие слои общества, провинция. Но (как было замечено) среди депутатов оказалось немало «мелких землевладельцев», которые «не боялись рутины законотворчества, готовы были к обсуждению всех правительственных инициатив, к конструктивному сотрудничеству с высшей бюрократией»⁸¹. Это не получало «горячего отклика у министров», однако тесно связанные с органами местного самоуправления депутаты-земцы выносили споры общественности с бюрократией из «думской избы» в свои уезды и губернии. Тем самым в провинции правительство непроизвольно «ковало себе весьма деятельную оппозицию»⁸², сочувствовавшую либералам и Прогрессивному блоку.

Взятые в комплексе материалы сборника дают основание сделать некоторые выводы. Процесс развития российского общества, его взаимодействие с государством предопределили крах самодержавной политической системы. Но заслуживают особого внимания и экономические проблемы, касающиеся не

⁷⁷ Там же. С. 193–194, 197.

⁷⁸ Там же. С. 194–195.

⁷⁹ Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы: конец XIX – 1914 г. М., 1998. С. 247–248.

⁸⁰ Соловьёв К.А. Представительные учреждения и правительство в России... С. 195.

⁸¹ Земцы (в большинстве не дворяне) составляли половину фракции кадетов – 25% из 49, 47 – в группе правых, 59 – прогрессистов, 60 – русской национальной фракции, 61 – националистов-прогрессистов, 79 – правых беспартийных, 83 – членов партии центра, 88 – у земцев-октябристов и 92% – в группе Союза 17 октября (Соловьёв К.А. Земцы в Государственной думе // Земское самоуправление в истории России: К 150-летию земской реформы. М., 2015. С. 130).

⁸² Там же. С. 140.

только особенностей развития военного государственно-монополистического капитализма в России. Для более глубокого понимания состояния страны периода войны требуется разработка экономических проблем, связанных с основополагающими в обществе производственными отношениями в промышленности и сельском хозяйстве.

Военные мобилизации людских резервов и промышленности в России привели в движение огромные социально-политические силы. В них скрыты ответы на общие вопросы о возможности реформ в ходе обострения «русского кризиса» начала XX в. в годы войны, о непреложности массового протестного революционного движения и его мобилизационных ресурсах.

Материалы конференции отражают важные моменты выхода самосознания российских историков из кризиса, возникшего в 1990-е гг. в рамках старых и новых идентичностей, порождённых отрицанием *ancient regime*, его политической и социокультурной систем. Российская наука, судя по статьям сборника, преодолевает разрыв теоретической интеграции различных подходов. О необходимости этого давно говорилось в историческом сообществе⁸³. Изменившиеся в последние десятилетия условия общественной жизни в России обусловили отказ от пристрастий к единственной идеологии, будь то марксизм, либерализм, постмодернизм и т.д. Вносятся принципиальные изменения в методики исследования, отвергается введённое в сознание учёных советской школы предубеждение ко всему «буржуазному», «капиталистическому», «либеральному» как пейоративному. Исследованием либеральной идеологии, жизненных целей либералов, их деятельности в представительных учреждениях воссоздана более полноценная картина состояния российского общества в период Первой мировой войны, позволяющая увидеть его место в центростремительном потоке массового народного антивоенного, антиправительственного движения.

Находившаяся в состоянии острого кризиса государственная система России испытывала в годы войны давление с разных сторон. Либерально-оппозиционное движение с умозрительными представлениями его идеологов искало себя в обществе так же, как и революционное социалистическое – со своими лидерами, «заражёнными вирусом коммунизма», готовыми на организацию социальных экспериментов. Статьи сборника, концентрируя внимание на обществе в целом, подтверждают, что в политической жизни дореволюционной России либералы действительно выступали как «вечные оппоненты» власти. Часть либеральной оппозиции в целом выражала готовность участвовать в трансформации российской государственной системы, но её возможности были скованы, да и свою роль в обществе либералы представляли довольно смутно. Иначе быть не могло в условиях «дисперсности российской политической элиты, разнородности думских фракций, групп Государственного совета»⁸⁴, невозможности результативности политического диалога представительных учреждений с властью.

Либералы не принимали насильственного переворота. Рассуждая о революционном взрыве, они всегда опасались того, что после него, помимо неуважения к демократическим правам старой России, возникнет «преступное

---

⁸³ Linden M., von der. The of labour history? // International Review of Social History. Vol. 38. 1996. P. 11–14.

⁸⁴ Соловьёв К.А. Представительные учреждения и правительство в России... С. 196–197.

отношение к культурным и духовным ценностям»⁸⁵. У либералов была одна надежда – на войну: именно во время войн все страны становятся взаимозависимыми и на первый план выдвигаются общечеловеческие ценности в качестве всеобщего и общезначимого регулятора общественных отношений. С этим они пришли к революционному взрыву февраля 1917 г. в Петрограде.

Материалы конференции помогают лучше понять происходившие с начала войны до падения монархии политические процессы, в которых в Феврале 1917 г. стихийно, независимо от чьей-либо воли проявилась равнодействующая единого социального протеста во имя мира и продолжения прогрессивного развития российского общества.

---

⁸⁵ Бердяев Н. Революция и культура // Полярная звезда. 1905. 22 декабря. С. 146–155.

Новая коллективная монография об истории и культуре средневекового Новгорода

Мария Графова, Павел Лукин

New book on the history and culture of medieval Novgorod

*Maria Grafova (National Research University
Higher School of Economics, Moscow, Russia),*

Pavel Lukin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

В последнее время история Новгорода оказалась в центре внимания не только отечественной исторической науки, но и международной медиевистики. Это нельзя считать случайным. Во-первых, постоянно расширяющийся объём источников (археологические находки, берестяные грамоты, эпиграфика, ганзейские документы, возрождённые из пепла в результате реставрационных работ памятники живописи) делает средневековый Новгород во многом уникальным объектом исследований не только в масштабах России. Во-вторых, своеобразный социально-политический строй Новгорода стал предметом острых дискуссий, в центре которых находится вопрос о его типологии, о том, можно ли его осмыслить в общеевропейском контексте, а именно – допустимо ли характеризовать его как коммунальный.

В 2015 г. под интригующим названием «Новгород, или забытая Россия. Торговая республика (XII–XIV вв.)» во Франции вышел коллективный труд, посвящённый различным аспектам истории Новгорода периода независимости (XII–XV вв.)¹. Редакторами тома выступили Ф. Фризон, переводчик и специалист по русской литературе, и Ольга Севастьянова, автор ряда работ по новгородской истории, защитившая по этой теме диссертацию в Цюри-

---

© 2016 г. М.А. Графова, П.В. Лукин

¹ Novgorod ou la Russie oubliée. Une république commerçante (XIIe–XVe siècles / Sous la direction de Ph. Frison et O. Sevastyanova. Charenton-le-pont: Le Ver à Soie, 2015. 461 p. Далее ссылки на рецензируемую книгу даются в тексте с указанием страницы.

хе у одного из лучших на Западе специалистов по русскому Средневековью проф. К. Гёрке. В числе участников проекта – представители разных стран (Франции, Великобритании, Финляндии, России, Польши, Австрии, Германии, США) и научных традиций. Ещё никогда история Новгорода не становилась объектом рассмотрения столь широкого и разнообразного авторского коллектива. Для зарубежной историографии такое издание уникально и, конечно, французские коллеги могут гордиться таким успехом. Если английские учёные совместно с российскими в последнее время выступили авторами сборников статей, посвящённых археологии Новгорода², а немецкий историк К. Цернак стал автором монографии о древнерусском и прежде всего новгородском вече, которую уже можно считать классической³, то французская историография до сих пор не могла похвастаться чем-то сопоставимым. Теперь можно уверенно говорить, что этого пробела больше не существует.

Учитывая уникальность столь объёмистого труда, хотелось бы подробно осветить его содержание. В книге 5 частей и 27 глав, посвящённых социально-экономическим проблемам (особенно торговым связям), взаимоотношениям Новгорода с соседями и партнёрами, его истории от зарождения до утраты независимости, культуре, религиозной жизни, некоторым категориям источников (новгородским летописям, берестяным грамотам) и даже таким «нетрадиционным» сюжетам, как женщины Новгорода и новгородский «миф», т.е. представлениям о Новгороде в общественной мысли России Нового и Новейшего времени. Центральное место занимают главы, посвящённые политическому строю Новгорода и попытке его теоретического осмысления в европейском контексте.

Книга написана прекрасным языком, снабжена качественными иллюстрациями и вполне доступна не только для специалистов, но и для более широкого круга читателей. Это важно для популяризации истории Новгорода и русской истории в целом среди франкоязычной аудитории, которая до сих пор не имела возможности ознакомиться на родном языке с новейшими достижениями в этой области. В то же время от популярности изложения никак не страдает серьёзность рецензируемого труда, снабжённого полноценным научным аппаратом и подробной библиографией.

Предисловие, написанное Ф. Мушаром, преподавателем Университета г. Ренна (Франция), автором вышедшей недавно интересной книги о смоленской княжеской династии⁴, представляет собой изящно написанное и хорошее введение в проблему (если не считать следования некоторым устаревшим стереотипам, вроде утверждений о торговле новгородцев мёдом, получаемым из «огромного северного леса», или о скандинавских торговцах, у которых «в течение всего средневекового периода» якобы была в Новгороде своя контора, р. 7).

Ранние скандинаво-новгородские контакты трезво и объективно освещены в главе, написанной финским историком Ю. Корпелой. В частности, применительно к пресловутому «варяжскому вопросу» подчёркивается неадекватность «национальной» терминологии по отношению к раннему Средневековью и

---

² Novgorod: the Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland / Ed. M. Brisbane, D. Gaimster, L., 2001; The Archaeology of Novgorod in its Wider Context: A study of centre / periphery relations / Ed. by M. Brisbane, N. Makarov, E. Nosov. Oxford, 2012.

³ Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 33).

⁴ Mouchard F. La Maison de Smolensk. Une dynastie princière du Moyen Âge russe 1125–1404. Paris, 2015.

предлагается говорить не столько о скандинавском влиянии на Русь, сколько об общей для балтийского региона материальной культуре (р. 47). Справедливо отмечена близость экономических и административных структур Новгорода и городских центров на балтийском побережье (р. 50). Очень свежи и интересны наблюдения автора о серьёзном влиянии, которое оказывало противостояние между Новгородом и Швецией на формирование приходской сети и образование монастырей в пограничных областях (р. 56–57). Важно и то, что Корпела использует в своём обзоре малодоступную для исследователей литературу на финском и скандинавских языках.

Фундированностью, чёткостью структуры и формулировок, обоснованностью выводов отличается глава о торговых и дипломатических связях между Новгородом и Западом (Е.Р. Сквайрс). Особенно важна характеристика той огромной роли, которую в отношениях между Новгородом и его главным западным партнёром, Ганзой, играл лингвистический фактор. В частности, интересен вывод о роли средненижнемецкого языка как средства, которое могли использовать ганзейцы для монополизации связей с Новгородом (р. 63).

В главе об отношениях Новгорода с Литвой (Л. Корчак) даётся сжатая, но ёмкая и достаточно точная характеристика их истории, начиная с первых контактов вплоть до падения Новгородской республики. Нельзя не отметить, впрочем, что глава эта носит скорее популярно-очерковый характер (достаточно сказать, что в научном аппарате представлено всего две сноски на литературу – книги Х. Пашкевича и С.К. Роуэлла).

Весьма точен и полезен выполненный Т. Штигльбруннером очерк топографии и демографии средневекового Новгорода. В нём учтены данные, в том числе археологические, полученные российскими и немецкими исследователями (К. Гёрке, Э. Мюле). Можно надеяться, что теперь зарубежные читатели будут исходить из более или менее выверенных оценок численности населения средневекового Новгорода, а не из фантастических цифр, до сих пор подчас появляющихся даже в серьёзной справочной литературе⁵. Оценки, приведённые в разделе Штигльбруннера – 10–15 тыс. человек для XII в., 25–30 тыс. – для XIV в., по-видимому, близки к реальности (хотя цифра 30 тыс. всё-таки кажется некоторым преувеличением)⁶. Правда, можно было бы отметить последние работы Г.Е. Дубровина, согласно которым два «поздних» новгородских конца, Плотицкий и Загородский, оформились только в конце XIII в., а не «в XII–XIII вв.», как пишет автор (р. 91–92)⁷.

Во второй части книги речь идёт о политической истории и политико-правовом строе Новгорода. В ней рассмотрены различные сюжеты: последствия присоединения Новгорода к Москве (Ф. Мушар); новгородское право (О.В. Мартышин и Ф. Фризон); история новгородского «младшего брата» – Пскова (Г. Пикхан). В целом эти главы удачны, особенно глава об экономике, написанная по материалам археологических исследований, в том числе новейших. В главе о праве заметна, впрочем, определённая формализация, свойственная юриди-

⁵ Ср., например: *Poppe A. Novgorod // Lexikon des Mittelalters. Bd. VI. München, 1993. Sp. 1306.*

⁶ См. также: *Лукин П.В. Население средневекового Новгорода по данным письменных и археологических источников // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 6–8 ноября 2012 г. М., 2012.*

⁷ См., например: *Дубровин Г.Е. О боярстве Плотицкого конца средневекового Новгорода // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2010. № 3(41).*

ческому подходу к истории. В частности, при обсуждении уголовных наказаний смешиваются наказания по решению суда и бессудные расправы, причём даже не ставится вопрос об эволюции новгородской правовой системы.

Наиболее значимое место в этой части книги занимают очерки, написанные одним из её редакторов – О.В. Севастьяновой. В той мере, в какой они излагают историю Новгорода и общепринятые научные представления о его социальной и политической структуре, их можно признать весьма полезными, особенно для читателей, не занимавшихся соответствующей проблематикой. Как ни странно, связной истории средневекового Новгорода до сих пор не написано (относительно недавно вышедший труд патриарха новгородоведения В.Л. Янина всё-таки представляет собой именно очерки новгородской истории, где сделан акцент на сюжетах, непосредственно им изучаемых)⁸. Разделы Севастьяновой отчасти заполняют эту лауну.

Другое дело – собственные гипотезы автора, которые вплетены в ткань повествования и могут быть восприняты как нечто доказанное и естественное. Они часто любопытны. Представляется верным и имеющим важное значение, в частности, предположение о связи появления «печатей Великого Новгорода» с развитием во второй половине XIII в. представлений о его политической самостоятельности (р. 122, 126). В более общем плане верен и отстаиваемый автором взгляд на новгородский республиканский строй как на итог длительной эволюции, а не на нечто родившееся в «готовом» виде. Заслуживает внимания и акцент на конец XIV – первую четверть XV в. как на очень важный этап такой эволюции. Интересна характеристика государственного строя Новгорода как республики со смешанным политическим режимом, где различимы монархический (князь), аристократический (посадник, тысяцкий) и демократический (вече) элементы. Тем не менее с некоторыми оценками, высказанными Севастьяновой, трудно согласиться. Подробнее об этом будет сказано ниже.

В третьей части книги речь идёт о социально-экономической жизни Новгорода. Большой интерес представляет глава об экономике (Р.К. Ковалёв), написанная главным образом на основе свежего и достоверного материала, полученного в ходе археологических раскопок. Это обобщение будет представлять интерес и для отечественного читателя, вынужденного зачастую ориентироваться на традиционные оценки новгородского хозяйства, согласно которым суровые природно-климатические условия Новгородчины жёстко лимитировали её экономическое развитие. Теперь, благодаря археологическим исследованиям, выясняется, что мягкий микроклимат и плодородные аллювиальные почвы в районе Ильменя позволяли культивировать не только «серые хлеба», но и пшеницу, а также довольно широкий ассортимент овощей и фруктов (в том числе таких, как огурцы, тыква, чёрная смородина, вишня и слива). Новые данные позволяют представить исключительную роль, которую играли среди занятий новгородцев рыболовство, а среди пищи на их столе – разные виды рыбы. Из всех продуктов питания чаще всего в берестяных грамотах упоминается именно рыба. По-видимому, рыболовством в Новгородской земле занималась подавляющая часть сельского населения. А в XV в. появляются сведения о целых поселениях, специализировавшихся на таких промыслах (р. 200–201).

Очень чётко и структурированно обобщён богатый и сложный материал в главе об иноземных дворах в Новгороде (Е.Р. Сквайрс).

---

⁸ Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

В четвёртой части книги рассказывается о разных аспектах религиозной истории и богатейшего культурного наследия средневекового Новгорода. Музыкальная культура древнего Новгорода представлена в соответствующем разделе в широком археологическом и историческом контексте (автор – покойный В.И. Поветкин). Её история прослеживается в неразрывной связи с литературной традицией. Игра на музыкальных инструментах, сочинение и исполнение разнообразных песнопений по поводу религиозных или светских событий, а также былины были неотъемлемой частью жизни новгородцев. В разделе об искусстве Новгорода (С. Собкович) указаны основные его этапы и значительная часть памятников, что позволяет составить общее представление о предмете. Дано много правильных характеристик местной живописи (четкий контур, мощные силуэты, яркие цветовые пятна) и указано на её связь с византийской традицией.

В разделе, посвящённом культурным связям Новгорода с Западом (Е.Р. Сквайрс), рассматриваются сферы жизни города, в которых западное влияние было наиболее ощутимым. Подробно рассказывается о его проявлениях в устной и письменной языковой традиции, литературе и письменности в целом, в области материальной культуры и искусства, но прежде всего – в архитектуре.

Пятая часть книги посвящена теоретическому и даже историософскому осмыслению места Новгорода в европейской истории. Особое внимание привлекает глава, написанная крупным специалистом по истории городского строя в Центральной и Южной Европе Л. Штайндорфом, который пытается ответить на вопрос, можно ли считать Новгород коммунаой западноевропейского типа, и соответствует ли он критериям устройства такой коммуны, разработанным М. Вебером и до сих пор (хотя и в модифицированном виде) используемым в историографии. Штайндорф уже не в первый раз высказывает мнение по этому вопросу⁹, и неудивительно, что вновь даёт на него, скорее, отрицательный ответ. В то же время представляется, что немецкий историк несколько смягчил свою позицию. Ведь тот факт, что западноевропейские современники Новгорода усматривали в нём нечто близкое к итальянским республикам и вольным городам, говорит сам за себя. По мере более углублённых исследований становятся всё более очевидными и «объективные» параллели между республиками Северо-Запада Руси и западноевропейскими городскими коммунаами.

Говоря о невозможности рассмотрения социально-политического строя Новгорода как примера коммунального строя, историк ссылается на известную теорию, восходящую, по-видимому, к построениям О. Бруннера¹⁰, о том, что в русских городах не было политических и юридических структур, позволявших отличать горожан от крестьян (р. 355). Однако в Новгороде такие «структуры», безусловно, были. Полноправными новгородцами считались только члены кончанских организаций, а значит – только горожане. Сам «Господин Великий Новгород» осмыслялся как единство концов, а общая печать Великого Новгорода могла заменяться кончанскими печатями¹¹. Корректнее было бы говорить о том, что это разделение не получило теоретического осмысления, но такого осмысле-

⁹ Штайндорф Л. Правильно ли считать Новгород коммунаой? // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог. Материалы «круглого стола» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.) СПб., 2012.

¹⁰ Brunner O. Europäische und russisches Bürgertum // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1954. Bd. 40.

¹¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 95, 96. С. 150–151.

ния в Средние века и Раннее Новое время не возникло и в западноевропейских коммунах, за исключением самых развитых из них – итальянских¹².

Вместе с тем необходимо признать правоту Штайндорфа в том, что Новгород (как и Псков) действительно не был коммуной *западноевропейского типа*. Правильнее говорить, полагаем, о том, что на Северо-Западе Руси под воздействием сходных с Западной Европой территориально-географических и социально-экономических факторов возникли политические организмы, социальный строй которых во многих отношениях оказался *похожим* на социальный строй средневековых европейских республик. В какой степени русские средневековые республики можно называть коммунами – вопрос неоднозначный и во многом зависящий от того, в рамках какой историографической традиции используется термин «коммуна».

Переходя к критической части рецензии, отметим, что больше всего вопросов вызывают разделы, написанные О.В. Севастьяновой. Декларируемый ею тезис об утверждении «суверенитета» Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) над Новгородом и Псковом при Ягайле, а потом Витовте (р. 32–34) опирается на косвенные данные и рассказы поздней «Хроники Быховца», представляющей собой III свод ВКЛ и написанной не ранее XVI в.¹³ «Хроника Быховца» возникла в кругу высшей знати ВКЛ, которая, несомненно, была заинтересована в обосновании исторического величия своего государства, но, разумеется, её тенденциозные оценки не могут восприниматься некритически¹⁴.

У ВКЛ в конце XIV – XV вв. действительно были определённые притязания на Новгород¹⁵. Однако даже во время ожесточённой борьбы с Москвой за Двинскую землю в 1397–1398 гг. новгородцы в принципе признавали своим сюзереном не литовского, а московского великого князя Василия Дмитриевича. Так, от имени Новгорода архиепископ Иоанн просит Василия, чтобы он «от своих мужии от волных нелюбье бы отложилъ, а принялъ бы еси въ старину»¹⁶. Как показано в работе К. Крупы, литовские династы в XIV–XV вв. «ездили на Ильмень как служебные князья, а не как наместники»¹⁷. И уж совсем нет оснований называть литовского князя Патрикия Наримановича «губернатором Ягайла в Новгороде» (р. 126, 153). Этому «губернатору» новгородцы сначала «даша» в кормление одни города и территории, а потом, когда проживавшее там население оказалось им недовольно, их «отьяша» и заменили другими¹⁸. В политико-юридическом плане не Новгород подчинялся Патрикию, а наоборот. Наместникам с конца XIII в. принадлежали в Новгороде те управленческие и судебные функции, которые до этого исполнялись самими новгородскими кня-

¹² *Isenmann E.* Norms and Values in the European City, 1300–1800 // Resistance, Representation, and Community / Ed. by P. Blicke. Oxford, 1997. P. 206–207.

¹³ *Чамярыцкі В.А.* Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў. Мінск, 1969. С. 180–183; *Полехов С.В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. С. 48–49. Ср. критическую оценку достоверности известий «Хроники Быховца» о литовско-новгородских отношениях: *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 205, сноска 30.

¹⁴ *Полехов С.В.* Указ. соч. С. 48.

¹⁵ См.: *Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-русское государство. М., 1939. С. 84–85; *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля. С. 202–214; *Крупа К.* Książęta litewscy w Nowogrodzie Wielkim do 1430 roku // *Kwartalnik Historyczny*. 1993. № 1.

¹⁶ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 390.

¹⁷ *Крупа К.* Op. cit. S. 44–45 и passim.

¹⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 379; Т. IV. Ч. 1. М., 2000. С. 339–341. См. также: *Крупа К.* Op. cit. S. 35–36.

зьями. Князья же, получавшие кормления в Новгородской земле, нанимались Новгородом в качестве военачальников (своего рода кондотьеров) и, как правило, существенной самостоятельной политической роли не играли¹⁹.

Противоречит концепции литовского «суверенитета» и обоснованная В.Л. Яниным гипотеза о системе параллельных кормлений, в рамках которой литовских князей (в том числе и Патрикия) контролировали другие приглашённые Новгородом князья: сначала представители белозёрского, а потом смоленского домов²⁰. Разумеется, с этой гипотезой можно не соглашаться, но её опровержения в тексте Севастьяновой нет.

Между прочим, в главе, написанной Л. Корчак, дана совсем другая и, как представляется, значительно более точная характеристика отношений между ВКЛ и Новгородом в XIV–XV вв.: Новгород использовал противоречия между Москвой и Вильно для утверждения собственной политической независимости и сохранения баланса сил в регионе (р. 71). Нельзя не признать, впрочем, что взгляд на Новгород не только с привычной для отечественных учёных «московской» точки зрения, но и с «литовской» может быть весьма плодотворен.

Сомнительным кажется и тезис Севастьяновой о том, что выражение «весь Новгород» появляется в летописях в конце XII – начале XIII в. и обозначает население, доброжелательно настроенное к владимирским князьям (р. 118). Так, в 1208 г.²¹ князь Мстислав Мстиславич Удатный, находившийся во вражде со Всеволодом Юрьевичем владимирским, кланялся святой Софии, гробу своего отца и «всѣмъ новгородьцемъ»²². Словосочетание «все новгородцы» конечно, не то же, что и «весь Новгород», но эти обозначения очень близки по смыслу. Зачем же представителю смоленского княжеского дома апеллировать к сторонникам своих соперников? Представляется, что хотя Севастьянова справедливо обратила внимание на такого рода словосочетания, в них надо усматривать не ситуативные обозначения групп сторонников тех или иных князей, а свидетельство формирования идентичности новгородского политического коллектива в целом²³. Это подтверждается и тем, что впоследствии такие обозначения фиксируются в официальных документах.

Вообще, сложно согласиться со стремлением Севастьяновой рассматривать любые аспекты социально-политической истории только через «княжескую» перспективу. Даже в появлении таких обозначений, как «житьи» и «чёрные люди», она видит княжеский «след». По её мнению, участие «чёрных» и «житых» в принятии политических решений свидетельствует о стремлении соперничающих правящих групп привлечь на свою сторону представителей этих социальных категорий (р. 125). Между тем в работах Янина уже давно было отмечено, что новгородские группировки, ориентировавшиеся на тех или иных князей, формировались отнюдь не по социальному, а по кланово-территориальному принципу, что, несомненно, является одним из самых бесспорных звеньев концепции учёного. В то же время Ю.Г. Алексеев в статье, на которую ссылается сама Севастьянова, убедительно показал, что формирование данных категорий явилось закономерным следствием эволюции и усложнения социальной структуры Новгорода. Ничего нового и исключительного в участии «житых» и «чёрных людей» в политической жизни

¹⁹ *Birnbaum H.* Lord Novgorod the Great: Essays in the History and Culture of a Medieval City-State. Columbus, 1981. P. 96–97.

²⁰ Янин В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 90–101.

²¹ О дате см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 255–256.

²² ПСРЛ. Т. III. С. 51.

²³ См.: *Лукин П.В.* Новгородское вече. М., 2014. С. 253–273.

не было, просто раньше они (или, точнее, их предки) выступали под наименованием «меньшие» (в частности, в событиях 1250-х гг.)²⁴.

В очень ярко и даже публицистично написанной главе о вече надуманным выглядит вывод о значимости представлений об этом средневековом институте для всей русской историографии и общественной мысли XVIII–XIX вв. Севастьянова связывает с «вечевой теорией» и земскую реформу, и славянофильские теории, и идеи «соборности» русской религиозной философии, и стихи Ф.И. Тютчева об «особенной стати» России. Насколько нам известно, Тютчев «вечевой теорией» как таковой не интересовался. Зато А.К. Толстой, цитата из баллады которого использована в качестве эпиграфа к главе, действительно много писал о вече, Новгороде и очень высоко оценивал и то и другое. Однако как раз его очень своеобразные «аристократически-западнические» воззрения не имели ничего общего ни со славянофильством (к которому он относился весьма скептически)²⁵, ни с идеями Тютчева (на другое знаменитое «русофильское» стихотворение Тютчева, «Эти бедные селенья», Толстой написал довольно едкую эпиграмму²⁶). Во второй половине XIX – начале XX в. сторонниками земско-вечевой теории были как славянофилы, так и западники, это был, выражаясь современным языком, научный «мэйнстрим», в чём-то подобный *Gemeinfreienlehre* немецкой историографии. Стоило бы также оговориться, что Севастьянова отнюдь не является пионером в деле критики идейных оснований «вечевой теории», задолго до неё такую попытку предпринял немецкий историк К. Цернак, посвятивший этому специальную монографию²⁷, чем тогда вызвал острую дискуссию²⁸.

Не соответствует действительности утверждение Севастьяновой о том, что в XII в. новгородское вече созывалось только князьями (р. 145). Даже если учитывать лишь прямые упоминания веча, иначе дело обстояло в 1167 и 1193 гг.²⁹ Столь же неверно утверждение о том, что вечем в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях могло именоваться «любое собрание» (*n'importe quelle réunion*); на самом деле в древнерусских источниках это почти исключительно политическое собрание горожан³⁰. Очень уязвима и методика работы автора главы: разные исследователи неоднократно подчёркивали, что исключать из анализа косвенные упоминания веча нельзя хотя бы по той причине, что есть параллельные известия об одном и том же событии, одно с упоминанием слова «вече», другое – без³¹. Центральная идея автора в разделе о вече заключается в том, что оно вплоть до XV в. созывалось только князьями и находилось под их контролем. Все летописные известия, подтверждающие эту точку зрения, Севастьянова признаёт вполне ясными и релевантными, а те, которые свидетельствуют об обратном, интерпретирует весьма своеобразно. Например, известие о вече во

²⁴ Алексеев Ю.Г. «Чёрные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. Вып. 103. М., 1979.

²⁵ Ямтольский И.Г. А.К. Толстой // Толстой А.К. Сочинения. Т. I. М., 1981. С. 10.

²⁶ Толстой А.К. «Одарив весьма обильно...» // Там же. С. 108.

²⁷ Zernack K. Op. cit.

²⁸ См. о ней: Лукин П.В. Город и вече: социальный аспект (историографические заметки) // Cahiers du Monde Russe. Vol. 46. № 1–2. Janvier–juin 2005.

²⁹ ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 537; Т. III. С. 231–232 (кстати, последнее известие – об избрании архиепископа Мартирия – О.В. Севастьянова игнорирует).

³⁰ Лукин П.В. О так называемой многозначности понятия «вече» в русских летописях. Домонгольское время // Неисчерпаемость источника. Сборник к 70-летию В.А. Кучкина. М., 2005.

³¹ См. об этом: Лукин П.В. Терминологический анализ: плюсы и минусы (по поводу монографии Юнаса Гранберга о древнерусском вече) // Средневековая Русь. Вып. 8. М., 2009. С. 241–243.

время похода на емь в 1228 г. комментируется очень скупой: «Неизвестно, были ли там князь» (р. 147). Это верно, но что вече действовало независимо от князя, вполне известно: на вече новгородцы решили убить некоего Судимира, и его спас князь, укрыв его у себя на корабле³². То же самое относится и к событиям 1255 г. В летописи говорится только: «И рекоша меншии у святого Николы на вѣчи». В литературе отсюда делался – впрочем, не вполне обоснованно – вывод (к которому присоединяется и автор главы) об обособленном от обычного вече «меньших» людей в 1255 г.³³ Но можно ли на этом основании судить, что вече было создано посадником Онанией против «вячших» новгородцев? (р. 148). Да и как вообще такое могло быть, если посадники избирались исключительно из бояр, т.е. из «вячших»? Мы видим, как в жертву общей идее приносятся «неудобные» данные источников. В результате авторская концепция становится, несомненно, более чёткой и однозначной, но зато, используя терминологию К. Поппера, нефальсифицируемой, т.е. такой, которую опровергнуть невозможно в принципе³⁴, и не потому, что приводимые в её пользу данные абсолютно убедительны, а потому, что любому возражению противопоставляется интерпретация *ad hoc*. Причём, делая акцент на эволюции новгородского политического строя и характера веча, в частности, в направлении их постепенной институционализации, Севастьянова, на наш взгляд, права, но анализ следовало бы сделать менее односторонним и более нюансированным.

Если говорить о разделах, написанных другими авторами, то хотелось бы обратить внимание на следующее. В разделе об отношениях Новгорода с «северными странами» (Ю. Корпела) не вполне понятен выпад против «позднейшей русской историографии», которая приписывала Новгороду восточные (?) и русские черты. То обстоятельство, что основным его населением эпохи независимости были славяне, никак не противоречит типологической близости Новгорода и балтийских «торговых республик», а критика националистических тенденций историографии XIX–XX вв. должна быть более развёрнутой и аргументированной.

Утверждения автора о том, что в XIV в. Новгород экспортировал «меха, кожи и некоторые предметы роскоши, в частности, охотничьих соколов» (р. 53), неточны. Первые упоминания о русских кожах на западноевропейских рынках относятся к XV в. и очень редки даже для того времени. О вывозе такого экзотического товара, как охотничьи птицы, в источниках есть единичные упоминания, но говорить о том, что он занимал «центральное место в экспорте Новгорода», разумеется, нельзя. Зато воск, который, по мнению Корпелы, начал вывозиться «после XV в.», на самом деле составлял, наряду с пушниной, главную статью новгородского экспорта ещё в XIV в., о чём писала не только А.Л. Хорошкевич, но и до неё весьма подробно Л.К. Гётц³⁵.

Нельзя согласиться и с оценкой битвы на Чудском озере («Ледового побоища») как «малозначительного столкновения» (*échauffourée mineure*) (р. 55). В литературе неоднократно отмечалось, что такие факты, как захват кресто-

³² ПСРЛ. Т. III. С. 65.

³³ Пауто В.Т. В ущерб истине (по поводу книги о русском вече) // История СССР. 1968. № 5. С. 236.

³⁴ Поппер К. Логика и рост научного знания: Избранные работы. М., 1983. С. 62–65.

³⁵ Goetz L.K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. S. 259–272, 277–278; Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963. С. 121–159.

носцами Пскова, учреждение там орденской администрации и вообще столь глубокое их проникновение в Новгородскую землю накануне битвы, были беспрецедентны³⁶.

В очень качественном «топографическом» обзоре Т. Штигльбруннера обращает на себя внимание следующее противоречие. Автору не вполне удалось разобраться с весьма запутанной в историографии проблемой интерпретации размеров новгородских городских усадеб. В результате в его тексте представлены трудновосприимчивые оценки и трактовки, высказывавшиеся отечественными исследователями (подчас одними и теми же) в разное время. Между тем обращение к новейшим исследованиям показывает, что площадь новгородских усадеб могла быть очень разной, от 130 до 1 500 кв. м³⁷. Главное же в том, что этот материал не вписывается в предложенную в своё время В.Л. Яниным и Б.А. Колчиным «кончанско-сотенную» типологию³⁸, на которую сочувственно ссылается автор, зато хорошо соответствует картине, характерной для других древнерусских городов да и для самого Новгорода после присоединения его к Русскому государству³⁹.

Довольно поверхностен и, увы, значительно уступает давним работам К. Гёрке и Ю.Г. Алексеева⁴⁰ очерк М.К. Пола, посвящённый социальной структуре Новгорода. Не лишён он и неточностей. В частности, противоречит данным источников предположение о том, что «чёрные люди» могли быть свободными земледельцами (р. 241): все источники свидетельствуют о том, что они входили в кончанские организации и принадлежали к городскому политическому коллективу. Их политическое значение было, естественно, неизмеримо меньшим, по сравнению с боярами, но уравнивать их в политико-юридическом отношении со смердами, которые были объектом властвования и эксплуатации со стороны всего «Великого Новгорода» (в том числе и «чёрных людей»), принципиально неверно (ср. р. 242).

В разделах, посвящённых новгородскому искусству, также можно отметить некоторые спорные моменты. Прежде всего, уделено сравнительно мало внимания архитектуре; основные памятники приведены, но недостаточно охарак-

---

³⁶ См., например: *Кучкин В.А.* Александр Невский – государственный деятель и полководец Средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 24–26; *Горский А.А.* «Всего еси исполнена земля Русская»: личности и ментальность русского Средневековья. Очерки. М., 2001. С. 70. В современной зарубежной монографии, специально посвящённой русско-ливонским отношениям в XIII в., несмотря на критику (отчасти вполне справедливую) тенденции доводить масштабы Ледового побоища до абсурда, отмечается, что события 1240–1242 гг. были «значительными» (*beachtenswert*) (*Selart A.* Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert. Köln etc., 2007 (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd. 21). S. 164–167).

³⁷ *Петров М.И., Сорокин А.Н.* О размерах усадеб древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 28–30 января, 1997 г.). Новгород, 1997. Вып. 11; *Khoroshev A.S., Sorokin A.N., Petrov M.I.* Property Layout in Medieval Novgorod in the Tenth to Fifteenth Centuries // *Novgorod: the Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland* / Ed. by M. Brisbane, D. Gaimster. L., 2001 (The British Museum Occasional Paper. № 141). P. 23–25.

³⁸ *Янин В.Л., Колчин Б.А.* Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 40–41; *Колчин Б.А., Янин В.Л.* Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет археологии Новгорода. М., 1982. С. 112–113.

³⁹ *Петров М.И., Сорокин А.Н.* Указ. соч.

⁴⁰ *Goehrke C.* Die Sozialstruktur des mittelalterlichen Novgorod // *Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Reichenau-Vorträge. 1963–1964.* Sigmaringen, 1974 (Vorträge und Forschungen. Bd. XI) (эта важнейшая работа в главе М.К. Пола даже не упомянута); *Алексеев Ю.Г.* Указ. соч.

теризованы и не систематизированы, из-за чего не создаётся внятной картины эволюции новгородского зодчества. Не обозначено его место в широком древнерусском контексте, что помогло бы подчеркнуть своеобразие местной традиции. К примеру, как нам представляется, было бы уместно применительно к XII в. сравнение с памятниками архитектуры Суздальской земли, отличающимися богатым декором и стремлением к утончённому изяществу, никогда не свойственными Новгороду, который предпочитал лаконичную, строгую форму.

В тексте допущена неточность: указывается, что план Никольского храма на Ярославовом дворище «очевидно упрощён» (видимо, по сравнению с рассматриваемым в тексте выше Софийским собором) и представляет собой центральный купол, опирающийся на четыре столпа (р. 304). Не вполне понятно, о чём идёт речь. Никольская церковь на Дворище – пятиглавый шестистолпный храм (с нартексом), принадлежит к группе масштабных новгородских памятников XII в.⁴¹ Если имеется в виду, что церковь одноглавая, то это не соответствует действительности, хотя до реставрации в XX в. она долгое время стояла перестроенной в одноглавую⁴². Если же автор понимает, что глав всё-таки пять, то неясно, в чём «упрощение».

В главе упомянут факт массового церковного строительства во второй половине XIV – начале XV в. (р. 309), но мало сказано о формировании и развитии самой типологии многочисленных новгородских храмов, начиная с церкви Николы на Липне, первой каменной постройки после монголо-татарского завоевания. Этот тип небольшого четырёхстолпного одноглавого храма с одной апсидой историки архитектуры возводят к памятнику первой половины XIII в. – церкви Рождества Богородицы в Перынском скиту⁴³. В рамках такой типологии, окончательно сложившейся к 1360-м гг., решение конструкции сводов, покрытия и декора бывало очень разнообразным. Кроме того, не совсем точно время, указанное автором раздела в качестве начала периода активного сооружения церквей: памятников первой половины и середины XIV в. в Новгороде тоже было много, просто их сохранилось меньше⁴⁴.

Почти полностью отсутствует в разделе информация о степени сохранности памятников и их реставрации, а это один из самых важных и актуальных вопросов. Упомянуты некоторые из древних фресок Софийского собора (пророки в барабане купола и фрески с Мартириевской паперти), но не сказано, во-первых, что они принадлежат к разным стадиям декорации, а во-вторых – что большая часть росписи не дошла до наших дней⁴⁵. О фресках церквей Спаса на Нередице (р. 306) и Успения на Волотовом поле (р. 310) сказано, что они утрачены, хотя в наше время благодаря усилиям реставраторов часть этих живописных ансамблей восстановлена и процесс подбора фрагментов продолжается.

⁴¹ *Раппопорт П.А.* Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 55, 58. А.И. Комеч считает, что Никольская церковь соответствует киевскому типу церковного здания, выработанному к началу XII в. – четырёхстолпному храму с нартексом (т.е. с двумя дополнительными опорами, отделяющими нартекс) (*Комеч А.И.* Архитектура второй половины XI – первой четверти XII века // История русского искусства. Т. I. Искусство Киевской Руси IX – первой четверти XII в. М., 2007. С. 361–417, особенно: с. 398, 400).

⁴² Точнее, четыре малые главы были наполовину снесены и закрыты четырёхскатной кровлей (см. *Комеч А.И.* Указ. соч. С. 361–416, особенно: с. 402, сноска 118).

⁴³ *Раппопорт П.А.* Древнерусская архитектура. С. 134.

⁴⁴ Там же. С. 136.

⁴⁵ *Сарабьянов В.Д., Смирнова Э.С.* История древнерусской живописи. М., 2007. С. 86–87.

Фрески церкви Спаса на Ковалёве просто упомянуты в связи с иконографическим вопросом (р. 311), но об истории их утраты и уникальной реставрации ничего не сообщается.

В посвящённых живописи частях раздела недостаточно, на наш взгляд, говорится о контексте новгородского искусства – как древнерусском, так и византийском. К примеру, неоспоримо, что главное имя в художественной жизни Новгорода второй половины XIV в. – это Феофан Грек (р. 309), но не хватает информации о том, что искусство и Феофана Грека, и авторов фресок церкви Феодора Стратилата на Ручью, и, наконец, выдающегося анонима, расписавшего Успенскую церковь на Волотовом поле, – составляющие крупного художественного явления, характерного для всего византийского ареала и выражавшего сущность нового богословского учения, исихазма, сформулированного в рамках придворной византийской культуры. Поразительные фрески Спаса на Ильине улице и Успения на Волотовом поле (к слову сказать, созданные на 15 лет раньше Феофановых) – не только результат личного озарения выдающихся художников, но и яркие проявления определённого стилистического направления в византийском искусстве той эпохи⁴⁶.

Спорно, как нам представляется, выглядят некоторые эпитеты. Вряд ли применимы к церковному искусству византийского ареала такие характеристики, как «правдоподобие изображения человеческого облика» (р. 311) и «психологизм» (р. 306). Средневековое по сути, оно едва ли в принципе соприкасалось с такими категориями, причём особенно это касается новгородской живописи XI–XII вв. Так, фрагмент фрески с историей Иова, сохранившийся в Николо-Дворищенском соборе, по мысли автора раздела, напоминает о «трагедии и вселенском сострадании» (р. 304). Однако не сказано о том, скорее всего, более важном для заказчиков, художников и зрителей обстоятельстве, что сцена представляла собой часть многослойного, с историческим и богословским контекстом⁴⁷, поучительного иконографического сопоставления двух сюжетов: «Богатый в аду» и «Иов на гноище». Особенно неожиданно характеристики «правдоподобия» и «психологизма» выглядят применительно к фрескам Благовещенской церкви в Аркажах (р. 306), монашески строгим, в своей намеренной неклассичности доходящим едва ли не до гротеска. Об иконе так называемого «Устюжского Благовещения» сказано (р. 307), что она есть «приглашение к молитвенному размышлению» (вероятно, так следует перевести слово *méditation*). Но это качество свойственно едва ли не любой иконе и вряд ли может служить оригинальной характеристикой.

В интереснейшем разделе о культурных связях между Западом и Новгородом сама постановка вопроса, подчёркивающая место последнего не только в экономическом, но и в культурном контексте Европы позднего Средневековья, не вызывает сомнений. Можно было бы сделать только небольшое дополнение, касающееся вопроса о влиянии европейской архитектуры на новгородскую. По прочтении соответствующих страниц раздела (р. 315–317) у читателя-неспециалиста может создаться впечатление, что имело место значительное воздействие готического стиля на русскую традицию. Безусловно, романо-готическое влияние заметно в фасадном декоре новгородских церквей начиная с конца XIII в., что отражает попадание православной архитектуры в орбиту западноевропейских стилей. Так, в облике церкви Николы на Липне присутствует единичный

⁴⁶ См., например: там же. С. 306, 308–309.

⁴⁷ Там же. С. 92.

пример конструктивного влияния западных образцов. Но в целом с точки зрения собственно стиля, плана, строительной техники, архитектоники ни романика, ни готика, судя по всему, не повлияли на развитие местной традиции⁴⁸. Стадиальное соответствие европейской церковной архитектуре может быть до некоторой степени прослежено только на уровне мотивов фасадной декорации, что, несомненно, само по себе является выразительным показателем культурных связей Новгорода с западными соседями.

Приходится отметить и недостатки иного рода, которые могли быть устранены при более тщательной редакционной работе с текстом книги. В разделах, написанных авторами, придерживающимися разных точек зрения на отдельные спорные вопросы новгородской истории, есть противоречия, иногда бросающиеся в глаза. В принципе, ничего страшного в этом нет, но редакторам следовало бы как-то критически осмыслить, оговорить это обстоятельство и уж во всяком случае устранить фактические противоречия и неточности (тем более в своих собственных текстах). В качестве примера можно привести сюжет о междоусобной борьбе, вспыхнувшей на Руси после смерти Владимира Святого. «С того времени мятеж Ярослава превратился в борьбу за трон в Киеве и верховную власть на Руси против Бориса, его сводного брата. После смерти Бориса продолжилась война против Святополка, двоюродного брата Святослава, овладевшего тронном, на который у него было больше оснований претендовать, чем у сыновей Владимира», – так излагает события Севастьянова (р. 110). Из контекста вроде бы следует, что войну начал Ярослав, продолжив тем самым инициированный им мятеж против собственного отца, потом он боролся с Борисом, а после его смерти воевал со Святополком. Идея о том, что именно Ярослав был убийцей Бориса (и Глеба) и основным виновником междоусобицы, уже неоднократно высказывалась в историографии⁴⁹: подразумевается, что на каком-то этапе развития летописной традиции подлинный ход событий был искажён, а Святополк Окаянный превратился из жертвы в преступника. Такая интерпретация по-своему логична, хотя и небесспорна (так как отдаёт предпочтение не русским источникам, чётко говорящим об убиении святых князей Святополком, а неясным и отнюдь не более древним скандинавским свидетельствам). То же, что изложено в рассматриваемом разделе, предельно нелогично. Кому принадлежала «верховная власть» в Киеве после смерти Владимира? Борису? Но тогда в каких с ним отношениях находился Святополк, который, по мнению автора раздела, имел на Киев больше прав, чем Борис? Вероятно, был его противником? Но тогда получается, что Ярослав и Святополк находились в фактическом союзе? Однако из этого следует, что последний вполне мог быть реальным виновником гибели Бориса, и «русская историографическая традиция», которая квалифицировала Святополка как окаянного, в справедливости чего, как можно думать, сомневается автор (р. 110, сноска 217), не так уж и неправ?

Почему Святополк имел больше прав на киевский стол, чем его братья? Обычно считается, что благодаря своему старшинству среди сыновей Владимира. Но автор раздела придерживается другого мнения. Она признаёт его сыном

⁴⁸ *Седов В.В.* Церковь Николая на Липне и новгородская архитектура XIII в. во взаимосвязи с романо-готической традицией // Древнерусское искусство. Русь, Византия, Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 408–409.

⁴⁹ См., например: *Михеев С.М.* «Святополк сѣде в Киевѣ по отци: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009. Ссылки ни на эту, ни на предшествующие работы, обосновывающую такую точку зрения, в тексте Севастьяновой нет.

старшего брата Владимира (père de Sviatopolk), т.е. Ярополка Святославича, ставшего жертвой предыдущей княжеской междоусобицы. Но происхождение Святополка «от двух отцов» – версия русских источников, и внятно объяснена она может только в рамках одной из двух позиций: 1) это правда, но тогда нужно считать верными и другие свидетельства «русской агиографической традиции»; 2) это неправда и часть «чёрного пиара», который был применён против Святополка книжниками, воспевавшими его врага – Ярослава⁵⁰, но в таком случае рушится концепция автора раздела. То же, что в нём предлагается – типичная интерпретация *ad hoc*. И, наконец, последний вопрос: кто такой Святослав, двоюродный брат Святополка? Если считать Святополка сыном Владимира, то у него не было двоюродных братьев, поскольку родные братья Владимира – Ярополк и Олег – детей не оставили; во всяком случае, источникам они неизвестны. Если же считать Святополка (к чему, по-видимому, склоняется автор раздела) сыном Ярополка, то двоюродный брат по имени Святослав у него был – Святослав Владимирович, древлянский князь, согласно «официальной версии», одна из жертв (наряду со святыми князьями Борисом и Глебом) Святополка Окаянного. Непонятно, однако, в таком случае, зачем автор раздела делает акцент на этом князе, определяя известное (хрестоматийного Святополка Окаянного) через малоизвестное (Святослава Древлянского).

В очерке из пятой части, посвящённом новгородскому летописанию (Ф. Мушар) справедливо говорится о том, что последние новгородские летописные памятники, содержащие достоверную информацию о периоде независимости республики – это летописи новгородско-софийской группы и связанные с ними тексты. В то же время в третьей части книги М.К. Пол без всяких комментариев и оговорок ссылается на позднюю Новгородскую III летопись (р. 235).

Обозначение «господин» применительно к Великому Новгороду последовательно передаётся по-французски, как *Dame* (очевидно, поскольку во французском языке город – *ville* – женского рода). Но «Господин Псков» в главе, написанной Г. Пикхан, почему-то назван *Messire Pskov*, т.е. оказался «мужчиной». У неискущённого читателя невольно может возникнуть соблазн поискать тут какой-нибудь гендерный подтекст.

Психологически понятно стремление Севастьяновой одним ударом разрубить «гордиев узел» проблемы загадочных «300 золотых поясов» из ганзейского документа 1331 г. Она усматривает в них материальные объекты – реальные предметы, собственно золотые пояса. Однако её перевод фрагментов документа, в которых такое словосочетание упоминается, неприемлем (р. 151). Средненижненемецкие фразы, «vnn sprach ene hedden vtghesant .ССС. guldene gordele» и «he dat seghede den dren hundert guldenen gordelen»⁵¹, нельзя понимать так, как хочет автор главы. Неодушевлённые золотые пояса не умеют никого посылать с поручениями и слушать, что им говорят. Примерно так же, как Севастьянова, предлагал понимать этот термин первый переводчик документа на русский язык А. Чумиков⁵², но ещё в дореволюционной литературе была показана невозможность такого перевода⁵³.

⁵⁰ Именно так – и в рамках своей концепции вполне логично – интерпретирует это С.М. Михеев (Там же. С. 82–86).

⁵¹ *Napiersky K.E. Russisch-livländische Urkunden* (=Русско-ливонские акты, собранные К.Е. Напьерским). СПб., 1868. S. 58, 59.

⁵² Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1893 г. Кн. I(164). М., 1893. Смес. С. 1–8.

⁵³ См., например: *Ключевский В.О.* Боярская Дума древней Руси. М., 1909. С. 543–545.

Досадная неточность встречается в схеме новгородских органов власти (р. 143). В тексте книги русские термины «посадник» и «тысяцкий» передаются французскими обозначениями *prévôt* и *chiliarche* (последнее – удачно избранная калька с греческого *χιλίαρχος*). Но в схеме названия поменялись местами, в результате у читателей может возникнуть путаница.

В главе о новгородском вече так называемое восстание против Мирошкиничей датировано 1209 г., хотя оно имело место в 1207 г.⁵⁴ (правильная дата фигурирует в классических трудах В.Л. Янина). Встречаются и опечатки. Например, издатель записок де Ланнуа Ж.-К. Узо (Houzeau) назван «Музо» (Mouzeau, p. 238).

Если же оценивать книгу в целом, то её можно охарактеризовать как весьма успешный опыт описания различных аспектов истории Новгородской республики, удачно соединяющий серьёзное с научной точки зрения содержание и популярную форму подачи. Французские и франкоязычные читатели, интересующиеся средневековым Новгородом и его местом в европейском контексте, получили солидное введение в проблему. Интересна будет книга и для специалистов-новгородоведов: целый ряд её глав содержит новые данные и интерпретации.

Что касается места вышедшей книги в упомянутой дискуссии о типологии средневекового Новгорода, то оно неоднозначно. С одной стороны, авторы «центральных» её разделов склонны скорее скептически относиться к применению западноевропейской «коммунальной» терминологии к социально-политическому строю Новгорода и новгородским политическим институтам. С другой стороны, коллективная монография показывает, что позиции участников дискуссии не столь далеки друг от друга. Спор во многом идёт о понятиях («коммуна», «республика»), по существу же все учёные, серьёзно занимающиеся этой проблематикой, согласны в том, что изучать Новгород можно и нужно именно в европейском контексте.

---

⁵⁴ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 255.

Эльмира Амерханова, Игорь Ермолаев

Рец. на: С.М. Каштанов. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М.: Наука, 2014. 674 с.

Elmira Amerkhanova (Nikolay Lobachevsky Scientific Library, Kazan (Volga region) Federal University, Russia),

Igor Ermolaev (Institute of Oriental Studies and International Relations, Kazan (Volga region) Federal University, Russia)

Rec. ad op.: S.M. Kashtanov. Issledovaniia po istorii kniazheskikh kantseliariy srednevekovoy Rusi. Moscow, 2014

Изучение истории княжеских канцелярий средневековой Руси стало новым этапом в многоплановой, масштабной и плодотворной исследовательской деятельности члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора Сергея Михайловича Каштанова, выдающегося учёного-источниковеда, специалиста по изучению проблем дипломатики как отечественной, так и западноевропейской истории. Широко известны такие его труды, как «Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века», «Очерки русской дипломатики», «Финансы средневековой Руси», «Из истории русского средневекового источника». Студенты-историки и молодые учёные хорошо знают учебное пособие «Русская дипломатика» и монографию Каштанова «Актовая археография», созданную на базе обобщения богатого опыта отечественной и зарубежной историографии. В своих исследованиях он опирается на обширные достижения не только русской, но и западноевропейской науки, наглядным подтверждением чему является рецензируемая книга. Она посвящена дипломатическому анализу отечественных актов XIV–XVI вв. и выявляет характерные особенности деятельности протоканцелярий и канцелярий высшей светской власти средневековой Руси.

Обращение к данной теме в историографии происходило неоднократно, но

недостаток источников, сложнейший исторический контекст, многообразие взаимосвязей отечественных документообразующих учреждений средневековья с европейскими и восточными аналогами позволяло большинству исследователей сосредоточиться лишь на отдельных аспектах. Почти весь историографический опыт предшественников Каштановым был переосмыслен, и в каждом из 18 разделов исследования выделен во вводной части как точка отсчёта для последующего анализа той или иной проблемы.

В рецензируемом исследовании впервые поставлена и решена сложнейшая задача – на основе малочисленного корпуса древнерусских и средневековых западноевропейских источников проанализировать возникновение и эволюцию презентации светской власти в правовом поле. Соответственно, структура работы последовательно выстраивает по степени значимости составные части документов великокняжеских канцелярий, воспроизводя своеобразную иерархию административных (чиновных) представлений о значимости того или иного элемента формуляра документов, а значит, и отражённого в нём аспекта существования института власти. Особое значение данной монографии придаёт системный сравнительный анализ процессов, протекавших в русских средневековых канцеляриях, с аналогами в истории европейских государств.

Становление древнерусских прото-канцелярий автор начинает исследовать с изучения их взаимодействия с византийской традицией; процесс этот предстаёт в мельчайших деталях, демонстрируя генетическую взаимосвязь также и с венецианскими актами. Сложный текстологический разбор дословно воспроизводит в дискурсе отечественной историографии дошедшие до нас русско-византийские договоры с учётом особенностей перевода. Важным свидетельством значимости исследования становится введение Каштановым в кодикологическую практику новых научных терминов. Ещё более новаторским стало внимательное рассмотрение вопроса датировки первых жалованных актов русских князей во второй главе работы, что позволило уточнить время их создания в связи с важными историческими событиями. Охватывая период XII–XIV вв., автор при изучении княжеских грамот проводит параллели и с более ранними мерovingскими документами, и с европейской делопроизводственной практикой позднейших периодов.

Весомый вклад в науку вносит третья глава исследования, посвящённая истории распространения бумаги на Руси в XIV–XVI вв. Опираясь на работы предшественников (прежде всего Н.П. Лихачёва), учёный представил важные свидетельства проникновения в русские земли новых материальных носителей письменных источников, формирования самых ранних отечественных кодексов, уточнил ряд датировок. Выявление генезиса сложившихся в историографии терминов, таких, как «александрийская бумага», представляет особый интерес для всех интересующихся не только научным источниковедением, но и историей искусства. Традиционный кодикологический разбор формуляра документов, исходивших из княжеских канцелярий, определение авторства текстов, свидетельских и удостоверительных признаков актов приводит к выявлению важных событий для различных этапов отечественной истории, в частности, феодальной войны второй четверти XV в.

Взаимосвязаны по предмету исследования два очерка – о духовных грамотах князей и о богословской преамбуле жалованных грамот. Формуляр этих докумен-

тов пронизан богослужебными смыслами, отражающими глубокую духовность мировоззрения великих князей, следовательно, не случайно при рассмотрении подобных актов автором использовались методы церковной герменевтики. Каштанов выделил в особую главу анализ трансформации интитуляций раннего отечественного Средневековья. Благодаря последовательной классификации всех выявленных подходов к обозначению субъектов правы выражения на протяжении пяти веков, автору удалось систематизировать дошедшие до нас документы и прийти к далеко идущим выводам, раскрывающим процесс формирования и развития основ княжеской власти средневековой Руси. Трансформация великокняжеского титула в царский, его эволюция в связи с внешнеполитическими успехами выстраиваются в логическую последовательность благодаря успешно выбранному источнику по полю – грамотам Афонским монастырям. Анализ документов, предназначенных именно для международного обращения, проводится Каштановым с учётом филигранологических особенностей дошедших до нас списков, что демонстрирует в новом ракурсе особенности развития государственных институтов Московского государства.

Большое значение для источниковедения имеет анализ заседаний международных конгрессов по дипломатике, выделенных Каштановым в особый раздел. Характеристика деятельности этих конгрессов, рассмотрение основных выводов, представленных исследователями, представляют большой интерес для отечественных медиевистов и позволяют соотносить различные подходы к проблемам российской дипломатики.

Введение в научный оборот текста русско-ливонского договора 1535 г. будет иметь непреходящую ценность для отечественной исторической науки. А блестящие археографическая, филиграноведческая, сфрагистическая, палеографическая, кодикологическая и текстологическая составляющие сделанного анализа можно рассматривать в качестве одного из лучших образцов представления источника для последующих поколений учёных. Этот научный труд, несомненно, вызовет

большой интерес как отечественных, так и зарубежных учёных.

Подводя итог, хочется сказать, что, будучи выдающимся специалистом в области истории России периода феодализма и методологии истории, Каштанов систематизировал в единый комплекс результаты своей многолетней работы в области источниковедения, дипломатики, палеографии, кодикологии, филиграноведения и с их помощью создал почти исчерпывающий анализ документообразующей функ-

ции высшей светской власти средневековой Руси.

С сожалением приходится констатировать крайне ограниченный тираж книги, превративший её в библиографическую редкость. Вместе с тем выразим надежду, что намеченные С.М. Каштановым почти в каждом разделе работы пути дальнейшего изучения поставленных вопросов будут реализовываться в его новых монографиях.

Вячеслав Козляков

Рец. на: К.А. Аверьянов, С.А. Ромашов. Смутное время: Российское государство в начале XVII в.: Исторический атлас. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 160 с.: ил., карты (Historia Russica)

Viacheslav Kozliakov

(S.A. Yesenin Ryazan State University, Russia)

Rec. ad op.: K.A. Aver'ianov, S.A. Romashov. Smutnoe vremia: Rossiiskoe gosudarstvo v nachale XVII v.: Istoricheskiiy atlas. Moscow; Saint Petersburg, 2015

Полное историко-географическое представление о Смуте до появления рецензируемого труда отсутствовало, несмотря на то, что потребность историков в картах, объяснявших историю Русского государства в начале XVII в., всегда была велика. Показательно, что карты были приложены уже к классическому исследованию Сергея Фёдоровича Платонова «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.» (для издания 1901 г. они были сделаны преподавателем истории и географии VI Санкт-Петербургской гимназии Георгием Степановичем Лыткиным)¹. В книге Платонова наглядно объяснялось разделение Московского государства «в эпоху опричнины», «областное деление» городов в XVI в. – «Поморских», «Замосковных», «Украинных», «От Немецкой крайны», «От Литовской крайны» и т.д. Не случайно картографический блок исторического атласа К.А. Аверьянова и С.А. Ромашова также открывается картой под названием

(Европейская часть)», следуя уже устоявшемуся «делению Российского государства на исторически сложившиеся районы (по С.Ф. Платонову)» (карта № 1).

В предисловии к историческому атласу приводятся лучшие, на взгляд составителей, примеры работ по картографии событий русской истории начала XVII в. В первую очередь упоминаются карты И.А. Голубцова (названного А.А. Зиминным «Шалыпиным в географической сетке»), представленные в известных академических «Очерках истории СССР». Важное значение имел «Атлас карт и схем по русской военной истории», составленный Л.Г. Бескровным в 1946 г. Дополнительно, как пишут Аверьянов и Ромашов, бытовало «несколько схем сражений»: «битва под Добрыничами, осада Троице-Сергиева монастыря, освобождение Москвы в 1612 г.» (с. 5). Между тем перечень заслуживающих внимания опытов картографирования событий Смуты может быть продолжен. И.И. Смирнов на основе разысканий И.А. Голубцова составил

карту восстания Болотникова 1606–1607 гг. с подробными примечаниями². Схемы военных действий на Северо-Западе России в 1609–1611 гг., подготовленные А.И. Васильевым ещё в 1930-х гг., были воспроизведены в «Истории десятилетней шведско-московитской войны» Ю. Видекинда³. В книге И.О. Тюменцева, изданной в серии исследований по военной истории издательства «Цейхгауз», помещена цветная реконструкция «схем боёв у Троицы», сделанная Д.Л. Семушиным (Венгрия)⁴. В этой же серии опубликована работа О.А. Курбатова, где приведены две схемы военных действий в 1613 и 1614 гг.⁵ Пристальное внимание вопросам картографии уделяется редколлекцией альманаха по военной истории «Единорог» (главный редактор А.В. Малов). В альманахе публиковались новые схемы боёв с гетманом Я.К. Ходкевичем в 1612 г. (в приложении к статье Т. Бохуна), составленные безвременно ушедшим из жизни Виктором Николаевичем Темушевым⁶.

Составители исторического атласа «Смутное время» Аверьянов и Ромашов поставили задачу впервые создать «полную подборку исторических карт», представляющих все основные события Смуты, «начиная с похода Лжедмитрия I до заключения Деулинского перемирия». И такое комплексное отображение событий Смуты им вполне удалось. Следуя традициям немецкой картографии, авторы представили свою работу в двух блоках. В первом, текстовом, написанном Аверьяновым, содержится «Краткий очерк событий Смутного времени начала XVII в.» (с. 11–157). В процессе подготовки «Атласа» Аверьянов объяснял возможные сложности, подстерегающие картографов, и указал на необходимость преодолеть перенасыщение карт исторической информацией. Для этого и понадобился текстовый блок, где объясняются заголовки, легенды карт, и те исторические детали, которые сложно отразить картографическим путём⁷. Во втором блоке – картографическом, Ромашовым представлены составленные специально для данного издания 45 цветных карт. Причём названия главок из текстовой части в основном совпадают со списком карт, представленных на цветной вклейке, что позволило наглядно и компактно

раскрыть средствами картографии заявленную тему. Цветные карты, помещённые в отдельной вкладке в конце издания, информативны и понятны, в них выбраны удобные цветовые решения (преимущественно зелёные и жёлтые), выдерживаются стандарты отражения однотипной информации (например, для действия правительственных русских войск всегда используются красные стрелки). Страницы текстового блока также снабжены иллюстрациями, содержит подробную подборку портретов, рисунков, картин и планов. Правда, воспроизведение в чёрно-белом варианте и сильно уменьшенном виде снижает их информативную ценность. Но это скорее недочёт издателей, а не авторов, проделавших большую работу по выявлению иллюстраций. Некоторые карты издания тоже только выиграли бы от увеличения формата.

Составленный Аверьяновым очерк посвящён обзору основных событий Смуты: он открывается описанием событий, предшествовавших походу Лжедмитрия I в Россию в 1604 г., а завершается характеристикой Деулинского перемирия 1618 г.⁸ Предуведив читателя об «очерковом» характере этого раздела, авторы значительно упростили свою задачу, построив изложение на обращении к общеизвестным трудам и фактам. Сознательное отстранение в тексте «Краткого очерка» от анализа историографии и рассмотрения различных взглядов исследователей составители объясняют стремлением представить непротиворечивую картину Смуты. С этой точки зрения «Атлас», несомненно, может быть востребован в школьных и даже студенческих аудиториях. Однако авторы «Исторического атласа» адресуют свой труд более широкому кругу читателей, в том числе специалистам, предупредив, что работа составлена «по основным источникам и учитывает работы как отечественных, так и зарубежных исследователей по данной проблематике» (с. 10). Поэтому хотелось бы, чтобы в книге присутствовал соответствующий обзор спорных проблем изучения истории Смуты, дополненный ссылками или хотя бы библиографией новейших изданий по истории Смуты (особенно в региональном измерении)⁹.

Во всех разделах «Краткого очерка», написанного Аверьяновым, традиционное описание событий удачно дополняется историко-географическими наблюдениями. Внимание автора к географическим деталям помогает не только в освоении карт, помещённых во втором «блоке» книги, но и в изучении описанных им основных событий Смуты. Для примера можно привести несколько цитат. Характеризуя цели похода Лжедмитрия I в Россию, Аверьянов пишет: «Двигаясь вверх по течению р. Десны, по её правому берегу, самозванец надеялся этим путём выйти в верховья Оки, откуда уже шли торные дороги на Москву» (с. 16). Обращаясь к характеристике начала движения Болотникова, автор снова раскрывает историко-географическую суть событий: «Собрав войско, И.И. Болотников двинулся из Путивля, как и первый самозванец, через Севские места, к Кромам, где сошлись все дороги с юга на верховья Оки». Кстати, это ещё и убедительное объяснение значения Кром в истории Смуты, «под обгорелыми стенами которых», как некогда писал С.Ф. Платонов, «решилась участь династии Годуновых». И такие важные историко-географические новеллы можно найти во всех разделах «Краткого очерка» Аверьянова.

Помимо раскрытия значения отдельных территорий в Смуту, борьбы за обладание речными и торговыми путями, авторы «Атласа» очень внимательно относятся к точной локализации ряда известных событий эпохи начала XVII в. Особенно тогда, когда они происходили на территории Москвы и Подмосковья, хорошо исследованной Аверьяновым. Например, он справедливо обратил внимание на то, что посланцы Лжедмитрия I Н.М. Плещеев и Г.Г. Пушкин появились «в пригородном Красном селе» не с юга, «откуда их ждали», а «совершенно с другой стороны – с севера» (с. 23). Говоря об осаде Тулы войсками правительства царя Василия Шуйского в 1607 г., составители атласа подчёркивают их расположение на Каширской и Крапивенской дорогах (с. 39). Автор «Краткого очерка» подробно рассмотрел географическую расстановку сил во время противостояния царя Василия Шуйского и Лжедмитрия II,

похода рати кн. М.В. Скопина-Шуйского (с. 52–71), ведения «военных действий в апреле–сентябре 1610 г.» гетманом Станиславом Жолкевским (с. 79–90). В «Атласе» охарактеризованы территории, контролировавшиеся Первым и Вторым земскими ополчениями (с. 95, 111–112), наглядно представляющие освободительное движение 1611–1612 гг. Особенно тщательно разобран ход боёв за Москву в августе 1612 г., во время похода гетмана Я.К. Ходкевича (с. 116–120)¹⁰. Не случайно, что и соответствующие карты Ромашова в «Атласе» (№ 12, 15, 19–21, 23–24, 28–30), за редким исключением, стали первыми примерами, раскрывающими с помощью картографии ход этих важных событий в истории Русского государства.

Новаторское значение имеет также проделанная Аверьяновым и Ромашовым работа по картографированию завершающего этапа Смуты – 1613–1618 гг., редко попадавшего в поле зрения историков¹¹. Потребовалось большое умение, чтобы в кратком виде изложить разрозненные сюжеты войн первых лет правления царя Михаила Фёдоровича, осветить борьбу с восстаниями казаков и противостояние с польско-литовскими войсками в 1613–1617 гг. В этой части «Краткого очерка» Аверьянова при характеристике заметных сражений того времени снова особое внимание уделяется историко-географическим деталям. Впервые подробно проиллюстрирован с помощью карт ход борьбы с Иваном Заруцким в 1613–1614 гг. (с. 124–126, № 28), военные действия на Северо-Западе России – в Новгороде и Пскове (с. 130–139, № 29–36), поход королевича Владислава и вспомогательного войска запорожского гетмана П. Сагайдачного на Москву в 1617–1618 гг. (с. 147–155, № 41–44). Показаны новые границы Русского государства по Столбовскому договору 1617 г.¹² и Деулинскому перемирию 1618 г. (№ 37, 45).

Конечно, издание «Исторического атласа», не имея precedентов, не вполне свободно от отдельных спорных суждений и недочётов. Например, сражение под Новгородом-Северским 21 декабря 1604 г. не может трактоваться однозначно как победа Лжедмитрия I (с. 18). Своё донесение о победе отправили в Москву

и воеводы правительственной рати Бориса Годунова. Тело царя Бориса Годунова было перезахоронено в Троице-Сергиевом монастыре не «после окончания Смуты» (с. 24), а уже в сентябре 1606 г. Слишком преувеличены сведения о жертвах восстания в Москве против самозванного царя Дмитрия Ивановича 17 мая 1606 г. По сделанным тогда же подсчётам и «реестрам», составленным в окружении воеводы Юрия Мнишка, погибших людей с польской стороны насчитывалось около 500 человек¹³, а с московской – вдвое больше, а не 1 300–2 100 человек, как пишут авторы «Атласа», приводя цифры потерь «поляков» или «от 400 до 2 тыс.» для «русских» (с. 28). Впрочем, восстанавливать количественную информацию о событиях Смуты всегда очень сложно, приведённый пример, скорее, одно из немногих исключений, когда точные подсчёты были сделаны по следам событий.

В «Краткий очерк» вкралось и дословное совпадение с текстом «Истории» С.М. Соловьёва, где приводится термин «складная грамота», экстраполированный им из ранних документов для характеристики объявления Сигизмундом III войны царю Василию Шуйскому в 1609 г.: «Перейдя границу, Сигизмунд отправил в Москву складную грамоту, а в Смоленск – универсал, в котором призвал смолян к сдаче» (с. 72)¹⁴. Сведения об отправлении королевского универсала жителем Смоленска действительно вошли в «Дневник» его похода, сохранился и текст документа, но воевода и жители города не поверили, что король Сигизмунд III сам находился во главе этой рати и даже обещали «напоить водой» следующего гонца (т.е. посадить его в воду). Первые обращения к царю Василию Шуйскому датируются уже временем отправления посольства Станислава Стадницкого в Тушинский лагерь и в Москву, что было связано, как сравнительно недавно показал Б.Н. Флоря, с изменением стратегических планов кампании после того, как жители Смоленска оказали сопротивление королевскому войску¹⁵.

В тексте очерка воспроизводятся и ряд «устоявшихся» в историографии суждений, не вполне соответствующих современным представлениям о событиях

Смуты. В частности, это связано с характеристикой организации и деятельности Первого ополчения. И.М. Заруцкий не присягал королевичу Владиславу и не отказывался, как сказано в «Кратком очерке», «от своей авантюры» по поддержке сына Марины Мнишек (иначе зачем воспроизводить в «Атласе» недостоверный слух о свадьбе И.М. Заруцкого и Марины Мнишек (с. 104, 125)?). «Приговор» I ополчения не имел в виду возвращение казаков «старым помещикам» (с. 100), не приходится говорить и о том, что это «ополчение окончательно распалось» (с. 110)¹⁶. Позже, рассказывая о деятельности Второго ополчения К. Минина и кн. Д.М. Пожарского, сам К.А. Аверьянов пишет, что в итоге под столицей «оказалось фактически два ополчения» (с. 115). Их торжественный вход в Москву состоялся не 30 октября (с. 120), а 1 ноября 1612 г. Трудно согласиться с тем, что царь Михаил Фёдорович был избран под давлением казаков уже 7 февраля 1613 г. (с. 122). Даже официальная «Утвержденная грамота» об избрании Михаила Романова на царство связывает с этим днём только «предъизбрание» царя, т.е. достигнутое согласие по поводу его кандидатуры, но не сами выборы, состоявшиеся, как известно, 21 февраля 1613 г.

В целом высказанные соображения не отменяют высокой оценки рецензируемого труда. Исследователи успешно решили комплексную задачу составления карт, отображающих все значимые события Смуты. Поэтому «Исторический атлас» должен стать важнейшим подспорьем для дальнейшего изучения событий истории Русского государства начала XVII в. Первый тираж в 500 экземпляров можно считать только пробным, вряд ли он сможет полностью и надолго удовлетворить читательский интерес. Хотелось бы также пожелать, чтобы картографический труд К.А. Аверьянова и С.А. Ромашова был продолжен и распространён на другие сложные периоды русской истории.

Примечания

¹См.: Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1901. С. V. О.Г.С. Лыткине см.:

Терюков А.И. История этнографического изучения народов коми. СПб., 2011. С. 296–299.

² Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606–1607. М., 1951. С. 562–564.

³ Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 44, 219.

⁴ Тюменцев И.О. Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. М., 2007.

⁵ Курбатов О.А. Тихвинское осадное сидение 1613 года. М., 2006. С. 20, 41.

⁶ Бохун Т. Как гетман Я.К. Ходкевич проиграл под Москвой в 1612 г. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 2. М., 2011.

⁷ Аверьянов К.А., Андреева Е.И. Отображение событий Смутного времени на тематических картах // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея Земли» в Ярославле. М., 2012. С. 173–176.

⁸ Авторы «Атласа» в целом выдерживают заявленный ими принцип приведения датировок событий по юлианскому календарю. В случае с заключением Деулинского перемирия можно дополнить его указанием на дату по григорианскому календарю 1(11) декабря 1618 г. См.: Маевский А.А. Деулинское перемирие 1618–1619 гг. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 3. М., 2014. С. 62.

⁹ Выделяются такие исследования последних лет, как: Кобзарева Е.И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005; Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008; Рабинович Я.Н. Малые города Новгородской земли в Смутное время. Великий Новгород, 2013; *он же*. Малые города Псковской земли в Смутное время. Псков, 2014; Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. Тексты, переводы, комментарии. Волгоград, 2012; Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лже-

дмитрия II. М., 2008. См. также: Селин А.А. Смутное время в историографии последних лет // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 255–262.

¹⁰ В «Атласе» приводится даже такая интересная деталь, как строительство Водоотводного канала, осуществленное при Екатерине II «по трассе» устроенного ополченцами большого рва в Замоскворечье (с. 120).

¹¹ См. подробнее: Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Качество на переломе истории. М., 1990. Полезный обзор военных событий, связанных «с борьбой с внутренними мятежами» и «интервентами» из Швеции, Польши и Литвы в 1613–1618 гг., содержится в книге О.А. Курбатова (*Курбатов О.А. Военная история русской Смуты начала XVII века*. М., 2014), но там как раз очень не хватает карт, представленных в «Историческом атласе».

¹² См. также специальные работы, связанные с натурными обследованиями при реконструкции русско-шведской границы по Столбовскому миру, в которых можно найти ещё более детальную локализацию: Резников А.И., Степочкина О.Е. Локализация южной части русско-шведской границы 1617 г. и пограничных знаков на ней // Проблемы исторического регионоведения. СПб., 2005. С. 212–235; Рябов Д.С. Русско-шведская граница по Столбовскому договору 1617 г. [Электронный ресурс] Гатчина сквозь столетия. 2004–2015 (URL: <http://history-gatchina.ru/article/swed.htm>)

¹³ Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 60.

¹⁴ Ср.: Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времён. Т. 7–8. М., 1989. С. 533.

¹⁵ См.: Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 99, 104.

¹⁶ См.: Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 38–40.

Адриан Селин

Рец. на: Я.Н. Рабинович. Малые города Новгородской земли в Смутное время. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2013. 433 с.

Adrian Selin

(National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia)

Rec. ad op.: Ya.N. Rabinovich. Malye goroda Novgorodskoi zemli v Smutnoe vremia. Veliky Novgorod, 2013

Рецензируемая книга Я.Н. Рабиновича посвящена малым городам Новгородской земли в Смутное время; её наименование отчасти совпадает с названием защищённой им в 2010 г. в Саратовском государственном университете кандидатской диссертации. Взыскательный читатель сразу же начнёт искать в книге следы переработанного диссертационного исследования, однако благодаря работе самого автора и научной редакции серии «Новгородская историческая библиотека» они незаметны – мы имеем дело с полноценной монографией. Несмотря на скромное название, в книге даётся хороший, качественный обзор событий Смуты в Новгородской земле; очевидно, что жизнь малых городов составляла в то время единое целое с судьбой Новгорода Великого.

Выбор объекта исследования – малых городов, новгородских пригородов-крепостей – обусловлен взглядом на движущие силы событий Смуты, сформулированным в двух монографиях И.О. Тюменцева, к которому присоединяются Рабинович и автор этих строк: наибольшую поддержку движения самозванцев получили у «служилой мелкоты» – служилых людей по прибору, низов городского дворянства, мелких землевладельцев (с. 63). Рассмотренная в книге судьба малых городов Новгородчины ещё раз подтверждает этот тезис. В начале монографии автор обращается к вопросу о взаимоотношениях шведской власти и Новгорода в 1611–1617 гг., предлагая их оригинальную периодизацию. По мнению учёного, с точки зрения новгородцев, до начала 1613 г. это был альянс, союзнические отношения, тогда как с позиции шве-

дов, с самого начала имела место интервенция. В поисках точной характеристики явления исследователь обращается к международному праву. По его мнению, с воцарением Михаила Романова, повлекшим восстания в Тихвине, Гдове, Порхове, шведское военное присутствие становится интервенцией и с точки зрения новгородцев (с. 7–8).

Самым серьёзным недостатком книги является то, что её автор всё ещё находится в поисках собственного места в историографии Смуты. Именно историографические сюжеты кажутся менее всего проработанными. Рабинович отсчитывает историю осмысления Смуты в Новгороде с написания «Временника» Ивана Тимофеева и «Рассуждения» о причинах Северной войны П.П. Шафирова, но пропускает почему-то «Новый летописец» (с. 9). Не всегда удачна апелляция автора к историографии; в книге, изданной в XXI в., продолжают использоваться устаревшие штампы, противопоставляется «советская» и «дореволюционная» историография (с. 4), неясен вопрос о том, к какой из них относятся шведские и американские работы о Смуте. Видимо, не вполне удачен термин «партизанская борьба», позаимствованный из работ В.А. Фигаровского 1930-х гг. (с. 101).

Важное место в книге занимают хорошо изученные в работах К.Н. Сербиной (1951) и О.А. Курбатова (2006) события под Тихвинским монастырём. Книга Сербиной могла в своё время считаться образцовым исследованием. Вместе с тем невозможно сегодня некритично повторять тезис исследовательницы о том, что «Тихвинский посад... был больше

городом, чем иные города» (с. 7). Нельзя и согласиться с утверждением Рабиновича о том, что Д.С. Лихачёв более тщательно, чем С.Ф. Платонов, рассмотрел «Повесть об осаде Тихвина монастыря» и «Сказание об иконе» (с. 19): Лихачёв, в отличие от Платонова, никогда не исследовал историю Смуты; при всех недостатках работ последнего, они являются гораздо более тонким погружением в проблематику Смутного времени.

В большом очерке историографии много отсылок к малонаучным трудам, имеется и некоторая непоследовательность: работы Г.А. Замятина названы позже общеисторических работ М.Н. Покровского (с. 19). Через запятую упомянута краеведческая и крайне непрофессиональная работа И.Н. Вязинина и академическое исследование З.А. Тимошенко. Шведская историография Смуты в Новгороде также не может считаться исчерпывающей. Историографические неточности Рабиновича, однако, соседствуют с удачными находками. Очень верным следует признать его замечание об опасности ухода в провиденциализм (с. 22) в связи с оценками идеологического воздействия Смуты.

В первой главе монографии содержится общий обзор событий Смуты на Северо-Западе начиная с 1608 г. и заканчивая Клушинской битвой 1610 г. (которую Рабинович считает точкой отсчёта шведской интервенции). Центральной фигурой здесь традиционно является кн. М.В. Скопин-Шуйский, а главным событием – заключение Выборгского договора со Швецией. Бегство кн. Скопина-Шуйского из Новгорода Рабинович связывает с мятежом в Новгороде, о котором в источниках прямых указаний нет (с. 63). Плодотворна попытка автора монографии найти сведения о новгородских служилых людях по прибору того времени. Весьма кстати здесь приводятся известия о корельских стрельцах, оказавшихся в Ярославле, где содержалась Марина Мнишек.

Автор очень точно обосновывает начало военных действий шведской стороны против России: он указывает на грамоту Василия Шуйского к городам от «немецкой украины», в которой предпи-

сывается относиться к шведам как к неприятелям (10 августа 1610 г. эта грамота была повторена московскими боярами) (с. 82–83). Впервые на это обратил внимание Г.А. Замятин, указывавший на то, что царь Василий Шуйский успел аннулировать Выборгский договор. Позднее в наказе Филарету Романову бояре писали, что после Клушина царь Василий Корелу «немцам отдавать не велел» (с. 85, 98). Автор пытается выяснить причины конфликта между Швецией и Польшей, при этом даёт весьма странную оценку противостояния Сигизмунда III и Карла IX. Он оценивает династическую, идеологическую борьбу, и вместе с тем борьбу за Балтику (Ревель и Гданьск). Недоумение вызывает следующая фраза: «Династические и идеологические причины польско-шведской борьбы за Прибалтику не были единственными в таком длительном конфликте» (с. 60).

Вторая глава посвящена собственно военно-политической борьбе на Северо-Западе до взятия Новгорода шведами. Представляется очень важным следующее наблюдение автора: после свержения царя Василия Шуйского небольшие города оказались предоставленными сами себе и часто служили разменной монетой в крупной политической игре (с. 127). Центральным пунктом, где разворачивались тогда основные события, разумеется, являлась Корела. Несколько наивны наблюдения исследователя, связанных со шведской религиозной политикой в Кореле в конце XVI в. (с. 89). Не могу согласиться с его мнением о том, что Тимофея Хахина (впоследствии переводчика при шведской администрации Новгорода, а после 1617 г. шведского подданного) нельзя именовать защитником Корелы в 1610 г. (с. 102). Но автор совершенно прав, когда пишет, что защитники Корелы вследствие падения центральной власти в стране стали действовать «на свой страх и риск» (с. 106).

Рабинович обращается к известному проекту договора Новгорода с Делагарди (июнь 1611 г.) и справедливо указывает на то, что возможной границей России и Швеции в нём предполагалась Нева (с. 132). Существенными являются и права сословий, оговорённые в проекте: отмена запрета на выезд новгородских купцов за

рубеж, гарантия поместных дач прежних царствований. Учтены были и требования атаманов и казаков Ополчения – право на отъезд в Московское государство и обратный выезд без запрещения, «как это было во времена царя Бориса» (с. 140). Важными являются и размышления исследователя о причинах задержки новгородского посольства в Швецию в конце декабря 1611 г. Новгородцы, согласно его выводам, ждали возвращения Дмитрия Зеленина, посланного под Москву, но так и не дождались в связи со сменой власти в I Ополчении (с. 164). Очень здоровой и точной следует считать оценку Рабиновичем общественных настроений в Новгороде 1611–1617 гг. Он утверждает, что о «шведской» партии в Новгороде говорить оснований нет (с. 238–239). Точно так же нельзя говорить и о существовании в Новгороде партии «сепаратистов». Полностью присоединяюсь и к оценке автором политической деятельности короля Густава Адольфа в отношении России в 1614–1617 гг.

Ход боевых действий в Новгородской земле, восстания в Гдове, Тихвине, Порхове, а также попытки добиться локальных примирений изложены Рабиновичем с доскональной точностью. Нет особой необходимости останавливаться на небольших неточностях, связанных прежде всего с дефицитом источников. Автор даёт детальное описание замирения в Новгородской земле и пути к Столбовскому договору. Важной кажется оценка учёным Столбовского мира (с. 377–378). Современники считали этот договор выгодным для России: царь Михаил Романов велел по городам «молебны петь со звоном». Однако нынешние исследователи, как правило, цитируют лишь слова короля Густава-Адольфа о том, что у России навсегда отнято море (в связи с чем в советское время Столбовский мир считали для неё унижительным). Но следует подчеркнуть, что мир со Швецией принёс спокойствие в Новгородскую землю.

В заключение автор резюмирует: в годы Смуты активизировались местные

миры, с которыми были вынуждены находить общий язык все противоборствующие стороны. При этом именно малые города стали залогом удержания власти в том ли ином уезде. Остаётся только констатировать, что в течение XVII в. такая роль местных миров, обозначившаяся в Смуту, была полностью утрачена.

Остановлюсь на некоторых существенных неточностях рецензируемой книги. Нельзя согласиться с рядом историко-географических наблюдений автора: Орешек и Корелу он помещает на берегу Ладожского озера (с. 6), что неверно; в книге упоминается Старая Ладога, получившая такое название лишь в 1704 г. (с. 16). Не соглашусь и с некоторыми характеристиками источников. Учёный пишет, что «сохранилась роспись личного состава войска отряда Р. Мюра в 1612 г.» (с. 206–207), что не соответствует действительности. Автор ссылается на один из документов Новгородского оккупационного архива («Отписка старорусского воеводы Гарасима Муравьева и дьяка Томилы Сергеева дьяку Пятому Григорьеву с указанием, сколько каких воинских и приказных людей в Старой Русе и какие на них расходуются казенные корма и деньги»¹). В этом документе никакой «росписи войска» нет, а перечисляются только некоторые шведские начальники, а также говорится о 90 стрельцах и 74 шведских конных воинах. Впрочем, поимённые росписи шведских отрядов, действовавших в составе корпусов Я. Делагарди и Э. Горна, частично сохранились в Военном архиве Швеции.

Подводя итог, отмечу, что монография Я.Н. Рабиновича может быть оценена как закономерный и позитивный итог длительного исследования истории русского Северо-Запада в эпоху Смуты. Учёный по праву занял достойное место в историографии Смутного времени.

Примечание

¹ Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod, serie 2: 359. S. 37b–40.

Людмила Найдёнова

Рец. на: Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. М.: Памятники исторической мысли, 2012–2013. Ч. I. 903 с. Ч. II. 877 с.

Ludmila Naydenova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Rec. ad op.: Arkhiv stol'nika Andreia Il'icha Bezobrazova. Vol. I–II. Moscow, 2012–2013

Архив стольника Безобразова – источник уникальный, ведь частных архивов периода русского Средневековья и Раннего Нового времени до наших дней дошло немного, а объём сохранившихся документов, как правило, крайне невелик. Важно, что значительная часть опубликованных текстов имеет не официальный, а частный характер. Тексты архива Безобразова дают нам представление об обыденной речи того времени. Мы не знаем, как звучала латынь, хотя и читаем латинские тексты; мы не знаем также, как звучала русская речь в XVII в. К тому же зачастую письма Безобразова написаны в таком стиле, что заставляют задуматься – отражают они наивность или сарказм автора.

Архив Андрея Ильича Безобразова был обнаружен ещё в XIX в., и уже тогда высказывались намерения его опубликовать. Однако эта идея не была реализована ни в XIX, ни в XX в. (были изданы лишь небольшие подборки документов). Исследователи середины XX в. (А.А. Новосельский, С.М. Котков, И.С. Филиппова, Л.Ф. Кузьмина) близко подошли к её претворению в жизнь, но в 1961 г. эта работа по неизвестным причинам была прекращена, и завершить её удалось лишь О.В. Новохатко. Те, кому приходилось доводить до конца начатое другими исследователями, прекрасно знают, насколько это непросто, но Ольга Владимировна блестяще справилась с трудной задачей. Итогом стали два объёмных тома; публикация осуществлена на высочайшем археографическом уровне и может быть использована в работе как историками, так и филологами, чего удаётся достичь далеко не всегда.

Рецензируемая публикация открывает новые исследовательские горизонты для специалистов разных областей историчес-

кой науки. Положение крестьян ранее изучали преимущественно по монастырским архивам, сохранившимся гораздо полнее, но вопрос о том, насколько положение монастырских крестьян отличалось от положения крестьян частновладельческих, оставался открытым. Теперь мы можем воспользоваться мирским источником при решении этого вопроса. Для советских историков-аграрников изучение крестьянской проблемы главным образом сосредоточивалось на масштабных социальных конфликтах, подобных восстанию Ивана Болотникова, а также на аспектах эксплуатации крестьян. Судьбы землевладельцев и их владений как единого хозяйственного организма интересовали исследователей значительно меньше. Архив Безобразова помогает решить множество проблем подобного рода, причём на примере среднего по размерам землевладения, обделённого вниманием историков. Историки подчёркивали жестокость крепостников, не отмечая того, что землевладельцу невыгодно было ни калечить, ни грабить и уж тем более убивать своих людей, потому что благосостояние помещика во многом зависело именно от крестьян. Отмечу, что в системе наказаний была своя иерархия: приказчик мог наказать крестьянина по своему разумению, но для того, чтобы подвергнуть его порке, следовало испросить разрешения у хозяина.

Правда, в литературе уже упоминалось, что стольник Безобразов отвечал на такой запрос приказчика повелением бить «так, чтоб еле жив был». Когда говорят о жестокости крепостников, обычно сразу же вспоминают помещицу Салтыкову («Салтычиху»), издевавшуюся над своими крепостными, забывая о том, что её поведение было вопиющим безобразием даже для закоренелых крепостников, что

её судили и отправили на исправление в монастырскую тюрьму. Характеризуя положение крестьян XVII в., неплохо было бы вспомнить и об общей жестокости того времени: стольник Безобразов и сам кончил жизнь на плахе. Главная его вина состояла в том, что он пытался вызвать симпатию к себе царей (Алексея Михайловича и Петра Алексеевича) с помощью ворожей и колдунов, что расценивалось как покушение на личность государя.

Больше других публикация архива стольника Безобразова обрадует, вероятно, исследователей истории повседневности, поскольку именно они лучше прочих понимают значение небольших, на первый взгляд, изменений, которые постепенно приводят к результатам, рассматриваемым как «значительные события». У автора этих строк есть особый повод приветствовать выход данной публикации. Несколько лет изучения «Домостроя» ставили передо мной вопрос – был ли его текст набором идеальных пожеланий или аккумулировал в себе примеры, взятые из жизни. Архив Безобразова демонстрирует то рачительное отношение к дому и хозяйству, которое пропагандирует «Домострой». Не случайно «Домострой» был популярен именно в XVII в., а обладателями его, вопреки ожиданиям, были чаще всего не купцы и ремесленники, а служилые люди.

В «Предупреждении», написанном О.В. Новохатко, подробно и увлекательно описывается как биография самого Андрея Безобразова, так и сложная судьба его архива. Трагическая развязка жизни объявленного преступником стольника парадоксальным образом спасла для нас его переписку: бумаги Безобразова конфисковали и сохранили в государственных архивах. Писали Андрею Ильичу много – друзья, знакомые, родственники. Объём переписки заставляет усомниться в том, что население России в XVII в. было неграмотным. Большую часть писем составляют отчёты приказчиков о состоянии дел в хозяйстве, названные в публикации «Хозяйственной перепиской стольника А.И. Безобразова». В них содержится огромная информация об отношениях между крестьянами, контактах с соседями-землевладельцами, о семейных отношениях

(включая трогательные записки жены мужу о том, например, что она посылает ему в Москву двух щук). Вообще публикация проясняет роль жены – хозяйки дома. Частые отлучки мужа делали её более свободной в хозяйственных решениях и в целом в поведении, заставляя решать многие вопросы самостоятельно.

Текстов, целиком написанных Безобразовым, в публикации немного, что вполне объяснимо: послания писались преимущественно ему – приказчики и старосты отчитывались о жизни в его имениях. Сам же стольник делал пометы и распоряжения на полях присланных «грамоток». Если места для распоряжений не хватало, то они писались на отдельных бумажках и прикреплялись к «отчётам». Безобразов явно стремился держать под неослабным контролем ведение дел в своём хозяйстве. Особой любовью его было имение Спасское, о нём он радел больше всего. В публикации содержится около 400 документов в первом томе и более 600 – во втором. Основные авторы, как уже отмечалось – приказчики и старосты владений Безобразова. Двойное авторство документов не случайно: приказчик выступает здесь как доверенное лицо землевладельца, староста – как представитель крестьянского мира. Их донесения позволяют судить о жизни деревни XVII в.

К публикации приложена карта имения Безобразова, позволяющая проследить историю формирования имения и оценить его размеры. Особо отмечу качество примечаний, выполненных с большой тщательностью. Они не навязывают читателю мнения публикатора, а расширяют круг возможных направлений исследования. Высокой оценки заслуживает словарь вышедших из употребления терминов. Сомнение вызывает лишь одно утверждение О.В. Новохатко, полагающей, что Безобразов своими владениями дорожил больше, чем государственной службой. Если бы дело обстояло так, он не добивался бы звания стольника и не рвался бы в Москву, где и встретил трагический конец своей карьеры и жизни. В то же время Андрей Ильич не мог не дорожить своим имением уже потому, что оно обеспечивало всем необходимым его семью и позволяло вести образ жизни, достойный стольника.

Издание «Архива стольника Безобразова», предпринятое О.В. Новохатко, является своего рода вехой в развитии отечественной археологии и бесценным подарком

специалистам по истории XVII в., в первую очередь исследователям российской повседневности допетровской Руси. Хотелось бы, чтобы таких публикаций было больше.

Виктор Шевырин

Рец. на: В.В. Шелохаев. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 863 с.

Viktor Shevyrin

(Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences)

Rec. ad op.: V.V. Shelokhaev. Konstitutsionno-demokraticeskaya partia v Rossii i emigratsii. Moscow, 2015

Как ни странно, но ещё недавно отсутствовало исследование, которое охватывало бы весь исторический путь Партии Народной свободы от её зарождения в широком «освободительном движении» до угасания на «чужих берегах». Теперь этот пробел восполнен монографией В.В. Шелохаева – крупнейшего знатока данной темы. При этом Валентин Валентинович откровенно признал, что если бы он более сорока лет не занимался «разработкой истории российского либерализма как целого, а также отдельных исторических периодов истории кадетской партии... то вряд ли бы решился на создание работы обобщающего характера» (с. 8).

Несомненно, к написанию единой истории партии автора вела его невероятно интенсивная публикаторская деятельность. Ещё в 1990-е гг. Шелохаев возглавил международную группу учёных, подготовивших под его редакцией уникальное многотомное издание «Политические партии России. Документальное наследие». 14 томов этой – теперь уже ставшей легендарной – публикации составляют материалы кадетской партии. Сейчас их активно осваивают исследователи¹. Естественно, они широко используются Шелохаевым, как и множество других документов, многие из которых были выявлены и введены им в научный оборот вместе с Н.И. Канищевой, К.Г. Ляшенко, Т.Ф. Павловой, К.А. Соловьёвым². Ученые в монографии и ценнейшие публикации О.В. Будницкого, М.Г. Вандалковской и Н.И. Канищевой. В основе книги – мощ-

ный фундамент из партийной документации, прессы, теоретических трудов, переписки и воспоминаний многих деятелей той эпохи. В совокупности эти источники действительно «позволяют по-новому осмыслить сложные проблемы либеральной идеологии и политики» (с. 7).

И всё же В.В. Шелохаев считает, что «без богатого историографического наследия было бы трудно решиться на создание общей работы по истории кадетской партии в целом» (с. 10). Он часто обращается к исследованиям учёных разных поколений, выделяя труды В.С. Дякина, К.Ф. Шацилло, Н.Г. Думовой, Н.И. Канищевой, О.А. Харусь, И.В. Нарского, В.А. Кувшинова, Ф.А. Селезнёва, Ф.А. Гайды, И.Е. Воронковой, а также Т. Эммонса, У. Розенберга, М. Стокдейл, Д. Галая, Д. Далманна. Разумеется, в книге упоминаются и многие другие имена – в том числе бывших аспирантов и докторантов, коих у Валентина Валентиновича было немало. Ведь с 1991 г. в изучении российского либерализма начался настоящий «бум»³, и вскоре оно поднялось «на качественно новый уровень» (с. 8)⁴. «Школе профессора Шелохаева»⁵ принадлежала в этом деле видная роль. В новом фолианте, развивая идеи, высказанные им ещё в 1990-е гг.⁶, автор представляет читателям не только «конденсат» достижений современной историографии, но и мастерски исполненный «портрет» Партии Народной свободы.

Книга состоит из 8 глав, содержание и даже названия которых передают

потрясающий драматизм эпохи: «Вехи формирования конституционно-демократической партии»; «Программа и организационная структура»; «От штурма к осаде»; «Оппозиция Его Величества»; «Война до победного конца»; «Испытание властью»; «Под знамёнами генеральской диктатуры»; «Эмигрантское распутье». Автор уделяет первостепенное внимание воспроизводству и восприятию либеральных идей, социальному составу и динамике численности партии, территориальному размещению её региональных комитетов, существовавшим в ней течениям, роли ЦК и его лидеров в разработке программных документов политического курса в меняющихся обстоятельствах, всякого рода дискуссиям, думской и внепарламентской деятельности, взаимоотношениям с правительством и отдельными сановниками, с союзниками и конкурентами. При этом, возможно, следовало бы подробнее осветить известную полемику между П.Н. Милюковым и В.А. Маклаковым о кадетском радикализме и возможности компромисса с «исторической властью»⁷.

О печальной судьбе Партии Народной свободы размышляли многие исследователи. Осмыслить и понять её стремится и Шелохаев, по мнению которого, «поиски ответа на вопрос о причинах поражения российского либерализма через призму истории кадетской партии представляются актуальными не только для познания либерального движения как целого, но и для осмысления многих других глобальных проблем российской истории начала XX в.» (с. 9). Не скрывая, что «определяющим в выборе объекта исследования прежде всего была личностная ориентированность автора на либеральные ценности, среди которых приоритетной для него является индивидуальная свобода», Валентин Валентинович пытается разрешить вопрос «о том, почему либеральная ценностная мировоззренческая система не приживалась и не приживается на российской почве» (с. 8). В первых же словах «заключения» Шелохаев констатирует: «История кадетской партии, как, впрочем, и российского либерализма в целом, оказалась трагична» (с. 849). Действительно, как «розово» всё начиналось, какие были, несмотря на неудачи, надежды и

взлёты – и каков «финал»: эмигрантская не востребованность и забвение на многие десятилетия. И всё же это была скорее «оптимистическая трагедия». Не так уж неправ был известный философ и член ЦК кадетской партии кн. Е.Н. Трубецкой (побывавший и мирнообновленцем, и прогрессистом), когда накануне революции писал М.К. Морозовой: «Видно, в России всё возможно, – в обе стороны. Невероятная страна»⁸.

О капризности российского исторического процесса не раз спотыкался В.И. Ульянов (Ленин). Как известно, он допускал возможность успеха Столыпинской аграрной реформы, а в январе 1917 г. не рассчитывал дожить до социалистической революции, но уже в октябре требовал от соратников немедленно брать власть, и они сумели захватить её, как утверждал М.Н. Покровский, – вопреки законам экономического развития и всем марксистским постулатам. И только позднее в советской историографии укоренилось представление о закономерности и неизбежности победы большевиков и поражения их противников. Но были ли российские либералы заведомо обречены на неудачу?

По словам Шелохаева, «кадетская партия не имела прочной социальной основы» вследствие «недостаточной зрелости средних слоёв», служивших опорой конституционализма и парламентаризма в европейских странах. В России эти слои находились ещё в стадии становления, их положение в пореформенном обществе было неустойчиво, а политические настроения и симпатии – переменчивы (с. 850)⁹.

Партия формировалась в предреволюционные годы, что само по себе симптоматично. Люди либерального мировоззрения начали «сбиваться в стаю», чтобы вместе встретить бурю и выдержать её натиск. Правительство сильно запоздало с реформами, которые могли бы выпустить революционный «пар». Массовое недовольство использовали леворадикальные партии. Русско-японская война добавила «электричества» в гущающуюся атмосферу. Либералы всё это остро чувствовали. К тому времени возник

новый – интеллигентский либерализм¹⁰, наиболее видными представителями которого стали П.Н. Милюков, П.Б. Струве, кн. Д.И. Шаховской, кн. Пётр Д. Долгоуров и др. Они начали свою политическую деятельность «с большим подъёмом и верой в непременный и скорый успех» (с. 843). Анализируя состав «Союза Освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов», Шелохаев указывает, что в них преобладала высокооплачиваемая интеллигенция – европейски образованная и уверенная в том, что сама история, будущее – за её идеалами. Это были профессора, приват-доценты, адвокаты, врачи, инспектора народных училищ, преподаватели гимназий, инженеры, редакторы газет и журналов, видные литераторы и учёные. Многие из них принадлежали к дворянству, владели недвижимостью в городах и земельной собственностью в уездах и сочетали занятия интеллектуальным трудом с активным участием в делах земского и городского самоуправления. Впоследствии к кадетской партии тянулась и «деловая» интеллигенция – члены правлений промышленных и торговых обществ и банков, их директора и управляющие, юрисконсульты и т.д. (с. 125).

На огромном материале Валентин Валентинович показал, что кадетская партия по своему типу и характеру являлась парламентской и, в отличие от революционных организаций, стремилась к мирной трансформации государственного строя и социальных отношений. В качестве «основного рычага» достижения своих целей кадеты рассчитывали использовать общественное мнение (с. 84). Кадетские интеллектуалы создали свою модель преобразования России, которую желали видеть передовым демократическим государством. Шелохаев убеждён, что это была рациональная программа, руководствуясь которой «кадетская партия выражала интересы общенационального развития страны, а не узкоклассовые интересы российской буржуазии» (с. 128).

По мнению Шелохаева, последовательность разделов партийной программы свидетельствовала о том, что в её основу были положены права и свободы человека и гражданина – базовый принцип «инва-

риантного ядра» либерализма как мировоззренческой системы ценностей. Все остальные её части определяли условия и предпосылки, необходимые для более полного обеспечения творческих возможностей свободной личности. Автор справедливо полагает, что этот своеобразный идеологический продукт должен был способствовать «перенастройке» общественного мнения и массового сознания, демонстрируя новые формы мышления и восприятия динамично меняющейся реальности. При этом предполагалось, что влияние на умы сможет «обеспечить партии лидирующие позиции в политической борьбе и мобилизовать вокруг неё широкие круги приверженцев» (с. 107). Вместе с тем, как отмечает автор, кадетские теоретики, судя по опыту 1917 г., готовы были пойти на дальнейшее расширение и углубление программных требований. Этому вполне соответствовали стратегия и тактика партии. Ещё освобожденцы отвергли шиповскую «умеренность и аккуратность», развернув «масштабную агитационно-массовую работу в демократических слоях населения» (с. 71) и ожидая, что в их ряды «хлынут» записываться «прежде всего рабочие и крестьяне, служащие и демократическая интеллигенция» (с. 115–116).

Кадеты не слишком боялись революции, поскольку надеялись «овладеть» ею. В начале XX в. они даже «участвовали в её подготовке» и «встали на её почву» (с. 85, 465), хотя, несомненно, отдавали приоритет ненасильственным средствам борьбы за конституцию. К тому же руководители партии сочувствовали изменению политической системы, но не социального строя. И на первых порах казалось, что сбываются их самые амбициозные планы. Даже Манифест 17 октября 1905 г. некоторые лидеры кадетов, включая Милюкова, расценили как недостаточную уступку обществу. Они готовы были продолжать борьбу и, как полагает Шелохаев, «имели вполне реальный шанс убедить достаточную часть населения страны в перспективности мирного и законного пути её преобразования через институт представительной власти – Государственную думу, в реальности своей партийной программы»

(с. 150). Во всяком случае, после поражения декабрьского вооружённого восстания («страшные дни», по выражению Милюкова) конституционные иллюзии получили широкое распространение в массах. По сути, «вопрос был поставлен ребром: либо в России действительно восторжествуют идеи конституционализма и парламентаризма, и тогда к кадетам окончательно перейдёт лидерство в освободительном движении и они получат вполне реальный шанс прийти к власти, либо правительству удастся удержать свои позиции в “обновлённой” России и тем самым не допустить перехода власти к либеральной оппозиции» (с. 150).

Победу кадетов на выборах в I Думу Шелохаев характеризует как «бесспорный триумф», «очевидный успех» (с. 163). И хотя отчасти он объяснялся тем, что левые партии не стали в них участвовать, «нельзя сбрасывать со счетов огромную мобилизующую роль кадетской партии» (с. 164). Избирательная кампания стала важным стимулом формирования местных партийных организаций. Во многом благодаря ей численность кадетской партии весной–летом 1906 г. составила более 50 тыс. человек (с. 115). Вместе с тем уже тогда стало ясно, что «кадетам, как и их предшественникам земцам-конституционалистам и освобожденцам, не удалось пустить “корни” в гущу широких народных масс, в российской деревенской глубинке и среди рабочих» (с. 165).

Однако кадеты чувствовали себя победителями. В книге детально освещена их деятельность в Думе, переговоры об образовании «общественного министерства», история Выборгского воззвания. В дальнейшем кадеты несколько поправили, а аграрный вопрос спутал их планы во II Думе. Дело заключалось «не только в непримиримых противоречиях кадетов и Столыпина по аграрному вопросу, на что традиционно делали акцент советские исследователи, но и в противоречиях между ними по всему комплексу других проблем». Либеральная оппозиция «могла бы пойти на сотрудничество с исполнительной властью, но на условиях своей партийной платформы, а не на тех, которые предлагал Столыпин в правительственной

декларации 6 марта 1907 г.» (с. 263). Однако Третьеиюньский переворот партия проглотила молча.

Между тем за период революции она стремительно прошла путь от «штурма» царизма к его «правильной осаде» в рамках, установленных «конституцией 23 апреля 1906 г.». Это влияло как на поведение её членов, так и на характер их взаимоотношений с властными структурами и левыми организациями. Усиливая критику левых, кадеты всё же не решились полностью разорвать с ними до заключения компромисса с правительством. Им нужны были определённые гарантии власти, которая их не давала. Поэтому партия продолжала использовать революционеров «в качестве дамкловла меча против режима, в случае, если тот откажется от своих обещаний осуществления собственных системных реформ» (с. 267–268). Но применялась такая тактика не от хорошей жизни: собственных сил не хватало и приходилось светить «отражённым светом», «мимикрировать», «лабиринтировать». Наличие в партии левого и правого крыльев ещё больше осложняло положение её руководства, которому приходилось действовать «зигзагообразно»: то уклоняясь влево, то пытаясь достичь компромисса с министрами. Разумеется, это вызывало заслуженную критику. Правые не сомневались в том, что кадеты – «скрытые революционеры», а в левых кругах они рассматривались как «скрытые буржуа и контрреволюционеры». Причём, как признаёт Шелохаев, и те, и другие по-своему были правы, ибо Партия Народной свободы не хотела порывать ни с традициями освободительного движения и умеренными социалистами, ни с представителями либеральной бюрократии, рассчитывая на их благоразумие и чувство самосохранения.

В 1907–1914 гг. кадеты, следуя милюковской формуле «оппозиция его величества», пытались найти себе место в политической реальности, приспособившись к ней и временно «урезая» свои программные требования. Они полагали, что вследствие революции произошла трансформация государственного строя, позволяющая осуществлять дальнейшие социально-экономические преобразова-

ния и участвовать в законотворческой работе, внося посильный вклад в становление российского конституционализма и парламентской культуры. Это вовсе не означало, что «кадетское руководство в перспективе откажется реализовать свою программу в полном объёме», но «при одном непременном условии – если политическая власть окажется в руках либеральной оппозиции во главе с партией кадетов» (с. 410–411). Впрочем, для значительной части населения это было не очевидно, авторитет партии падал, ряды её таяли, что вызывало тревогу у лидеров, видевших хрупкость третьей юньской системы и не исключавших возможности новой революции.

Когда началась война, кадеты слились в «священном единении» с властью. Многие из них с головой ушли в работу в общественных организациях, что способствовало сближению интеллигенции и служащих с партийными функционерами. Однако, как и прежде, им не удавалось найти общий язык с рабочими и крестьянами, нейтрализовав идейно-политическое воздействие на них со стороны радикалов. Поражения на фронтах и тяготы военного времени вызывали рост недовольства в стране. Кадеты наблюдали за этим с тревогой. Они инициировали создание Прогрессивного блока, но лишь немногие из них (Н.М. Кишкин и др.) заявляли, что необходимо думать «и о борьбе за власть» (с. 490). Милоков сознавал, что партия не имеет поддержки масс и «не может направлять политический процесс» (с. 484). Страх перед надвигающимися событиями парализовал волю ЦК. Автор монографии показывает, что накануне Февральской революции кадеты всячески старались её предотвратить, направив народное движение в легальное политическое русло. По словам Шелохаева, «классическим образцом речи, которая предельно остро критиковала правительство, но в то же время избегала призыва к революции, явилось выступление Милокова 1 ноября в 1916 г. в Думе» (с. 495). Либералы с ужасом признавали: «Нас против нас самих толкают на такой путь, который противен нашим глубочайшим убеждениям»¹¹.

Но революция вспыхнула, и для кадетов началось «испытание властью».

Опираясь на прежние интеллектуальные разработки теоретиков и идеологов российского либерализма, и прежде всего – членов кадетской партии, Временное правительство достаточно оперативно приступило к созданию низовых структур гражданского общества и правового государства. «К сожалению, – отмечает автор книги, – последующие события – большевистский переворот и Гражданская война – не позволили довести этот либеральный эксперимент до логического конца» (с. 515).

Кадеты пытались бороться за поддержку широких слоёв населения, расширяя своё воздействие на них, но «этого уже оказалось явно недостаточно для утверждения гегемонии в массовом движении» (с. 548). Даже на пике их популярности численность кадетов не превышала 100 тыс. человек (с. 850). Смена коалиционных правительств и выступление Л.Г. Корнилова только ослабляли позиции партии. А большевики последовательно и упорно готовили общественное мнение к насильственному перевороту. Осенью 1917 г., констатирует Шелохаев, не нашлось волевой личности, которая объединила бы антибольшевистские силы, создав мощный «вооружённый кулак», «способный противопоставить себя большевистскому Военно-революционному комитету и Красной гвардии» (с. 610). Прежде чем сделать такой вывод, Валентин Валентинович приводит впечатляющие факты. Н.М. Кишкин, находившийся в уже осаждённом Зимнем дворце, во время последнего телефонного разговора с членом кадетского ЦК А.Г. Хрущёвым произнёс: «Что это за партия, которая не может послать нам хотя бы триста вооружённых человек». Но ещё 23 февраля и 3 апреля 1917 г. А.В. Тыркова констатировала в дневнике: «Генералы у нас есть, а армии нет». Эти поистине выстраданные заявления, по словам Шелохаева, «раскрывают глубинные причины поражения ведущей либеральной партии России: её слабую “укоренённость” в российской почве; отсутствие массовой поддержки; присущую либеральной интеллигенции подмену активной и целенаправленной деятельности выработкой и принятием бумажных резолюций и постановлений; стремление

к созданию глобальных общенациональных моделей общественного переустройства, рассчитанных на разрешение всего круга объективно назревших проблем (политических, социальных, экономических, национальных, конфессиональных и социокультурных) в социуме, раздираемом непримиримыми противоречиями» (с. 592).

В Гражданской войне кадеты поддерживали диктатуру генералов, играя лидирующую роль в надпартийных общественно-политических организациях и сплачивая вокруг себя антибольшевистские силы. В какой-то мере подобные объединения компенсировали отсутствие в тот период единого общепартийного кадетского центра. По сути же Партии народной свободы «пришлось играть роль “либерального прикрытия” различных военных режимов, что не могло не сказаться на её репутации» (с. 695). Входя в состав краевых правительств, кадеты вынуждены были одобрять «правую политику», далёкую от их традиционных программных и тактических установок. Не имея, как правило, возможности влиять на действия военных, они тем не менее в полной мере разделяли с ними ответственность за ошибки и просчёты. И вместе с ними потерпели поражение.

Их «поход» закончился в эмиграции, в бесконечных дискуссиях о причинах катастрофы, её истинных виновниках и будущем партии. На этом она и раскололась. Более того, некоторые известные кадеты вообще не видели смысла участвовать в её работе. Так, М.В. Челноков 6 мая 1920 г. сообщил Н.И. Астрову о намерении прекратить всякую политическую деятельность. Ему казалось, что в происходящих событиях «не разберутся люди нашего типа, которые все оказались бессильны». «Нужны какие-то новые люди, – утверждал он, – а нам, грешным, следует законом запретить заниматься политикой, ибо в этом отношении все люди конченные. По отношению к себе я установил этот взгляд твёрдо и буду, пока ещё могу работать, искать применения своих сил на других поприщах»¹².

Среди «фрагментов» расколовшейся партии наиболее жизнеспособной, как показывает Шелухаев, была милюковская Демократическая группа, пытавшаяся

учитывать реалии и соответствовать им. Но и она со временем выдыхалась и дряхла. Печален оказался закат партии, бывшей в начале века густком оптимизма. Как отметил Валентин Валентинович в своём «Дневнике историка»: «Наверное, есть закономерность в том, что человек не может спрогнозировать развитие событий, даже будь он семи пядей во лбу»¹³.

Примечания

¹ См., в частности: *Чернявский Г.И., Дубова Л.Л.* Милюков. М., 2015. С. 14.

² См., например: Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации департамента полиции. М., 2014.

³ Важными вехами стали международные конференции «Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы» и «П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат» (обе прошли в Москве в 1998 и 1999 гг.), а также «Либеральный консерватизм: история и современность» (Ростов н/Д, 2000). Большое значение имели и подготовленные при активном участии Шелухаева энциклопедии: «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века» (М., 1996), «Общественная мысль России XVIII – начало XX века» (М., 2005), «Государственная дума Российской империи. 1906–1917» (М., 2006), «Общественная мысль Русского зарубежья» (М., 2009), «Российский либерализм середины XVIII – начала XX века» (М., 2010), «Пётр Аркадьевич Столыпин» (М., 2011). Заметный вклад в общее дело внесли фонды «Либеральная миссия» и «Русское либеральное наследие», исследовательская группа под руководством А.А. Кара-Мурзы, и др.

⁴ Это отразилось, в частности, в сборнике статей «Российские либералы» (М., 2001) и в коллективной монографии «Модели общественного переустройства» (М., 2004).

⁵ Подробнее см.: Историк и его время. Сборник статей к 70-летию профессора В.В. Шелухаева. М., 2011. С. 9.

⁶ См.: *Шелухаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991; *он же.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

⁷ Их спор всколыхнул эмиграцию и оказал влияние на последующие поколения зарубежных историков, вплоть до современных исследователей. Подробнее см.: *Kroner A.W.* The debate between Milukov and Maklakov on the chance for Russian liberalism. Amsterdam, 1998.

⁸ ОР РГБ, ф. 171, к. 9, д. 1, л. 34.

⁹ Как полагает американский профессор А. Мартин, Россия рухнула в пропасть революции именно вследствие слабой адаптации крестьянской массы к городской жизни и разобщённости горожан, заметно отличавшихся друг от друга сословной принадлежностью, имущественным положением и т.п. (Мартин А. Просвещённый метрополис. Созидание имперской Москвы. 1762–1855. М., 2015. С. 396–399).

¹⁰ Подробнее см.: Шаццло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 57; Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1979. С. 31, 48; Соловьёв К.А. Кружок «Бе-

седа». В поисках новой политической реальности. 1899–1905. М., 2009; Егоров А.Н. Проблемы взаимосвязи нового либерализма и социализма в современной отечественной историографии // Российская история. 2009. № 2; Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов. Личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010; Шамхалов Ш.А. Сущностные характеристики нового либерализма как идейно-политической платформы кадетов // Власть. 2011. № 4; и др.

¹¹ ГА РФ, ф. 670, оп. 1, д. 335, л. 1–2.

¹² Там же, ф. 5913, оп. 1, д. 794, л. 8.

¹³ Шелохаев В.В. Дневник историка. М., 2013. С. 270.

Фёдор Гайда

Рец. на: Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 599 с., ил.

Fyodor Gayda

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: Dnevnik L.A. Tikhomirova. 1905–1917 gg. Moscow, 2015

Издание дневников Л.А. Тихомирова успешно продолжается¹, и теперь читатели получили возможность в полном объёме познакомиться с его записями, сделанными в период Первой русской революции. Ранее они публиковались лишь частично². Дневник живо отражает настроения разочарованного русского интеллигента, пытающегося оставаться одновременно и консерваторм (приверженцем самодержавия), и прогрессистом. Не случайно он сравнивает себя с маркизом Ж.-А. де Кондорсе, который писал свой знаменитый «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» («Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain») «среди безумной революции», скрываясь от якобинской полиции. Пространный тихомировский «эскиз» «Монархическая государственность», завершённый в 1905 г. и тогда же опубликованный (в основном на средства художника В.М. Васнецова), претендовал на тот же размах и ту же цельность картины. «Вот и моя работа как раз ищет этот esprit humain и ведёт его к “прогрессу”, – отмечал Лев Александрович в дневнике 10 января 1905 г. – Кондорсе хоть и

потерял голову, но успел дописать книгу... Успею ли я?» (с. 41). «Я хотел и хочу разума, справедливости и человечности», – восклицал он 10 месяцев спустя. И тут же с горечью признавал: «Во всяком случае, для меня (здесь и далее курсивом выделены фрагменты, подчеркнутые автором дневника. – Ф.Г.) нет этого будущего, а есть только мучительное, гибельное настоящее» (с. 154).

При этом самооценка Тихомирова была исключительно высока: «Я – едва ли не лучший в России редактор и один из лучших публицистов» (с. 392). И тем более угнетало его то, как обращались с ним единомышленники: М.А. Новосёлов собирался публично читать написанную Тихомировым лекцию (скрыв его авторство), «ловкий организатор» и издатель «Московских ведомостей» В.А. Грингмут оплетал Льва Александровича «как лиана» (с. 72, 374). Неудивительно, что дневник наполнялся сетованиями: «Немножко обидно, что столько идей пускается в ход от меня, а я – остаюсь не только в неизвестности (это бы ещё не беда), а каким-то изгоем, от которого отвёртываются те самые люди, которые восторгаются моими записками (“Русская народная интелли-

генция” и “О современных задачах России”. – Ф.Г.), не зная, что они мои. Такой уж мой “крест”» (с. 48). Обратной стороной непопулярности оказывались материальные трудности и безденежье. Между тем Тихомиров, испытав нужду в 1880-е гг., был весьма прижимист. Имея на нескольких банковских счетах около 13 тыс. руб. (с. 284–285), он постоянно вёл счёт деньгам (на страницах дневника отразились даже копеечные расходы) и кропотливо учитывал, сколько было роздано различным людям на Рождество и Пасху, хотя и с оговорками: «Расходов по пасхальной трапезе, а также на церковь не считал, как-никак» (с. 78).

Со своей стороны, не избалованный вниманием публики, стареющий (в начале шестого десятка), часто болеющий и невероятно тщеславный публицист не видел вокруг себя достойных общественных деятелей. Во всяком случае, на страницах дневника практически все правые монархисты характеризовались им как дураки и эгоисты. Он отказался от вступления в Монархическую партию Грингмута, которого всё же «любил... несмотря на все свои критики» (с. 83, 387). «Курьёзные» письма С.А. Нилуса казались ему смешными (с. 152). Лидера Союза русских избирателей Юго-Западного края П.Н. Балашёва он считал слишком трусливым и внутренне зависимым от правительства (с. 290). Черносотенный «Колокол» и вовсе вызывал только негодование: «Такая скотина в расчётах, что и писать ему не стоит» (с. 278). Итог был печален: «Вообще тяжко существование! И – замечательно: совесть у меня (в общественном, политическом смысле) чиста, как у немногих, но и менее популярного, более одинокого, с большим количеством врагов, с меньшим числом друзей – трудно, я думаю, сыскать человека. Моё несчастье – независимость. Не могу войти ни в одну партию, не могу никому подчиниться, не могу принять ничьей программы. Вот и одиноко!» (с. 90). Впрочем, Тихомиров отчётливо осознавал, что отчасти сам виноват в своём одиночестве: «Я не хочу никому служить. Я хочу делать только то, что сам считаю справедливым... И выходит, что люди не хотят меня, а я не хочу людей» (с. 376). Оставалось лишь «одно универсальное презрение» (с. 385).

Успешно выступив в апреле 1906 г. на Съезде русских людей, Тихомиров, готовясь к следующему докладу, писал: «Сильно напряжение национального чувства. Но понимание политическое узко, боюсь – даже слишком узко. Мой доклад будет резкой *пробой*: понимают ли монархию или не понимают?» (с. 232). Разумеется, никакого иного понимания, кроме тихомировского, при этом не допускалось.

Собственно и сам Николай II вовсе не соответствовал монархическому идеалу, о котором мечтал Тихомиров (с. 47, 113). «Государь “молится и плачет”...», – ворчал он в дневнике. – Не умеет сделать, что нужно, и ведёт себя и весь народ в полон жидовско-русско-польско-франко-немецкой интеллигенции» (с. 28). Действия Николая II не раз повергали Льва Александровича в недоумение. «Станный человек!» – восклицал он. (с. 92). Не было у царя и достойных помощников. Даже Д.Ф. Трепов, выделявшийся своими волевыми качествами, мало на что годился.

Но, пожалуй, жёстче всего Тихомиров осуждал правительство. «Конечно, – утверждал он, – Россия – погибшая, презренная, развратная и идиотская страна. Да, конечно. Но всё это во сто раз больше относится к гнусному нашему правительству» (с. 45). 1 января 1905 г. автор дневника негодовал: «Как всё глупо, что ни сделаю! Ну, уж если это правительство не умудрится погибнуть, то – значит, Россия может жить вовсе без правительства» (с. 27). «Правду сказать, – добавлял он через 3 дня, – уж лучше бы это правительство хоть рушилось поскорее» (с. 28). Желание это соответствовало тогда настроениям всей передовой русской интеллигенции. При этом вся ответственность за грядущую катастрофу возлагалась на государственный строй и правящие круги империи: «Так называемые консерваторы – либо глупы, либо мошенники. Они не знают монархии, а знают только бюрократию и... презирают “сермягу”... Ну, а сермяга молчит и не имеет никаких способов заговорить. Гнусная организация государства погубит и царя и народ» (с. 29). В ноябре 1905 г. Тихомиров констатировал: «Вот бюрократия и съела царя. Ведь это чисто чиновничья революция.

“Пролетариат”, по обыкновению, таскает каштаны для политиканов. Любопытное историческое явление этот переход бюрократической узурпации в политиканскую» (с. 161).

Первоначально Тихомирову казалось, что С.Ю. Витте сможет осуществить в России такие «общие» реформы, которые предотвратят или отдалят революцию (с. 43). Прочитав в феврале 1905 г. письмо, в котором А.А. Киреев передавал ходившие в Петербурге слухи, будто «Витте (ещё весной) хотел устранить Государя и заменить Михаилом Александровичем в качестве регента», Тихомиров решил, что «у них там Витте один имеет здравый смысл» (с. 52). Рассуждая о стремлении Сергея Юльевича к власти и его намерении стать сёгуном при бессильном императоре или президентом республики, московский монархист заключал: «Если бы он был хоть чуточку русский, ему, скорее всего, можно было бы пожелать прочной власти, конечно, не такой безумной, о какой он мечтает (если мечтает). Но его власть если и даст порядок и некоторую свободу, то ценой господства жидовства и всякой инородчины» (с. 67–68).

Но, узнав о заключении Портсмутского мира, Лев Александрович уже не скрывал разочарования и возмущения действиями Витте. Уступки русских дипломатов были, по мнению Тихомирова, опаснее союзу Булыгинской Думы и избирательного закона, который «отдаёт Россию во власть инородцам». «А вот где горе: на Востоке! – утверждал он. – Эта гниль здешняя, в лице Витте, позорит Россию, отдаёт японцам Маньчжурию, подрывает престиж... Подлый жид! Но вот уж этого не поправишь! Как Япония заберёт Корею и Китай, так Россия – мировой гроб. Этого уж не поправишь. Мне наши внутренние дела кажутся совершенно ничтожной вещью в сравнении с той гибелью, которую правительство устраивает нам по своей жалкой трусости и, вероятно, продажности на Дальнем Востоке» (с. 94). Войну с Японией публицист воспринимал мистически, видя в ней борьбу христианства с земным богом – антихристом (с. 471). Соответственно и образ Витте приобретал теперь в дневнике демонические очертания: «Этот император – великое орудие гнева Божия

для погубления России. И во всех его гибельных поступках постоянно душой оказывается Витте» (с. 149). Для Тихомирова «монархия погибла в Портсмуте», но, возможно, он чувствовал всю надуманность данного суждения, признаваясь: «Я удивляюсь сам себе, что, прекрасно видя, что *смерть*, – всё-таки до сих пор обманываю себя надеждами на *воскресение*» (с. 243). Впрочем, вскоре дальневосточные сюжеты практически исчезают из его записей, и он опять сосредоточивается на революции, которая, как ему представлялось, в 1906 г. лишь набирала размах. Во всяком случае, узнав в августе о программе правительства П.А. Столыпина, Тихомиров отметил: «Задача этих великих людей – силой власти насадить парламентаризм... Внутреннее противоречие, смесь трусости, произвола и политической слабости мысли» (с. 268).

Однако переворот 3 июня 1907 г. и личное внимание со стороны главы правительства вновь воодушевили Льва Александровича. Не без колебаний он даже принял предложение «на 55 году жизни, при полном одряхлении» поступить на службу в Главное управление по делам печати. Впрочем, в Петербурге ему было неуютно, он постоянно жаловался на невнимание со стороны Столыпина и упрекал его в склонности к декларациям, не опирающимся на реальные дела. Страна же, по мнению Тихомирова, нуждалась в национальном вожде (с. 373–375, 378–379, 387, 389, 401, 404–406, 408–409, 411).

Тихомиров отнюдь не выступал против реформ и даже поддерживал создание народного представительства. «Правительства не только нет, но, кажется, не может быть, – полагал он. – А так как страна погибает, то правительство должно возникнуть – *снизу*... Но и это трудно представить без отчаянной резни... Земский собор, конечно, был бы спасением, если бы он мог возникнуть, как национальное собрание. Но это ещё труднее сделать, чем создать царское правительство. И выходит опять один вероятный исход – революция» (с. 71). Впрочем, Тихомиров предвидел, что и Земский собор «будет состоять из той же дряни, как чиновники (даже и лица будут наполовину те же)»

(с. 88). Плохо было и то, что Дума появлялась «из трусости» и «в виде уступки» (с. 94). Но страшнее всего казались тогда хаос и анархия. Из того, что «Россия недостаточно развита для реформы», Тихомиров делал логический вывод: «Поэтому все видимые шансы говорят, что нас ждёт весьма нелепая революция... Я говорю “нелепая”, потому что у неё нет общей творческой идеи, а есть только отдельные озлобления, временно союзные... Они все союзники по разрушению “существующего строя”, но не по созиданию» (с. 100). «Пожалуй, Учредительное собрание могло бы быть полезным, – казалось ему в конце осени. – Но и его не соберёшь в такой смуте» (с. 157). «Может быть, – размышлял он в декабре 1905 г., – и вправду лучше гнилушкам упасть уж совсем, чтобы хоть стройка стала возможна» (с. 175).

Однако в изданных в апреле 1906 г. Основных законах Тихомиров увидел лишь «конец империи» и «полное уничтожение старого строя, без какого бы то ни было нового» (с. 240). Больше всего его угнетало идейное бессилие правительства: «Рождается строй без плана, без идеи, без великих исходных пунктов, без великих целей... Говоря попросту – какая-то “мразь”, нечто с младенчества старческое» (с. 331). В мае он констатировал: «Политические дела, по моему мнению, беспросветны. Горемыкин не более, как мирный “кадет”. Бунтов не хочет, но желает постепенно ввести конституцию. Да, по-видимому, и сам император такой же. Не верит он в царскую власть, да едва ли и понимает её... Ну, а мирно ввести конституцию – это задача невозможная. Всё это может только вырастить революцию» (с. 247). Политика преемника И.Л. Горемыкина также не вызывала у Тихомирова сочувствия: «Столыпин имеет идею сочинить такое правление, чтобы для народа осталась “форма” царя и вселяла доверие, а в то же время, чтобы царь в действительности не имел власти... Но это ужасная фантазия. Построить государство на фикции!» (с. 282). Накануне 1907 г., не ожидая ничего хорошего, Тихомиров предсказывал, что «если не будет бурного кризиса, революции, то будет медленное гниение». «Но ведь это ещё хуже, чем революция», – заключал он (с. 306–307).

По мере ослабления революции состояние страны оценивалось в дневнике всё более резко: «Правда, все одурели, осатанели, измержились – весь народ!» (с. 298). По словам Тихомирова, «вопрос, задача состоит, в сущности, в том, чтобы перестать быть дураками, бессовестными негодьями и невеждами». «Ну, какими же способами заставить 100 миллионов человек переломить себя и сделаться порядочными людьми?», – недоумевал он (с. 380). «Мы все опустили в маразм, – сокрушался Лев Александрович, провожая 1907 г., – и только особая милость Божия может спасти нас. Да, пожалуй, времена милости уже окончились, и, может быть, Россия уже отдана на произвол “естественного течения дел”... Возможно, что мы уже дошли до того, что просто “выпущены на волю” – живите, как знаете» (с. 414).

Будучи религиозным человеком, Тихомиров, как ни странно, не находил утешения и в Церкви. Более того, в ней он наблюдал то же, что вызывало у него раздражение в обществе. Духовенство практически не отделялось им от чиновничества: «Нет ничего гнуснее вида нынешнего начальства – решительно везде. В администрации, в церкви, в университетах... И глупы, и подло трусливы, и ни искры чувства долга. Я уверен, что большинство этой сволочи раболепно служило бы и туркам, и японцам, если бы они завоевали Россию» (с. 50). Возмущаясь тем, как «бюрократия» губила страну «для своего торжества», он добавлял: «Совершенно, как попы в отношении Церкви» (с. 161). Вспоминая малочисленную, страдающую, но не сломленную Церковь Апокалипсиса (Откр. 3:7–13), Тихомиров писал: «Где же моя “Филладельфийская Церковь”? Её нет, она там же, где мой “царь”, где мой “народ”, где моя “Россия”... Ничего нет, и над всем нашим “освобождением”, “мировыми целями”, “устроениями” религиозными и гражданскими носится одно слово Божие: “Ты носишь имя, будто ты жив, но ты мёртв!”» (с. 291). В результате возникало ощущение богооставленности. В том, что «Бог нужен, непременно, и Он есть», Тихомиров не сомневался. «Но вот не пойму, где Его голос? – вопрошал Лев Александрович в дневнике. – Как жить с

Ним, как вести Его дело? Я прежде усматривал его в Церкви... но теперь. Церковь окуталась тьмою, не видать ничего ясно, вместо здания – какие-то крутящиеся, рассыпающиеся песчаные смерчи... Не могу разобраться в этой пляске аравийского урагана. Вот когда начинаю понимать настроение покойного Владимира Соловьёва» (с. 376–377).

При этом религиозность Тихомирова имела специфический характер. Толкуя о Божьем Промысле, он сводил его к объективным законам истории, наполнявшим жизнь людей высшим смыслом, который тут же утрачивался, коль скоро текущие события отказывались следовать в заданном русле. А подобная «бесцельная, бессмысленная жизнь» пугала и удручала (с. 221). После Мукдена Тихомиров признавался: «Хочу попробовать говеть, и так тяжело на душе, что почти не могу. Нет молитвы. Душа полна каким-то упрёком против Бога. Неужто нам нет *никакой, никакой* милости?» (с. 66). «Ни луча света не проникает ко мне ниоткуда, и чёрный мрак всё гуще окутывает и удушает меня», – писал Лев Александрович, встречая праздник Крещения Господня в 1906 г. (с. 197). Оправдание давалось ему нелегко: «В моих помышлениях всё-таки господствует забота о *земном* мире, о том, чтобы в людях возникла взаимная любовь, и чтобы никто никого не истреблял... Это, однако, хотя, конечно, и христианская забота, но мне Бог не дал не только способов, но даже личной силы для неё» (с. 135). Соответственно вся общественная и политическая суэта оказывалась не только напрасной, но, в сущности, и ненужной: «Я бы хотел одного – *покоя, тишины, безмолвия*... Я бы хотел вдуматься в свою душу, найти Бога не теоретически, а *реально*... И этого-то нет, не даёт мне жизнь! Я бы ещё понял всю эту “деятельность”, если бы её действительно Бог на-

ложил на меня, как что-то *Ему* нужное. Но тогда Он бы давал способы действия... а этого нет, нет и нет» (с. 402).

А.В. Репников объясняет пессимизм Л.А. Тихомирова общим настроением, царившим в то время среди консерваторов (с. 21). Однако сам Лев Александрович всегда дистанцировался в дневнике от правых и редко разделял их радости. Его самосознание было насквозь идеократично, и подлинная трагедия состояла в расхождении между текущей действительностью и тем миром, который Тихомиров теоретически конструировал. «Вечная моя участь – делать “ненужные” вещи! – сетовал он, составляя записку об Основных законах 1906 г. – В сущности – должно быть, я просто фантазёр... Когда-то я воображал, что у меня развито чутьё *реальности*. А между тем всё, что мне кажется реальностью – не заявляет себя существующим, а кажущиеся призраки – всем владеют... И всё-таки не могу же я отказаться от *своего* ощущения?» (с. 363–364). Возможно, «Монархическую государственность» и дневник 1905–1907 гг. следует читать параллельно. Ведь они во многом поясняют друг друга, что позволяет лучше понять их автора, всегда остававшегося интеллигентом – служителем и мучеником идеи. Пожалуй, именно этим объяснялись его переживания и поступки, вызывавшие крутые повороты в судьбе.

Примечания

¹ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А.В. Репников. М., 2008.

² Красный архив. 1930. Т. 1. С. 20–69; Т. 2. С. 47–75; Т. 3. С. 59–96; Т. 4/5. С. 103–147; 1933. Т. 6. С. 82–128; 1935. Т. 5. С. 120–159; Т. 6. С. 170–190; 1936. Т. 1. С. 162–191; Т. 2. С. 171–184. Подробнее см.: Репников А.В. Предисловие // Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М., 2015. С. 4–5.

Андрей Мамонов

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Выход дневников Л.А. Тихомирова 1905–1907 гг. – одно из тех событий, которые, не вызывая особого шума среди читающей и пишущей публики, не только поднимают уровень современной отечественной историографии, но и закладывают прочную основу для будущих исследований. Без всякого сомнения, ещё не одно поколение историков будет пользоваться данным изданием, которое может, пожалуй, служить образцом научной публикации подобного рода текстов. Следует учитывать, что сам дневник весьма неоднороден – автор часто вклеивал в него газетные вырезки, письма, квитанции, а один раз даже рисунок (фотография его помещена на вклейке). Всё это составители – А.В. Репников и Б.С. Котов – тщательно воспроизводят, отделяя от собственно авторских записей. Для максимально точной передачи особенностей тихомировского стиля ими используются, кажется, все мыслимые полиграфические возможности – курсив, полужирный шрифт, подчёркивания, зачёркивания (явно уже излишние). Все пропуски и сокращения дотошно раскрываются в прямых скобках – от них поначалу начинает рябить в глазах (когда, например, они содержат одни кавычки, которые Тихомиров не всегда ставил возле названий журналов и газет), однако к ним быстро привыкаешь, ценя столь уважительное отношение и к публикуемому источнику, и, в конечном счёте, к памяти его создателя, а также к нынешним и будущим читателям. Нельзя не обратить внимания и на иллюстративную вклейку, где не только собраны фотографии наиболее видных государственных и общественных деятелей, о которых писал Тихомиров, но и приводятся снимки отдельных страниц его дневника, что позволяет лучше, буквально – наглядно, понять принципы передачи текста.

Какие-либо издательские огрехи, опечатки и нестыковки, увы, почти неизбежные в наше время, сведены к минимуму. Из того, о чём вообще стоило бы говорить, нужно отметить, пожалуй, лишь исчезно-

вание из именного указателя московского генерал-губернатора П.П. Дурново. Несколько упоминаний о нём отнесены к министру внутренних дел П.Н. Дурново, но по смыслу нетрудно догадаться, о ком из них идёт речь в том или ином случае. Нечто подобное произошло и с С.Е. Крыжановским, который при подготовке указателя из-за опечатки (или неоговоренной описки Тихомирова) оказался пару раз спутан с Н.И. Крижановским (с. 589).

Обширный комментарий (с. 419–581), занимающий около трети книги, включает преимущественно справки о самых разных лицах, чьи имена встречаются в дневнике. Составители вполне обоснованно отказались от аннотирования именного указателя. Круг общения и интересов Тихомирова был настолько широк и пёстр, что подобный указатель непременно оказался бы слишком громоздким и одновременно неровным, а часть биографических сведений всё равно бы пришлось выносить в комментарий.

Задача, стоявшая перед А.В. Репниковым, писавшим комментарий, естественно, заключалась не только в поиске, но и в отборе и унификации имеющейся информации. И тут решение её далеко не во всём последовательно. Например, об Иване IV и Николае I сообщены лишь даты жизни и вступления на престол (с. 431, 573), что не вызывает ни малейшего недоумения. Но в схожем случае к сведениям о Екатерине II добавлено несколько слов с общей характеристикой её внутренней политики. Причём, если в дневнике сказано о созыве ею выборных, то в примечаниях – не об Уложенной комиссии, а о сословных привилегиях и укреплении абсолютизма (с. 237, 522). В комментарии же к словам Тихомирова о мистических настроениях Александра I перечислены территории, вошедшие в его царствование в состав России (с. 213, 519). Пётр I, единожды упомянутый в дневнике (как и Иван IV, Екатерина II, Александр I, Николай I), в «Комментарии и примечания» вообще не попал (с. 354, 592). Страница, на которой

кратко сказано о Николае II, по явному недосмотру не отмечена в именном указателе (с. 422, 591).

О сановниках и великих князьях говорится, как правило, подробнее, чем о венценосных особах, что опять же вполне оправдано. Однако и тут не хватает единообразия. Так, в примечаниях, посвящённых С.Е. Крыжановскому, В.А. Сухомлинову и А.Н. Шварцу, указаны современные издания их воспоминаний, а в аналогичных комментариях о А.В. Бельгарде, С.Ю. Витте, В.Н. Коковцове и А.Н. Куропаткине таких указаний нет, хотя мемуары Витте цитируются в книге (с. 473). При этом, обстоятельно осветив карьеру того же Сухомлинова до 1878 г. и после 1908 г., комментатор почему-то умалчивает о том, какие посты он занимал в 1905–1907 гг. (с. 453). В целом в добротных биографических справках приводится немало важных и любопытных данных о молодости или, наоборот, позднейшей судьбе многих государственных деятелей Российской империи, однако их участие в событиях 1905–1907 гг., возможно, стоило бы показать подробнее. Досадно и то, что сравнительно редко встречаются в них отсылки к новейшим исследованиям.

Разумеется, лучше всего представлены – и в самом дневнике, и в примечаниях к нему – общественные деятели и публицисты, преимущественно консервативного толка, но далеко не только его. Характеризуя их жизнь и творчество, Репников в значительной мере опирался как на собственные труды, так и на огромный материал, сконцентрированный в появившихся за последние десятилетия энциклопедиях, раскрывающих историю русской мысли XVIII – начала XX в. и своеобразии различных её направлений¹. Кроме того, здесь уже нередко можно встретить ссылки на широко и не очень известные монографии, статьи и даже неопубликованные диссертации. И это лишний раз напоминает о том, что выходу данного издания предшествовала многолетняя фундаментальная работа целой плеяды историков, принадлежащих к разным исследовательским школам. Без их напряжённых усилий (зачастую в самой неблагоприятной для научной деятельности обстановке) в комментариях к дневникам Тихомирова едва

ли удалось бы так полно осветить круг его единомышленников и оппонентов. И в этом смысле рецензируемая книга – своеобразный «смотр достижений» современной историографии и прекрасная точка отсчёта для тех, кто только начинает изучение русского консерватизма XX в.

В развёрнутых комментариях о французской революции XVIII в. и её деятелях, о Жанне д'Арк и О. фон Бисмарке чувствуется некоторая избыточность. Вместе с тем иногда за более или менее хрестоматийными фактами исчезает то, что имеет прямое отношение к тихомировскому тексту. 28 февраля 1907 г. Лев Александрович утверждал: «Израиль древний был наказуем *внешне* (здесь и далее курсивом выделены слова, подчеркнутые Тихомировым. – А.М.): истребили, разогнали, пленили. Мы в тысячу раз несчастнее: мы *внутренне* пали. Мы, как Навуходоносор, превратились в *животное*... Но когда же взглянем на небо?» (с. 327). В соответствующем комментарии конспективно перечислены события царствования Навуходоносора II – не только разрушение Иерусалима и Вавилонское пленение, но и походы на Ассирию и в Северную Аравию, сооружение висячих садов и проч. (с. 556). Но отсутствует даже отсылка к тем стихам книги пророка Даниила, к которым собственно и обращается автор дневника: «Тотчас и исполнилось это слово над Навуходоносором, и отлучён он был от людей, ел траву, как вол, и орошалось тело его росой небесною, так что волосы у него выросли, как у льва, и ногти у него – как у птицы. По окончании же дней тех, я, Навуходоносор, возвёл глаза мои к небу, и разум мой возвратился ко мне; и благословил я Всевышнего» (Дан. 4: 30–31). Кстати, другие стихи этой книги – о знаменитом «Валтасаровом пире» – цитируются комментаторами ранее (с. 427–428). Также порою трудно определить, по какому собственно принципу даются, например, сведения о том или ином писателе. Так, в примечаниях о М. Горьком говорится почти исключительно как о политическом деятеле и лишь вскользь сказано, что он «приобрёл огромную известность как писатель» (с. 433). В то же время около половины более краткого

комментария о Ф.М. Достоевском занимает общая характеристика его романов (с. 553).

Помимо биографических справок (объём которых колеблется от нескольких строк до целой страницы) «Комментарии и примечания» содержат огромный пласт сведений, совершенно необходимых для понимания текста дневника. Это и данные о революционных событиях и периодических изданиях, упоминаемых автором, и отсылки к фрагментам Священного Писания и церковным песнопениям, которые приводит Тихомиров, и пояснение литургических терминов и устаревших выражений, и перевод иностранных слов и фраз и проч., и проч. Всё это требовало скрупулёзной работы, колоссальный объём и сложность которой видны далеко не каждому читателю.

В то же время сам размер комментариев уже не позволил бы их автору расширить свою задачу и систематически показать, как воспринималось то, о чём пишет Тихомиров, людьми его круга. Это потребовало бы слишком существенного увеличения в примечаниях «параллельных» цитат из их писем и дневников. Правда, это всё же скорее задача не публикаторов, а после-

дующих исследователей. Тем не менее, в какой-то мере её решение Репниковым намечено (с. 443, 486, 532, 556–567, 566–567, 572). Подводя итог, нельзя не признать, что рецензируемое издание отличается высокой археографической культурой, которая всё реже встречается в наше время, когда публикацией источников зачастую называют скоропалительные перепечатки (в чём-то такая литература даже хуже репринтов, поскольку невольно увеличивает количество неточностей и опечаток). Книга же А.В. Репникова и Б.С. Котова, несмотря на незначительные недостатки, может служить образцом профессионального подхода к делу.

Примечание

¹ Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1–5. М., 1989–2007; Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2005; Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010; Революционная мысль в России XIX – начала XX века: энциклопедия. М., 2013; и др.

Константин Обозный

Рец. на: А.А. Кострюков. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М.: ПСТГУ, 2015. 488 с.

Konstantin Obozniy

(St. Philaret's Christian Institute in Moscow, Russia)

Rec. ad op.: A.A. Kostriukov. Russkaia Zarubezhnaia Tserkov' v 1939–1964 gg. Administrativnoie ustroistvo i otnosheniia s Tserkov'iu v otechestve. Moscow, 2015

Доктор исторических наук А.А. Кострюков уже много лет успешно изучает историю Русской Зарубежной Церкви в XX в. Осветив в предыдущих работах годы становления её структуры и управления, а также отношения с Церковью в Советской России в 1920–1930-е гг.¹, в своей новой книге историк подробно описывает

особенности жизни, служения, мировоззрения и взаимоотношений её иерархов с предстоятелями других православных поместных церквей в 1939–1964 гг. – от начала Второй мировой войны до смерти первоиерарха Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) митрополита Анастасия (Грибановского), которая за-

вершила целую эпоху в судьбе русского церковного зарубежья и почти совпала со сменой руководства в СССР. Ранее эта тема, хотя и привлекала внимание исследователей, но рассматривалась ими лишь частично и не всегда беспристрастно².

Исследование Кострюкова написано на основе широкого круга источников, многие из которых до этого не анализировались историками. Среди них – материалы ГА РФ и ЦА ФСБ РФ, документы из архивов Отдела внешних церковных связей Московского патриархата, Архиерейского Синода РПЦЗ, Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле и Русской духовной миссии Московского патриархата в Иерусалиме. Тщательно проработаны автором и церковные периодические издания русского зарубежья: «Вестник РСХД», «Православная Русь», «Церковная Жизнь», «Церковный вестник Западно-Европейской епархии», «Хлеб Небесный». Монография состоит из четырёх глав, библиографического списка, именного указателя и приложения, включающего подборку документов. Издание украшают фотографии архиереев Русской Зарубежной Церкви, некоторые из них публикуются впервые.

В самом начале монографии кратко характеризуется положение Русской Зарубежной Церкви в 1920–1930-х гг., автор рассказывает о возникновении зарубежного Высшего церковного управления и сложности канонических оснований деятельности Зарубежного Синода. Справедливо полагая, что «1927 г. вполне может считаться началом разделения между Церковью в России и Церковью в эмиграции» (с. 31), Кострюков указывает на последовавшие затем размежевания: уже во второй половине 1920-х гг. от Зарубежного Синода в Сремских Карловцах обособились Северо-Американский округ во главе с митрополитом Платоном (Рождественским) и Западно-Европейский экзархат, находившийся под управлением митрополита Евлогия (Георгиевского) и с 1931 г. оказавшийся в юрисдикции Вселенского патриархата. По мнению исследователя, попытки объединения русских православных общин в Европе натолкнулись «на нежелание митрополита Евлогия выходить из юрисдикции константи-

нопольского патриарха» (с. 35). Однако причины этого не поясняются. Между тем владыка не мог не считаться с неприязнью некоторых архиереев Зарубежного Синода к Парижскому Свято-Сергиевскому Православному институту и его декану прот. Сергию Булгакову, к творчеству религиозных философов и богословов, составляющему важную часть духовного наследия Западно-Европейского экзархата.

В книге признаётся влияние монархических кругов на деятельность Зарубежного Синода, но отмечается, что в отличие от своего предшественника митрополита Антония (Храповицкого), «митрополит Анастасий, симпатизируя монархии, тем не менее смотрел на эмигрантские политические течения прагматически, стараясь получить от них пользу» (с. 48–49). В 1930–1940-е гг. Зарубежный Синод поддерживал связи с различными антибольшевистскими силами от Всероссийской фашистской организации А.А. Вонсяцкого до Юношеской христианской ассоциации (УМКА) и Русского студенческого христианского движения, «если это сулило выгоду» (с. 49). Но «ни одно из политических движений не было столь значительным, чтобы влиять на РПЦЗ», а те или иные симпатии и увлечения отдельных церковных деятелей никогда не выражали общую позицию зарубежных иерархов (с. 50–51).

Внимательно анализируется в монографии отношение Зарубежного Синода к режиму Гитлера. Как отмечает Кострюков, руководство РПЦЗ понимало, насколько глубоко чужда христианству идеология нацизма, основанная «на началах принуждения» (с. 61). Вместе с тем в 1936 г. Берлинская и Германская епархия РПЦЗ получила «статус корпорации публичного права», т.е. была легализована и пользовалась покровительством государства (с. 56). Естественно, за богослужением в её храмах возносились молитвы о правительстве и «вожде народа германского» (с. 57). Это не могло не отразиться и на положении русских православных приходов в Германии, не входивших в подчинение Зарубежному Синоду (особенно «евлогианских»). Согласно законам Германии, православное духовенство должно было управляться из единого центра,

признанного государственной властью, поэтому приходы Западно-Европейского экзархата должны были войти в сферу канонического влияния РПЦЗ, значительная их часть под прямым давлением Министерства церковных дел оказалась вынуждена перейти в юрисдикцию Зарубежного Синода³. В 1938 г. в ходе торжественного освящения Воскресенского кафедрального собора в Берлине, построенного с разрешения и при серьёзной материальной поддержке немецкого правительства, митрополит Анастасий прочёл благодарственный адрес, направленный Гитлеру, и вознёс молитву за вождя Германии. Впоследствии первоиерарха РПЦЗ не раз осуждали за это, забывая, что отношение к нацистскому руководству в мире в конце 1930-х гг. было более чем терпимым, о чём свидетельствовали и мюнхенские соглашения 1938 г., и пакт о ненападении между СССР и Германией 1939 г.

Рассматривая административные и епархиальные преобразования в РПЦЗ в условиях Второй мировой войны и изменения государственных границ, автор довольно подробно освещает идеологию Зарубежной Церкви и восприятие её паствой и пастырями Московской церковной власти, намерений нацистов, а затем и нападения Германии на СССР. Кострюков не разделяет укрепившееся в историографии представление о полной и безусловной поддержке III рейха духовенством РПЦЗ. Конечно, немалая часть эмиграции (в том числе и православной), с нетерпением ожидавшая освобождения родины от большевиков, увидела в начавшейся в июне 1941 г. войне реальный шанс свергнуть коммунистическое правительство. Однако ни нацистскому режиму, ни гитлеровским планам расчленения России клирики и епископы Зарубежной Церкви не сочувствовали (с. 86). Некоторые архиереи действительно призывали молиться за германскую армию и её солдат – «самоотверженных борцов против безбожников», но Зарубежный Синод в официальных документах никогда не заявлял о поддержке Германии и не давал указаний служить молебны о победе вермахта (с. 90). В то же время некоторые священнослужители Зарубежной Церкви запрещали своей пастве вступать в воинские форми-

рования, сражавшиеся на стороне Германии, поддерживали антифашистское сопротивление и даже молились за победу советского народа (с. 89). В целом же, по словам автора, «отношения между гитлеровским руководством и Зарубежным Синодом не сложились» (с. 91): сказывались и осторожность митрополита Анастасия, и недоверие властей III рейха к служителям православной Церкви, в которой они интуитивно ощущали силу, способствующую консолидации русского народа. Поэтому, стремясь к уничтожению России, они последовательно шли к своей цели, ослабляя православие, поощряя раскольничьи и националистические тенденции, раздробляя церковные образования на различные юрисдикции на оккупированных территориях и не допуская на них церковно-миссионерской деятельности Зарубежного Синода. Церковная эмиграция, мечтавшая о сильной и единой России, освобождённой от большевиков, поддерживать подобную политику не могла.

Но при этом большинство епископов и клириков Зарубежной Церкви не признавали каноничность избрания патриарха Сергия (Страгородского) в Москве в сентябре 1943 г., не без основания считая, что собор епископов, на котором и состоялись выборы, проводился по указанию Кремля, преследовавшего собственные интересы. В октябре 1943 г. второе восстановление патриаршества в СССР обсуждалось на совещании архиереев РПЦЗ в Вене. Хотя в его подготовке активно участвовали чины РСХА, как утверждает автор, «было бы неправильно считать это мероприятие всего лишь пропагандистским актом германской идеологической машины» (с. 108). Примечательно, что на совещании не присутствовали представители немецких служб, а в составленном епископами меморандуме, направленном затем германскому правительству, содержались элементы критики политики рейха в отношении «остовцев». Собравшиеся в Вене иерархи отказались признать митрополита Сергия патриархом и возносить за него молитвы «как за главу Всероссийской Церкви» (с. 111). Однако это решение было обусловлено отнюдь не только политическими или идеологическими соображениями, участники совещания еди-

ногласно указывали на то, что прошедшие в Москве выборы серьёзно нарушали правила, установленные Поместным собором 1917–1918 гг., согласно которым патриарха мог избрать только Поместный собор, где право решающего голоса имели бы как епископы, так и клирики и миряне. Между тем в Москве в выборах патриарха участвовала лишь небольшая группа архиереев, не отражавшая позицию всей Церкви. При этом автор приводит примеры скрытого сочувствия и даже одобрения выборов патриарха некоторыми заграничными иерархами, например, митрополитом Литовским и Виленским Сергием (Воскресенским), экзархом Прибалтики, и митрополитом Феофилом (Пашковским), возглавлявшим Северо-Американскую митрополию (с. 107).

Немало места в своей работе Кострюков уделяет изменениям, происходившим в жизни РПЦЗ в последние месяцы войны. Это не только перемещение резиденции Синода Зарубежной Церкви из Югославии в Германию, но и численный рост русских православных приходов более чем в 5 раз, что было обусловлено огромным числом «остарбайтеров», военнопленных и эмигрантов «второй волны». Вместе с вермахтом освобождавшиеся территории СССР часто покидали бывшие епископы и клирики Московской патриархии, многие из которых присоединялись к Зарубежной Церкви, где их принимали без особой процедуры покаяния (с. 117), хотя некоторая часть РПЦЗ не скрывала холодности и равнодушия к нуждам бежавших от советских войск, высокомерно считая их «испорченными» жизнью при коммунистической диктатуре (с. 120). К сожалению, явно недостаточно освещается в книге духовное окормление клиром РПЦЗ лагерей «перемещённых лиц» (DP) на территории Германии. Эта важнейшая тема ещё ждёт своих исследователей.

Лишь мимоходом, буквально в одной строчке, Кострюков упоминает о благословении митрополитом Анастасием генерала А. А. Власова и его армии. У автора это не вызывает осуждения, поскольку «сам Власов не разделял ни нацистской идеологии, ни гитлеровских планов расчленения России» (с. 90). Между тем в декабре 1944 г. митрополит Анастасий писал:

«В политическом же отношении надо всем объединиться вокруг Власова, ибо никого другого, кто имел бы возможность собрать русские силы для борьбы с коммунизмом, сейчас налицо нет»⁴. Епископы и клирики Зарубежной Церкви присутствовали среди прочих «представителей» при провозглашении в Праге манифеста Комитета освобождения народов России, а протоиерей Александр Киселёв выступил с речью, приветствуя его от лица Русской Церкви⁵. Примечательно, что Власов поддерживал появление в своих частях полковых священников, и в феврале 1945 г. Зарубежный Синод назначил архимандрита Серафима (Иванова) протопресвитером военного духовенства Русской Освободительной армии (РОА)⁶. Именно Власов спас митрополита Анастасия от наступающей Красной армии. 15 апреля 1945 г. по личному приказу генерала митрополит с келейником и чудотворной Курской иконой Божией Матери были вывезены на штабном автобусе из Карлсбада на юг Германии и оказались затем в американской зоне оккупации⁷. В середине августа 1945 г. сам митрополит Анастасий и его представители неоднократно обращались к командующему американскими войсками генералу Д. Эйзенхауэру, протестуя против репатриации солдат и офицеров РОА в СССР. О генерале Власове и его подчинённых, казнённых в СССР, за рубежом вспоминают до сих пор. На местах выдачи советским репатриационным комиссиям власовцев и других лиц, включая эмигрантов первой волны, установлены памятные знаки, ежегодно совершаются заупокойные службы. В 1946 г. на панихиде по чинам РОА митрополит Анастасий произнёс проповедь «о тех, кто положил свою жизнь в борьбе с коммунистической диктатурой, кто, зная свою обречённость, принёс свою жизнь на алтарь Родины во имя высоких идей христианства и справедливости»⁸.

Анализируя процессы, протекавшие в первые послевоенные годы, Кострюков рассказывает о перешедших под юрисдикцию Москвы православных клириках и епископах в Китае, Болгарии, Германии и Чехословакии, а также обо всех сложностях неудавшейся попытки присоединения к Московскому патриархату приходов

Северо-Американской митрополии и Западно-Европейского экзархата. При этом автор справедливо отмечает особое значение советской пропаганды, которую поддерживали не только специальные организации («Союз возвращения на родину» и т.п.), но и церковные иерархи – митрополит Николай (Ярушевич), архиепископ Григорий (Чуков) и др. Присоединение представителей Зарубежной Церкви к Московскому патриархату, как правило, проходило мирно, и «чин открытого покаяния не предусматривался» (с. 128), несмотря на то, что ещё в 1934 г. митрополит Сергей (Страгородский) и Временный Патриарший Синод выпустили документ о запрещении карловацких епископов и предании их церковному суду⁹.

В третьей главе монографии говорится о событиях второй половины 1940-х гг. и преодолении кризиса в Зарубежной Церкви. Подробно характеризуя епархиальное устройство РПЦЗ того времени, автор пытается раскрыть непростые отношения Зарубежного Синода с Северо-Американской митрополией. И хотя исследователь явно симпатизирует РПЦЗ, собранный им материал свидетельствует о том, что причиной разрыва этих ветвей церковной эмиграции стало взаимное стремление к преобладанию. Так, в 1946 г. Северо-Американская митрополия рассматривала «вопрос о подчинении себе анастасиевских приходов во всём мире» (с. 183). В свою очередь, Зарубежный Синод планировал переезд в США, собираясь продолжить свою деятельность там, где прежде приоритет оставался за Северо-Американской митрополией. В итоге в ноябре 1946 г. большинство участников собора, проходившего в Кливленде, высказались за прекращение административного подчинения Зарубежному Синоду. Это было сделано, по мнению Кострюкова, вследствие усиления сторонников автокефалии, рассчитывавших получить её от Московской патриархии и дистанцировавшихся от РПЦЗ, чтобы снискать благоволение Алексия I. При этом на соборе в Кливленде никто не думал о подчинении Москве, а о патриархе говорили лишь как о «духовном главе», который не будет вмешиваться во внутренние дела Северо-Американской митрополии (с. 186). В марте

1947 г. Архиерейский Синод РПЦЗ окончательно констатировал разрыв и объявил о восстановлении своих приходов в США, что положило начало существованию двух юрисдикций русской церковной эмиграции в Северной Америке (с. 193).

В этом конфликте отчётливо проявилось сосуществование в русском православном рассеянии двух типов церковности. Северо-Американская митрополия и Западно-Европейский экзархат демонстрировали открытость к инославному окружению и готовность принять в свои приходы коренное население, что в перспективе способствовало развитию местного православия, нуждавшегося в независимости и автокефалии¹⁰. Для РПЦЗ, напротив, идея какого-либо обособления была неприемлема, поскольку Зарубежный Синод по-прежнему считал себя частью Православной Российской Церкви, временно (до падения коммунистического строя) находящейся за границей (с. 243). Это лишь усиливалось определённой политизированностью и консервативностью иерархов РПЦЗ, сохранявших особую приверженность до-революционным нормам и идеалам. Так, на совещании архиереев РПЦЗ критиковался принятый в Северо-Американской митрополии порядок церковного управления «при котором миряне имели право решающего голоса наравне с архиереями» (с. 193). Тем самым в РПЦЗ отказывались от важнейших решений Поместного собора 1917–1918 гг. Впрочем, весьма далеко ушла от этих принципов и православная Церковь в Советской России.

Последняя глава монографии освещает положение Русской Зарубежной Церкви после переезда её Синода в США (1950–1964 гг.). В частности, анализируются изменения в административном устройстве, отношения с Московской патриархией и другими поместными церквами, представления иерархов о своей исторической миссии и проч. Кострюков констатирует, что с годами позиция РПЦЗ становилась всё более жёсткой и в октябре 1953 г. состоялось решение архиерейского собора «о принятии клириков Московской патриархии через публичное покаяние» (с. 279–282). Это на

долгие годы закрепляло конфликт между двумя частями некогда единой Церкви. Однако, как указывает исследователь, отдельные клирики и епископы (например, архиепископ Иоанн (Максимович) не отрицали благодатности Русской Православной Церкви в СССР и относились к её служителям без осуждения (с. 293).

В эти годы в СССР нарастала новая волна гонений на христиан, связанная с политикой Н.С. Хрущёва. Митрополит Анастасий и другие представители РПЦЗ неоднократно выступали с «обвинениями в адрес московской церковной власти», отрицавшей притеснение верующих (с. 289). Фактически прерваны были и отношения с православными церквями в странах Восточной Европы, которые находились в сфере влияния Москвы и не признавались Зарубежным Синодом (с. 303).

Решив в 1950 г., что «участие православных христиан в экуменических организациях... недопустимо» (с. 310), Архиерейский Синод РПЦЗ серьёзно разошёлся с Вселенским патриархатом. Разрыв с поместными церквями ещё более увеличился после того, как некоторые иерархи открыто поддержали греческое старостильное движение, совершив хиротонии пяти епископов (с. 317). Всё это подготавливало условия для ускорения самоизоляции РПЦЗ. Одновременно чем слабее становился митрополит Анастасий, тем сильнее разгоралась борьба между различными группами, а после его отхода от дел стремительная радикализация Зарубежной Церкви и кризис власти принесли «свои горькие плоды» (с. 318, 333).

Следует признать, что книга А.А. Кострюкова является важным событием в отечественной историографии и помогает избавиться от многих пропагандистских штампов и предрассудков, оставшихся ещё с тех времён, когда Зарубежная Церковь представлялась многим, в том числе православным гражданам СССР, олицетворением контрреволюции и политической реакции. Вместе с тем Кострюков создал замечательный портрет митрополита Анастасия (Грибановского) – человека, имевшего свои сильные и слабые стороны, но сумевшего в трудное время сохранить вверенную ему Зарубежную Церковь и не допустить её капитуляции

перед безбожными режимами Германии и СССР. Надеясь на будущее воссоединение Русской Православной Церкви, временно разделённой идеологическими барьерами, он сожалел не только о жертвах, но и о мучителях, потерявших образ Божий. «Самое их царство на земле является неким преддверием ада, – говорил он о коммунистах, – в котором мучаются и страдают все – и угнетаемые, и угнетатели, ибо служение злу никому не приносит истинной радости» (с. 276). Однако, несмотря на явную симпатию к владыке, автор монографии объективно и даже критически оценивает исторический путь, пройденный РПЦЗ в 1940–1960-е гг.

Примечания

¹ *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов: Организация церковного управления в эмиграции и его отношение с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007; *он же.* Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011; *он же.* Архиепископ Серафим (Соболев): жизнь, служение, идеология. М., 2011.

² *Корнилов А.А.* Духовенство перемещённых лиц: Биографический словарь. Н. Новгород, 2002; *Косик В.* Русское церковное зарубежье. XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. М., 2008; *Шкаровский М.В.* История русской церковной эмиграции. СПб., 2009.

³ *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 224.

⁴ Цит. по: *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь и власовское движение // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 171.

⁵ Там же. С. 164–165.

⁶ *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь и власовское движение // Вестник церковной истории. 2007. № 1(5). С. 221.

⁷ Там же. С. 224.

⁸ Там же. С. 227.

⁹ *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. М., 2007. С. 497.

¹⁰ *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 251–255.

Юлия Бирюкова

Julia Biriukova

*(Institute of Service And Business (Branch of Don State Technical University),
Shakhty, Rostov Region, Russia)*

В новой монографии А. А. Кострюкова тщательно исследовано положение Русской Зарубежной Церкви в 1939–1964 гг., включая внутренние разногласия в среде православной эмиграции, юрисдикционные споры, административные и епархиальные преобразования, взаимоотношения с Западно-Европейским экзархатом Константинопольского патриархата и Северо-Американской митрополии, московской церковной властью и другими поместными церквями. До сих пор большая часть этих сюжетов оставалась практически неизученной, как и многочисленные делопроизводственные документы Русской Зарубежной Церкви, указы, звания, официальная и частная переписка её иерархов, тщательно проработанные автором монографии. Чтение книги облегчают краткие биографические сведения о часто упоминаемых лицах, именной указатель, список сокращений и уникальные фотографии представителей духовенства и некоторых архиерейских соборов. Особую ценность представляет приложение, в котором опубликовано 39 документов русской церковной эмиграции, относящихся к 1938–1959 гг.

Обозревая состояние Русской Зарубежной Церкви накануне Второй мировой войны, Кострюков отмечает, что её Синод дистанцировался от политических партий, хотя и испытывал влияние правых настроений, преобладавших в эмигрантской среде. Сохранение определённой свободы (поскольку ни одно из правительств не требовало от эмигрантов активного содействия своей политике и даже диктаторские режимы могли влиять лишь на одну–две епархии) позволяло иерархам обличать коммунистическое государство и религиозные гонения в СССР (с. 61–62). Между тем начало Второй мировой войны заметно ослабило связи Зарубежного Си-

нода с епархиями. Созванный в этих условиях в 1939 г. Архиерейский собор оказался малочисленным, что не помешало ему принять ряд важных административных и идеологических решений и, в частности, признать вел. кн. Владимира Кирилловича вождём русской эмиграции (с. 83–85). Вследствие расширения рейха и увеличения территории Германской епархии (главным образом за счёт приходов Западно-Европейского экзархата, которые, впрочем, как показывает автор, обладали довольно большой самостоятельностью) статус её главы был повышен сначала до архиепископа, а затем до митрополита (с. 64–65). При этом отношение к РПЦЗ в Германии было неоднозначным: если Министерство церковных дел ей покровительствовало, то Главное управление имперской безопасности и руководство национал-социалистической партии стремились ограничить её влияние, наметив в будущем её ликвидацию (с. 70). Связь с епархиями, находившимися на территориях Японии и Китая, у Зарубежного Синода, пребывавшего в Югославии, несколько лет практически отсутствовала.

Несмотря на то, что гитлеровское руководство проводило свою церковную политику, стараясь, по возможности, расколоть поместные православные церкви, Архиерейский Синод Зарубежной Церкви достаточно смело выступал против таких попыток. Так, руководство РПЦЗ в годы войны возражало против предоставления автокефалии церковным структурам в Польше и на Украине, а также организации по решению хорватского диктатора А. Павелича неканоничной Хорватской православной церкви. Архиепископ Гермоген (Максимов), которому в силу ряда причин пришлось её возглавить, подвергся со стороны Русской Зарубежной Церкви прещениям (с. 74–77). Тревожило

церковную эмиграцию и то, что на присоединённых к СССР землях Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики создавались крупные экзархаты, а местные архиереи фактически устранялись от управления своими епархиями (с. 78–79). В этих условиях некоторые иерархии РПЦЗ выражали надежду на свержение большевиков и освобождение Церкви силой германского оружия, в то время как другие считали победу Германии катастрофой (с. 86–87). Так или иначе, как доказывает Кострюков, благословения гитлеровскому режиму Архиерейский Синод не давал и об одобрении нацистской политики никогда не заявлял.

По-разному относился зарубежный епископат и к избранию московским патриархом митрополита Сергия (Старгородского). Глава РПЦЗ митрополит Анастасий (Грибановский) видел в нём ставленника атеистической власти, но иные авторитетные иерархи – митрополит Феофил (Пашковский), архиепископы Виталий (Максименко), Тихон (Троицкий), Леонтий (Туркевич) и некоторые другие не считали это достаточной причиной для непризнания его патриаршего достоинства. Прошедшее в Вене в 1943 г. под председательством митрополита Анастасия Архиерейское совещание, созванное по инициативе Главного управления имперской безопасности Германии, объявило возведение митрополита Сергия на патриарший престол неканоничным политическим актом (с. 111). При этом, демонстрируя свою независимость, участники совещания не позволили немецким офицерам находиться в зале заседаний. Одобрив ряд решений, направленных на борьбу с большевизмом, они также критиковали то, как германские власти обращались с рабочими, вывезенными из России в Германию (с. 108–109).

Отношение РПЦЗ к патриарху Алексию I было ещё более враждебным. В Зарубежной Церкви его рассматривали как человека, готового выполнять волю безбожного руководства (с. 113–115). Это отразилось и в документах состоявшегося в 1948 г. съезда Западно-Европейской епархии РПЦЗ, и в прессе. В это время в эмиграции распространилось мнение, что патриарх Сергей, в отличие от своего пре-

емника, шёл на компромиссы ради Церкви, не ища личной выгоды. Особое неприятие за рубежом вызывали славословия Алексея I в честь Сталина (с. 115). Вместе с тем восстановление структур церковного управления в Москве, разгром Германии и неопределённость дальнейшей судьбы Зарубежного Синода способствовали началу воссоединения эмигрантского духовенства и Московской патриархии, позиции которой постепенно укреплялись (с. 168–169). Однако присоединение к ней Западно-Европейского экзархата в 1945 г. оказалось временным, не состоялось и намечавшееся объединение с Северо-Американской митрополией, желавшей, как выяснилось, полной независимости (с. 247). Значительная часть эмиграции, дорожившая принципами церковной свободы и нормами, заложенными Поместным собором 1917–1918 гг., считала более естественным подчинение константинопольскому патриарху. Активная просоветская агитация сторонников Московской патриархии вызывала раздражение за рубежом (с. 213, 219).

Между тем изменение политики по отношению к Церкви в СССР в период Великой Отечественной войны оказалось призрачным: «Предоставив Церкви видимость внешней свободы, государство стремилось сделать всё, чтобы она не выходила из-под контроля и при этом верно служила властям» (с. 222). Открыв в 1943–1947 гг. около тысячи храмов, власть к 1953 г. вновь закрыла почти столько же (с. 220–221). Функции «Союза воинствующих безбожников», прекратившего своё существование, перешли к «Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний». Уже в послевоенные годы были арестованы митрополит Нестор (Анисимов), архиепископы Антоний (Марценко) и Вениамин (Новицкий) (с. 221). Всё это разрушало надежду на реальное улучшение положения Церкви в СССР. Более того, с 1958 г. гонения вновь усилились, а контроль государства над органами церковного управления стал ещё жёстче. Соответственно, и духовенство Московской патриархии, служившее в Западной Европе и Америке, не пользовалось доверием правительств, видевших в этих священниках советских шпионов и

создававших для них массу препятствий. Неудивительно, что к концу 1940-х гг. и особенно после переезда Зарубежного Синода в США в 1950 г. РПЦЗ начала стремительно возвращать свои былые позиции.

Потребность в независимой Зарубежной Церкви среди эмиграции действительно была велика. В 1956 г. Архиерейский собор принял «Положение о Русской Православной Церкви за границей», определившее принципы её внутреннего устройства. Однако растущее недоверие к иерархам Московского патриархата (и особенно к архиереям, поразительно быстро делавшим церковную карьеру) и их просоветским выступлениям на международных форумах (например, на Родосском совещании) становилось проблемой для самой РПЦЗ (с. 284–287). Постепенно она стала считать себя «чистой Церковью», голосом свободной части русского православия, обличающим ложь коммунистического государства, подчинившего своей воле «осквернённую» Московскую патриархию. Сотрудничая с коммунистами (отрицая преследования, защищая советскую идеологию, служа панихиды о упокоении Сталина), патриаршая Церковь уже не воспринималась как гонимая. За рубежом даже появилась иллюзия, будто в России существует и «чистое» православие – оппозиционная «Катакомбная церковь». Соборно заявляя о неканоничности патриархов Сергия и Алексия, РПЦЗ начала принимать клириков, переходивших из их юрисдикции, через покаяние. Ни о каком воссоединении в такой обстановке не могло быть и речи в силу явной идеологической несовместимости. При этом официальные отношения поместных церквей с Москвой, а также споры о церков-

ном календаре и экуменизме выталкивали РПЦЗ на периферию мирового православия. Вместе с тем и действия Московской патриархии, по мнению автора, «только углубляли пропасть между частями русского православия» и должны рассматриваться «в контексте боготорческого порабощения», поскольку с их помощью советское государство стремилось взять в свои руки «кадровую политику зарубежных церковных структур» (с. 330–331).

Конечно, некоторые авторские суждения и оценки представляются спорными. В частности, говоря о деятельности патриаршего экзарха в Америке митрополита Вениамина (Федченкова), автор находит её просоветской, и полагает, что позиция владыки отнюдь не была аполитичной (с. 201–204). Однако подобные обвинения трудно признать достаточно обоснованными и убедительными, поскольку ни логика действий митрополита Вениамина, ни изменение его отношения к Северо-Американской митрополии в книге не анализируются. Но в целом монография А.А. Кострюкова – насыщенное документами и фактами, оригинальное и предельно честное исследование, раскрывающее мотивы действий иерархов Русского Зарубежья, позволяющее лучше понять их падения и взлёты. Его необходимо учитывать, размышляя не только о судьбах эмиграции, но и о том, какую цену пришлось заплатить Церкви в России за право на существование и насколько оправданным оказалось превращение её управленческих структур в орудие советской внешней политики, всё же позволявшее, при всей сложности отношений с государством, иногда дистанцироваться от власти и защищать интересы верующих.

Книга о советском «поколении Спутника»*

Anatoliy Avrus (Saratov, Russia),

Anna Goloseyeva (Russian State University for the Humanities, Moscow)

The Book about Soviet Sputnik generation

Издательство «НЛО» выпустило в свет книгу известного американского историка-русиста Дональда Рейли «Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и своей стране». Д. Рейли – профессор Университета Северной Каролины (г. Чапел-Хилл), ученик профессора Университета Индианы Александра Рабиновича. Ещё обучаясь в аспирантуре (1970-е гг.), он обратился к изучению событий, происходивших в Саратовской губ. в 1917 г. С тех пор регион и его жители остаются одной из главных тем его научных изысканий¹. Получив возможность посещать Саратов и изучать местные архивы в 1990-е гг., он в течение более 15 лет кропотливо собирал интересующий его материал.

В начале 2000-х гг. Рейли начал работать над новым сюжетом – устной историей поколения, окончившего среднюю школу в 1967 г. и образно названного им «поколением Спутника» (сам учёный является его ровесником). Авторская задумка заключалась в том, чтобы с помощью интервью проследить жизненный путь выпускников нескольких советских школ на протяжении десятилетий и выяснить, что его определило, какую роль в этом сыграли школа, родители, друзья, общая атмосфера в стране и т.п. Интересовало исследователя и то, как бывшие школьники воспринимали текущие события и коренные перемены, произошедшие в Советском Союзе и в Российской Федерации на протяжении их жизни. Результатом исследования стали две монографии², последняя из которых переведена на русский язык и является объектом данной рецензии.

Книга необычна по структуре и оригинальна по содержанию. В течение не-

скольких лет Рейли брал интервью у выпускников 20-й московской и 42-й саратовской школ (обе с углублённым изучением английского языка), а также у двух учеников, покинувших последнюю до окончания. Всего информантами стали 31 человек из 42-й школы (свыше 50% выпуска) и 29 из 20-й школы (35%). Из числа саратовцев были опрошены 13 мужчин и 18 женщин. Абсолютное большинство происходило из семей интеллигенции (родители – преподаватели, научные работники, инженеры); у троих отцы были партийными работниками, у одного – военнослужащий, двое – из рабочих семей. Среди москвичей опрошено 18 мужчин и 11 женщин. Среди них не было «пролетариев», напротив – в числе информантов внук А.И. Микояна, сын народного артиста СССР М.И. Прудкина; трое происходили из семей военнослужащих.

Все опрошенные москвичи и саратовцы успешно окончили школы, а затем получили высшее образование. В выборе ими высших учебных заведений заметны довольно большие различия: так, семеро опрошенных саратовцев (почти 25%) выбрали своей профессией медицину, а из москвичей – только один. Больше среди саратовцев преподавателей и научных работников (в области физики и математики). Среди москвичей же несколько выпускников закончили МГИМО и перешли на дипломатическую работу. Интересно, что поступивших на факультеты иностранных языков в Саратове больше, чем в Москве, половина из окончивших 42-ю школу всю жизнь занималась преподавательской деятельностью (в основном учили студентов и школьников английскому языку). Среди москвичей таких единицы.

* *Рейли Д.* Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране / Пер. с англ. Т. Эйдельман. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 544 с., ил.

2 саратовцев и 6 москвичей в постсоветский период занялись бизнесом. В эмиграции оказалось 6 человек из саратовской школы (3 в США, по одному в ФРГ, Нидерландах, Израиле), из московской таких 10 (большинство в США).

Рейли использовал методику устной истории. Интервью продолжались от 1 до 3 ч и проходили в форме свободного диалога с записью на диктофон. Проводились они при личных встречах в Москве, Саратове, городах США, а с эмигрантами в Израиле и на Кипре – по телефону. Следует отметить, что 10 интервьюируемых попросили сохранить их инкогнито.

Автор книги стремился узнать не только о школьных годах, но обо всех этапах пройденного его вези жизни пути, о том, какую роль сыграла школа, насколько пригодились полученные в ней знания. Не ограничиваясь этим, Рейли старался выявить источники формирования мировоззрения людей, которых он по аналогии с американским поколением назвал «бэйби-бумерами»³. «Чтобы осознать, что значит “жить по-советски” в условиях холодной войны, – пишет исследователь, – я стремился ответить на пять главных вопросов. Кто и что определило мировоззрение поколения холодной войны во время их взросления? Что мы можем узнать из историй их жизни о “советской мечте” и особенно о всё более усиливавшемся после 1945 года интересе к частной жизни, об ослаблении марксистской идеологии и о судьбе Советского Союза? Как они преодолевали трудности сложного процесса перехода к постсоветской России, который последовал за крахом коммунизма в 1991 году? Каким образом их жизненный опыт воспроизводит и одновременно трансформирует российское общество эпохи холодной войны и после неё. Другими словами, каким образом их личные истории помогают нам понять процесс передачи культурного наследия от одного поколения к другому?.. Чем воспоминания тех, кто вырос в Москве, отличаются от тех, чьё детство прошло в закрытом для иностранцев, а значит, и для многих непосредственных проявлений иностранного влияния провинциальном городе?» (с. 15). Доброжелательность профессора, хорошее знание русского языка, умение «разговорить» каждого интервьюируемо-

го, работоспособность, тщательная подготовка к каждой встрече – всё это позволило получить обширный уникальный материал для ответов на поставленные вопросы.

Несомненной удачей Рейли стало то, что он избрал объектом исследования не только столичную школу, но и провинциальную (да ещё в «закрытом городе»). Благодаря этому удалось выявить существенные различия в положении москвичей и саратовцев (прежде всего в отношении открытости и закрытости к внешнему миру), что, несомненно, сказалось на формировании их мировоззрения. В то же время на всём протяжении работы подчёркивается, что в главном (в первую очередь в восприятии своей страны, её порядков) москвичи и саратовцы были близки, все они – советские люди, среди них не было диссидентов.

Конечно, автор книги прекрасно понимал (и часто напоминает об этом в тексте), что интервьюируемые учились в элитных школах, их родители в абсолютном большинстве принадлежали к интеллектуальному слою советского общества, среде партийных функционеров, офицеров достаточно высокого ранга. Поэтому получился срез не всего общества, а только части его. Однако, по мнению Д. Рейли, именно она сыграла немаловажную роль в событиях перестройки и постсоветского периода благодаря своему хорошему образованию, знанию английского языка, лучшему знакомству с жизнью за рубежом, более критичному отношению к перспективам построения коммунистического общества.

Помимо исторической ценности книга Рейли представляет несомненный интерес для социологов и антропологов культуры. На примере высказываний информантов автор показывает, как общество трансформировалось под воздействием политических и ценностных изменений. Примечательно, что многие представления и социальные практики, о которых рассказывают герои книги, не вызывают у них потребности в немедленной и радикальной переоценке всего личного опыта проживания в уже не существующей стране. Они скорее наслаиваются на актуальный опыт и новые обстоятельства жизни, независимо от того, живёт человек в России или эмигрировал.

Следует отметить, что автор проследивает эволюцию взглядов конкретных людей на достаточно большом хронологическом отрезке времени. Читатель может понять, какие факторы повлияли на изменение ими оценок тех или иных событий своей жизни или, наоборот, на сохранение прежнего отношения к прошлому. Надо иметь в виду, что ретроспективный взгляд интервьюируемых на собственное прошлое не является результатом глубоких рефлексий и раздумий. Мы имеем дело лишь с воспоминаниями, которые «всплывают» в памяти в процессе беседы и носят довольно случайный характер. Здесь важнее всего спонтанная, эмоциональная реакция на личную историю, попытка взглянуть на себя с определённой дистанции. В конечном счёте герои книги создают собственную мифологию исторического прошлого. Этот факт представляет большой научный интерес.

Что же определило мировоззрение советских «бэйби-бумеров»? Их рассказы о своём детстве и школьных годах позволили автору сделать вывод о значительной роли семьи, причём нередко дедушки и (особенно) бабушки играли даже большую роль, чем родители. Почти у всех хотя бы один из родителей состоял в партии, не случайно выпускники обеих школ были комсомольцами, а значительная часть затем вступила в КПСС, причём, как признавались сами интервьюируемые, многие это делали из карьерных соображений. Интересно отметить, что никто из выпускников не назвал себя идейным коммунистом, но некоторые отмечали, что таковыми были их дедушки, бабушки и родители.

У некоторых «бэйби-бумеров» бабушки оставались религиозными, хотя никто из них не был фанатично предан какой-либо конфессии. Определённое религиозное влияние оказывали в семьях, в основном московских, няни, приехавшие из сельской местности. Некоторые интервьюируемые сами в раннем детстве были крещены, часто в тайне от родителей, однако о своей принадлежности к религии не вспоминали почти до конца перестройки. Рейли справедливо отмечает слабую религиозность населения Советской России, поэтому вряд ли можно согласиться с его же выводом в первой главе, что

наличие в речи оборотов типа «Господи помоги» или «Боже мой» свидетельствует о религиозности. Чаще всего это были просто речевые штампы.

Ещё одним фактором, оказавшим влияние на формирование «поколения Спутника», была коммунистическая пропаганда, которая обрушивалась на детей уже в детском саду и усиливалась в студенческие годы. Однако любопытно: большинство опрошенных отмечало, что для преподавателей, особенно английского языка, она была на заднем плане, своей главной задачей они считали научить школьников иностранному языку, воспитать из них людей европейской культуры. По мере взросления, уже в старших классах, а затем в вузах и на работе, «бэйби-бумеры» всё более скептически воспринимали то, что им преподносила пропаганда, всё чаще слушали зарубежные радиостанции (в этом им помогало знание английского), встречались с иностранцами и выезжали за рубеж (в том числе и в капиталистические страны), проникались мыслью «вот бы нам так “загнить”». Рейли отмечает, что в этом москвичи имели явное преимущество перед саратовцами из-за закрытости города.

Выпускники 1967 г. признавались, что на формирование их мировоззрения оказали влияние все значимые для страны события времени их взросления: с одной стороны, полёт Гагарина в космос, успехи советских учёных в области математики и естественных наук, улучшение социальной обеспеченности советских граждан, с другой – подавление социализма «с человеческим лицом» в Чехословакии, ввод советских войск в Афганистан. Они не могли не замечать маразма советских лидеров, разницы в качестве жизни в СССР и за рубежом (даже в странах социалистического лагеря, таких, как ГДР, Чехословакия, Венгрия). Отсюда двойственность сознания: фактически все они – патриоты России и многие из них испытывают ностальгию по брежневскому времени, но в то же время сумели найти себя в условиях постсоветской эпохи и не мыслят возврата к советскому прошлому.

Интересно отметить, что «поколение Спутника» неоднозначно оценивало советских и постсоветских лидеров: Хрущёва, Брежнева, Андропова, Горбачёва,

Ельцина, Путина. Только Черненко получил однозначно негативную оценку. В деятельности остальных практически все опрошенные видели и позитивные, и негативные результаты. Оценки деятельности Путина давались в основном по итогам первого срока его президентства, отмечалось, что в стране наступила стабильность, начался подъём экономики, вырос уровень жизни значительной части населения. Несмотря на критические замечания по поводу деятельности и поведения Горбачёва и Ельцина, в целом поколение «бэйби-бумеров» поддерживало их курс на демонтаж советской системы и переход к рыночной экономике. В этом выпускники элитных школ, более подготовленные к жизни в новых условиях, явно отличаются от большинства российского населения, оценивающего этих двух лидеров резко отрицательно.

Интервью показывают, что все опрошенные со школьных лет отрицательно воспринимали деятельность Сталина, но долгие годы верили мифу о «добром дедушке Ленине». Правда, как кажется, разочарование в Ленине наступило позже, чем на то указывают интервьюируемые. На этом примере можно наблюдать механизм действия такого явления, как абберация памяти.

«Поколение Спутника» вступало в жизнь в эпоху, когда на Западе активно развивалась молодёжная культура. Она опосредованно воздействовала на советских учащихся. Все признали, какое огромное влияние оказало на них творчество «битлов», а затем и других зарубежных музыкальных групп. Совместное прослушивание труднодоступных в СССР западных песен являлось важным культурным маркером, определявшим принадлежность к избранным, «своим», в противовес остальной массе населения. Более того, таким образом некоторая часть советской молодёжи могла ощутить единство с мировой молодёжной культурой и образом жизни в обход политических и идеологических границ. Рейли делает вывод о революционном значении для складывания мировоззрения молодёжи появления магнитофонов, позволявших записывать и распространять то, что запрещала цензура.

Интересные результаты получены автором при изучении отношения интервьюируемых к национальным проблемам в СССР. Здесь на первое место вышел «еврейский вопрос», так как в исследуемых школах только две национальности были представлены массово: русские и евреи. Последние составляли значительный процент учащихся: в московской школе у 50% выпускников были еврейские корни, а в саратовской – у 18%. В саратовской школе также заметный процент составляли дети, происходившие из татар и немцев Поволжья. Правда, в школьные годы ученики не знали, к какой национальности кто принадлежал. Часто о происхождении становилось известно лишь в перестроечные времена (и не только о национальном, но и о сословном). С серьёзными ограничениями выпускники впервые сталкивались при поступлении в вузы, когда часть абитуриентов отсеивалась из-за «пятой графы». Рейли делает вывод, что в 1960–1970-е гг. государственный антисемитизм в Советском Союзе был сильнее, чем бытовой.

Автору монографии удалось встретиться и побеседовать с рядом выпускников 1967 г., которые в период перестройки и позднее эмигрировали из СССР и РФ. Любопытно, что в отличие от прошлых волн эмигрантов «бэйби-бумеры» в качестве причин отъезда часто называли экономический фактор или возможность получения интересной работы. На политические же преследования не ссылался никто. Из эмигрантов еврейского происхождения только один саратовец оказался в Израиле. При этом все уехавшие сохранили российское гражданство, некоторые даже впоследствии вернулись домой, большинство приезжает на родину и подчёркивает: они могут вернуться в любой момент, никто их не преследовал при отъезде и никто не препятствует возвращению. Рейли считает такое положение одним из ярких проявлений перемен, произошедших в стране, доказательством успехов в деле демократизации России.

Много внимания автор уделил отношениям поколения выпускников с их детьми и получил любопытные результаты. Выяснилось, что большинство «бэйби-бумеров» имеет семьи, но многие состояли на момент интервью во втором

браке. У большинства были дети, но чаще всего один ребёнок. Они не слишком близки с собственными детьми, называют их «другим поколением», лишённым многих черт советских людей: они более раскованны, открыты, лишены страхов, присущих предшественникам, меньше интересуются политикой, больше семьёй и карьерой. Рейли выявил интересную закономерность: осуждая современную молодёжь в целом, «поколение Спутника» очень хвалит своих собственных детей, даже не всегда понимая их устремления.

Беседуя с выпускниками, учёный выяснил, что знания, полученные в школе и вузе (особенно по английскому языку), воспитание в семье, поддержка школьных друзей – всё это помогло исследуемому поколению пережить перестройку и трудные 1990-е гг., вписаться в новые общественные и экономические отношения. Почти все московские интервьюируемые вступили в пенсионный возраст с сознанием того, что они не даром прожили жизнь, что им многое удалось сделать из задуманного, что их не сломили многочисленные трудности на жизненном пути. Сложнее с этим аспектом у саратовцев, так как среди них было больше преподавателей вузов, особенно пострадавших в материальном отношении и из-за снижения авторитета профессии.

Рейли интересовали такие стороны бытовой жизни его героев, как отношение к курению, наркотикам, алкоголю, сексу. Выяснилось, что в школьном возрасте большинство юношей начинало курить, но почти все затем прекратили. Среди девушек таких было немного. С алкоголем практически все также познакомились в школьные годы, некоторые даже злоупотребляли, но опасной эта привычка стала только у одного. Насколько можно понять из интервью, в те годы наркотики не имели хождения в советских школах. Что касается секса, то многие интервьюируемые отмечают, что в их школьные годы это было редким явлением, думают, что некоторые юноши и девушки на самом деле просто болтали о своих сексуальных подвигах, а на деле сохраняли девственность до окончания школы. Интересные сведения получил интервьюер от опрошенных по вопросу о соприкосновении в школьные годы с криминальным миром.

Оказалось, что некоторые саратовские школьники в дворовых компаниях знали местных авторитетов криминального мира и даже иногда пользовались их покровительством. Среди москвичей таких не нашлось.

Судя по тону, каким написана книга, и сделанным в ней выводам, автор безусловно испытывает симпатию к нашей стране и её жителям, стремится понять их, выявить предпочтения, разобраться в поведении. Он видит трудности на пути России к обществу рыночной экономики и демократии, но не даёт рецептов их преодоления. Однако он верит, что Россия сумеет выйти из кризисного состояния. Главная идея автора, проходящая через всю работу, состоит в том, что, несмотря на 40 лет развития в мирной обстановке и условиях относительной стабильности, «поколение Спутника» не только эволюционировало, но и революционизировалось. Поэтому оно не растерялось при распаде СССР и сумело воспринять новое состояние общественных отношений.

Несмотря на все свои достоинства, труд не лишён недостатков. Прежде всего, некоторые выводы автора носят слишком обобщающий характер – видимо, порой он забывает, что исследовал только небольшой срез советского общества. В книге часто подчёркивается, что интервьюируемые имели лучшую подготовку, чем выпускники других школ Москвы и Саратова. Но это относилось только к знанию английского языка. Существовавшие уже в то время физико-математические школы давали более фундаментальные знания по профильным предметам. Во введении автор очень удачно провёл сравнение советских и американских школьников и атмосферы в учебных заведениях, но в главах почти отказался от этого приёма, чем, на наш взгляд, снизил уровень работы. Высказывания интервьюируемых использованы для заголовков глав и подглав в целом удачно, но они не всегда отвечают содержанию. Например, заголовок одной подглавы в 3-й главе звучит так: «Мы были циничным поколением», но это мнение только одного опрошиваемого, его нельзя распространять на всех.

Есть в книге и отдельные фактические неточности: в 1946 г. партия называлась ВКП(б), а не КПСС (с. 18); неверно, что все, поступавшие в вузы, должны были быть

комсомольцами (с. 153); вызывает сомнение вывод о том, что время от Сталина до Горбачёва – период стабильности (с. 233); сам Горбачёв был не министром сельского хозяйства, а секретарём ЦК КПСС, ответственным за эту сферу (с. 382).

Однако в целом мы высоко оцениваем труд нашего американского коллеги и желаем ему новых успехов на научном поприще. Книга должна, по нашему мнению, побудить отечественных историков и социологов заняться изучением с помощью методики устной истории других слоёв российского общества, чтобы получить максимально широкую картину сдвигов, происходивших в сознании советских людей в эпоху позднего социализма и перестройки.

Евгений Кодин

Рец. на: Sheila Fitzpatrick. A Spy in the Archives: A Memoir of Cold War Russia. L.; N.Y.: I.B. Tauris & Co Ltd, 2014. 346 p.*

Evgeny Kodin
(*Smolensk State University, Russia*)

Rec. ad op.: Sheila Fitzpatrick. A Spy in the Archives: A Memoir of Cold War Russia. L.; N.Y.: I.B. Tauris & Co Ltd, 2014

В 2003 г. в Нью-Йорке вышел сборник воспоминаний американских историков об их приключениях во время посещения России (Советского Союза)¹. Двадцать авторов (в том числе Н.В. Рязановский, написавший учебник по российской истории, шесть раз издававшийся в США) представили читателю очерки с интересными, по их мнению, сюжетами о пребывании в нашей стране во время изысканий в её архивах и библиотеках.

Шейлы Фицпатрик среди них не было: возможно, потому, что её, выросшую в Мельбурне (Австралия), получившую образование и степень в Англии, работавшую в университетах США и вновь вернувшуюся на историческую родину, трудно отнести к

Примечания

¹ См.: *Raleigh D.J. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov*. Ithaca, 1986 (русское издание: *Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове*. Саратов, 1995); *idem. Experiencing Russia's Civil War: Politic, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Princeton; Oxford, 2002.

² *Raleigh D.J. Russia's Sputnik Generation: Soviet Baby Boomers Talk About Their Lives*. Bloomington, 2006; *idem. Soviet Baby Boomers. An Oral History of Russia's Cold War Generation*. Oxford, 2012.

³ Бэйби-бумеры от английского «baby-boom» – компенсационное увеличение рождаемости, обычно наступающее после войны. Впервые этот термин был применён к американскому поколению, родившемуся во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.

американским историком. Однако в стороне от увлекательного жанра воспоминаний о далёком советском опыте она не осталась. В 2007 г. она рассказала о своих «первых шагах по российским архивам» в интервью редактору журнала «Критика...»², через несколько лет издала рецензируемую работу «Шпион в архивах...», а затем представила ту же тему в одной из статей³.

По поводу общей оценки замысла и содержания книги важно следующее: хотя она адресована западному учёному сообществу, но более полезной будет для российского читателя. Это издание – памятник советской эпохе полного недоверия, сокрытия тайн, недопущения к архивным материалам не только иностранных, но и отечественных исследователей, вселилия

* *Фицпатрик Ш. Шпион в архивах: воспоминания о России эпохи холодной войны*. Лондон, Нью-Йорк: I.B. Tauris & Co Ltd, 2014. 346 с.

чиновничьих «нет», «нельзя», перлюстрации архивных записей, безжалостного вырезания из пронумерованных тетрадей «компрометирующих» и персонифицированных данных. В таких условиях писать объективную историю страны было крайне тяжело, иностранцам – труднее в разы: холодная война и обоюдный образ врага делали своё дело.

Уникальность рецензируемого издания состоит в том, что оно представляет собой воспоминания, основанные на источниках, вызывающих безусловное доверие, – ежедневных дневниковых записях и многочисленных объёмных письмах Шейлы, отправленных матери в Австралию из Москвы, содержащих детальные характеристики, оценки людей и событий 1960-х гг. В итоге получилась честная, добрая книга, с эмоциями и переживаниями, без наслоений сегодняшнего дня. Своей непредвзятостью и объективностью работа Фицпатрик, безусловно, заслуживает издания на русском языке.

В книге много личного (вплоть до интимных отношений), но автор не переходит условной черты дозволенного – всё воспринимается как органическая часть жизни простого человека с его ежедневными чувствами и проблемами. Здесь нет признаний в любви к Советскому Союзу, благодарности за полученную возможность работать с архивными и библиотечными коллекциями, что в итоге позволило ей подготовить и успешно защитить диссертацию. Работа исследовательницы – о преодолении бытовых, бюрократических и идеологических трудностей советской действительности, без прикрас и лакировки. Картина предстаёт далеко не радужной, но параллельно показанный ею антисоветизм в умах и поведении части британской академической элиты вызывает гораздо большее неприятие, нежели необустроенность советского быта.

Фицпатрик выросла в Мельбурне, в семье, исповедовавшей левые взгляды. Самые достойные студенты Мельбурнского университета получали право дальнейшего обучения в Англии, преимущественно в Оксфорде и Кембридже. Среди них оказалась и Шейла. Получив приглашение сразу от двух университетов, она выбрала колледж Святого Антония Оксфордского университета, который сразу

её разочаровал: «Он оказался интеллектуально слабым (по крайней мере, в сфере моих интересов) и полным самолюбования и снобизма» (р. 2). Здесь считалось, что советскую историю следует писать, опираясь на сведения дипломатии и разведки, без привлечения каких-либо источников. А научный руководитель Фицпатрик Макс Хейворд, работавший до 1955 г. в британском посольстве в Москве, ставший персоной нон-грата, был ярким антикоммунистом.

Определив для своей будущей диссертации тему, посвящённую наркомунпросвещения А.В. Луначарскому, Шейла нуждалась в архивных материалах. К тому времени железный занавес холодной войны частично приоткрылся и академический обмен между СССР и Западом расширился. Так Фицпатрик оказалась в МГУ, где работала с сентября 1966 по июль 1967 г. Непривычный для неё быт в общежитии надо было как-то налаживать. Приведу лишь две из её многочисленных страноведческих зарисовок. Первая касается магазинов: «Покупки были настоящим кошмаром, с переполненными магазинами, полупустыми полками, давкой в очередях и неряшливыми, грубыми продавщицами: чтобы что-то купить, надо было вначале пробиться к прилавку, посмотреть, что там есть и сколько стоит, затем опять пробиться назад и занять очередь в кассу, заплатить и, в конце концов, стать в очередь в третий раз, чтобы отдать чек и получить свою покупку» (р. 63). Вторая зарисовка – об условиях работы в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР) и Государственной библиотеке им. В.И. Ленина: «В архиве не было никакой еды, кроме того, что ты приносил с собой, а еду в столовой библиотеки... описать просто невозможно» (р. 187). Здесь же в письме, адресованном матери, она указывает, что год, прожитый в Оксфорде до приезда в советскую столицу, был «наихудшим» в её жизни (р. 57). «Теперь Москва, – пишет Шейла, – стала моим городом... Я не хотела покидать Москву, и меня охватывал страх, когда я думала о возвращении в Оксфорд, где я была так несчастна» (р. 253, 263). Подобных оценок в книге немало, в том числе сравнительных, хотя сделанных и не специально.

Перед отъездом в Советский Союз, отмечает Шейла, британских студентов инструктировали, как избегать проблем с КГБ, настраивали на то, что любой, с кем они будут общаться в стране, мог оказаться шпионом. Им нельзя было заводить друзей, поскольку те, во-первых, также являлись шпионами, во-вторых, таковыми считали и всех иностранцев (р. 82). В книге приводятся примеры того, как сотрудники КГБ «отрабатывали» Фицпатрик в общежитии МГУ и архиве, как менялись судьбы молодых советских людей из-за их активных контактов с иностранцами. Но здесь же описаны и другие случаи. Так, показаны отношения Шейлы с семьёй И.А. Саца, который многие годы был литературным секретарём Луначарского и оказал ей бесценную помощь в правильном понимании событий, ставших предметом её исследования. На заданный ею вопрос, почему он не боится, что она шпионка, Сац со смехом отвечал: уж «шпиона узнал бы сразу» (р. 163).

Однако «настоящей шпионкой» Фицпатрик стала в 1968 г. – во время своей второй стажировки в Москве. В эту категорию её записала советская пресса как одного из западных учёных (которые «прикрываются научными исследованиями, а на самом деле занимаются дезинформацией, так же как агенты разведслужб»), «буржуазного шпиона» и «идеологического диверсанта» (р. 1). И не удивительно, заключает автор, то был период холодной войны, и «любой, работавший по теме Советского Союза, рисковал стать шпионом в глазах Советов» (р. 1). Но в отношении конкретно молодой австралийки отрицательную роль сыграло и учебное заведение, из которого она прибыла в Москву – на Западе и в СССР его считали «колледжем шпионов» (в нём работало много отставных сотрудников разведывательных органов).

Шейла стала одним из первых иностранцев, исследования которых основывались на советских архивных материалах. Западные историки, занимавшиеся Россией, обобщает она, оказывались «необыкновенно консервативны: всё ещё оставалось принятым считать, что российская история была остановлена революцией, а всё, что было после, относилось к сфере политологов» (р. 170). Фицпатрик оценивает это как «явное предубеждение», такое

же, как и неприятие в основных научных библиотеках каталожного раздела по Советскому Союзу. Поэтому вполне обоснованным представляется её утверждение: «Я была у истоков рождения нового научного направления: советской истории» (р. 171).

Правда, добиваться разрешения работать в архивах ей пришлось несколько месяцев. В книге описываются «бесконечные хождения по чиновникам, которые требовали всё новые и новые документы, и их совсем не волновало, сколько времени вы на это тратили» (р. 174). В итоге допуск в госархив она получила, но попасть в партийный архив Фицпатрик удалось... только через 20 лет.

Работу в архиве Шейла описывает так: «Каждый день я находилась там с самого утра и до закрытия, прерывая свою работу один раз за весь день, с тем чтобы сходить (вначале в сопровождении, потом без) вниз по лестнице в женский туалет» (р. 178). Поиск материалов осложнялся тем, что иностранным исследователям не выдавали описи и не позволяли пользоваться каталогами. Номера дел заказывались наугад или по ранее сделанным выпискам из сноска в прочитанных монографиях или диссертациях. Для иностранцев имелся отдельный читальный зал (советским исследователям вход туда был запрещён), помощи ждать было не от кого.

«Фонд Наркомпроса» ЦГАОР Фицпатрик называет «золотым дном», благодаря которому она «поняла, как работала советская система, и больше никто, потому что они никогда не видели советского госархива» (р. 184). Здесь она имеет в виду всех западных советологов, которые были уверены в монолитности системы государственного управления в СССР, что не соответствовало действительности. Каждое политическое решение, делает вывод автор на примере материалов «Наркомпроса», «принималось с боями», нередко по политико-идеологическим расхождениям (р. 183). И чтобы ни происходило на самом верху, следующий уровень советской политики «определялся конфликтом разных бюрократических интересов» (р. 185). Это были первые выводы Шейлы по результатам её работы в архиве.

«Самое лучшее для меня, – пишет автор, – было найти что-либо, о чём Советы

не хотели, чтобы я знала, а западные ястребы холодной войны не хотели слышать, поскольку это усложняло простую антисоветскую историю» (р. 209). В этом ключе интересны оценки Фицпатрик сложных недружеских отношений между известными британскими советологами – Леонардом Шапиро и Эдвардом Карром. Первый называл второго «просоветским миротворцем», а тот охарактеризовал своего оппонента как «эмигрантского ястреба холодной войны» (р. 288). Отсюда становятся понятными и их оценки диссертации австралийской исследовательницы, и многолетняя дружба последней с Карром.

«Лето в Оксфорде после моего возвращения, – вспоминает Шейла, – было ещё более худшим временем, чем годом раньше» (р. 278). Она вновь подала заявку на грант и во второй раз прибыла в Москву по студенческому обмену весной 1968 г. – опять в МГУ. К тому времени «Советская Россия» зачислила её в разряд «квази-шпионов» (р. 281). А Фицпатрик уже «приросла к Москве», хотя понимала, что здесь остаться не сможет, как и возвратиться в Австралию после смерти отца, и жить в Англии, где чувствовала себя несчастной. «Я находилась где-то между мирами, но я не знала, в каком направлении я движусь, если я вообще куда-то двигалась» (р. 293). В третий раз она получила визу на поездку в Москву (на пять месяцев начиная с октября 1969 г.) и вернулась... в «ничем не изменившееся общежитие МГУ».

Результатом работы Фицпатрик в Москве стали её диссертация, посвящённая Луначарскому и Наркомпросу, книга «Комиссариат просвещения» (опубликована в

1971 г. в издательстве Кембриджского университета), статьи в престижных научных журналах, солидная документальная основа на базе материалов ЦГАОР, бесценный опыт человеческого общения и понимание Советского Союза изнутри.

Одновременно Шейлы не оказалось в числе тех, кого Советский Союз «атаковал как “буржуазных фальсификаторов” истории». В «так называемую объективную категорию» западных историков (наряду с Карром) её зачислили лишь потому, что, по мнению самой исследовательницы, в 1970-е гг. она попала в кагорту «ревизионистов» (р. 340).

«Была ли я в какой-то степени шпионом?» – в итоге задаётся вопросом Фицпатрик и отвечает, что с позиций советской стороны, скорее всего, да, поскольку хотела «знать о советской истории всё, включая и то, что Советы хотели бы сокрыть» (р. 342). Сегодня Ш. Фицпатрик является желанной гостьей для любого российского университета и часто выступает с докладами на многих крупных научных форумах.

Примечания

¹ *Adventures in Russian Historical Research: Reminiscences of American Scholars From the Cold War to the Present* / Ed. by H. Samuel Baron and Cathy A. Frierson. N.Y.; L., 2003.

² An Interview with Sheila Fitzpatrick // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 8. 2007. № 3 (Summer). P. 479–486.

³ *Fitzpatrick Sh. Impact of the Opening of Soviet Archives on Western Scholarship on Soviet Social History* // *The Russian Review*. Vol. 74. 2015. Issue 3 (July). P. 377–400.

Юбилей Ю.Г. Алексеева

15 апреля 2016 г. исполнилось 90 лет выдающемуся российскому историку, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, старейшему профессору Института истории Санкт-Петербургского государственного университета Юрию Георгиевичу Алексееву. Его труды по истории образования единого Русского государства давно по праву считаются классическими. Он воспитал десятки учеников, многие из которых стали кандидатами и докторами наук.

Путь в науку у Юрия Георгиевича был непростым. Его отец скончался в блокадном Ленинграде, а сам будущий историк пережил в осаждённом городе страшную зиму 1941/42 г. Вместе с другими ленинградцами он помогал тушить «зажигалки». В феврале 1942 г. его вместе с матерью эвакуировали в Тбилиси, где он завершил учёбу в школе и в 1943 г. был призван в армию. С детства Юрий Георгиевич мечтал стать морским офицером. Мечта осуществилась, но в ноябре 1953 г. из-за тяжёлого ранения, полученного во время учений, его уволили в запас в звании старшего лейтенанта. «Мог ли я представить когда-то, – вспоминал недавно Юрий Георгиевич, – что буду не военным человеком, а историком, существом сугубо сухопутным? Я хотел быть военным моряком, плавать на “Авроре”, об этом мечтал и мой батюшка» (Интервью с Ю.Г. Алексеевым. 5 февраля 2016 г. Здесь и далее используются фрагменты записей, сделанных А.С. Пученковым и хранящихся в его архиве).

Выручило то, что ещё в 1949 г. Алексеев поступил в экстернатуру исторического факультета ЛГУ, который закончил в 1954 г. В университете «главным человеком» для него стал научный руководитель и учитель – выдающийся учёный Иван Иванович Смирнов, являвшийся, наряду с Б.А. Романовым, одним из ярчайших представителей ленинградской исторической науки того времени. «Если бы не он, – вспоминал Юрий Георгиевич, – я бы торговал спичками на Апраксином рынке. На черта я кому нужен был? В аспирантуру взял меня... Мой Иван Иванович» (Алексеев Ю.Г. Учитель. Наставники. Друзья // Наш дом на Менделеевской, 5: Воспоминания универсантов-историков. СПб., 2015. С. 11–12). «Благодаря ему, – рассказывал Алексеев 11 декабря 2014 г., – я стал историком; без него, не при дамах будет сказано, я был бы журналистом. Царствие ему небесное. Он был замечательный человек» (Интервью с Ю.Г. Алексеевым).

С 1960 г. до начала 1990-х гг. Юрий Георгиевич работал в «феодалном» секторе Ленинградского отделения Института истории АН СССР. В ЛОИИ тогда трудились молодые ещё Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Н.Е. Носов, В.М. Панеях, М.Б. Свердлов, А.Н. Цамутали, А.А. Фурсенко и многие другие. Стараниями Б.А. Романова и его учеников ЛОИИ стал олицетворением преемственности между научными школами – дореволюционной, ленинградской, а затем и выросшей из неё новой петербургской. Именно здесь достиг творческого расцвета и Ю.Г. Алексеев, защитивший в ЛОИИ кандидатскую (1963) и докторскую (1980) диссертации и проявивший себя как превосходный аналитик и блестящий стилист. Тесные отношения поддерживал Юрий Георгиевич и с московскими коллегами, с А.А. Зиминим они даже приятельствовали. Алексеев всегда высоко оценивал творчество своего друга, а также его «способность писать хорошие тексты с потрясающей скоростью». По его словам, «Зимин был очень честный и порядочный человек, но был очень честолюбив», и к тому же, шутя, «сам всем говорил о том, что он артист, и верить ему в полной мере нельзя». При этом возникали у них и острые споры, например, из-за книги Зимина «Витязь на распутье».

«Я прочитал её ещё в рукописи за один присест, – вспоминал Юрий Георгиевич 11 декабря 2014 г., – был ей очень недоволен, сказал ему, что это “распутный витязь”, и он очень на меня обиделся. Тогда он первый и последний раз был мной очень недоволен, хотя врагами мы не стали, и он меня так и не воспринимал. Врагами он считал тех, кто организовал его травлю за его концепцию о датировке “Слова”...» (Интервью с Ю.Г. Алексеевым).

В 1992 г. Алексеев вернулся на родной факультет уже Санкт-Петербургского университета, где продолжает преподавать и сейчас, сохраняя и передавая традиции, восходящие ещё к С.Ф. Платонову, у которого учился Б.Д. Греков, ставший впоследствии учителем И.И. Смирнова. За почти 60 лет научной деятельности им опубликовано около 200 работ и в том числе – 9 книг, каждая из которых читается легко и увлекательно (*Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966; *он же.* Псковская Судная грамота и её время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980; *он же.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989; *он же.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991; *он же.* «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991; *он же.* Под знамёнами Москвы. Борьба за единство Руси. М., 1992; *он же.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления в XIV–XV вв. СПб., 1998; *он же.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001; *он же.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. Подробнее о взглядах и трудах Ю.Г. Алексеева см.: *Петров К.В.* Юрий Георгиевич Алексеев и его путь в истории // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвящённый 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 6–30; *Штыков Н.В.* Юрий Георгиевич Алексеев – профессор Санкт-Петербургского государственного университета // Русское средневековье: Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2012. С. 3–9). В этих трудах не только воссоздаётся цепь событий XIV–XV вв., но и проясняется мотивация поступков людей той эпохи, а также внутренняя логика превращения порабощённой и раздираемой внутренними противоречиями Руси в могучую и единую Россию.

В центре исследований профессора Алексеева – становление России как единого, крепкого, сильного и мудрого государства. Видимо, не случайно его главным героем стал Иван III, которому посвящена, пожалуй, самая, известная широкому кругу читателей книга Юрия Георгиевича «Государь всея Руси», вышедшая в 1991 г. тиражом 175 тыс. экземпляров (сейчас он кажется просто заоблачным). Сам Юрий Георгиевич говорил 11 декабря 2014 г. об этой книге, написанной в жанре научно-популярной биографии: «Работа, я считаю, мне удалась, хотя “научпоп” я писать не умел. У меня всего две книги в стиле “научпоп”: эта и ещё одна в ленинградском издательстве – «К Москве хотим”. Закат боярской республики в Новгороде». “Научпоп” – очень трудный жанр. Тут требуются особые способности. “Научпоп” – это второй эшелон исторической науки, если считать первым собственно научные исследования, а третий эшелон – учебник» (Интервью с Ю.Г. Алексеевым).

Алексеев всегда был далёк от идеализации тех, о ком писал. «Приукрашивать облик Ивана III, – по мнению историка, – нет ни необходимости, ни возможности. Его образ не окружён поэтическим ореолом. Перед нами – суровый прагматик, а не рыцарственный герой. Каковы бы ни были личные переживания и чувства великого князя Ивана Васильевича, он умел держать их при себе, и они навсегда остались тайной для потомков, как, возможно, и для современников... Величественная и грозная фигура “господаря” заслоняет образ реального человека с его страстями и слабостями. Он был стратегом, дипломатом, законодателем, но прежде всего

строителем нового Русского государства. История Ивана III – история его политической деятельности. В этой деятельности, в её итогах – квинтэссенция его природы, смысл и оправдание его долгой жизни» (Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. С. 226). Он «прозаическими средствами делал прозаическое, но жизненно необходимое дело» (Алексеев Ю.Г. «К Москве хотим»). Закат боярской республики в Новгороде. С. 150). И «за сорок с лишним лет почти непрерывных походов были достигнуты блестящие стратегические результаты, определившие дальнейшие судьбы Российского государства. Бывали проигранные бои, но не было проигранных кампаний. В военной, как и политической истории нашей страны открывалась новая эпоха» (Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 435). Она начинала жить «по московскому времени», и вывезенный из Новгорода вечевой колокол, установленный в Кремле, теперь, наряду с колоколами других русских городов, «отбивал время единого Российского государства» (Алексеев Ю. По московскому времени // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 9 марта).

Исследователь убеждён в том, что «решительная и бесповоротная победа Москвы над Новгородом, великого князя над удельными князьями, общерусского дела над местническими интересами – подлинно великое и прогрессивное историческое событие. Этот важнейший шаг в становлении русской государственности и самосознания предопределил судьбы народов нашей страны» (Алексеев Ю.Г. Под знамёнами Москвы: Борьба за единство Руси. С. 256). Именно при Иване III решался «коренной, фундаментальный вопрос – быть или не быть Русскому государству», и «победа на Угре означает конец ига – восстановление полного национального суверенитета Русской земли» (Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. С. 173).

«Наиболее осязаемый результат» государственной деятельности Ивана III, по мнению Алексеева – Судебник 1497 г., «открывший путь дальнейшему развитию русской государственности». Помимо прочего, его создание свидетельствовало о том, что к тому времени «образование Российского государства стало фактом, получившим международный резонанс. Из “царства теней” Россия вышла на широкую арену европейской и мировой политики» (Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. С. 27, 436). «В новый XVI в. Россия вступила мощным единым государством, – констатирует историк, – добившимся полной политической независимости и международного авторитета. Вооружённые силы страны оправдали своё назначение и обеспечили безопасность России на всех стратегических направлениях. После 1451 г. страна не подвергалась вражеским глубоким вторжениям (а за предшествующие семьдесят лет таких опустошительных вторжений было четыре). Два поколения русских людей не видели на своей земле ни одного вражеского воина, за исключением пленных. Ликвидация феодальной раздробленности (от неё остались только отдельные пережитки) и обеспечение внешней безопасности привели к экономическому подъёму – развитию сельского хозяйства, росту городов и торговли. Материальные успехи привели к подъёму национального самосознания – стала вырабатываться новая политическая идеология, отражавшая новое почётное место России как великой мировой державы (“Третий Рим”))» (Алексеев Ю.Г. Русское войско и военное искусство IX–XVII вв.: Учебно-методическое пособие. СПб., 2015. С. 57).

Вклад Юрия Георгиевича Алексеева в историографию бесценен. Общеизвестны также его порядочность и добросовестность. Среди коллег он обладает заслуженным моральным авторитетом. Знакомясь с Юрием Георгиевичем и посещая его гостеприимный дом, каждый человек навсегда сохраняет к нему

чувство глубочайшего уважения. Тут сказываются и черты его необычайно цельной и яркой личности, и харизма признанного мэтра, и исключительный дар рассказчика, и чеканно точные формулировки как в устной беседе, так и в текстах, и взвешенность и осторожность в оценках, и самоотверженная, буквально неистовая влюблённость в свою профессию, и, конечно же, изумительная эрудиция в различных сферах гуманитарного знания – истории флота и военного искусства, русской и зарубежной литературы, не говоря уже о колоссальном объёме знаний о прошлом России. И только благодаря интеллигентности, подлинному демократизму в общении, отсутствию какого-либо снобизма, природному и абсолютно не наигранному дружелюбию, всё это ошеломляет, но не подавляет собеседника. Вместе с тем при самом уважительном отношении к коллегам Алексеев способен устроить «разнос» тем, кто забывает о высшей ценности – поиске истины или уклоняется от неё.

Будучи глубоко советским человеком и патриотом, Алексеев любит рассказывать о достижениях СССР и личных заслугах Сталина, которого относит к числу наиболее крупных деятелей отечественной истории. Но ему чуждо стремление стусёвывать горькие и печальные обстоятельства тех лет и целый ряд творившихся тогда «страшных вещей». Так, репрессии предвоенной поры стали, по его мнению, «ударом, от которого страна не смогла оправиться до лета 1941 года» (Интервью с Ю.Г. Алексеевым. 5 февраля 2015 г.). Искренне сожалея о распаде Советского Союза, он без особой симпатии относится к его виновникам, но вместе с тем признаёт, что благодаря Б.Н. Ельцину Россия обрела «какую-никакую, но конституцию, и не расплозлась в 90-е годы» (Интервью с Ю.Г. Алексеевым. 15 апреля 2012 г.). «Иван Великий – создатель русского государства, – говорил Юрий Георгиевич 14 января 2015 г., – правильно, что сейчас возрождают слово “россияне”. Когда говорят “Россия для русских”, забывают, что сыновья Ивана Калиты сидели каждый в трёх городах – тогда не было ещё россиян, а все были русские. Сильная власть нужна России, ничего более. Только это – залог того, что наше государство будет существовать, и не столь важно, как оно при этом будет называться – Россия, СССР, Российская империя, Российская Федерация... Лишь бы была жива Россия, наша общая матушка» (Интервью с Ю.Г. Алексеевым).

Являясь ныне патриархом петербургских историков и одним из наиболее крупных исследователей России, профессор Ю.Г. Алексеев нередко выступает на телевидении и радио, размышляет на страницах газет о самых разных проблемах – не только об особенно близкой ему судьбе Московского княжества, но и о развитии военно-морского флота, о войне 1812 года, о сталинских репрессиях и т.д. По широте своего кругозора Юрий Георгиевич, безусловно – образец настоящего университетского профессора.

Многая лета Вам, дорогой Юрий Георгиевич!

А.С. Пученков

Наши авторы

Аврус Анатолий Ихильевич, доктор исторических наук, профессор, почётный профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Амерханова Эльмира Исаковна, кандидат исторических наук, заведующая отделом рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета

Березовая Лидия Григорьевна, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Бирюкова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Православная культура и теология» Института сферы обслуживания и предпринимательства Донского Государственного технического университета (Ростов-на-Дону)

Ватник Нисон Семёнович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна)

Волобуев Олег Владимирович, доктор исторических наук, почётный профессор Московского государственного областного университета

Гайда Фёдор Александрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Голосеева Анна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической социологии Российского государственного гуманитарного университета

Графова Мария Александровна, кандидат искусствоведения, старший преподаватель Департамента международных отношений Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Гросул Владислав Якимович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Ермолаев Игорь Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и стран ближнего зарубежья Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета

Журавлёв Валерий Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России, директор Центра по разработке и реализации межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов Российского государственного архива социально-политической истории

Иванова Наталья Анатольевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Кан Григорий Семёнович, кандидат исторических наук

Кодин Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор, ректор Смоленского государственного университета

Кострикова Елена Гавриловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Козляков Вячеслав Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина

Лукин Павел Владимирович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель главного редактора журнала «Российская история»

Мельникова Елена Александровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Морозова Алла Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Мухин Михаил Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Найдёнова Людмила Петровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Неклюдов Евгений Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

Никифоров Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского

Обозный Константин Петрович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой церковно-исторических дисциплин Свято-Филаретовского православно-христианского института

Пак Чжи-Бэ, PhD, профессор, старший научный сотрудник исторического факультета Университета иностранных языков Хангук (Hankuk University of Foreign Studies), Республика Корея, Сеул

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Пушкарёва Ирина Михайловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник-консультант Института российской истории РАН

Селин Адриан Александрович, доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург

Соловьёв Кирилл Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Хайлова Нина Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Христофоров Игорь Анатольевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Института российской истории РАН, главный редактор журнала «Российская история»

Шевырин Виктор Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Шелохаев Валентин Валентинович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Сюжеты и эпизоды

<i>Е.А. Мельникова</i>	
Англия и Русь: у истоков контактов	3
<i>Чжи-Бэ Пак</i>	
Объём и значение экспорта российских товаров в Великобританию в 1760–1830 гг.	20

Институты и общности

<i>Е.Г. Неклюдов</i>	
Уральские горнозаводчики XVIII – начала XX в.: эволюция исторических типов	35
<i>М.Ю. Мухин</i>	
Советская авиационная промышленность 1940-х гг. и первые реактивные самолёты	44

Идеи и образы

<i>Ю.С. Никифоров</i>	
Визит Н.С. Хрущёва в Ярославль в 1963 г.: образ власти в региональном измерении	56

Дискуссии и обсуждения

Первая российская революция: проблемы и перспективы изучения

<i>К.А. Соловьёв</i>	
Революция обуславливается «слабостью защиты, а не силой нападения»	73
<i>В.Я. Гросул</i>	
Когда началась революция 1905 года?	78
<i>О.В. Волобуев</i>	
Последняя из западноевропейских или первая из революций «третьего мира»? ...	81
<i>Н.А. Иванова</i>	
Стратификация российского общества и революция 1905–1907 гг.	85
<i>И.А. Христофоров</i>	
Момент истины? Первая российская революция и крестьянский вопрос	90
<i>В.В. Журавлёв</i>	
Россия 1905–1907 гг.: в поисках новых граней осмысления	96
<i>В.В. Шелохаев</i>	
Политические партии в Первой российской революции: задачи дальнейшего изучения	101
<i>Н.Б. Хайлова</i>	
«Партия здравого смысла»? Либералы-центристы в начале XX в.	104

<i>А.Ю. Морозова</i>	
Революция 1905–1907 гг. и положение политических заключённых в России	108
<i>Н.С. Ватник</i>	
«Школьная смута» 1905 г. как феномен революции	113
<i>Е.Г. Кострикова</i>	
Первая русская революция в освещении Санкт-Петербургского телеграфного агентства	118
<i>Л.Г. Березовая</i>	
Живописное искусство и революция 1905–1907 гг.	123

Профессия и сообщество

<i>Г.С. Кан</i>	
Ю.А. Пелевин и его исследования	132
<i>И.М. Пушкарёва</i>	
Российское общество в годы Первой мировой войны	138
<i>М.А. Графова, П.В. Лукин</i>	
Новая коллективная монография об истории и культуре средневекового Новгорода.....	156

Обзоры и рецензии

<i>Э.И. Амерханова, И.П. Ермолаев – С.М. Каштанов. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси .....</i>	171
<i>В.Н. Козляков – К.А. Аверьянов, С.А. Ромашов. Смутное время: Российское государство в начале XVII в.: Исторический атлас .....</i>	173
<i>А.А. Селин – Я.Н. Рабинович. Малые города Новгородской земли в Смутное время .....</i>	178
<i>Л.П. Найдёнова – Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. I–II .....</i>	181
<i>В.М. Шевырин – В.В. Шелохаев. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции .....</i>	183
<i>Ф.А. Гайда; А.В. Мамонов – Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. ....</i>	189
<i>К.П. Обозный; Ю.А. Бирюкова – А.А. Кострюков. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве .....</i>	196
<i>А.И. Аврус, А.А. Голосеева – Книга о советском «поколении Спутника» .....</i>	205
<i>Е.В. Кордин – Sheila Fitzpatrick. A Spy in the Archives: A Memoir of Cold War Russia</i>	210
Юбилей Ю.Г. Алексева	214
Наши авторы	218

CONTENTS

Scenarios and episodes

<i>E.A. Melnikova (Institute of World History, Russian Academy of Sciences)</i> England and Russia: the beginning of contacts	3
<i>Ji-bae Park (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Korea)</i> The size and significance of Russian export to Great Britain, 1760–1830.....	20

Institutes and communities

<i>E.G. Neklyudov (Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg)</i> The owners of the Ural mining enterprises from the eighteenth through the early twentieth centuries: evolution of their types.....	35
<i>M.Iu. Mukhin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)</i> Soviet aircraft industry of the 1940s and the first jets	44

Ideas and images

<i>Iu.S. Nikiforov (K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Russia)</i> N.S. Khrushchev's visit to Yaroslavl in 1963: the image of power in regional dimension.....	56

Discussions

The First Russian revolution: problems and perspectives of studying

<i>K.A. Soloviev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)</i> The «weakness of defense», not the «strength of attack» determines a revolution.....	73
<i>V.Ya. Grosul (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)</i> When did the revolution of 1905 begin?	78
<i>O.V. Volobuev (Moscow, Russia)</i> The last of European or the first of the third-world revolutions?	81
<i>N.A. Ivanova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)</i> Stratification of Russian society and the revolution of 1905–1907.....	85
<i>I.A. Khristoforov (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)</i> The moment of truth? The first Russian revolution and the peasant issue	90
<i>V.V. Zhuravlev (Moscow Region State University, Russia)</i> Russia in 1905–1907: looking for the new aspects of research	96
<i>V.V. Shelokhaev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)</i> Political parties in the First Russian revolution: some issues to study.....	101
<i>N.B. Khailova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)</i> «A party of common sense»? Liberal centrists in the early twentieth century	104
<i>A.Iu. Morozova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)</i> The revolution of 1905–1907 and political prisoners in Russia.....	108

<i>N.S. Vatnik (State Social and Humanitarian University, Kolomna, Russia)</i> «School disturbances» in 1905 as a revolutionary phenomenon.....	113
<i>E.G. Kostrikova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)</i> The first Russian revolution interpreted by St. Petersburg Telegraph Agency	118
<i>L.G. Berezovaia (Russian State University for the Humanities, Moscow)</i> The fine arts and the revolution of 1905–1907	123

Professional community

<i>G.S. Kan (Moscow, Russia)</i> Iu.A. Pelevin and his works	132
<i>I.M. Pushkareva (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)</i> Russian society during the First World War	138
<i>M.A. Grafova (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia), P.V. Lukin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)</i> New book on the history and culture of medieval Novgorod	156

Reviews

<i>E.I. Amerkhanova (Nikolay Lobachevsky Scientific Library, Kazan (Volga region) Federal University, Russia), I.P. Ermolaev (Institute of Oriental Studies and International Relations, Kazan (Volga region) Federal University, Russia)</i> Rec. ad op.: S.M. Kashtanov. Issledovaniia po istorii kniazheskikh kantseliarii srednevekovoy Rusi	171
<i>V.N. Kozliakov (S.A. Yesenin Ryazan State University, Russia)</i> Rec. ad op.: K.A. Aver'ianov, S.A. Romashov. Smutnoe vremia: Rossiiskoe gosudarstvo v nachale XVII v.: Istoricheskii atlas	173
<i>A.A. Selin (National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia)</i> Rec. ad op.: Ya.N. Rabinovich. Malye goroda Novgorodskoi zemli v Smutnoe vremia	178
<i>L.P. Naydenova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)</i> Rec. ad op.: Arkhiv stol'nika Andreia Il'icha Bezobrazova. Vol. I–II	181
<i>V.M. Shevyrin (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences)</i> Rec. ad op.: V.V. Shelokhaev. Konstitutsionno-demokraticheskaya partia v Rossii i emigratsii.....	183
<i>F.A. Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia); A.V. Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)</i> Rec. ad op.: Dnevnik L.A. Tikhomirova. 1905–1917 gg	189
<i>K.P. Oboznyi (St. Philaret's Christian Institute in Moscow, Russia); Iu.A. Biriukova (Institute of Service and Business (Branch of Don State Technical University), Shakhty, Rostov Region, Russia)</i> Rec. ad op.: A.A. Kostriukov. Russkaia Zarubezhnaia Tserkov' v 1939–1964 gg. Administrativnoie ustroistvo i otnosheniia s Tserkov'iu v otechestve	196
<i>A.I. Avrus (Saratov, Russia), A.A. Goloseyeva (Russian State University for the Humanities, Moscow)</i> – The Book about Soviet Sputnik generation.....	205
<i>E.V. Kodin (Smolensk State University, Russia)</i> Rec. ad op.: Sheila Fitzpatrick. A Spy in the Archives: A Memoir of Cold War Russia.....	210
Yu.G. Alekseev's Jubilee.....	214
Contributors to this issue	218

РЕДАКЦИЯ

Добычина Е.В., к.и.н.
Круглов В.Н., к.и.н.
Мамонов А.В., к.и.н.
Лисейцев Д.В., д.и.н.
Христофоров И.А., д.и.н.

Мамонова Е.В.
Базанова О.В.
Мац А.Г.

– Отдел Новейшей истории
– Отдел Новой истории
– Отдел Древней и Средневековой истории
– Отдел историографии, источниковедения,
методов исторического исследования
– Заведующая редакцией
– Литературный редактор
– Младший редактор

Сдано в набор 06.04.2016 Подписано в печать 07.06.2016 Дата выхода в свет 23.07.2016 Формат 70 × 100^{1/16}

Печать офсетная Усл.печ.л. 18,2 Усл.кр.-отт. 12,0 тыс. Уч.-изд.л. 25,2 Бум.л. 7,0

Тираж 649 экз. Зак. 292 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт российской истории РАН

Издатель: ФГУП Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 117036 Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 8-499-723-69-10

Оригинал-макет подготовлен ФГУП Издательство «Наука»

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099 Москва, Шубинский пер., 6